S. R. in

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1-2

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1925

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1-2

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—19[illegible]

Главлит № [illegible] Тираж 4.300 экз.
Типография Изд-ва „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“ – Яузский мост, Серебрянническая наб., д. № [illegible]

Вступительные замечания к конспекту „Науки логики" Н. Ленина.

А. Деборин.

Помещаемый ниже Ленинский конспект «Науки логики» Гегеля возбудит, несомненно, среди всех марксистов огромный интерес. Этот «конспект» замечателен во многих отношениях. Он свидетельствует прежде всего о том неослабевающем интересе, который проявляют великие революционеры, начиная от Маркса и кончая Лениным, к учению Гегеля.

Водоразделом между революционными марксистами—с одной стороны и ревизионистами-оппортунистами—с другой, служили всегда *диалектический материализм и материалистическая диалектика*. Ревизионизм всегда «ориентировался» на философию Канта. Революционный же марксизм примыкает с самого своего появления к материалистически переработанной диалектике Гегеля.

Ленин в своем «конспекте» делает правильное замечание, говоря: «я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т.-е. я выкидываю б. ч. боженьку, абсолют, чистую идею».

Если материалистическая диалектика есть поставленная на ноги диалектика Гегеля, то Гегель есть поставленный на голову материализм.

Уже в печатающейся в настоящей книжке журнала части конспекта, охватывающей первую часть Логики Гегеля (Учение о бытии), Ленин делает ряд метких замечаний, имеющих своей целью *материалистически* истолковать Гегеля. Мы не будем приводить здесь примеров, оставляя за собой право вернуться к *содержанию* «конспекта» и его *оценке* после того, как будут расшифрованы и напечатаны все тетради Ленина. На сей раз мы считаем необходимым обратить внимание читателя на *способ* изучения Лениным произведений Гегеля—путем материалистического их истолкования и сопоставления с Марксом и Энгельсом. Ленин изучает Гегеля через призму Маркса и Энгельса, т.-е. *под марксистским углом зрения*.

«Конспект» Ленина во многом напоминает конспекты Маркса. Целые параграфы или страницы выписываются дословно в целях их усвоения и закрепления в памяти.

Приводимые Лениным цитаты, иногда не сопровождаются никакими замечаниями, но уже тот факт, что именно данные положения или мысли остановили на себе внимание Ленина, сви-

детельствует о том, что он считал их особо **важными** или **правильными**. Отсюда, конечно, не следует, что **все** выписки из Гегеля должны быть признаны и мыслями Ленина, т.-е. чтобы он солидаризировался во **всех** случаях с Гегелем. Можно с абсолютной уверенностью сказать, например, что Ленин не соглашался с утверждением Гегеля о том, что «система логики есть царство теней», **свободное** от всех чувственных конкретностей, ибо у Гегеля это царство теней **предшествует** природе и истории. Тем не менее, эта выписка в «конспекте» Ленина имеется. Стало быть, предстоит еще в этом отношении известная **критическая** работа по выделению тех положений, с которыми Ленин соглашался, и тех, которые он отвергал, несмотря на то, что останавливал на них свое внимание. Ленин мог приводить иногда подлинные слова Гегеля, вкладывая, однако, в них иное, т.-е. **материалистическое**, содержание. Во всяком случае, большинство закрепленных на бумаге выписок вошло составной частью в идейный и методологический инвентарь Ленина. Этот факт можно уже сейчас констатировать. Кто знаком с работами Ленина, тот легко заметит, как отразились на них занятия его Гегелем вообще, изучение Логики в частности. Некоторые формулировки «конспекта» повторяются затем в его сочинениях и речах в развитой форме, в связи с исследованием какихлибо конкретных проблем.

Итак, одни выписки встречают со стороны Ленина как бы молчаливую реакцию; он их молча принимает и ограничивается только перепиской их с целью закрепления в памяти.

Другие выписки вызывают реакцию иного рода: **заметки на полях**. Эти заметки опять-таки бывают двух родов: одни сводятся лишь к сокращенным заголовкам, передающим в двухтрех словах самую **суть** соответствующей цитаты. Другие же дают **оценку** приводимой мысли. В большинстве случаев это—положительная оценка Гегелевой мысли. Такие выписки сопровождаются восклицаниями: «тонко и глубоко!» или «очень важно!» и т. п.

Но самый большой интерес представляют самостоятельные формулировки определенных положений. Это **мысли на полях**, вызванные чтением Гегеля. Эти заметки снабжены иногда припиской «En lisant Hegel». Повторяем, что уже печатающийся ниже материал при всей его сырости,—ведь эти записки Лениным не предназначались для печати,—дает возможность проникнуть в ход мыслей Ленина и выделить из Логики Гегеля то, что он считает приемлемым и важным для материалистической диалектики. Но эта тетрадка касается только одной части Логики Гегеля; поэтому полное и связное изложение мыслей Ленина о диалектике можно будет дать лишь по напечатании всех записок.

Во всяком случае, заметки Ленина о Гегеле появляются весьма своевременно. Нечего греха таить: не все обстоит благополучно в наших собственных рядах. Одни товарищи склонны к упрощению и вульгаризации марксизма, в том числе и диалектики. Другие ударяются в вульгарный и механический материализм. Третьи, склоняясь к своеобразному позитивизму, готовы об'явить «схоластикой» диалектику. Четвертые просто переходят на сторону идеализма, Гегелевского ли толка или иного—это безразлично.

Очевидно, что против всех этих уклонений, как и против всякой вульгарщины, в ближайшем будущем закипит жестокая идейная борьба, если не наступит поворота в сторону подлинного диалектического материализма. Мы имеем, впрочем, основание думать и надеяться, что такой поворот наступит, быть может, в результате борьбы, но неизбежно наступит. Толчок в этом направлении даст и «конспект» Ленина. Материалистическое истолкование Гегелевской диалектики, ее дальнейшая разработка является настоятельной задачей. Об этом Ленин вполне своевременно напомнил в своей статье «О значении воинствующего материализма».

Многие товарищи по прочтении какой-нибудь новой книжки, начинают переоценивать диалектический материализм с точки зрения модного автора. А между тем с нашей точки зрения модный автор должен быть подвергнут критической проверке с высоты метода диалектического материализма. Это значит, что мы требуем переработки новейших данных какой-либо области знания с точки зрения материалистической диалектики, в то время как разные «критики», часто не сознавая этого, склонны к «переработке» диалектического материализма с точки зрения **частных** фактов, **частной** науки, Ленин, требуя изучения, истолкования и пропаганды Гегелевской диалектики, вместе с тем подчеркивал, что это нужно сделать, **опираясь** на материалистическую диалектику Маркса-Энгельса.

Метод диалектического материализма является результатом всей **совокупности** человеческого знания. Поэтому он не может быть опровергнут **частными, случайными фактами**, которые сами подлежат критической проверке с точки зрения общей методологии.

«Конспект» Ленина послужит, надеемся, одним из стимулов для дальнейшей разработки диалектического материализма его приверженцами, ибо диалектика является душой марксизма, единственно-правильным научным методом и незаменимым оружием в революционной борьбе пролетариата за социализм.

Печатаемый ниже материал, предоставлен редакции Институтом Ленина, в архиве которого и хранится подлинник. Перевод немецкого текста взят с соответствующих страниц русского издания—из „Науки логики“ в переводе Дебольского.

Рукопись представляет собой обычную школьную тетрадь, на обложке которой рукою Ленина написано: „Тетрадки по философии. (Гегель, Фр-бх и рзн.)“. Дальше: „Hegel. Логика I (с. 1—48)“.

Печатаемый материал содержится в следующих 24 страницах. Он точно воспроизводит содержание и форму рукописи. Она представляет собой конспект „Науки логики“ по немецкому изданию 1833 г. Курсив Гегеля набран курсивом же. То, что подчеркивал Ленин одной или двумя чертами, в таком же виде сохранено и в печати. Русский текст представляет собой перевод цитат из Гегеля и изложение В. И. Вынесенные из текста слова и заголовки: „Замечательно!“; „Против кантианцев“ и т. п. представляют замечания В. И. на полях. Замечания, заключенные в квадраты в соответствии с тем, как это сделано самим В. И. в рукописи, представляют собой собственные мысли В. И. по поводу конспектируемого. В квадратные скобки введены буквы, опущенные В. И. при сокращении слов.

Текст взят из IV ленинского сборника и подготовлен к печати А. Я. Троицким.

Конспект „Науки логики" Гегеля.

Н. Ленин.

На внутренней стороне обложки тетради:

Bern. Log. I, 175.
Hegels Werke.
Bd I Ph. Abhdlg.

II.	*Фен[оменология] духа.*
III - V.	*Наука логики.*
VI - VIII.	*(1 x 2) Энц[иклопед]ия.*
VIII.	*Ф[илософ]ия п[ра]ва.*
IX.	*Ф[илософ]ия истории.*
X.	*(3 част) Эст[е]т[и]ка.*
XI - XII.	*История религии.*
XIII - XV.	*История ф[илософ]ии.*
XVI - XVII.	*Смеш[анные] соч[инения].*
XVIII.	*Ф[илосо]фская пропедевтика.*
XIX.	*1 x 2—п[ись]ма Г[еге]ля и К. Гизо.*

Стр 1.

(Берн: Log. 175) (Brl. 1833).
G. W. Hegels Werke. Bd. III (S. 468).

„Wissenschaft der 'Logik'."

I. Theil. Die objektive Logik.
I. Abtheilung. Die Lehre von Seyn.

Полное заглавие.
G. W. Fr. Hegels Werke
Vollst. Ausgabe durcq
einen Verein von Freunden des Verewigten:
Marheineke, Schulze,
Gans, Henning, Hotho,
Michelet, Förster.

Bd. III, 5—остроумно о логике: это-де „предрассудок", будто она „учит мыслить" (как физиология „учит переваривать"??).

...„die logische Wissenschaft, welche die eigentliche Metaphysik od. reine spekulative Ph-ie ausmacht" (6)... [1]).

...„Ф-ия не может брать своего метода у подчиненной науки—математики" (6—7).

„Sondern es kann nur *die Natur des Inhalts* seyn, welche sich in wissenschaftlichen Erkennen *bewegt*, indem zugleich diese *eigne Reflexion* des Inhalts es ist, *welche seine Bestimmung* selbst erst setzt u. erzeugt" (7) [2]).

(Движение научного познания—вот суть).

„Рассудок (Verstand) дает определения" (bestimmt), разум (Vernunft) отрицает, он диалектичен, ибо он определения рассудка сводит в ничто (in Nichts auflöst) (7). Соединение того и

---

[1]) ...наука логики, составляющая собственно метафизику или чисто-умозрительную философию.

[2]) Но им (таким методом) может быть лишь природа ее содержания, движущаяся в научном познании, при чем вместе с тем собственная рефлексия содержания сама полагает и производит его определения.

другого, — ‖ „рассудочный разум или разумный рассудок“ (7) = позитивное. *Стр. 2.*

Отрицание „простого“... „Geistige Bewegung“ (7)[3])... Auf diesem sich selbst konstruirenden Wege allein ist die Ph[ilosoph]ie fähig, objektive, demonstrierte Wissenschaft zu seyn“ (7—8)[4]).

тут гвоздь, по моему

(„Сам себя конструирующий путь“ = путь действит. познания, познавания, движения (зачеркнуто: „от познания к знанию“).

Характерно! Движение сознания „wie die Entwickelung alles natürlichen und geistigen Lebens“[5]), покоится на „натуре чистых сущностей, составляющих содержание Логики“ (Natur der reinen Wesenheiten).

Перевернуть: Логика и теория познания д. б. выведена из „развития всей жизни природы и духа“.

Д. с. п.: предисл. к I изд. ‖

Предисл. к II изд. *Стр. 3.*

Замечательно! „Царство мысли представить философски, т.-е. в его собственной (NB) имманентной деятельности, или, что то же, в его необходимом (NB) развитии“ (10).

„Известные формы мысли“—важное начало, „die leblosen Knochen eines Skeletts“ (11)[6]).

нужно не leblosen Knochen[7]), а живая жизнь.

История мысли = история языка?? Связь мышления с языком (китайский язык м. пр. и его неразвитость: 11), образ. существительных и глаголов (11). В нем. яз. иногда слова имеют „entgegengesetzte Bedeutung“ (12)[8]) (не т-ко „различные“, но и противоположные)—„радость для мысли“...

понятие силы в физике—и полярности („противоположности *неразрывно* (курс. Гег.) связанные 12“). Переход ‖ от силы к полярности—переход к „высшим Denkverhältnisse“[9]) (12). *Стр. 4.*

Пр[иро]да и „das Geistige“[10]). NB еще S. 11... „Stellt man aber die Natur überhaupt, als das Physicalische, dem Geistigen ge-

---

[3]) ...движение духа...

[4]) Лишь этим строящим самого себя путем философия способна стать об'ективною доказательною наукою.

[5]) ...как развитие всякой естественной и духовной жизни...

[6]) ...безжизненные кости скелета.

[7]) Безжизненные кости.

[8]) ...противоположные значения

[9]) . мысленные отношения...

[10]) Духовное.

genüber, so müsste man sagen, dass das Logische vielmehr Uebernatürliche ist... [11]).

Логич. ф[ор]мы Allbekanntes sind, [зачеркнуто: „aber"] но... „was *bekannt* ist, darum noch nicht *erkannt* [12])" (13).

Unendlicher Fortschritt [13]) „освобождение форм" „мышления" от материала (von dem Stoffe),—представлений, желаний etc., выработка общего (Платон, Аристотель): начало познания...

„Лишь после того, как все необходимое было на-лицо,... люди начали ф[илосо]фствовать"—г[ово]рит Аристотель (13—14) и он же: досуг египетских жрецов, начало матем. наук (14).

Занятие „чистыми мыслями" предполагает „einen weiten Gang voraus, den der Menschengeist durchgemacht haben muss [14]).

„Интересы двигают жизнью народов".

В таком мышлении „schweigen die Interessen, welche das Leben der Völker u. der Individuen bewegen" [15]) (14).

Категории логики суть *abbreviaturen* [16]) („epitoniert в др. месте) „бесконечной массы" von Einzelheiten des äusserlichen Daseyns u. der Thätigkeit (15) [17]). В свою очередь эти категории *die|nen* [17a]) людям на прак[ти]ке („in dem geistigen Betrieb lebendigen Inhalts in dem Erschaffen u. Auswechseln") (15) [18]).

Стр. 5.

Отношение мышления к интересам и влечениям.

„Von unseren Empfindungen, Trieben, Interessen sagen wir nicht wohl, dass sie uns dienen, sondern sie gelten als selbständige Kräfte u. Mächte, so dass wir selbst diess sind" (15) [19]).

И о мысли формах (Denkformen) нельзя сказать, ч[то] они нам служат, ибо они проходят „через все наши представления" (16), они суть „Das Allgemeine als solches" [20]).

[об'ективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека—ср. дальше противоположение] „als des subjektiven Denkens" und „des objektiven Begriffs der Sache selbst" [20a]). Мы не можем „über die Natur der Dinge heraus" (16) [20b]).

Против кантианства.

И замечание против „критической ф[илосо]фии" (17). Она представляет себе отношение между „тремя терминами" (мы, мышление, вещи) так, что мы стоим „посредине" между вещами

---

[11]) Но если вообще противопоставлять природу, как физическое, духовному, то следовало бы сказать, что логическое есть скорее сверхприродное.

[12]) Общеизвестны; то, что известно, еще не познано вследствие этого.

[13]) ...бесконечный прогресс

[14]) ...длинный путь, уже пройденный человеческим духом.

[15]) ...смолкают интересы, движущие жизнью народов и неделимых (индивидов).

[16]) ...сокращения

[17]) ...частностей внешнего существования и деятельности.

[17a]) служит.

[18]) ...в духовном обороте живого содержания, в создании и обмене.

[19]) О наших ощущениях, стремлениях, интересах мы, правда, не говорим, что они нам служат, но они считаются самостоятельными силами, так что мы сами и есть это.

[20]) ...общее, как таковое... [20a]) суб'ективного мышления и об'ективного понятия самой вещи... [20b]) выйти за пределы природы вещей.

и мышлением, что эта средина „разделяет“ (abschliesst) нас „вместо того, чтоб соединять“ (zusammenschliessen). На это, говорит Гегель, надо ответить „простым замечанием“, что „самые эти вещи, кои будто бы стоят по ту сторону (jenseits) наших мыслей, сами суть (Gedankendinge) мысленные вещи“... и „т. наз. вещь в себе лишь ein Gedankending der leeren Abstraktion“ (17) [21].

разделяет Суть довода по моему: (1) У Канта познание разгораживает природу и человека; на деле оно соединяет их; (2) у Канта „пустая абстракция“ вещи в себе на место живого Gang [22]), Bewegung [23]) знания нашего о вещах все глубже и глубже

Ding an sich у Канта пустая абстракция, а Гегель требует абстракций, соответствующих der Sache: „der objektive Begriff der Dinge die Sache selbst ausmacht“ [24]), соответствующих — материалистически говоря — действительному углублению нашего познания мира.

Стр. 6.

Неверно, ч. Denkformen [25]) т-ко „Mittel“ [26]), „zum Gebrauch“ [27]) (17). Неверно также, что они „äussere Formen“ [28]), „Formen die nur *an dem* Gehalt, nicht der Inhalt selbst seyen“ (17) [29]), (формы, кои суть лишь формы НА содержании, а не само содержание) NB

Гегель же требует логики, в коей ф[ор]мы были бы gehaltvolle Formen [30]), формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием.

И Гегель обращает внимание на „Gedanken aller natürlichen u. geistigen Dinge“ [31]) (18), на den „substantiellen Inhalt“ [32]) (18). — — — Diese logische Natur, die den Geist beseelt, in ihm treibt u. wirkt, zum Bewusstseyn zu bringen, diess ist die Aufgabe“ (18) [33]).

---

[21]) ...одна мысленная, пустая отвлеченность.

[22]) Шествие, ход.

[23]) Движение.

[24]) Сути: „об'ективное понятие вещей составляет самую суть их“.

[25]) Мыслимые формы.

[26]) Средство.

[27]) Полезность.

[28]) Внешние формы.

[29]) ...формы, присущие содержанию, а не являющиеся самим содержанием.

[30]) Содержательные формы.

[31]) Мысли обо всех природных и духовных вещах.

[32]) Субстанциональное содержание.

[33]) Эту логическую природу, которая одушевляет дух, побуждает его и действует в нем, вывести в сознание—в этом заключается задача.

Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т.-е. развития всего конкретного содержания (зачеркнуто: мысли) мира и познания его, т.-е. итог, сумма, вывод истории познания мира.

„Инстинктивное действие" (instinktartiges Tun) „распыляется в бесконечно разнообразном материале". Наоборот, „интеллигентное и сознательное действие" выделяет „содержание движущего" мотива (den Inhalt des Treibenden) „из непосредственного единства с суб'ектом в предметность перед ним" (перед суб'ектом).

„In diesem Netze schürzen sich hin u. wieder festere Knoten, welche die Anhalt und Richtungspunkte seines (духа или суб'екта). Lebens u. Bewusstseins sind" (18)[34].

как сие понять?

Перед ч[елове]ком сеть явлений природы. Инстинктивный ч-к, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознат. ч-к выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.-е. познания мира, условные пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею. ||

Стр. 7. „Истина бесконечна" (19)—ее конечность есть ее отрицание, „ее конец". Формы (Denkformen) если рассматривать их как „формы die von dem Stoffe verschieden u. nur an ihm seien"[35]) (19), не способны охватывать истину. Пустота этих форм (формальной логики) делает их достойными „презрения" (19) и „насмешки" (20). Закон тожества, А=А,—пустота, „unerträglich" (19)[36]).

Несправедливо забывать, что эти категории „ihr Feld in der Erkenntniss haben, worin sie gelten müssen (20)[37]).

Но кк (зачеркнуто: равнодуш) „безразличные формы", они могут быть „орудиями ошибки и софистики", не истины.

„In die denkende Betrachtung д. б. gezogen не т[оль]ко „внешняя форма", но и „der Inhalt" (20)[38]).

NB Mit dieser Einführung des Inhalts in die logische Betrachtung предметом становятся не Dinge, a die Sache, der Begriff der Dinge

[34]) В этой сети завязываются там и сям прочные узлы, служащие опорными и направляющими пунктами жизни и сознания духа.

[35]) которые отличаются от содержания и лишь находятся на нем.

[36]) невыносимая.

[37]) в познании имеют свою область, где они должны сохранять значение.

[38]) к мысленному рассмотрению... привлечены... содержание.

{не вещи, а законы их движения, материалистически] ....
„der Logos, die Vernunft dessen, was ist“ (21)[39].

И на с. 22 вначале предмет логики выражен словами:

„Развитие мышления в его необходимости“. „Entwicklung des Denkens in seiner Notwendigkeit“ [40]. Категории надо вывести не „рассказывая“, не „уверяя“, а доказывая (а не произвольно их механически взять), исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление) (не беря иных)— здесь в них „die ganze Entwicklung in diesem Keime“ (23)[41].

Einleitung: Allgemeiner Begriff der Logik [42].

Обычно понимают под лог., кк „наукой о мышлении“, „die blosse Form einer Erkenntniss“ (27)[43].

Гегель (зачеркн.: старается) опровергает этот взгляд. Против Ding an sich „schlechthin ein Jenseits des Denkens“ (29)[44]. Формы мышления будто || бы „keine Anwendung auf die Dinge an sich haben“[45]. Стр.

Ungereimt wahre Erkenntniss[46]) не познающее вещи в себе? A Verstand[47]) тоже ведь вещь в себе? (31).

„Der konsequenter durchgeführte transcendentale Idealismus hat die Nichtigkeit des von der kritischen Ph-ie noch übrig gelassenen Gespensts des Ding = an = sich; dieses abstracten von allen Inhalt abgeschiedenen Schattens erkannt, und den Zweck gehabt, ihn vollends zu zerstören (32). Auch machte diesse Ph-ie (Фихте? den Anfang, die Vernunft aus sich selbst ihre Bestimmungen darstellen zu lassen. Aber die subjektive Haltung dieses Versuchs liess ihn nicht zur Vollendung kommen“ (32)[48].

Логич. формы суть: todte Formen[48a]) (33) — ибо их не рассматривают как „organische Einheit“ (33)[49]), „ihre lebendige konkrete Einheit“ (ibid.)[50]).

„В „Феноменологии духа“ я рассмотрел „сознание в его движении от первого непосредственного противоречия (Gegen-

---

[39]) ...логос, разум того, что есть.

[40]) ...необходимое развитие мышления;

[41]) ...в зародыше все развитие.

[42]) Введение. Общее понятие логики.

[43]) ...только форму познания.

[44]) вещи в себе, просто чего-то потустороннего мышлению.

[45]) ...не имеют приложения к вещам в себе.

[46]) нелепо истинное познание.

[47]) Рассудок.

[48]) Последовательно проведенный трансцендентальный идеализм признал ничтожество сохраненного еще критической философией призрака вещи в себе, этой отвлеченной, лишенной всякого содержания тени, и поставил себе целью совершенно его разрушить. Равным образом этой философии принадлежит почин вывода определений разума из него самого. Но суб'ективное направление этой попытки не дало возможности осуществить ее.

[48a]) Мертвые формы.

[49]) Органическое единство.

[50]) Живое конкретное единство.

satz) его и предмета до абсолютного знания (34). Этот путь идет через все формы отношения сознания к об'екту"...

„Als Wissenschaft ist die Wahrheit das reine sich entwickelnde Selbstbewusstsein"... „das objektive Denken"... „Der Begriff als solcher ist das an und für sich seiende" (35)[51]).

(36: поповщина: бог. царство истины. etc. etc.) 37: Кант придал „eine wesentlich subjektive Bedeutung"[52]) „логическим определениям". Но Denkbestimmungen[53]) имеют „objektiven Werth u. Existenz" (37)[54]).

Старая логика пришла в Verachtung[55]) (38). Требует переделки.

9. 39. ‖ Старая, форм. логика—точно детское зан[ятие] составление картин из кусочков (in Verachtung gekommen[56]) (38).

40. Метод ф-ии д. б. ее собственный (не математики contra Spinoza, Wolf u. Andere)[57]).

41—42. „Denn die Methode ist das Bewusstseyn über die Form der inneren Selbstbewegung ihres Inhalts"[58])

и дальше вся с. 41 хорошее пояснение диалектики

„es ist der Inhalt in sich, die Dialektik, die er an ihm selbst hat (зачеркн. (40) само) „welche ihn fortbewegt" (42). „двигает вперед данную область явлений само содержание этой области, диалектика, которую оно (это содержание) имеет на (an) нем самом" (т.-е. диалектика его собственного движения).

das Negative ebenso sehr positiv ist (41)[60]) отриц-ие есть определенное нечто, имеет опред. содержание, внутр. противоречия приводят к замене старого содержания новым, высшим.

В старой логике перехода нет, развития (понятий и мышления) нет „eines inneren, nothwendigen Zusammenhangs" (NB)[61]) всех частей и „Uebergang'а"[62]) одних в другие.

И Гегель ставит 2 осн. требования:

1) Die Nothwendigkeit des Zusammenhangs[63]). ‖

10. 2) die immanente Entstehung der Unterschiede[64]).

---

[51]) Как наука, истина есть чистое саморазвивающееся самосознание ...об'ективное мышление ... Понятие же, как таковое, есть сущее в себе и для себя.

[52]) Существенно-суб'ективное значение.

[53]) Мысленные определения.

[54]) .... об'ективные ценность и существование.

[55]) Презрение (немилость).

[56]) Попала в презрение.

[57]) Против Спинозы, Вольфа и других.

[58]) ... ибо метод есть сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания.

[60]) ....отрицательное есть в равной мере положительное.

[61]) Внутренней, необходимой связи.

[62]) Перехода.

[63]) Необходимость связи.

[64]) имманентные возникновения различий.

Оч. важно!! Это вот что значит, по моему:
1. Необх. связь, об'ект. связь всех сторон, сил, тенденций данной области явлений.
2. „имманентное происхождение различий“ — внутр. об'ект. логика эволюции и борьбы различий, — полярности.

Недостатки Платоновской диалектики в Пармениде.

„Gewöhnlich sieht man die Dialektik für ein äusserliches u. negatives Thun an, das nicht der Sache selbst angehöre, in blosser Eitelkeit als einer subjektiven Sucht, sich das Teste u. Wahre in Schwanken zu setzen u. aufzulösen, seinen Grund habe oder wenigstens zu Nichts führe, als zur Eitelkeit der dialektisch behandelten Gegenstandes“ (43)[65]. ||

44—большая заслуга Канта, ч. он у диал-ки отнял „des Schein von Willkür“[66]. Стр. 12

Две важные вещи:

(1) Die Objektivität des Scheins[67]) NB: неясно, вернуться!!

(2) Die Nothwendigkeit des Widerspruchs[68])

selbstbewegende Seele ... внутренняя негативность ... „das Prinzip aller natürlichen u. geistigen Lebendigkeit“[69]) (44).

Не та ли мысль, что об'ективна и кажимость, ибо и в ней есть одна из сторон об'ективного мира? не т-ко Wesen[70]), но и Schein[71]) об'ективны. Различие суб'ективного от об'ективного есть, *но и оно имеет свои границы.*

das Dialektische[72]) =

= Fassen[73]) „охватить противоположности в их единстве“...

---

[65]) Обыкновенно диалектику считают внешним и отрицательным действием, не связанным с самою сутью дела, суб'ективным исканием, направляемым к тому, чтоб из пустого тщеславия колебать и разлагать то, что прочно и истинно, или приводящим по меньшей мере к „ничто“, как к тщете диалектически рассматриваемого предмета.

[66]) ...кажущуюся произвольность.

[67]) ...об'ективность видимости;

[68]) необходимость противоречия,

[69]) самодвижущаяся душа,...принцип всякой природной и духовной жизненности вообще.

[70]) Сущность.

[71]) Видимость.

[72]) Диалектичное.

[73]) схватить, охватить, об'ять.

Тонко и глубоко!

45. Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это—одно, для знающего язык (и языки) и дух языка—другое (зачеркн.: „одно") „Sie ist Etwas Anderes für den, der zu ihr und den Wissenschaften überhaupt erst hinzutritt, und Etwas Andere für den, der von ihnen zu ihr zurückkommt" [74]).

Тогда логика дает das Wesen dieses Reichtums (des Reichtums der Weltvorstellung)., die innere || Natur des Geistes u. der Welt" (46) [75])...

Ср. „Капитал".

...„nicht nur abstrakt Allgemeines, sondern das den Reichtum des Besonderen in sich passende Allgemeine" (47) [76]).

Прекрасная формула: „Не только абстрактное всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особенного и отдельного?)!! Très bien! [77]).

Хорошее сравнение (материалистическое).

— wie derselbe Sittenspruch in dem Munde des Jünglings, der ihn ganz richtig versteht, nicht die Bedeutung und den Umfang besitzt, welchen er im Geiste einer lebenserfahrenen Mannes hat, dem sich damit die ganze Kraft des darin enthaltenen Gehaltes ausdrückt (47) [78]).

„Итог опыта наук".

NB

(суть) „существенное содержания всех иных знаний".

„So erhält das Logische erst dadurch die Schätzung seines Werths, wenn es zum Resultate der Erfahrung der Wissenschaften geworden ist; es stellt sich daraus als die allgemeine Wahrheit, nicht als eine *besondere* Kenntniss *neben* anderem Stoffe und Realitäten, sondern als das Wesen alles diesen sonstigen Inhalts dem Geiste dar" (47) [79]).

---

[74]) Она есть нечто иное для того, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и для того, кто возвращается к ней от них.

[75]) ...сущность этого богатства (богатства представления о мире)...внутреннюю природу духа и мира.

[76]) ...такое общее, которое не только отвлеченно, но включает в себя богатство частностей.

[77]) Очень хорошо!

[78]) ...подобно тому, как одно и то же нравственное изречение в устах юноши, хотя он понимал его совершенно правильно, лишено того значения и об'ема, которые оно имеет в духе испытанного жизнью мужа, выражающего в нем всю силу присущего ему содержания.

[79]) Таким образом, и логика лишь тогда получает свою истинную оценку, когда она является в результате научного опыта; она представляется тогда духу общею истиною, стоящею не на ряду с прочими материями и реальностями, как отдельное знание, но составляющее сущность всего этого прочего содержания.

„Das System der Logik ist Reich der Schatten" (47)[80] своб. от „всех чувственных конкретностей"... ‖ Стр.
(50) — ...„nicht abstrakt, todt, unbewegt, sondern konkret"...[81])
(Характерно! Дух и суть диалектики!)

52. Anm...

Кант: ограничить разум и укрепить веру.	результаты ф-ии Канта: „dass die Vernunft keine wahren Gehalt erkennen könne, u. in Ansehung der absoluten Wahrheit auf das Glauben zu verweisen sei"[82])...

> 53. Еще раз, ч. Ding an sich[83]) = абстракция, продукт абстрагирующего мышления

(Id. S. 51)

59... (en passant)[84])... „die Natur des Erkennes"[85]) (тема логики. Сравнить с „гносеологией" ныне)

60... es Nichts *giebt*, (к. Гегеля) nichts im Himmel oder in der Hatur oder im Geiste oder wô es sey, was nicht ebenso die Unmittelbarkeit enthält, als die Vermittlung"[86])...

NB

> 1) Небо—природа—дух. Небо долой: мат[ериали]зм.
> 2) все vermittelt = опосредствовано, связано воедино, связано переходами. Долой небо—закономерная связь всего (процесса) мира.

62. Die Logik ist die reine Wissenschaft d. h. das reine Wissen in dem *ganzen* Umfange seiner *Entwicklung*[87]).

> 1-ая строка ахинея
> 2-я гениальна

С чего начать? чистое бытие (Seyn) 63 —„nichts voraussetzen" 62[88]), начало. „Keinen Inhalt enthalten"... „durch nichts vermittelt seyn"[89])...

---

[80]) Система логики есть царство теней.

[81]) Не абстрактное, мертвое, неподвижное, но конкретное.

[82]) ...что разум не может познать истинного содержания и что абсолютная истина доступна только вере.

[83]) Вещь в себе.

[84]) между прочим

[85]) Природа познания.

[86]) ...нет ничего, ни в небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы вместе и непосредственности и опосредствования.

[87]) Логика есть чистая наука, т.-е. чистое знание в полном об'еме своего развития.

[88]) ...ничего не предполагает.

[89]) не заключает в себе никакого содержания... ничем не опосредствовано.

66... das Fortschreiten (des Erkennens)... muss durch die Natur (NB) der Sache und des Inhalts selbst bestimmt seyn"[90])...

68. Начало содержит в себе и „Nichts"[91]) и „Seyn"[92]), оно есть их единство: „...das Anfangende *ist* noch nicht; es geht erst dem Seyn zu" (от небытия к бытию: „Nichtseyn, das zugleich Seyn")[93]).

> Чушь об абсолюте 68—69. Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу)—т.-е. я выкидываю б. ч. боженьку, абсолют, чистую идею etc.

70—71. Начать ф-ию с „я" нельзя. Нет „objektive Bewegung" (71)[94]).

77. Чистое бытие „ohne alle weitere Bestimmung"[95]).
(Bestimmung[96]) есть уже Qualität)[97]).

Переход Seyn[98]) в Dasein[99]) (Наличное бытие / Конечное „) а это в Fürsich-sein. (для себя бытие) |

Seyn—Nichts—Werden[100]).

Стр. 14. „Das reine Seyn u. das reine Nichts ist dasselbe"[101]) 78. Это кажется парадоксом 81. „Их соединение есть Werden[102]). Die Bewegung des unmittelbaren Verschwinden des Einen in dem Anderen"[103])...

Nichts[104]) противополагают dem Etwas[105]). Но Etwas[105]) есть уже определенное бытие, отличное от других Etwas[105]), а здесь идет о простом Nichts (79)[104]).

(Элеаты и Парменид особ. первые пришли к этой абстракции бытия). У Гераклита „Alles fliesst" (80)... d. h. „Alles ist Werden"[106]).

---

[90]) ...развитие (познания) должно определяться природою вещей и самым содержанием.

[91]) Ничто.

[92]) бытие.

[93]) ...начинающегося еще нет; оно лишь направляется к бытию.

[94]) ...об'ективного движения.

[95]) ..без всякого дальнейшего определения.

[96]) Определенность.

[97]) Качество.

[98]) Бытие.

[99]) Наличное, должно быть;

[100]) Бытие. Ничто. Становление.

[101]) ...чистое бытие и чистое ничто есть одно и то же.

[102]) Становление.

[103]) ...это движение непосредственного исчезания одного в другом.

[104]) Ничто.

[105]) Нечто.

[106]) ...все течет, т.-е. все есть становление.

Ex nihilo nihil fit? [107]). Из Nichts [108]) выходит Seyn [108]) (Werden) [109])...

81. „Es wäre nicht schwer, diese Einheit von Seyn u. Nicht... in *jedem* (к. Гег.) Wirklichen od. Gedanken aufzuzeigen“:... „*es giebt nirgendsim Himmel u. auf Erden Etwas, was nicht Beides, Seyn u. Nichtseyn in ich enthielte*“ [110]). Выражения подсовывают *bestimmtes* Seyn [111]) (есть у меня 100 талеров или нет 82. i. f.)—но не об этом речь...

„Необх[одимая] связь всего мира“ ...„взаимоопред. связь всего“.

„Ein bestimmtes Seyn, ein endliches Seyn ist ein solches, das sich auf anderes bezieht; es ist ein Inhalt, der im Verhältnisse der Nothwendigkeit mit anderem Inhalt, mit der ganzen Welt, steht. In Rücksicht des wechselbestimmenden Zusammenhangs des Ganzen konnte die Metaphysik die—im Grunde tautologische—Behauptung machen, dass wenn ein Stäubchen zerstört würde, das ganze Universum zusammenstürzte“ (83) [112]).

NB

86. „Was das Erste in der Wissenschaft ist, hat sich müssen geschichtlich als das Erste zeigen“ [113]) (Звучит весьма материалистично).

91. „Das Werden ist das Bestehen des Seyns so sehr als des Nichtseyns“ [114]).

...„Uebergehen ist dasselbe als Werden“ [115]) (91 i. Г.).

94. „bei Parmenides wie bei Spinoza soll von dem Seyn oder der absoluten Substanz nicht fortgegangen werden zu dem Negativen, Endlichen“ [116]).

У Гегеля же единство или нераздельность (*S.* 90 это выражение иногда лучше, чем единство) „бытия“ и „ничто“ дают переход, Werden. ||

---

[107]) Из ничего ничего не бывает. (Из ничего ничто не происходит).

[108]) Бытие.

[109]) Становление.

[110]) Было бы нетрудно обнаружить это единство бытия и ничто на каждом случае действительности или мысли.

...нигде ни на небе, ни на земле нет ничего, что не содержало бы в себе того и другого, бытия и ничто.

[111]) Определенное бытие.

[112]) Определенное, конечное бытие есть такое, которое относится к чему-либо другому; есть содержание, которое находится в отношении необходимости к другому содержанию, ко всему миру. В отношении к взаимноопределяющейся связи целого метафизика в праве сделать утверждение—в сущности тожесловное,—что, если будет разрушена одна пылинка, то разрушится вся вселенная.

[113]) То, что есть первое в науке, должно было оказаться исторически первым.

[114]) Становление есть данность бытия так же, как и небытия.

[115]) Переход есть то же, что становление.

[116]) ...у Парменида, как и у Спинозы, не может быть перехода от бытия или абсолютной субстанции к отрицательному, конечному.

Стр. 15.

абсолютное и относительное, конечное и бесконечное— части, ступени одного и того же мира. So etwa? [117]).

(92. Для *Vermitteltes* Seyn werden wir den Ausdruck *Existenz* aufbehalten) [118]).

102. У Платона в „Пармениде" переход от бытия и одного— „äussere Reflexion" [119]).

104. Г-рят, тьма есть отсутствие света. Но „im reinen Lichte ebenso wenig gesehen wird, als in der reinen Finsterniss..." [120]).

107. ссылка на беск. малые величины, кои берутся в процессе исчезновения их...

NB „es gar nicht giebt, das nicht ein Mittelzustand zwischen Seyn u. Nichts ist" [121]).

„Unbegreiflichkeit des Anfangs" [122])—если ничто и бытие исключают др. друга, но это не диалектика, а Sophisterei [123]) (108).

Софистика и диалектика.

„Denn Sophisterei ist ein Raisonnement aus einer grundlosen Voraussetzung, die man ohne Kritik und unbesonnen gelten lässt; Dialektik aber nennen wir die höhere vernünftige Bewegung, in welche solche schlechthin Scheinende durch sich selbst, durch das, was sie sind, in einander übergehen, die Voraussetzung sich aufhebt" (108) [124]).

Werden [125]) Его моменты: Entstehen u. Vergehen (109) [126]).

Das Aufheben (110) des Werdens—das Daseyn [127])

конкретное, определенное (?) бытие (?).

Aufheben (100) = ein Ende machen (aufbewahren zugleich) [128]).
= erhalten

---

117) Не так ли?

118) Для опросредованного бытия мы сохраняем выражение: существование.

119) Внешняя рефлексия.

120) ....в чистом свете можно видеть столь же мало, как и в чистой тьме.

121) ....нет ничего, что не было бы средним состоянием между бытием и ничто.

122) Непонятность начала.

123) Софистика.

124) Ибо софистика есть рассуждение из необоснованного предположения, принимаемого без критики и необдуманно; диалектикою же мы называем высшее движение разума, в котором такие попросту разделенные видимости сами собою, чрез то, что они суть, переходят одно в другое, и предположение снимается.

125) Становление

126) ...происхождение и уничтожение.

127) Снятие становления=существование.

128) Снять=отменить и одновременно сохранить.

112. Daseyn ist *bestimmtes* (NB 111) ein konkretes Seyn [130]), —качество, отдельное от Anderes,—*veränderlich u. endlich* NB [131]).

114. „Die Bestimmtheit so für sich isolirt, als *seyende* Bestimmtheit, ist die Qualität“... Die Qualität, so dass sie unterschieden als seyende gelte, ist die Realität“ (115) [132]).

117. ... „Die Bestimmtheit ist die Negation“ [133])...

(Spinoza) Omnis determinatio est negatio, dieser Satz ist von unendlicher Wichtigkeit... 120: Etwas ist erste Negation der Negation [134]).

(зд. изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное).

abstrakte Hegelei—Энгельс.

125. Две пары определений: 1. Etwas u. Anderes. 2. Seyn = = für = Anderes und Ansichseyn [135]).

127. *Ding = an = sich* — eine sehr einfache Abstraktion“ [136]).

Кажется мудростью изречение, что мы не знаем, что такое вещь=в=себе. Вещь=в=себе есть абстракция от всякого определения (от всякого отношения к другому). NB [Seyn=für=Anderes] [137]), т.-е. ничто. След., вещь=в=себе „nichts als wahrheitslose, leere Abstraktion“ [138])

Sehr gut!! [139]) если мы спрашиваем, что такое вещь в себе „So ist in die Frage gedankenloser Weise die Unmöglichkeit der Beantwortung gelegt... [140])(127).

Это очень глубоко: вещь в себе и ее превращение в вещь для других (ср. Энгельс). Вещь в себе вообще есть пустая, безжизненная абстракция. В жизни, в движении все и вся бывает как в „себе“, так и „для других“ в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое.

---

130) Существование есть определенное конкретное бытие.

131) Другого,—изменчивое и конечное.

132) Определенность, изолированная так для себя, как сущая определенность, есть качество. Качество, отличенное как сущее, есть реальность.

133) ...определенность есть отрицание.

134) Всякое определение есть отрицание. Это выражение имеет беспримерную важность. Нечто есть первое отрицание отрицания.

135) 1. Нечто и другое. 2. Бытие для другого и бытие в себе.

136) Вещь в себе—простая абстракция...

137) Бытие=для=другого.

138) Ничто иное как ложная пустая отвлеченность.

139) Очень хорошо..

140) ...в вопросе необдуманным образом уже заключена невозможность ответа, или, иначе, задается бессмысленный вопрос.

129— Кантианство = метафизика. || en passant [142]): „диалектическое ф[илосо]фствование, коего не знает „das metaphisische Philosophiren, worunter auch Kritische gehört" [143]).

> Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую. En lisant Hegel... [144])

134. „Die Grenze (ist) einfache Negation oder die erste Negation" (des Etwas: Всякое нечто имеет свою границу) „das Andere aber zugleich die Negation der Negation"... [145]).

137. Etwas mit seiner immanenten Grenze gesetzt als der Widerspruch seiner selbst, durch den es über sich hinausgewiesen u. getrieben wird, ist das *Endliche*" [146])

(Нечто, взятое с точки зрения его имманентной границы,—с точки зрения его противоречия с самим собой, каковое противоречие толкает его (это нечто) и выводит его дальше своих пределов, есть конечное).

Когда о вещах г-рят, ч. они—конечны, то этим признают, что их небытие есть их натура („небытие есть бытие").

„Sie (вещи) sind, aber die Wahrheit dieses Seyns ist ihr Ende [147]).

---

[142]) Мимоходом, между прочим.

[143]) ...метафизическому философствованию, к которому принадлежит также и критическое.

[144]) При чтении Гегеля.

[145]) Граница есть простое отрицание или первое отрицание нечто. Но другое одновременно отрицание отрицания.

[146]) Нечто, положенное со своею имманентною границею, как противоречие себя самого, через которое оно выводится и гонится вне себя, есть конечное. (Перевод Дебольского. В тексте перевод В. И.).

[147]) Они суть, но истина этого бытия есть их конец.

NB

Мысли о диал-е En lisant Hegel [144]).

Остроумно и умно. Понятия, обычно кажущиеся мертвыми, Гегель анализирует и показывает, что в них есть движение. Конечный? Значит, || двигающийся к концу! Нечто?—значит не то, что другое. Бытие вообще? значит такая неопределенность, что бытие = небытию. Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,—вот в чем суть. Эта гибкость, примененная суб'ективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная об'ективно, т.-е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира.

Стр. 17.

139 — Бесконечное и конечное, говорят, противоположны? (См. S. 148. Ср. S. 15).

141 — *Sollen* u. *Schranke* моменты des Endlichen [148]).

143 Im Sollen beginnt das Hinausgehen über die Endlichkeit, die Unendlichkeit [149]).

143 — говорят, разум имеет свои границы. In dieser Behauptung liegt die Bewusstlosigkeit, dass darin selbst, dass etwas als Schranke bestimmt ist, darüber bereits hinausgegangen ist [150]).

Sehr gut! [130]) ||

144 — Камень не мыслит и потому его ограниченность (Beschränkheit) не есть граница (Schranke) для него. Но и камень имеет свои границы, напр. окисляемость, если он ist eine säurungsfähige Basis [151]).

Эволюция камня

145 — все (человеческое) выходит за границы (Trieb, Schmerz etc. [152]), а разум, изволите видеть, sollte nicht über die Schranke hinausgehen können! [153]).

„Но, конечно, не всякий выход за пределы есть истинное освобождение от них“.

---

[148]) Предел (Schränke) и долженствование (Sollen)... конечного.

[149]) В долженствовании начинается выход за конечное, начинается бесконечность.

[150]) В этом заявлении дано отсутствие сознания того, что именно чрез определение нечто, как предела, уже совершается выход за этот предел.

[151]) ...есть способное к окислению основание.

[152]) Потребность, боль и т. д.

[153]) ...разуму воспрещается переход за предел.

Магнит, еслиб имел сознание, считал бы свободным свой уклон на север (Лейбниц). Нет, тогда он знал бы все направления пространства, и одно только направление считал бы границей свободы, ограничением ее.

148 ...„es ist die Natur des Endlichen selbst, über sich hinauszugehen, seine Negation zu *negiren* und unendlich zu werden..." [154]) ...не внешняя (fremde) сила (Gewalt) (149) превращает конечное в бесконечное, а его (конечного) природа (seine Natur)

диалектика самих вещей, самой природы, самого хода событий.

151. „Schlechte Unendlichkeit" [155]) — бесконечность, качественно противоположная конечности, не связанная с ней, отгороженная от нее, как будто конечное было Diesseits [156]), а бесконечное jenseits [157]), как будто бесконечное стоит над конечным, вне его...

153. На деле же sind sie (конечное и бесконечное) untrennbar [158]). Они едино суть (155).

Стр. 18.

159 ...„ist die Einheit des Endlichen u. Unendlichen nicht ein äusserliches Zusammenbringen derselben, noch eine ungehörige, ihrer Bestimmung zuwiederlaufende Verbindung, in welcher an sich getrennte und entgegengesetzte, gegeneinander. Selbständige, Seyende, somit unverträgliche verknüpft würden, sondern jedes ist an ihm selbst diese Einheit, u. diess nur als *Aufheben* seiner selbst, worin keines vor dem Andern einen Vorzug des Ansichseyns u. affirmativen Daseyns hätte. Wie früher gezeigt, ist die Endlichkeit nur als Hinausgehen über sich; es ist also in ihr die Unendlichkeit, das Andere ihrer selbst, enthalten"... [159]).

---

[154]) ...Природа конечного, как такового, состоит в том, чтобы превосходить себя, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным.

[155]) Дурная бесконечность

[156]) Посюсторонним.

[157]) Потусторонним.

[158]) Неотделимы.

[159]) ...единство конечного и бесконечного не есть их внешнее сопоставление, ниже несоответственное, противоположное их определению соединение, в котором связаны разделенные и противоположные, самостоятельные одно относительно другого и, стало быть, несогласующиеся сущие, но каждое есть само в нем это единство, и каждое есть лишь снятие себя самого, при чем ни одно не имеет

Связь всех частей бесконечного прогресса

..."Aber der unendliche Progress (spricht) mehr aus (чем простое сравнение конечного и бесконечного), es ist in ihm auch der *Zusammenhang* der auch Unterschiedenen gesetzt"...

167 „Die Natur des spekulativen Denkens... besteht allein in dem Auffassen der entgegengesetzten Momente in ihrer Einheit" [160]).

В[опро]с, кк приходит бесконечное к к[оне]чному, считают иногда сущностью ф[илософ]ии. Но этот в[опро]с сводится к выяснению их связи...

168 Auch bei andern Gegenständen setzt es eine Bildung voraus, fragen zu verstehen, noch *mehr* aber bei philosophischen Gegenständen, um eine andere Antwort zu erhalten, als die, dass die Frage nichts tauge [162]).

bien dit! [161])

(Отношение к другому исчезло; осталось отношение к себе).

173—4. Fürsichseyn — для себя бытие — бесконечное бытие, законченное качественное бытие. Качество доходит до крайности и становится количеством.

неясно

Идеализм Канта и Фихте (181) ...bleibt im Dualismus des Daseyns u. des Fürsichseyns [163]).

т. е. это—тот переход вещи-в-себе (ее поминает след. предложение) к явлению? об'екта к суб'екту?

Почему Fürsichseyn [164]) есть Eins [165]), мне неясно. Зд[есь] Гегель сугубо темен, по моему.

перед другим преимущества бытия в себе и утвердительного существования. Как было показано ранее, конечность есть лишь выход за себя; поэтому в ней содержится бесконечность, другое ее самой. Но бесконечное прогресса означает бо́льшее...в нем дано и сходство и различие.

[160]) Природа умозрительного мышления состоит исключительно в понимании противоположных моментов в их единстве.

[161]) Замечательно сказано!

[162]) И относительно других предметов требуется известное развитие для понимания вопросов, тем более относительно философских предметов, так как иначе может получиться ответ, что вопрос бессмыслен.

[163]) ...останавливается на двойственности существования и бытия для себя.

[164]) Для-себя-бытие.

[165]) Одно.

NB Selbstbewegung[166]).

Единое—старинный принцип ἄτομον[167])(и пустота). Пустота считается (185 с) Quell der Bewegung[168]) не только в смысле, что место не занято, но „in tieferen (enthält) Gedanken, dass in Negativen überhaupt der Grund des Werdens, der Unruhe der Selbstbewegung liegt"[169]). ||

Стр. 19.

183: „Die Idealität des Fürsichseyns als Totalität schlägt so fürs erste in die Realität um, u. zwar in die festeste, abstracteste, als Eins"[170]). (Темна вода...).

мысль о превращении идеального в реальное глубока: оч. важна для истории. Но и в личной жизни ч-ка видно, ч. тут много правды. Против вульгарного материализма. NB Различие идеального от материального тоже не безусловно, не überschwenglich[170a]).

189 Anm. Монады Лейбница. Принцип Eins[171]) и его неполнота у Лейбница.

Видимо, Гег. берет саморазвитие (зач.: понятий) категорий в связи со всей историей ф[илосо]фии. Это дает еще новую сторону всей Логики

193 ... „Es ist ein alter Satz, dass das *Eine Vieles* und insbesondere dass das *Viele Eines* ist..."[172]).

193 ... „Der Unterschied von Einem u. Vielen hat sich zum Unterschiede ihrer Beziehung aufeinander bestimmt, welche in zwei Beziehungen, die *Repulsion* u. *Attraktion*, zerlegt ist"[173]).

---

[166]) Самодвижение.

[167]) Неделимое, атом.

[168]) Источник движения.

[169]) Содержит ту более глубокую мысль, что вообще в отрицательном лежит основание становления, беспокойство самодвижения.

[170]) Идеализация бытия для себя, как полнота, становится реальностью, и именно прочнейшею, отвлеченнейшею, как одно (стр. 94).

[170a]) Непереходимо.

[171]) Одного.

[172]) Существует старинное изречение, что одно есть многое и, в особенности, что многое есть одно (стр. 101).

[173]) Различие одного и многих определилось как различие их взаимного отношения, которое разложилось на два отношения— отталкивание и притяжение.

Вообще все это Fürsichseyn[174]), должно быть, отчасти понадобилось Гегелю для выведения того, кк „качество" превращается в „количество" (199), качество есть определенность, определенность для себя, Gesetzte[175]) есть единица—сие производит впечатление большой натянутости и пустоты.

Отметить, S. 203, не лишенное иронии замечание против того „Verfahren des über die Erfahrung reflektierenden Erkennens, das zuerst in der Erscheinung Bestimmungen *wahrnimmt*, diese nun zu Grunde legt, u. für das sogen[ante]. *Erklären* derselben entsprechende *Grundstoffe* oder Kräfte, annimmt, welche jene Bestimmungen Erscheinung hervorbringen sollen"...[176]).

У Канта 4 „антиномии". На деле каждое понятие, каждая категория так же антиномична.

Роль скептицизма в истории ф-фии.

„Der alte Skeptizismus hat cich die Mühe nicht verdriessen lassen, in allen Begriffen, die er in der Wissenschaften vorfand, diesen Widerspruch od. die Antinomie, aufzuzeigen"[177]).

Разбирая Канта весьма придирчиво (и остроумно), Гегель получает вывод, что Кант, просто повторяет в выводах сказанное в посылках, именно повторяет то, что есть категория Kontinuität и кат. Diskretion.

Wahrhafte Dialektik[178]).

Отсюда же вытекает лишь, „dass keine diesser Bestimmungen, allein genommen, Wahrheit hat, sondern nur ihre Einheit. Dies ist die wahrhafte dialektische Betrachtung derselben, so sie das wahrhafte Resultat" (226)[179]).

229. „Die Diskretion (перевод? (зач.: раздельность) расчлененность ist wie die Kontinuität *Moment* der *Quantität*"[180]) (сомкнутость, преемственность, непрерывность).

---

[174]) Для-себя-бытие.

[175]) Полагаемое.

[176]) ...прием познания, рефлектирующего над опытом, которое сначала воспринимает определения в явлении, кладет их в основание и для об'яснения их принимает соответствуемые основные материи или силы, долженствующие производить эти определения явлений.

[177]) Древний скептицизм не уклонялся от труда указывать противоречие или антиномию во всех понятиях, которые он находил в науке.

[178]) Истинная диалектика.

[179]) ...что истина свойственна не одному из этих определений, взятому отдельно, но лишь их единству. Таково истинно диалектическое воззрение на них, также как их истинный результат (стр. 122).

[180]) Дискретность, как и непрерывность, является моментом количества.

222. „Das Quantum, zunächst Quantität mit einer Bestimmtheit od. *Grenze* überhaupt—ist in seiner vollkommenen Bestimmtheit die *Zahl*“... [181]).

234. „*Anzahl* (численность? перечисление) u. *Einheit* machen die Momente der Zahl aus“ [182]).

Стр. 30. 248. По в[опро]су о роли и знач[ении] числа много: Pythagoras etc. etc.), м[ежду] пр[очим], меткое замечание:

„Je reicher an Bestimmtheit und damit an Beziehung die Gedanken werden desto verworrener einer Seits und desto willkürlicher sinnleerer anderer *Seits* wird ihre Darstellung in solchen Formen, als die Zahlen sind“ [183]) (248—249). (Оценка мыслей: богатство определениями и след. отношениями).

По поводу антиномий Канта (мир без начала etc). Г. опять думает, что в посылках принимается за доказательство то, что надо доказать (267—268).

(Далее, переход кол[ичест]ва в кач[ест]во в абстрактно-теоретич. изложении до того темен, ч[то] ничего не поймешь. Вернуться!!)

283. Бесконечное в математике. До сих пор оправдание состоит т[оль]ко в правильности результатов, а не в ясности предмета (ср. Engels).

285. При исчислении бесконечных известная неточность (заведомая) игнорируется, а результат все же получается не приблизительный, а вполне точный.

285. Все же искать тут Rechtfertigung—„nichts so überflüssig“ „als es bei der Nase überflüssig scheint, nach dem Erweise des Rechts, sich ihrer zu bedienen, zu fragen“ [184]).

(Ответ Г-ля сложный. ...Речь идет о высшей математике ср. Энгельс о дифференц. и интегр. исчисл.)

Интересно мимоходом сделанное замечание Г[егеля]—transcendental d. i. eigentlich subjektiv u. phsychologisch“... transcendenntaler Weise nämlich im Subjekte“ [185]) 288

S. 282—327 u. s. *f*

Подробнейшее рассм. диффер. и инт. исч., с цит. Newton, Lagrange, Carnot, Euler etc. Leibnitz etc. [186]), показ., как интересно было

---

[181]) Определенное количество, прежде всего с некоторым определением или границею вообще,—есть в полной предельности число.

[182]) Определенное число и единица суть моменты числа.

[183]) Чем богаче определенностью, а тем самым и отношениями становятся мысли, тем, с одной стороны, более запутанным, а с другой, более произвольным и лишенным смысла становится их изображение в таких формах, как число (стр. 135).

[184]) ... оправдания не столь излишни, как требовать оправдания существования носа после доказательства права пользоваться им.

[185]) ...трансцендентально, т.-е. в сущности суб'ективно и психологически, ... Трансцендентально, а именно в суб'екте.

[186]) Ньютон, Лагранж, Карно, Эйлер, Лейбниц и т. д.

Гегелю это „исчезновение беск. малых, это „среднее между бытием и небытием“. Без изучения высшей ма[темати]ки все сие непонятно. Характерно заглавие Carnot: Réflexion sur la Métaphisique du calcul infinitésimal!!!!) [187]).

Развитие понятия Verhältniss [188]) (279—394) сугубо темно. Отметить лишь S. 394 замечания о символах, что против них вообще ничего иметь нельзя. Но „против всякой символики“ надо сказать, ч. она иногда является удобным (зач.: формой) средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать определения понятий (Begriffsbestimmungen). А именно в этом дело ф-фии.

NB ? „die geläufigen Bestimmungen von Kraft oder Substantialität, Ursache u. Wirkung u. s. f.' sind gleichfalls nur Symbole für den Ausdruck z. B. lebendiger oder geistiger Verhältnisse d. i. unwahre Bestimmungen für dieselben“ (394) [189]).

III Abschnitt. *Das Maass* [190]). „Im Maasse sind, abstrakt ausgedrückt, Qualität u. Quantität vereinigt. Das Seyn als Solches ist unmittelbare Gleichheit der Bestimmtheit mit sich selbst. Diese Unmittelbarkeit der Bestimmtheit hat sich aufgehoben. Die Quantität ist das so sich zuruckgekehrt Seyn, *dass es* einfache Gleichheit mit sich als Gleichgültigkeit gegen die Bestimmtheit ist“ (395) [191]). Третий член—мера.

Кант ввел категорию модальности (возможность, действительность, необходимость) и Гегель замечает, что у Канта „Diese Kategorie hat die Bedeutung, die Beziehung des Gegenstandes auf das Denken zu seyn. Im Sinne jedes Idealismus ist das Denken überhaupt dem Ding-an-sich wesentlich äusserlich... die Objektivität, welche den anderen Kategorien zukomme, mangelt jener der Modalität“ (396) [192]).
En passant (397) [193]).

---

[187]) Карно. Размышления о метафизике исчисления бесконечно-малых.

[188]) Отношение.

[189]) ...обычные определения силы, субстанциальности, причины и действия и т. п. суть также лишь символы для выражения, например, жизненных или духовных отношений, т. е. неистинные определения для последних (стр. 224).

[190]) Третий отдел. Мера.

[191]) В мере, выражаясь отвлеченно, соединяются качество и количество. Бытие, как таковое, есть непосредственное равенство определенности с самим собою. Эта непосредственность определенности сняла себя. Количество есть бытие, возвращенное в себя так, что оно есть простое равенство с собою, как безразличие относительно определенности (стр. 224).

[192]) Значение этой категории состоит там в том, что она указывает на отношение предмета к мышлению. В смысле этого идеализма мышление вообще есть нечто по существу внешнее относительно вещи в себе ...объективность, свойственная прочим категориям, несвойственна категориям модальности (стр. 225).

[193]) Мимоходом, кстати.

Индийская ф-ия, в которой Брама переходит в Сиву (изменение, возникновение: исчезновение).

Народы боготворят меру (399).

Мера переходит в сущность (Wesen).

(По вопросу о мере не безынтересно отметить мимоходом сделанное Гегелем замечание, что „in der entwickelten bürgerlichen Gesellschaft die Menge von Individuen, welche den verschiedenen Gewerben angehören, in einem Verhältnisse mit einander stehen" 402)[194]**)**.

По вопросу о категории постепенности (Allmähligkeit) **замечает:** „Zu dieser Kategorie wird so leicht gegriffen, um das Vergehen von einer Qualität od. von Etwas vorstellung zu machen od. zu erklären, indem man so dem Verschwinden beinahe mit den Augen zusehen zu können scheint, weil das Quantum die als äusserliche, ihrer Natur nach veränderliche Grenze gesetzt ist, hiermit die *Veränderung*, als nur des Quantum, sich von selbst versteht. In der That aber wird nichts dadurch erklärt; die Veränderung ist zugleich wesentlich der Uebergang einer Qualität in eine andere, oder der abstraktere von einem Daseyn in ein Nichtdaseyn; darin liegt eine andere Bestimmung als in der Allmähligkeit, welche nur eine Verminderung od. Vermehrung, und das einseitige Festhalten an das Grösse ist [195]).

Dass aber eine als bloss quantitiv erscheinende Veränderung auch in eine qualitative umschlägt, auf diesen Zusammenhang sind schon die Alten aufmerksam gewesen, und haben die der Unkenntn ss desselben entstehenden Kollizionen in populärer (405) Beispielen (406) vorgestellt... (**„лысый", один волос вырвать; „куча"—одно зерно отнять**) was (**при этом**) wider, legt wird, ist das einseitige Festhaltens an der abstrakten Quantums bestimmtheit (**одностороннее обращение внимания на абстрактные определения количества", т.-е. без учета всесторонних изменений и конкретных качеств**) ... „Jene Wendungen sind darum kein leerer od. pedantischer Spass, sondern in sich richtig und Erzeugnisse eines Bewusstseyns, das ein Interesse an der erscheinungen hat, die im Denken vorkommen. NB| [196]).

NB

---

[194]) ...в развитом граждаиском обществе количества иеделимых, занимающихся различиными промыслами, находятся в известном взаимиом отношеиии.

[195]) К этой категории совершается столь легкий переход для того, чтобы сделать представимым или об'ясиить исчезаиие качества или иечто, ибо, таким образом, исчезание кажется совершающимся перед глазами, так как определенное количество, положеииое, как внешияя по своей природе изменяющаяся граница, тем самым понимается само собою как изменение только количества. Но в действительности тем самым ничего не о'ясняется; изменение есть вместе с тем по существу переход одного качества в другое, или, отвлеченнее, одного существования в несуществование; тут дано другое определеиие, чем в постепенности, которое есть лишь уменьшеиие или увеличение и одностороннее удержание величины.

[196]) Но что являющееся лишь количественным изменение превращается также в качественное,--на эту их связь обрати и внимание уже древиие и представили на популярных примерах...что опровергается, есть одиостороинее удержаиие отвлеченной определениости определенного

Das Quantum, indem es als eine gleichgültige Grenze genommen wird, ist die Seite, an der ein Daseyn unverdächtig angegriffen u. zu Grunde gerichtet wird. Es ist die *List* des Begriffes ein Daseyn an dieser Seite zu fassen, von der seine Qualität nicht ins Spiel zu kommen scheint,—und zwar so sehr, dass die Vergrösserung eines Staats eines Vermögens u. s. f. welche das Unglück des Staats, des Besitzers herbeiführt, sogar als dessen Glück zunächst erschienen (407) [197]. *Стр. 22.*

„Es ist ein grosses Verdienst, die empirischen Zahlen der Natur kennen zu lernen, z. B. Entfernungen der Planeten von einander; aber ein unendlich grösseres die empirischen Quanta verschwinden zu machen

Gesetze od. Maass [199]) ||| u. sie in *ein allgemeine Form* von Quantitätsbestimmungen zu erheben, so dass die Moment eines Gesetzes od. Maasses worden [198]).

Заслуга Галилея и Кеплера... „Sie haben die Gesetze, die sie gefunden haben, zu *erwiesen*, dass sie gezeigt haben, dass ihnen der Umfang der Einzelnheiten der Wahrnehmung entspricht“ 416 [200]). **Надо требовать однако еще** höheres Beweisen [201]) **этих знаков, чтобы их**

? | **количеств. определения были познаны из** Qualitäten od. bestimmte Begriffen, die sind (wie Raum u. Zeit) [202]).

Развитие понятий des Maasses [203]), **как** specifische Quantität [204]) reales Maass (**в т. ч.**) Wahlverwandschaften [205]) — **напр., химич. элементы, музык. тона, оч. темно.**

(Большие прим. о химии, с полемикой против Berzelius **и его теории электрохимии, 433—445).**

„**Узловая химия отношений меры** (Knotenlinie von Maassverhältnissen)—**переходы количества в качество. Постепенность и скачки.**

NB ||| **И паки,** S. 448, **ч. постепенность ничего не об'ясняет без скачков.** | NB

количества. Эти выражения суть поэтому не пустая или педантическая шутка, но сами в себе они правильны и суть порождения сознания, имеющего интерес к явлениям, возникающим в мышлении.

[197]) Определенное количество, поскольку оно принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне. В том и состоит лукавство понятия, что оно схватывает бытие с той стороны, с которой не имеет значения его качество, и притом в той мере, что увеличение государства, имущества и т. д., составляющее несчастье государства, собственника, прежде всего кажется даже его счастием.

[198]) Велика заслуга познать эмпирические числа природы, напр., взаимные расстояния планет; но еще неизмеримо бóльшая заслуга заставить исчезнуть эмпирические определенные количества, возвысив их до общей формы количественных определений так, чтобы они стали моментами закона или меры.

[199]) Закон или мера.

[200]) Они доказали найденные ими законы, показав, что им соответствует весь об'ем воспринимаемых частностей.

[201]) Высшего доказательства.

[202]) Качеств или из определенных соотносящихся понятий (каковы время и пространство).

[203]) Меры.

[204]) Специфически определенное количество.

[205]) реальная мера химического сродства.

В Anmerkung у Гегеля, как и всегда, примеры, конкретное (Фейербах поэтому смеется однажды, ч. Гегель природу сослал в примечания. Фх. WW, II, S. ?)

Скачки! ||| S. 448 — 452. Anm., озаглавленное в оглавлении (не в тексте!! педантство!!): Beispiele solcher Knotenlinien; darüber dass es keinen Sprung in der Natur gieb?[206]).

примеры: химия, муз. тона вода? (пар, лед)— § 449, 450—роды и смерть.

Перерывы постепенности. |||| Abbrechen der Allmähligkeit, S. 450[207]).

Скачки! ||| „Es giebt keinen Sprung in der Natur, wird gesagt; und die gewöhnliche Vorstellung, wenn sie ein Entstehen od. Vergehen begreifen soll, meint, wie erinnert, es damit begriffen zu haben, dass sie es als ein *allmähliges* Hervorgehen od. Verschwinden vor || stellt. Es hat sich aber gezeigt dass die Veränderungen des Seyns überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in eine andere Grösse, sondern Übergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, das ein Abbrechen des Allmähligen u. ein Qualitativ-Änderes gegen das vorhergehende Daseyn ist. Das Wasser wird *Стр. 23.* durch die Erkältung nicht nach u. nach kalt, so dass es breiartig würde u. allmählig bis zur Konsistenz des Eises sich verhärtete, sondern ist auf einmal hart; schon mit per ganzen Temperatur des Eispunktes, wenn es ruhig steht kann es noch seine ganze Flüssigkeit haben, u. eine geringe Entschütterung bringt es in den Zustand der Härte [208]).

(451) Bei der Allmähligkeit des *Entstehens* liegt die Vorstellung zu Grunde, dass das *Entstehende* schon sinnlich oder überhaupt *wirklich vorhanden*, nur wegen seiner Kleinheit *noch nicht wahrnehmbar*, so wie bei der Allmähligkeit des Verschwindens, dass das *Nichtseyn* oder *das Andere* an seine Stelle Tretende gleichfalls *vorhanden* nur *noch nicht bemerkbar sey*; — und zwar vorhanden nicht in dem Sinne, dass das Andere in dem vorhandenen Andern an sich enthalten, sondern dass es *als Daseyn*, nur unbemerkbar, vorhanden sey. Es wird damit das Ent-

---

[206]) Примеры таких узловых линий, о том, что природа не делает скачков.

[207]) Перерывы постепенности.

[208]) Говорится, что в природе не бывает скачков; и обычное представление, если оно желает понять происхождение или уничтожение, полагает, как было упомянуто, что поймет их, представляя их, как постепенное возникновение или исчезание. Но было уже сказано, что изменения бытия суть вообще не переход одной величины в другую, но переход от количественного в качественное и, наоборот, становление другим, перерыв постепенности и качественно иное в противоположность предшествовавшему существованию. Вода через охлаждение не становится постепенно твердою так, чтобы она делалась сначала студенистою и постепенно затвердевала до консистенции льда, но становится сразу твердою; достигнув уже температуры замерзания, она, если остается в покое, может еще сохранять жидкое состояние. но малейшее сотрясение приводит ее в состояние твердости (стр. 258).

stehen u. Vergehen überhaupt aufgehoben, oder das Ansichseyn das Innere, in welchem etwas vor seinem Daseyn ist, in eine *Kleinheit des äusserlichen Daseyns* verwandelt, und der wesentliche oder der Begriffsunterschied in einen äuserlichen, blossen Grössenunterschied.— Das Begreiflichmachen eines Entstehens oder Vergehens aus der Allmähligkeit der Veränderung hat die der Tautologie eigene Langweitigkeit; es hat das Entstehende od. Vergehende schon vorher ganz fertig u. macht die Veränderung zu einer blossen Aenderung eines äusserlichen Unterschieds, wodurch sie in der That nur eine Tautologie ist. Die Schwierigkeit für solchen begreifen vollenden Verstand liegt in dem qualitativen Uebergang von Etwas in sein Anderes überhaupt u. in sein Entgegengesetztes; dagegen spiegelt er sich die *Identität* u. die *Veränderung* als die gleichgültige, äusserliche des Quantitativen vor [209]).

„Im Moralischen, insofern es in der Sphäre des Seyns betrachtet wird, findet derselbe Uebergang des Quantitativen ins Qualitative statt; und verschiedene Qualitäten erscheinen, sich auf eine Verschiedenheit der Grösse zu gründen. Es ist ein Mehr u. Weniger, wodurch dass Maass des Leichtsinns überschritten wird, u. etwas ganz Anderes, Verbrechen, hervortritt, wodurch Recht in Unrecht, Tugend in Laster übergeht,—so erhalten auch Staaten durch ihren Grössenunterschied, wenn das Uebrige als gleich angenommen wird, einen verschiedenen qualitativen Char kter"... [210]). *Стр. 34.*

Дальше:

Переход бытия к сущности (Wesen) изложен сугубо темно.

Конец I тома.

---

[209]) Предположение о постепенности происхождения основывается на том представлении, будто происходящее, существуя уже чувственно или в обще в действительности, не может еще быть воспринимаемо лишь вследствие его малой величины, равно как при постепенности исчезания небытие или другое, выступающие вместо исчезающего, также существуют, но еще незаметны; и при том то и другое существуют не в том смысле, что другое содержится в данном другом в себе, но в том, что имеет место, как существование, только незаметное. Тем самым происхождение и уничтожение вообще снимаются, или иначе, сущее в себе, внутреннее, в котором нечто есть до своего существования, превращается в малую величину внешнего существования, а существенное различие или различие понятия во внешнее просто-количественное различие. Делать понятным происхождение или уничтожение постепенности изменения, значит впадать в скуку, свойственную тавтологии. Трудность, встречаемая таким стремящимся к пониманию рассудком, заключается в качественном переходе нечто в его другое вообще и в противоположное ему; вопреки тому он представляет себе тождество и изменение, как количественно безразличные и внешние (стр. 258).

[210]) В моральном, поскольку оно рассматривается в области бытия, имеет место тот же переход количественного в качественное; различные качества являются основ нными на различии величины. Через бóльшее и меньшее превышается мера легкомыслия и получается нечто совсем иное, преступление, при чем право переходит в его нарушение, добродетель в порок. Таким же образом государства вследствие различия своей величины при прочих равных условиях получают разный качественный характер (стр. 258—259).

В Anmerkung у Гегеля, как и всегда, примеры, конкретное (Фейербах поэтому смеется однажды, ч. Гегель природу сослал в примечания. Фх. WW, II, S. ?)

Скачки! ||| S. 448—452. Anm., озаглавленное в оглавлении (не в тексте!! педантство!!): Beispiele solcher Knotenlinien; darüber dass es keinen Sprung in der Natur giebt[206]).

примеры: химия, муз. тона вода? (пар, лед)— § 449, 450—роды и смерть.

Перерывы постепенности. |||| Abbrechen der Allmähligkeit, S. 450[207]).

Скачки! ||| „Es giebt keinen Sprung in der Natur, wird gesagt; und die gewöhnliche Vorstellung, wenn sie ein Entstehen od. Vergehen begreifen soll, meint, wie erinnert, es damit begriffen zu haben, dass sie es als ein *allmähliges* Hervorgehen od. Verschwinden vor || stellt. Es hat sich aber gezeigt dass die Veränderungen des Seyns überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in eine andere Grösse, sondern Übergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, das ein Abbrechen des Allmähligen u. ein Qualitativ-Anderes gegen das vorhergehende Daseyn ist. Das Wasser wird durch die Erkältung nicht nach u. nach kalt, so dass es breiartig würde u. allmählig bis zur Konsistenz des Eises sich verhärtete, sondern ist auf einmal hart; schon mit per ganzen Temperatur des Eispunktes, wenn es ruhig steht kann es noch seine ganze Flüssigkeit haben, u. eine geringe Entschütterung bringt es in den Zustand der Härte[208]).

Стр. 23.

(451) Bei der Allmähligkeit des *Entstehens* liegt die Vorstellung zu Grunde, dass das *Entstehende* schon sinnlich oder überhaupt *wirklich vorhanden*, nur wegen seiner Kleinheit *noch nicht wahrnehmbar*, so wie bei der Allmähligkeit des Verschwindens, dass das *Nichtseyn* oder *das Andere* an seine Stelle Tretende gleichfalls *vorhanden* nur *noch nicht bemerkbar sey*; —und zwar vorhanden nicht in dem Sinne, dass das Andere in dem vorhandenen Andern an sich enthalten, sondern dass es *als Daseyn*, nur unbemerkbar, vorhanden sey. Es wird damit das Ent-

---

[206]) Примеры таких узловых линий, о том, что природа не делает скачков.

[207]) Перерывы постепенности.

[208]) Говорится, что в природе не бывает скачков; и обычное представление, если оно желает понять происхождение или уничтожение, полагает, как было упомянуто, что поймет их, представляя их, как постепенное возникновение или исчезание. Но было уже сказано, что изменения бытия суть вообще не переход одной величины в другую, но переход от количественного в качественное и, наоборот, становление другим, перерыв постепенности и качественно иное в противоположность предшествовавшему существованию. Вода через охлаждение не становится постепенно твердою так, чтобы она делалась сначала студенистою и постепенно затвердевала до консистенции льда, но становится сразу твердою; достигнув уже температуры замерзания, она, если остается в покое, может еще сохранять жидкое состояние. но малейшее сотрясение приводит ее в состояние твердости (стр. 258).

stehen u. Vergehen überhaupt aufgehoben, oder das Ansichseyn das Innere, in welchem etwas vor seinem Daseyn ist, in eine *Kleinheit des äusserlichen Daseyns* verwandelt, und der wesentliche oder der Begriffsunterschied in einen äuserlichen, blossen Grössenunterschied.— Das Begreiflichmachen eines Entstehens oder Vergehens aus der Allmähligkeit der Veränderung hat die der Tautologie eigene Langweiligkeit; es hat das Entstehende od. Vergehende schon vorher ganz fertig u. macht die Veränderung zu einer blossen Aenderung eines äusserlichen Unterschieds, wodurch sie in der That nur eine Tautologie ist. Die Schwierigkeit für solchen begreifen vollenden Verstand liegt in dem qualitativen Uebergang von Etwas in sein Anderes überhaupt u. in sein Entgegengesetztes; dagegen spiegelt er sich die *Identität* u. die *Veränderung* als die gleichgültige, äusserliche des Quantitativen vor [209]).

„Im Moralischen, insofern es in der Sphäre des Seyns betrachtet wird, findet derselbe Uebergang des Quantitativen ins Qualitative statt; und verschiedene Qualitäten erscheinen, sich auf eine Verschiedenheit der Grösse zu gründen. Es ist ein Mehr u. Weniger, wodurch dass Maass des Leichtsinns überschritten wird, u. etwas ganz Anderes, Verbrechen, hervortritt, wodurch Recht in Unrecht, Tugend in Laster übergeht,—so erhalten auch Staaten durch ihren Grössenunterschied, wenn das Uebrige als gleich angenommen wird, einen verschiedenen qualitativen Charakter“... [210]).

Стр. 24.

Дальше:

Переход бытия к сущности (Wesen) изложен сугубо темно.

Конец I тома.

---

[209]) Предположение о постепенности происхождения основывается на том представлении, будто происходящее, существуя уже чувственно или в обще в действительности, не может еще быть воспринимаемо лишь вследствие его малой величины, равно как при постепенности исчезания небытие или другое, выступающие вместо исчезающего, также существуют, но еще незаметны; и при том то и другое существуют не в том смысле, что другое содержится в данном другом в себе, но в том, что имеет место, как существование, только незаметное. Тем самым происхождение и уничтожение вообще снимаются, или иначе, сущее в себе, внутреннее, в котором нечто есть до своего существования, превращается в малую величину внешнего существования, а существенное различие или различие понятия во внешнее просто-количественное различие. Делать понятным происхождение или уничтожение постепенности изменения, значит впадать в скуку, свойственную тавтологии. Трудность, встречаемая таким стремящимся к пониманию рассудком, заключается в качественном переходе нечто в его другое вообще и в противоположное ему; вопреки тому он представляет себе тождество и изменение, как количественно безразличные и внешние (стр. 258).

[210]) В моральном, поскольку оно рассматривается в области бытия, имеет место тот же переход количественного в качественное; различные качества являются основанными на различии величины. Через бо́льшее и меньшее превышается мера легкомыслия и получается нечто совсем иное, преступление, при чем право переходит в его нарушение, добродетель в порок. Таким же образом государства вследствие различия своей величины при прочих равных условиях получают разный качественный характер (стр. 258—259).

Теоретический анализ Ленина.

И. Разумовский.

Ходячее противопоставление «практика» Ленина «теоретику» Марксу основывается, по большей части, на том вульгарном понимании «революционной практики», которое решительно осудил Маркс еще в своих тезисах о Фойербахе. «Революционизирование» мира, его «изменение» невозможно без его «об'яснения», без «теоретической критики», без глубокого теоретического анализа; революционная борьба немыслима без ее теоретического обоснования. И в то же время это теоретическое обоснование становится более глубоким, теоретический анализ более «конкретным» в самом процессе этой революционной борьбы, в подытоживании ее опыта, —одним словом, в самой «практике». Это, становящееся сейчас аксиоматическим, очевидным для всех, основное взаимоотношение между революционной теорией и революционной практикой не должно упускаться из виду при оценке теоретического значения ленинского наследия. Будучи величайшим стратегом современного революционного движения пролетариата, Ленин не может не быть и глубочайшим социальным **теоретиком** современности, прямым продолжателем теоретических начинаний Маркса, на оселке практики непрерывно проверяющим, развивающим далее и углубляющим основы марксистской теории. И если его теория зачастую растворена в его практике, то зато **его практика насквозь пропитана теорией**, говорит о теории, учит теории.

Точно таким же образом должно мыслиться вообще соотношение между теоретическим наследием Маркса-Энгельса и Ленина. Ленинизм ни в коем случае не может противопоставляться марксизму, но должен мыслиться, как дальнейшее «подытоживание опыта», как дальнейшее развитие, углубление и конкретизация марксова учения. И такое признание, разумеется, нисколько не уменьшит оригинального значения теоретических построений Ленина: сказать «**то же**» по отношению к иной исторической обстановке, к усложнившимся условиям развернувшейся борьбы, проверить все это на новом опыте, конкретизировать это «то же» в его разнообразных исторических вариациях—разве это не лучший, подтверждаемый многовековым развитием научной теории, способ сказать **другое**?

Это относится, в частности, и к важнейшему орудию теоретического мышления Маркса и Ленина, к формам их научного, теоретического **анализа**. Совершенно очевидно, что и здесь мы должны исходить из тех же теоретических основ, искать той же совершенно необходимой исторической и логической преемственности. Между тем, именно здесь может легко побудить к соблазнам вульгарных «противопоставлений» различная и не всегда

определенная терминология, употребляемая обоими авторами. Ведь метод Маркса мы привыкли представлять себе, как абстрактно-аналитический метод, и такое определение даже закреплено за ним отдельными марксистскими теоретиками. Между тем, у Ленина мы, как хорошо известно, чаще всего читаем именно о конкретном анализе, «конкретном анализе данного». Какова же роль абстракции в процессе этого конкретного анализа и имеется ли какое-либо различие между методом Маркса и методом Ленина? В настоящей беглой заметке мы попытаемся несколько осветить названную тему, которая, несомненно, подлежит более основательной и углубленной разработке.

I.

Характер научного анализа у Ленина, в конечном счете, обусловливается его марксистским пониманием взаимоотношений между общественным бытием и общественным сознанием: «Общественное бытие независимо от общественного сознания людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается об'ективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда. Самая высшая задача человечества — охватить эту об'ективную логику хозяйственной эволюции, эволюции общественного бытия в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» [1]. Здесь определяются и цель и пределы всякого научного анализа в социальной области: охватить об'ективную логику общественного развития в ее общих и основных чертах, возможно более правильно и критически приспособив к ней свое общественное сознание.

Ленин опирается, таким образом, на два основных момента материалистической теории познания: а) на признание относительного характера, «исторической условности пределов приближения наших знаний к об'ективной, абсолютной истине» [2], на то, что, не охватывая полностью об'ективной истины, мы можем лишь избирать более верно направление, ведущее к ее познанию; б) на признание, тем не менее, существования этой об'ективной истины, независимой от нашего общественного сознания, об'ективной, общественной закономерности—об'ективной логики общественного развития.

«Критическое приспособление» к об'ективной закономерности, «охват» ее в общих и основных чертах—это, иными словами, познание характера причинной связи, господствующей в независимом от нас общественном бытии.

Ленин согласен с мнением Фейербаха о том, что об'ективная причинность «лишь приблизительно верно» отражается человеческим представлением. Он цитирует слова Энгельса, в «Анти-Дюринге». «Причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковое, только в применении к данному отдельному

[1] Материализм и эмпириокритицизм, издание 1920 г., стр. 332. Курсив всюду наш.

[2] Там же, стр 132.

случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия». И по этому поводу замечает: «Следовательно, человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает об'ективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» (стр. 158). Далее Ленин высмеивает попытки заменить в понимании «причинной связи» выражения «закон», «необходимость», другим словом: «функциональное соотношение»; он указывает, что в теоретико-познавательном отношении важен вопрос, существует ли эта об'ективная закономерность независимо от свойств нашего ума, а не то «какой степени точности достигли наши описания причинных связей» (стр. 157). Теоретико-познавательное утверждение независимой от свойств нашего сознания об'ективной причинной связи Ленин, таким образом, выдвигает на первый план, ибо без него следует замена физической необходимости «необходимостью логической» (Мах) или утверждение, что познание создает для опыта организующие формы и заменяет причинный хаос упорядоченным миром отношений и т. д. (Богданов).

Однако было бы совершенно неверно думать, исходя из этого, что Ленин вовсе не придавал значения тому, в каких формах познается эта об'ективная причинная связь, какие «отношения» устанавливаются нашим познанием—не «для опыта», а в самой изучаемой причинной закономерности. Напротив того: после того, как уже решен основной теоретико-познавательный вопрос и признана существующая вне нас об'ективная причинная связь, на этой дальнейшей стадии познания становится важным и возможно более отчетливое «приспособление к об'ективной логике бытия» нашего сознания, возможно более полное выявление, описание и определение взаимоотношений в пределах об'ективной закономерности. Ибо такое «определение» дает в результате об'яснение общего характера причинной связи, применительно к тому или иному особому определенному случаю.

Так,—несколько ниже,—Ленин отвергает все попытки применить к области общественных наук биологические понятия: «на деле никакого исследования общественных явлений, никакого об'яснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий» (стр. 335). В другом месте Ленин высказывается против такого понятия, которое «охватывает лишь наиболее бросающиеся в глаза черточки происходящего у нас перед глазами процесса. Оно показывает, что наблюдатель перечисляет отдельные деревья, не видя леса. Оно рабски копирует внешнее, случайное, хаотическое, оно изобличает в наблюдателе человека, который подавлен сырым материалом и совершенно не разбирается в его смысле и значении» [1]). Критикуя определение капитализма, данное неким Герцем, Ленин считает бессмысленной «попытку внести в общее понятие все частные признаки единичных понятий, или, наоборот,

[1]) Империализм как новейший этап капитализма, Г. И Укр., 1922 г., стр. 85.

избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений—попытку, свидетельствующую просто об элементарном непонимании того, что такое наука» [1]. Этих примеров достаточно, чтобы показать, что для Ленина форма теоретического анализа, научные понятия, в качестве его орудия имели не малое значение. При помощи правильного их подбора обеспечивается более правильное отражение об'ективной логики общественного развития, путем правильно построенных определений происходит об'яснение той или оной конкретной причинной связи явлений. Потому что «дать определение»—«это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое» [2]. Но этим «прежде всего» дело не ограничивается: можно различать определение явления в его, так сказать, статическом разрезе, в его конкретных особенностях, и определение генетическое, устанавливающее связь и взаимозависимость явления с более общим процессом развития. Так, определяя империализм и указывая на «недостаточность коротких определений, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить», на «условное и относительное значение всех определений вообще, которые никогда не могут охватить всесторонних связей явления в его полном развитии», Ленин приводит важнейшие экономические особенности империализма. Но, на-ряду с этим, он дает и иное определение империализма, как «особой стадии развития капитализма», подводя таким образом общественную форму империализма под более общий процесс развития капиталистических отношений [3]. Последнего рода определения, несомненно, наиболее ценны, поскольку они представляют причины и следствия, как развивающиеся одна из другой формы одного и того же движущегося, развивающегося содержания, как проявление в частном процессе развития более общей закономерности. А в таком «представлении» причинной связи и заключается принцип ее об'яснения, поскольку мы не претендуем на то, чтобы об'яснить предельно-широкое понятие «причинной связи вообще», а ограничиваемся сведением более конкретных случаев причинной зависимости к более общим формам той же причинной закономерности.

Как указывает Гегель, «в действии нет такого содержания, которого не было бы в причине» и «только в действии причина является причиной». Однако нельзя останавливаться на понятии взаимодействия между ними, так как это взаимодействие «само должно быть понято. Для этого не должно оставлять обе стороны отношения в их непосредственной форме...: их должно признать моментами третьего» (Энцикл., 153, 156). Об'яснение той или иной конкретной формы причинной связи заключается, стало быть, в том, что взаимоотношение причины и следствия представляется, как проявление более общей закономерности, более общих отношений между явлениями. Об'ясняя характер тех или иных общественных явлений, мы должны, стало быть, формулировать «сырой материал внешнего, случайного, хаотического» в пригодных для научного анализа понятиях, установить закономерность и необходимость изучаемой причинной зависимости,

---

[1] Г.г. критики в аграрном вопросе, т. IX, Гиз, стр. 87.
[2] Материализм и эмпириокритицизм, стр. 143.
[3] Империализм как новейший этап капитализма, стр. 58—59.

выявить корни этой закономерности в обусловливающих данную причинную связь тех или иных общих отношениях.

Отсюда ясно, что имеет в виду Ленин, когда говорит, что «марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом об'яснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов» [1]), или когда он предлагает «об'яснить народнические идеи, показать их материальное основание в современных наших общественно-экономических отношениях» [2]). Ленин указывает на различие приемов об'яснения у марксистов и народников, не видящих в случайном и индивидуальном общего и закономерного, между тем, как «марксист, ведя теоретический спор, ограничивается доказательством необходимости и неизбежности (при данной организации общественного хозяйства)» данного явления [3]). Но одного признания необходимости и неизбежности данных общественных фактов еще не достаточно. Констатируя, например, явление эксплоатации при капитализме, марксист считает недостаточным одно констатирование их или осуждение, как это делают народники, но «считает необходимым об'яснить и связать вместо эти явления эксплоатации, как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат об'ективному изучению» [4]). Анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго-научному анализу их» [5]). Наблюдение правильности и повторяемости изучаемых фактов является первым признаком, сведение индивидуального к социальному вторым необходимым признаком действительной общественной науки. «Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие общественно-экономической формации. Таким путем, этой теорией был применен к социальной науке тот об'ективный, общенаучный критерий, повторяемость, возможность применения которого к социологии отрицали суб'ективисты... Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации... были обобщены и сведены к действиям... классов, борьба которых определяла развитие общества» [6]). Становится понятным теперь также, какое значение имеет для научного анализа возможно более точная формулировка в форме научного понятия связи изучаемого факта со всей общественно-экономической формацией, и почему, например, понятие «кустарной промышленности» Ленин считает «абсолютно непригодным для

---

[1]) Экономическое содержание народничества, Гиз, стр. 59.
[2]) Что такое «друзья народа», т. I, стр. 153.
[3]) Экономическое содержание народничества, стр. 26.
[4]) Там же, стр. 103.
[5]) Что такое «друзья народа», т. I, стр. 71.
[6]) Экономическое содержание народничества, стр. 73—74.

научного исследования понятием», потому что в нем обнаруживается «смешение самых разнообразных типов экономической организации» [1]). Формулировать известное отношение—это и значит сделать первый шаг к об'яснению этого отношения, ибо таким образом в самой нашей формулировке уже устанавливается связь данного отношения с определенной общественно-экономической формацией.

Понятие «общественно-экономической формации», как это справедливо подчеркивал Ленин, имеет для социальной теории огромное методологическое значение. Оно дает возможность охватить «сырой материал» общественных явлений, выделив в ней основные и производные моменты, содержание и форму. Оно устанавливает связь и взаимозависимость изучаемых общественных фактов в пределах обусловливающей их общественной закономерности. Наконец, оно позволяет охватить и «об'ективную логику общественного развития», учитывает, стало быть, текучесть и изменчивость социальных явлений. Здесь полезно сопоставить то образное сравнение с «социальным организмом», которое, как и Маркс, иногда делает Ленин, и которое, разумеется, ничего общего не имеет с социальным организмом—социологией т. н. «органической школы» [2]). Ленин выявляет таким путем лишь специфическую внутреннюю закономерность, свойственные общественно-экономической формации «особые законы зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» [3]). Этим выражением Ленин хочет лишь сказать, что «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агтрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или все равно, по воле общества и правительства), не подчиненной об'ективной закономерности [4]). «Диалектическим методом, — читаем мы и в другом месте,—в противоположность метафизическому—Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [5]).

Но социологическое понятие «общественно-экономической формации» и составляющих эту последнюю производственных отношений ценно еще с одной стороны. Оно позволяет увидеть в обществе организм «живой» не только в смысле обусловливающей его связь и развитие единой закономерности, но и в отношении составляющих его живых социальных групп, классов: представить поэтому определенную форму производственных отношений, как форму классового антагонизма интересов и устремлений. Это дает возможность применять тот «сальтовитальный

[1]) Развитие капитализма в России, изд. «Моск. Рабочий», 1923, стр. 319.
[2]) Ср. отзыв о Ланге: Экономическое содержание народничества, стр. 112.
[3]) Экономическое содержание народничества, стр. 73.
[4]) Что такое «друзья народа», стр. 73.
[5]) Там же, стр. 93.

метод»[1]), перекинуть тот мостик между теорией и практикой, который необходимо должен лежать в основе всякого социального анализа. «Капитал»,—по словам Ленина,—показал читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую—с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой» и т. д.[2]). Об'яснение при помощи понятия «общественно-экономической формации» потому-то и является последовательно-об'ективным, что оно всегда вместе с тем вскрывает в изучаемых социальных явлениях присущую им форму классового антагонизма. В отличие от узкого об'ективиста, говорящего лишь о необходимости данного исторического процесса, «материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порожденные ею антагонистические отношения»... Он «вскрывает классовые противоположности и тем самым определяет свою точку зрения». Он «говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия другим классам». Он «выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»[3]).

Таким образом вскрытие классового антагонизма, классовых тенденций, классовой борьбы—конечная цель социального исследования и, вместе с тем, необходимая основа об'яснения социальных явлений. Именно непонимание этого или нежелание понять и отличает «узкий об'ективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма,—об'ективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс»[4]). Может показаться, при недостаточной вдумчивости, что мы имеем здесь некоторое разноречие. Что же является, в самом деле, основным двигателем общественного процесса и конечной целью всякого об'яснения причинной зависимости социальных явлений: присущая ли общественно-экономической формации определенная закономерность или тот или иной классовый антагонизм? В самом деле, мы читаем выше, что антагонистические, классовые отношения порождаются общественно-экономической формацией, вытекают из этой последней. Отвечая, например, на вопрос, «как и почему именно так, а не иначе, складываются отношения между кустарями по производству данного продукта», марксист «видит, что эта организация есть товарное производство... Поэтому, заключает марксист, при таком устройстве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплоатация его совершенно неизбежны и т. д.»[5]). «Трудность в том,—говорится в другом месте,—чтобы дать себе полный отчет в основе борьбы двух классов... Эту борьбу нельзя понять, как закономерное общественное явление, если не свести ее к об'ективным тен-

---

[1]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 190.
[2]) Что такое «друзья народа», стр. 72.
[3]) Экономическое содержание народничества, стр. 65.
[4]) Там же, стр. 152.
[5]) Там же, стр. 70.

денциям экономического развития» [1]). Между тем, с другой стороны, по словам Ленина, все недостатки воззрений народника заключаются именно в том, что «он не смотрит на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни; он не задается целью представить всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами» [2]). Спрашивается что же является причиной, а что результатом?

Но совершенно очевидно, что это противоречие только кажущееся и может представляться таковым лишь при метафизическом разграничении классов и экономики, которое так часто отличало меньшевистских теоретиков. «Политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства. Раз эти общественные отношения выяснены и проанализированы до конца,—тем самым определено и место в производстве каждого класса» [3]). «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определяющие общественные отношения, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения» [4]). Проанализировать общественные отношения до конца—это значит, тем самым, и вскрыть классовый антагонизм, этим общественным отношениям свойственный.

Понятно теперь, почему Ленин может одновременно и представлять совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношений между классами, и сводить классовую борьбу к ее «основе», выводить ее из закономерности, присущей общественно-экономической формации. Ибо, в сущности, мы имеем здесь не столько об'яснение одного посредством другого, сколько изображение с двух сторон одного и того же общественного процесса. Общественно-экономическая формация, общественные отношения —это об'ективная сторона этого процесса, подлежащая об'ективному исследованию. Классовый антагонизм, предполагающий противоположность интересов и требований—это общественно-суб'ективная сторона, отображение в общественном сознании тех же производственных, классовых отношений. Если выразить соотношение между этими двумя сторонами в терминах «содержания» и «формы», то общественно-производственные отношения, реальное соотношение классовых сил, обусловленное их положением в системе производства, окажется содержанием, а та же реальная классовая противоположность, представленная, как антагонизм интересов, требований, идеалов—идеологической формой того же общественного процесса.

Проанализировать «до конца»—это значит выяснить реальное, обусловливаемое положением в производстве и обусловливающие систему производства, отношение классов, их общественные действия, из коих складываются эти отношения, и представить

---

[1]) Аграрный вопрос, т. IX, стр. 466.
[2]) Развитие капитализма в России, стр. 425.
[3]) Там же. стр. 425.
[4]) Там же, стр. 23.

эти действия и отношения в форме антагонизма классовых интересов, требований идеалов. «По каким признакам,—спрашивает Ленин,—судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один—действия этих личностей... общественные действия личностей, т.-е. социальные факты» [1]). «Наличность эксплоатации всегда будет порождать как в самих эксплоатируемых, так и в отдельных представителях «интеллигенции» идеалы, противоположные этой системе... Марксист исходит из того же идеала (что и народник. *И. Р.*), но сличает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями», а с существующими классовыми противоречиями, и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порожденное такими-то общественными отношениями (которые подлежат об'ективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений» [2]). «Свести к интересам классов»—это не значит об'яснить социальное явление интересами классов (сами интересы находят себе об'яснение в положении классов в производстве), но лишь представить тот же социальный факт, выразить те же социальные действия и отношения в соответствующей, пригодной для практического действия форме. В этом-то и заключается основная особенность вышеуказанного «сальтовитального метода», связывающего теорию с практикой. Форма, пригодная для об'ективного, теоретического анализа—понятия общественно-экономической формации, общественных отношений, об'ективной закономерности—эта форма должна необходимо дополняться в марксистской теории, при анализе «до конца» идеологическим отображением тех же реальных классовых отношений, позволяющим, не нарушая об'ективного характера анализа, соединять с ним моменты оценки и действия. Вот что означают слова Ленина: «материалист вскрывает классовые противоположности и тем самым определяет свою точку зрения». С другой стороны, «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [3]). Только при этом условии об'яснение становится «рычагом изменения мира» [4]).

II.

Все вышеуказанные соображения о формах об'яснения причинной закономерности социальных явлений, об освещении при анализе «до конца» общественных отношений и об'ективной и общественно-суб'ективной стороны общественного процесса, о связи теории с общественной практикой мыслителя и т. д.—важны здесь для нас не с точки зрения их обще-социологического и методологического, в широком смысле, значения, но для выяснения

[1]) Экономическое содержание народничества, стр. 69.
[2]) Там же, стр. 79.
[3]) Там же, стр 65.
[4]) Аграрный вопрос, т. IX, стр. 437.

общего характера и основных тенденций теоретического анализа, проводимого Лениным. С той же точки зрения должен получить освещение и вопрос о соотношении формы и содержания в диалектике общественного развития, в взаимозависимости отдельных сторон процесса, о переходных стадиях этого последнего.

В цитированном выше замечании Ленин указывает, что диалектика требует рассмотрения общественной жизни, как чего-то «живого», находящегося в постоянном развитии. Общественный процесс необходимо представлять себе, как бесконечный поток общественного содержания, принимающего все новые и новые формы: при этом более общие формы, в свою очередь, становятся содержанием частных, специфических, характерных для более ограниченного исторического этапа, имеющих местное значение, форм. Общественные отношения — такова та наиболее общая форма состояния производительных сил, которая служит содержанием всех названных частных форм. Однако и эта наиболее общая форма оказывается различной для различных, исторически сменяющих одна другую систем производства: каждый раз новое соотношение классовых сил и классовых интересов образует основу «общественно-экономической формации», которая, по словам Ленина, «дает содержание общественному процессу». Противопоставление формы содержанию, как это отметил еще Гегель, является совершенно необходимым моментом «рефлексии», необходимым методологическим приемом теоротического анализа, даже в том случае, когда сознается их взаимозависимость и возможность превращения одной в другое. Только таким путем удается установить основу и производные элементы общественной жизни, выявить общую закономерность, находящую себе частные проявления.

Поэтому Ленин, подобно Марксу, тщательно отграничивает «сущность» явления, его классовое «содержание», его «основные тенденции» от «форм проявления» этой сущности, этого содержания, этих тенденций. «Форма борьбы может меняться..., но сущность борьбы, ее классовое содержание не может измениться», пока существуют данные классы. «Подменять вопрос о содержании борьбы... вопросом о форме борьбы...—значит опускаться до роли софиста» [1]). «Одно дело—основные тенденции крестьянского разложения, другое дело—формы его в зависимости от местных условий» [2]). «Иная историческая обстановка... видоизменяет только формы проявления одних и тех же капиталистических отношений» [3]). Первоначальная ступень теоретического анализа и заключается в выяснении «политико-экономической» сущности форм, их классового содержания, лежащих в основе их общей закономерности, основного классового антагонизма.

Однако задача научного анализа не ограничивается установлением сущности общественного процесса, основной закономерности, основного классового антагонизма. Необходим далее и анализ «особых форм общественно-экономических отношений» [4]), конкретных форм проявления основной закономерности, движущего процесс классового противоречия,—как вскрытие этого

[1]) Империализм как новейший этап капитализма, стр. 49.
[2]) Развитие капитализма в России, стр 83.
[3]) Там же, стр. 244, сравн. стр 209.
[4]) Аграрный вопрос, т. IX, стр. 32.

классового противоречия в конкретных формах. Поскольку же общее отношение, основной антагонизм может получить «разнообразные вариации» в указанных особых формах, постольку «вскрытие» соотношения классов должно сопровождаться и исследованием специфических форм его проявления в этих конкретных формах общественных отношений.

Конкретные формы одного и того же общественного содержания выступают как отдельные стороны общественного целого, общественного процесса в его целом. Поэтому для раз'яснения, например, вопроса о внутреннем рынке для русского капитализма «безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства» [1]). Показать связь и взаимозависимость сторон—это и значит, иными словами, представить их, как различные и вместе с тем между собой связанные формы проявления единой закономерности, основного классового антагонизма. Задача анализа в том, чтобы выявить и связь разных сторон и особые, специфические черты каждой из них [2]). Так, напр., «тот же самый рост капитализма проявляется в других частях страны или других отраслях промышленности совершенно иначе; ...необходимо самым строгим образом различать эти процессы» [3]).

Представив различные стороны в качестве форм проявления одних и тех же общественных, классовых отношений, мы очень часто убеждаемся в том, что внешне сосуществующие стороны и формы общественного целого в действительности являются различными стадиями развития названных отношений. Нужно остерегаться того, чтобы не противопоставлять «две последовательные стадии развития данного явления, как особые случаи» [4]). Во избежание такого смешения поэтому и нужно «подвергнуть об'ективному анализу законы функционирования и развития» [5]), — произвести «анализ последовательных форм и разнообразных проявлений», например, капитализма в промышленности [6]). «Начав с наиболее простых и примитивных форм» и «следя за их развитием» [7]), необходимо помнить то положение Маркса, что наиболее простая категория может выступать в своей полной истине лишь на высшей ступени данного развития, в неразвитых же формах она может проявляться и ранее: это предопределяет и соответствующий подбор простых форм и категорий, подвергаемых анализу» [8]).

Отличительной чертой ленинского анализа является не только внимательное отношение к специфическим, конкретным особенностям формы, что и отличает его от простого догматически-дедуктивного развития общих положений,—но и особое внимание, уделяемое им отдельным моментам развития формы. В противном случае, мы бы не всегда могли отчетливо подметить выражаемое изменением формы изменение и развитие

---

[1]) Развитие капитализма, стр. 1, сравн. Империализм, стр. 1.
[2]) Там же, стр. 317.
[3]) Там же, стр. 231.
[4]) Экономическое содержание народничества, стр. 140.
[5]) Что такое «друзья народа», стр. 86.
[6]) Развитие капитализма в России, стр. 717, сравн. стр. 319.
[7]) Там же, стр 327.
[8]) Там же, стр. 412.

общественного содержания. Движение общественного содержания, —т.-е. все большее подчинение основной закономерности всех частных социальных фактов, все большее обострение классового антагонизма,—не всегда проявляется в перерыве постепенности со стороны формы: развитие и смена форм могут зачастую носить и более непрерывный характер, когда, по выражению Ленина, одна форма перерастает в другую. Так, экономическая стачка в годы революции перерастает в политическую, а политическая в восстание [1]), буржуазная революция перерастает в социалистическую в 1917 г., коммунизм, после победы пролетариата, начинает, при посредстве постепенных фаз, развиваться из капитализма [2]). Отсюда и относительный, условный характер всяких граней, и тщательное изучение переходных ступеней и стадий развития. Теоретический анализ приспосабливается ко всем этим разновидностям, стадиям, переходам, более или менее сложным формам проявления классового антагонизма. Он не ограничивается одними «огульными данными» [3]). Он учитывает обстановку, переходы между классами, между общественными формами, он «умеет видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различным формам процесса» [4]), он учитывает и все посторонние, усложняющие обстоятельства [5]), помня, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы [6]). Одним словом, «здесь потребуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса в целом, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата» [7]).

Но учитывать все стороны, формы проявления, исторические стадии и специфические особенности общественного процесса и дать их «равнодействующую» можно только под определенным углом зрения: в противном случае, мы не будем иметь цельности понимания и уподобимся тем буржуазным эклектикам, которые из-за деревьев не видят леса (как известно, одно из частых выражений Ленина). «Подделка эклектизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и пр., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [8]). Рассмотреть все стороны и особенности, учесть все тенденции, но под углом определенных производственных отношений и классовых противоречий, всюду установить основной факт, выявить самое важное и характерное обстоятельство, выявить то «особое звено», за которое нужно ухватиться, чтобы вытащить всю цепь—такова задача марксистского анализа. Так, избрав тот «уголок», который «воплощает в себе квинт-эссенцию современных общественных отношений» и «рассматривая весь современный хозяйственный строй под углом отношений, сложившихся в этом «уголке», получаешь возможность разобраться в

[1]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, II, 1920, стр. 12.
[2]) Государство и революция, стр. 96.
[3]) Развитие капитализма в России, стр. 210.
[4]) Том IX, стр. 234.
[5]) Там же, стр. 392.
[6]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 96.
[7]) Там же, стр. 246.
[8]) Государство и революция, стр. 24, сравн. Еще раз о профсоюзах.

классового противоречия в конкретных формах. Поскольку же общее отношение, основной антагонизм может получить «разнообразные вариации» в указанных особых формах, постольку «вскрытие» соотношения классов должно сопровождаться и исследованием специфических форм его проявления в этих конкретных формах общественных отношений.

Конкретные формы одного и того же общественного содержания выступают как отдельные стороны общественного целого, общественного процесса в его целом. Поэтому для раз'яснения, например, вопроса о внутреннем рынке для русского капитализма «безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства» [1]). Показать связь и взаимозависимость сторон—это и значит, иными словами, представить их, как различные и вместе с тем между собой связанные формы проявления единой закономерности, основного классового антагонизма. Задача анализа в том, чтобы выявить и связь разных сторон и особые, специфические черты каждой из них [2]). Так, напр., «тот же самый рост капитализма проявляется в других частях страны или других отраслях промышленности совершенно иначе; ...необходимо самым строгим образом различать эти процессы» [3]).

Представив различные стороны в качестве форм проявления одних и тех же общественных, классовых отношений, мы очень часто убеждаемся в том, что внешне сосуществующие стороны и формы общественного целого в действительности являются различными стадиями развития названных отношений. Нужно остерегаться того, чтобы не противопоставлять «две последовательные стадии развития данного явления, как особые случаи» [4]). Во избежание такого смешения поэтому и нужно «подвергнуть об'ективному анализу законы функционирования и развития» [5]), — произвести «анализ последовательных форм и разнообразных проявлений», например, капитализма в промышленности [6]). «Начав с наиболее простых и примитивных форм» и «следя за их развитием» [7]), необходимо помнить то положение Маркса, что наиболее простая категория может выступать в своей полной истине лишь на высшей ступени данного развития, в неразвитых же формах она может проявляться и ранее: это предопределяет и соответствующий подбор простых форм и категорий, подвергаемых анализу» [8]).

Отличительной чертой ленинского анализа является не только внимательное отношение к специфическим, конкретным особенностям формы, что и отличает его от простого догматически-дедуктивного развития общих положений,—но и особое внимание, уделяемое им отдельным моментам развития формы. В противном случае, мы бы не всегда могли отчетливо подметить выражаемое изменением формы изменение и развитие

---

1) Развитие капитализма, стр. 1, сравн. Империализм, стр. 1.
2) Там же, стр. 317.
3) Там же, стр. 231.
4) Экономическое содержание народничества, стр. 140.
5) Что такое «друзья народа», стр. 86.
6) Развитие капитализма в России, стр. 717, сравн. стр. 319.
7) Там же, стр 327.
8) Там же, стр. 412.

общественного содержания. Движение общественного содержания, —т.-е. все большее подчинение основной закономерности всех частных социальных фактов, все большее обострение классового антагонизма,—не всегда проявляется в перерыве постепенности со стороны формы: развитие и смена форм могут зачастую носить и более непрерывный характер, когда, по выражению Ленина, одна форма перерастает в другую. Так, экономическая стачка в годы революции перерастает в политическую, а политическая в восстание [1]), буржуазная революция перерастает в социалистическую в 1917 г., коммунизм, после победы пролетариата, начинает, при посредстве постепенных фаз, развиваться из капитализма [2]). Отсюда и относительный, условный характер всяких граней, и тщательное изучение переходных ступеней и стадий развития. Теоретический анализ приспосабливается ко всем этим разновидностям, стадиям, переходам, более или менее сложным формам проявления классового антагонизма. Он не ограничивается одними «огульными данными» [3]). Он учитывает обстановку, переходы между классами, между общественными формами, он «умеет видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различным формам процесса» [4]), он учитывает и все посторонние, усложняющие обстоятельства [5]), помня, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы [6]). Одним словом, «здесь потребуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса в целом, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата» [7]).

Но учитывать все стороны, формы проявления, исторические стадии и специфические особенности общественного процесса и дать их «равнодействующую» можно только под определенным углом зрения: в противном случае, мы не будем иметь цельности понимания и уподобимся тем буржуазным эклектикам, которые из-за деревьев не видят леса (как известно, одно из частых выражений Ленина). «Подделка эклектизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и пр., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [8]). Рассмотреть все стороны и особенности, учесть все тенденции, но под углом определенных производственных отношений и классовых противоречий, всюду установить основной факт, выявить самое важное и характерное обстоятельство, выявить то «особое звено», за которое нужно ухватиться, чтобы вытащить всю цепь—такова задача марксистского анализа. Так, избрав тот «уголок», который «воплощает в себе квинт-эссенцию современных общественных отношений» и «рассматривая весь современный хозяйственный строй под углом отношений, сложившихся в этом «уголке», получаешь возможность разобраться в

[1]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, II, 1920, стр. 12.
[2]) Государство и революция, стр. 96.
[3]) Развитие капитализма в России, стр. 210.
[4]) Том IX, стр. 234.
[5]) Там же, стр 392.
[6]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 96.
[7]) Там же, стр. 246.
[8]) Государство и революция, стр. 24, сравн. Еще раз о профсоюзах.

основных взаимоотношениях между различными группами участвующих лиц, а следовательно, и рассмотреть основное направление развития данного строя» [1]). Рост капиталистических монополий при империализме—«это последнее обстоятельство есть самое важное, только оно выясняет нам историко-экономический смысл происходящего» [2]). В том, что «буржуазное государство может смениться государством пролетарским только насильственной революцией, такой и именно такой взгляд на насильственную революцию... лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса» [3]). Стакан имеет бесконечное количество сторон, свойств, качеств: «если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли его цилиндрическая форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы на дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить губы, употребляя этот стакан». Равным образом, и профсоюзы—«не с одной стороны школа, а с другой нечто другое—а со всех сторон, при данном споре, профсоюзы суть школа хозяйничанья, школа управления» [4]). Точно также в своей критике русских поклонников эмпириокритицизма, Ленин в качестве основы всех своих построений выдвигает выяснение, «на чем свихнулись» русские махисты. Основные общественные отношения, основной классовый антагонизм, основные и наиболее характерные для каждого конкретного случая обстоятельства, окрашивающие в свой цвет изучаемое целое и дающие возможность обобщить, связать внешне кажущиеся различными моменты—таков основной стержень теоретического анализа у Ленина.

Мы видим, и в специально экономическом исследовании, и при разрешении того или иного конкретного, политического вопроса, применение Лениным совершенно аналогичных методологических приемов: отыскивание «корней», «сведение» к главному, к основному и освещение всего производного, частного с точки зрения этого основного в каждом отдельном случае, представление его в качестве различных форм проявления однородного содержания. Но диалектика учит рассматривать связь явлений в их развитии. Поэтому необходимо, при последовательном анализе, освещение не только того, что развивается,—сущности, содержания, и того, в каких формах оно развивается, но также и того, к чему развивается данное содержание [5]): ближайших тенденций этого развития. Охват частных социальных фактов под углом определенной общественной формации, определенных классовых отношений получает полный смысл лишь тогда, когда определяющие общественные отношения, обусловливающие классовый антагонизм, мыслятся, как непрерывно развивающиеся общественные отношения, как непрестанно нарастающий и обостряющийся классовый антагонизм. С точки зрения назревающей формы проявления общественных отношений, обостряющегося противоречия классовых интересов, усиливающейся классовой борьбы, в переходе к ним, в обнаружении их должен заключаться анализ дан-

---

[1]) Развитие капитализма в России, стр. 413.
[2]) Империализм как новейший этап капитализма, стр. 49.
[3]) Государство и революция, стр. 25.
[4]) Еще раз о профсоюзах
[5]) Империализм как новейший этап капитализма, стр. 23.

ной формы или данной политической ситуации. В постоянном выявлении, что «уже есть то-то, но еще нет» более полной формы обнаруживающейся тенденции, должно заключаться их историко-генетическое рассмотрение. Отсюда ясно, почему с марксизмом «непримирим... дух затушевания и сглаживания самых коренных противоречий, что задачей марксистского анализа должно быть выявление «дальнейшего обострения и углубления противоречий» [1]). Аналогичным образом обстоит дело и в разрешении практических вопросов: как при историко-генетическом анализе социальных явлений, в полюс их «определения» должны войти все обнаруживающиеся в них общие тенденции развития, так и на практике в полюс «определения» предмета должны войти и практический опыт прошлого, и практическая, требующая непосредственного удовлетворения потребность, ближайшее «назначение» предмета, «связь предмета с тем, что нужно человеку» [2]). Но обнаружение тенденций общественного развития предполагает и их оценку «с точки зрения определенного класса», составляющего одну из сторон «развитого до конца» общественного отношения: социалистическая критика характера и тенденций социального развития является поэтому завершающим моментом марксистского теоретического анализа [3]). Теоретическая работа должна указать «выход из данных порядков, на который указывает экономическое развитие» [4]).

Уже из всех изложенных особенностей теоретического анализа у Ленина того, что он называет обычно «конкретным анализом данного в его обстановке и его развитии» — явствует соотношение в этой форме аналитического исследования «абстрактного» и «конкретного», «теории» и «опыта», рационального и эмпирического. Ленин неоднократно зовет к изучению фактов, к исследованию опыта и отвергает всякого рода априорные построения: «Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умела приняться за изучение фактов, всегда сочиняли à priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» [5]). Ленин называет догматическим «изложение, не опирающееся на изображение конкретного процесса» [6]), он предлагает «не подгонять под готовые выводы, не сочинять дефиниций», а заняться конкретным экономическим исследованием [7]). Он отличает от последовательного «одностороннюю прямолинейность» [8]), которая может «взять одну черту, довести ее, при помощи абстракции предположений до абсурда,—отбросить все остальные особенности... сложного процесса» [9]). Но, на-ряду с этим, Ленин, как хорошо известно, придает огромное значение и чистой революционной теории. Он видит, напр., в «Капитале» образец «чисто теоретического анализа», процесса образования земледельческого капитала [10]). Он учит умению «приложить общие и основные

---

[1]) Там же, стр. 62, 74.
[2]) Еще раз о профсоюзах.
[3]) Империализм как новейший этап капитализма, стр. 82 и др.
[4]) Что такое «друзья народа», т. I, стр. 207.
[5]) Там же, стр. 74.
[6]) Экономическое содержание народничества, стр. 20.
[7]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 334.
[8]) Т. X, стр. 308.
[9]) Развитие капитализма в России, стр. 2 6.
[10]) Там же, стр. 106.

принципы коммунизма к своеобразию отношений» [1]). В своем «Развитии капитализма в России» Ленин предпосылает чисто «теоретические положения абстрактной политической экономии» фактической стороне и т. д. Совершенно очевидно, что для Ленина абстрактное мышление, «чистая теория» играет немалую роль в его конкретном анализе.

Какова же роль научной абстракции? Все дело в том, что за изучение фактов нужно «уметь приняться». Задача теории—«дать постановку вопроса», которая совершенно необходима для марксиста [2]). Поставить же вопрос—это значит выяснить, характер каких производственных отношений носит данное социальное явление. Стало быть, теория имеет для дальнейшего исследования направляющее, методологическое значение. И Ленин дает единственно правильное освещение соотношения между теорией и методом, весьма полезное для искоренения всяких теоретических блужданий по этому поводу. «Теория (марксизм. *И. Р.*) состояла в том, что для «освещения» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием к анализу... «гентильной организации». Впоследствии же анализ ее «дает блистательное подтверждение материалистического метода». Теория претендует только на об'яснение одной капиталистической общественной организации и никакой больше. Если применение материализма (метода? *И. Р.*) к анализу и об'яснению одной «общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации» [3]). Иными словами, научная теория есть не что иное, как тот же примененный к об'яснению общественных форм и проверенный метод. Отсюда следует, что абстрактное чисто-теоретическое мышление понимается всегда Лениным в методологическом его значении: оно дает «постановку вопроса», определяет направление конкретного исследования, создает для этого последнего соответствующую рациональную модель, под углом зрения которой происходит исследование конкретных фактов, изучение «опыта».

Каково же значение в этом теоретическом процессе фактических данных, эмпирического? Все дело в том, что, по Ленину (и это в полном согласии с Марксом), «чисто-эмпирического» и не существует для теоретического познания. Ибо фактические данные подбираются и группируются не по случайным, внешним признакам, но под углом зрения метода, научной теории. Фактические данные, таким образом, только подтверждают, иллюстрируют теорию, характеризуют несколько ближе, конкретизируют основные общественные отношения, указывают на отклонения от общей закономерности и вариации этой последней, но уже подход к изучению их совершается под углом зрения тех же общественных отношений. Отсюда ясно, что чисто-тео-

---

[1]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, стр. 81.
[2]) Развитие капитализма в России, стр. 113; т. IX, стр. 154.
[3]) Что такое «друзья народа», стр. 80, 76.

ретический анализ представляет из себя необходимую ступень конкретного анализа, его необходимое введение. Совершенно очевидно также, что «конкретный анализ» Ленина есть одновременно и «абстрактный анализ» и в этом отношении не представляет никакой противоположности абстрактно-аналитическому методу Маркса. И у Маркса, как хорошо известно, это первоначальное «абстрактное» не остается таким и не получает догматического развития, но постепенно все более «конкретизируется» на пути применения его к историческому материалу. Конкретный анализ, таким образом, есть не что иное, как правомерное и правильное использование абстракции, использование теоретической истины для изучения фактического материала, определение различных вариаций, в которых реализуется это основное теоретическое положение и углубление, таким путем, нашего понимания указанной истины. И, разумеется, такое правомерное и правильное использование абстракции ничего общего не имеет с догматическим «доведением этой истины до абсурда», со «стремлением искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины». «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу» [1]). Таким образом, мы здесь имеем несомненно проверку на опыте, на фактах, но это лишь дальнейшая проверка и конкретное уточнение того, что уже является не гипотезой, а проверенной на всем предыдущем историческом опыте теоретической истиной. Всё различие между применением одного и того же метода Марксом и Лениным можно усмотреть разве лишь в том, что Марксу приходится иметь дело с ранними ступенями развития той же общественной теории, когда она является еще преимущественно «методом» и нуждается в длительной проверке ее на каждом историческом звене генетического развития. Ленин же имеет уже дело с проверенной долгим опытом научной теорией, а потому, минуя ее прежнее историческое и логическое развитие, он может непосредственно переходить к исследованию при ее помощи нового фактического материала.

Лучшим подтверждением этих положений могут служить те приемы, которые употребляет Ленин при статистическом подсчете—в своих «Развитии капитализма», «Новых данных о земледелии» и др. работах. Ленин придает большое значение «вопросу о группировке материала». Указывая на ряд ошибок у современных ему статистиков, он считает самым важным «суметь выдвинуть существенные отличия, признаки» [2]). Так, важно деление крестьян по группам, которые можно выделить лишь приблизительно, но обязательно нужно выделить [3]). Нужно брать также средние данные, которые не затушевывали бы процесса разложения крестьянства. Нельзя делить по «наделам», так как жизнь обходит эти юридические рамки [4]). Ленин предлагает, для

[1]) Развитие капитализма в России, стр. VI.
[2]) Т. IX, стр. 225, 236.
[3]) Там же, стр. 449.
[4]) Развитие капитализма в России, стр. 53.

достижения определенных статистических результатов, комбинировать методы подсчета и т. п. Совершенно очевидно, что у Ленина, при подходе к статистическим данным, уже имеется определенное теоретическое представление об изучаемых процессах, и он ставит своей задачей по этим данным изучить основные черты того или иного явления [1]). Это вытекает и из самого его определения задач статистики. «Статистика должна иллюстрировать установленные всесторонним анализом общественно-экономические отношения, а не превращаться в самоцель» [2]). То же читаем и в другом месте: «Лишь после того, как выяснена сущность этих форм и их отличительные особенности, имеет смысл иллюстрировать развитие той или иной формы посредством обработанных надлежащим образом статистических данных» [3]). Таким образом, теоретические положения не выводятся из статистических данных, но, наоборот, предпосылаются изучению этих данных. Статистика же, кроме иллюстрации положений, установленных анализом, полезна еще тем, что помогает уточнить и конкретизировать эти положения в их конкретном применении. Так, например, «после анализа, статистика занятий всего населения России может и должна быть использована для приблизительного определения того, на какие основные категории делится все население России по своему классовому положению» [4]). И само собой разумеется, что в статистических приемах Ленина нет ничего неправомерного: г.г. Карышевы, Каблуковы etc, которых критикует Ленин, подходя к статистическим данным якобы чисто эмпирически, в действительности также предпосылали им те или иные абстрактные предпосылки, но лишь путаные и не проверенные глубоким анализом.

Отметим кстати, что, если теоретическая абстракция является необходимой предпосылкой и введением ко всякому конкретному анализу, то не меньшую роль играет она и на дальнейших ступенях того же конкретного анализа. Так, если мы абстрагируем задерживающие разложение крестьянства факторы, как кабалу, ростовщичество и т. д., то «подобное абстрагирование представляется однако приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянстве» [5]). Точно так же ленинский «анализ реализации продукта в капиталистическом обществе исходил из предположения об отсутствии внешней торговли: выше уже было отмечено это предположение и показана его необходимость при таком анализе» [6]). «Чтобы рассуждать о значении финансового капитала в деле вывоза, надо уметь выделить связь вывоза специально и только с проделками финансистов», иначе мы будем «обходить и затушевывать как раз суть дела» [7]). Всякое вообще выделение основных отношений, «особого звена» и т. п. необходимо сопровождается абстрагированием от побочных условий. «Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный

---

[1]) Там же, стр. 28.
[2]) Там же, стр. 354.
[3]) Там же, стр. 313.
[4]) Там же, стр. 352.
[5]) Там же, стр. 115.
[6]) Там же, стр. 25.
[7]) Империализм как новейший этап капитализма, стр. 79.

общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияния и обстоятельств случай и уже затем от его решения восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства» [1]). Важно лишь не «абстрагироваться» от основных условий общественной системы [2]).

Так, в процессе постоянного применения абстрактной теории, в процессе постоянного абстрагирования от всего побочного и усложняющего при установлении общего и постоянного возвращения к этому усложняющему и варирующемуся, для связи общего с частным,—и протекает тот конкретный анализ фактически данного, который позволит впоследствии «указать связь между отдельными... сторонами процесса и дать общую картину этого процесса» [3]). Зато и сама «правильная революционная теория» получает в этом процессе свое дальнейшее углубление и новое подтверждение: она «в свою очередь не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» [4]).

---

[1]) Т. IX, стр. 332.
[2]) Развитие капитализма в России, стр. 133.
[3]) Там же, стр. 11.
[4]) Детская болезнь „левизны" в коммунизме, стр. 9.

Здравый смысл и его идеолог.

(По поводу работ проф. И. Боричевского.)

И. Орлов.

1.

Существует счастливое мировоззрение, не знающее никаких затруднений, с необычайной легкостью разрешающее все самые запутанные вопросы—это мировоззрение обывателя, который пожелал заняться теорией науки. Здравый смысл вообще свойствен обывателю; он не покидает его и тогда, когда обыватель занят изученнем методов научной работы. Содержание науки распадается, с точки зрения здравого смысла, как бы на ряд совершенно отдельных ящиков: вот здесь математнка чистая, а там прикладная; в этом ящике естествознание, в том логика; далее, есть ящик с методологией, отдельно от него ящик с философией н т. д. Есть ящик для «чистой мысли», особый ящик для «чувственной данности» и проч. По отношению к содержанню того или другого ящика здравый смысл чувствует илн почтительное удивление или абсолютное пренебрежение, в зависимости от обстоятельств—tertium non datur.

Отдельные ученые делятся для здравого смысла также на две н только на две категории: во-первых, такие, мыслн которых следует читать «без предубеждения» и усваивать без рассуждений; во-вторых, те, которые, с точки зрения здравого смысла, ничего не писали, кроме явного вздора. Рассуждая о деятелях прошлого, здравый смысл не дает себе труда установить их истинное исторческое значение; он рубит с плеча: вот этот—величайший гений (напр. Эпикур), а тот—жалкий философский паразит (напр. Аристотель). Те ящики, которые не нужны, можно уннчтожить, не трогая остальных. Например, можно сжечь ящик с философией, а методология н логика останутся. Впрочем, для здравого смысла задача еще более упрощается: «научная» и «ненаучная» философия находятся в разных ящиках, и нет ничего легче, как выбросить в мусорную яму ящик с «не-научной философией» и тем оказать благодеяние науке.

Итак, содержание науки разбито по ящикам, в которых копаются отдельные специалисты. Однако и прутковская истина—«специалист подобен флюсу, полнота которого односторонняя»—не забыта. Специалист заслуживает всяческого удивления, он является настоящим оракулом, покуда копается в своем ящике; но как только он пытается связать свой ящик с соседним, как только он высказывает мысли, не укладывающиеся в рамки здравого смысла, последний относится к нему со снисходительной жалостью, как к «бессознательной жертве философской легенды». Тем не менее здравый смысл понимает, что нужно как-то связать

в одно целое результаты, достигнутые отдельными специалистами, что кто-то должен рассуждать об общих вопросах. Этим «кто-то» хочет быть обывательский здравый смысл. Но, болтая по вопросам мировоззрения, он боится ясной постановки проблем и точных ответов. Что лежит в основе, определяя собой остальное: чистый разум, чувственная данность, или материя. Дать недвусмысленный ответ, положить что-либо определенное в основу и выводить отсюда частности, оставаясь повсюду логически последовательным—такой метод органически противоречит обывательскому мышлению. Надо, чтобы была и «чувственная данность», и «чистая мысль», и даже «гипотеза материи», каждое в своем ящике. Обывательское мышление, в конце концов, также не может обойтись без материи. Но обыватель одинаково не может быть последовательным материалистом, как и последовательным идеалистом. Здравый смысл признает «и то, и это» и подобную эклектическую болтовню называет научным реализмом.

Здравый смысл избегает ясно очерченных понятий, предпочитая отделываться пышными, но по существу ничего не говорящими фразами. «Живая наука», «положительное знание» и т. под.—его любимые словечки, однако мы напрасно стали бы искать точных определений. Но всего более не любит здравый смысл логических аргументов; он и не пытается давать теоретическую аргументацию, строгую мотивировку своим утверждениям; доказательства он заменяет ссылками на авторитеты. Чувствуя свою беспомощность в вопросах теории, он предусмотрительно загораживается от критики и заранее об'являет требование строгой аргументации вредным «философским измышлением».

Здравый смысл чрезвычайно категоричен и хлесток, именно потому, что он бессилен теоретически обосновать какое-либо из своих мнений; все построено на пышной фразе, за которой не скрывается никакого содержания,—что ясно видно, когда эти фразы изложены на бумаге. Строгих логических рассуждений, собственно, вовсе нет, есть только энергические волевые акты, подкрепленные бесконечными ссылками на авторитеты.

Работы, носящие такой характер, имеют весьма «ученый» вид: они пестрят цитатами и учеными именами.

Такова «физиология здравого смысла». Всякий, кто прочтет какие-либо из работ проф. И. Боричевского[1]), без труда узнает оригинал набросанного здесь портрета.

2.

Однако я должен привести некоторые примеры для того, чтобы показать, что мой «физиологический этюд» не является голословным и основан на фактах. Примеры тех методов, какие применяет здравый смысл в философии, мы найдем в книге проф. Боричевского «Введение в философию науки».

В указанном сочинении мы сразу попадаем в атмосферу общих фраз, вроде: «наше столетие—век естествознания и чистой математики»—и бесконечных ссылок на авторитеты.

---

[1]) См. «Введение в философию науки», Петроград 1922 г.; «Идеалистическая легенда о Канте»,—«Вестник Социалистической Академии» 1923 г., кн. 4; «Истинное лицо сада Эпикура»,—«Записки Научного О-ва Марксистов», кн. 4; «У древнейших истоков идеалистической легенды о Платоне»,—«Книга и Революция» 1922 г., № 8—10.

Тезис проф. Боричевского заключается в том, что «современная философия утратила всякую живую связь с наукой». Стоит ли это доказывать особо?—говорит проф. Боричевский.

— «приведем несколько отзывов общепризнанных представителей положительной науки»;

— «ответ находим у беспристрастного историка современной философии» (Stein);

— «такой же ответ дает и другой наблюдатель» (Frischeisen-Koehler).

Затем привлекается «французский излагатель итогов изумительного развития математики» (Couturat);

— «таково же мнение выдающегося немецкого математика» (Study) и т. д. и т. д.

Далее проф. Боричевский попеременно полемизирует с марбургской и эмпириокритической философскими школами, многократно возвращаясь к той и другой. Опровергая обе школы, он, как истый представитель здравого смысла, пытается найти своего рода золотую середину между указанными направлениями, отстаивая одновременно права «чистого мышления» и «чувственной данности». При этом он принимает одновременно две различных теории познания: одну для естествознания, другую—для математики.

Наторпа и Когена проф. Боричевский критикует, развивая мысль, высказанную также и Махом, о том, что математика не имеет онтологического значения и стремится лишь установить «согласие мыслей друг с другом». Наоборот, Маха он хочет побить оружием, взятым напрокат у неокантианцев, упрекая Маха в психологизме, т.-е. в том, что Мах заменяет вопрос о логической ценности познания вопросом о его происхождении. Маха проф. Боричевский обвиняет, главным образом, в том, что он пытается доказать опытное происхождение числовых понятий и не соглашается с тем, что числа суть свободные создания человеческого духа.

Таким образом проф. Боричевский, многократно переходя от критики марбуржцев к критике эмпириокритицистов и обратно, попеременно кричит «ура» и «караул», то отстаивая, то снова сводя на-нет права «чистого мышления» или же «чувственной данности».

Но главная часть аргументации сводится все-таки к столь любезному для здравого смысла делу, как статистика авторитетов. Главный вопрос заключается в том, кто из патентованных ученых высказывается за или против такой-то философии.

Изложив основную концепцию марбургской школы, проф. Боричевский говорит:

«На первый взгляд перед нами действительно научная философия, чуждая всякой метафизики и вполне достойная восторгов одного венского марксиста, который увидел в ней торжество познавательно-критического монизма, окончательное преодоление дуализма тела и души, духа и материи (M. Adler)».

«Однако,—продолжает проф. Боричевский,—только очень не многие представители положительного знания пошли так далеко».

Затем мы узнаем, что «наиболее видные представители молодой общественной науки обошли новое откровение полным молчанием» и т. д.

Далее, такой же метод применяется к Маху. «Неудивительно, что казовая сторона эмпириокритических творений соблазнила и до сих пор продолжает соблазнять представителей положительного знания».—Однако «сам Мах вынужден признать, что лишь немногие естествоиспытатели за ним последовали».

Затем начинается: «Выслушаем теперь мнение беспристрастного представителя математической мысли» (Грассман) или же «Достаточно припомнить тот приговор, который вынесли представители чистой математической мысли» (Кутюра) и проч.

Во всех цитатах защищаются права чистой «неурезанной», т.-е. не зависимой от реальной действительности, математической мысли, которая не заключает в себе никаких эмпирических элементов и свободно создает свой предмет.

«Но, конечно,—говорит проф. Боричевский,—не трудно догадаться, какой отзыв они (математики) могли бы дать о новой попытке урезать права чистой математической мысли в пользу наглядного созерцания».

Только что воспев чистое «неурезанное» опытом мышление, проф. Боричевский сразу же без всякого перехода меняет фронт, когда Коген и Наторп «пытаются» отстаивать права «неурезанного» мышления также и в математическом естествознании. Сообразно такому повороту, меняется и характер неизбежных цитат. Здесь надо доказать, что «самодержавие логики» недопустимо: «В одной из критических заметок знаменитого Гаусса читаем: „Логические пособия бессильны и приносят лишь пустоцвет, если повсюду не движет плодотворящее живое созерцание предмета. Этого не упустит ни один знакомый с существом геометрии"».

Каждая цитата должна строго соответствовать своему месту. Страницей или двумя ранее она была бы неуместна, так как урезывала бы права «неурезанного» мышления и его беспристрастного представителя г. Кутюра. Метод статистики авторитетов имеет таким образом некоторые серьезные неудобства, так как он рассчитан на короткую память у читателя.

Далее, снова переходя к критике Маха, проф. Боричевский цитирует Больцмана: «Кто не взирает с удивлением, как вечные звезды рабски повинуются законам, которые, хотя и не даны им человеческим духом, но все же подслушаны у них? И чем отвлеченнее, тем могущественнее становится теоретическое исследование. Иногда мы не столько руководимся формулами, сколько руководим ими».

Цитата на месте, и звучит, как «ура», но страницей ранее она звучала бы как «караул», так как разбила бы доводы проф. Боричевского против Наторпа. То же самое можно сказать почти о всех цитатах, приводимых проф. Боричевским. Однако довольно примеров. Читатель найдет их сколько угодно в работах проф. Боричевского.

Перейдем к рассмотрению теории познания проф. Боричевского, вернее двух несоединимых, но эклектически соединенных, теорий познания, относящихся к математике и к естествознанию.

3.

Если отбросить все пышные, но вязнущие в зубах фразы, как, напр., «подлинное существо живого математического познания» и т. под.—то взгляд проф. Боричевского на сущность математики

(т.-е. его изложение идеалистической теории) сводится к следующему:

Математика принадлежит к числу наук формальных, которые никогда не выходят за пределы чистого мышления. Математика не имеет ровно никакого отношения к «бытию», т.-е. к реальной природе. Она не может, да и не желает касаться никаких вопросов о бытии, противостоящем мысли. Истины математики носят условный характер, подобно точным, но условным правилам игры.

«Только люди, неравнодушные к предвзятым мыслям и равнодушные к живой науке, продолжают видеть в математике единую, неизменную, однозначную науку о бытии. В самом деле. Имеем математическое положение: если $X=Y+Z$, то $X-Z=Y$. Перед нами не безусловное суждение, а условный вывод. Безразлично, к какой области «бытия» будут применяться эти формулы: к области астрономии или статистики городского населения, физики или страхового дела. Математика занимается исключительно вопросом об условных отношениях между чистыми понятиями—символами X, Y, Z. Современная чистая математика есть наука о многообразиях чистого мышления. Весь смысл ее бытия заключается в том, что она есть наука условно выводная, совершенно не зависимая от каких бы то ни было вопросов бытия вообще и бытия «безусловного в частности». Это положение является азбучной истиной для всякого, кто прочел без предвзятых мнений хотя бы одно новейшее исследование о «началах» и «сущности» математики, а такие исследования очень многочисленны в международной математической литературе (Couturat, Whitehead, Voss. Васильев etc.)».

Итак, оставьте ваши материалистические «предубеждения» и усваивайте «азбучные истины» профессоров-идеалистов!

Но почему, собственно, в примере проф. Боричевского, вместо плюс, минус, равно не взяты отношения, действительно не имеющие никакой связи с операциями измерения и счета реальных об'ектов? Почему самый вывод основан на той предпосылке, что, отнимая равные величины от равных, мы получаем опять величины равные? И не отражает ли такая аксиома отношений бытия? Указанная аксиома выражает весьма общие свойства реальных об'ектов, и потому она применима и к астрономии, и к статистике и проч. Как же можно вместе с тем утверждать, что математика не применима к бытию и не отображает вовсе его свойств?

Оторванность математики от действительности только кажущаяся. В чистой математике мы нигде не встретим таких отношений, которые нельзя было бы интерпретировать в смысле наглядности. Условный характер математики—только фраза. Всерьез об условности математики можно было бы говорить лишь в том случае, если бы, вместо отношений «равно», «плюс», «минус», «между» и т. д., мы находили только такие отношения, которые решительно невозможно было бы применить ни к какой области действительности. Только в таком случае можно было бы провести полную аналогию между математикой и шахматной игрой.

На самом же деле основные математические постулаты получаются в результате тщательного выбора, упорной работы абстракции, проделываемой над наглядными отношениями. При этом

вопрос ставится так: какие постулаты достаточны для того, чтобы охватить свойства реальной протяженности?

Проф. Боричевский делает такого рода открытие: «умозаключения математики не нуждаются в посредстве опыта». Но дело совсем не в этом. Дело в том, что основные постулаты математики получены путем абстракции из опыта, и конечные выводы математики допускают опытную проверку.

Из всего вышеизложенного следует с несомненностью, что математика есть наука именно о бытии, т.-е. наука о наиболее постоянных свойствах реальных об'ектов, при чем эти свойства выражены в наиболее абстрактной форме. Отсюда вытекает возможность того, что математик может оставаться в сфере чистой мысли до тех пор, пока он этого хочет; но выводы чистой математики он в любой момент может применить к эмпирической действительности просто путем соответственной интерпретации терминов. Излишне было бы прибавлять, что переход от абстрактно-математических отношений к реальным вовсе не означает идеалистического «обоснования» реальных отношений посредством чистой мысли, так как здесь реальности возвращается только то, что ранее у нее было взято.

Проф. Боричевский упорно закрывает глаза на такую возможность применения математики к действительности. Он упорно возвращается к той мысли, что чистая математика не имеет дела с бытием, не выходит за пределы мышления, и на все лады эту мысль повторяет.

«Другое дело—все суждения, которые опираются на непосредственное наглядное представление и ставят своей целью обработку его данных; все они исключаются из области чистой математики и могут стать предметами только математики прикладной—т.-е. математического естествознания».

Проф. Боричевскому не приходит в голову простая мысль, что прикладная математика есть не что иное, как совокупность приложений чистой математики. Воспринимая «без предупреждения» «азбучные истины» идеализма, он просмотрел эту действительно азбучную истину. Между тем во всякой книге по истории математики мы можем найти указания, какое влияние оказывало развитие чистой математики на области ее приложения, т.-е. на естествознание и технику, и какое влияние запросы естествознания и техники оказывало на развитие чистой математики. Чистая и прикладная математика существует в том же смысле, в каком существует чистая и прикладная механика, чистая и прикладная химия и т. п.

Проф. Боричевский представляет себе, наоборот, что чистая математика и прикладная находятся в совершенно отдельных ящиках, и каждая имеет даже свою особую теорию познания. При этом чистая математика есть чистое блаженство в царстве «неурезанной» мысли.

Что касается неевклидовых геометрий, на которые ссылается проф. Боричевский, они точно также могут быть применены к эмпирической действительности—вспомним хотя бы теорию Эйнштейна. Постулаты математики по существу являются теми же гипотезами. Мы не можем решить поэтому с абсолютной достоверностью—постулаты евклидовой или неевклидовой геометрии вполне точно отвечают реальному пространству? Отсюда интерес к математическим теориям различных типов пространства.

Проф. Боричевский чувствует, что у него что-то не ладно, поэтому он пытается обосновать свои утверждения при помощи неокантианского различения между психологическим и логическим подходом.

«Наши суждения могут рассматриваться двояко: с точки зрения их происхождения (психологический подход) или с точки зрения их познавательной ценности (логический подход)».

«Чистая мысль только тогда развертывается во всей своей мощи, когда она оплодотворяется живым созерцанием—чувственной данностью [1]). Но этим и ограничивается ее влияние в чистой математике. Оно имеет огромное значение, как источник личного творчества математических умов; но она не имеет здесь никакого значения для обоснования научной истины. Чистая математика—как таковая—остается наукой чистой мысли независимой по своей внутренней природе от чувственной данности».

Проф. Боричевскому, повидимому, совершенно не ясно, что такой аргумент имеет смысл только с точки зрения кантианцев или неокантианцев. В самом деле, согласно Канту, аксиомы математики суть вместе с тем условия всякого возможного опыта. Следовательно, пусть даже аксиома произошла из опыта—все равно, в процессе опыта она привнесена суб'ектом; следовательно, нет смысла говорить о происхождении аксиом—это психологический подход; метафизическое познавательное значение аксиомы не зависит от ее эмпирического происхождения. В устах неокантианцев такой довод по крайней мере понятен. Но для чего он понадобился проф. Боричевскому—совершенно непостижимо. Если не считать аксиому априорным условием возможности опыта, то из эмпирического происхождения аксиомы вытекает ее эмпирическое же значение. Это вполне очевидно. В действительности психологизм заключается в том, что не признают ничего другого, кроме чувственной данности и мышления, т.-е. не признают никакой реальной действительности, независимой от сознания человека. Но выяснение эмпирического происхождения аксиом может быть рассматриваемо, как психологизм, только с точки зрения кантианской школы. Здравый смысл берет аргументы отовсюду, не заботясь об их совместимости.

4.

Наш защитник «неурезанной» математической мысли принимает еще более благородную позу—позу защитника положительного знания против метафизики.

Он решительный противник метафизики и пред'являет ей самые тяжелые обвинения. «Метафизика ущербляет и увечит внутреннюю природу знания в ее целом»,—жалуется проф. Боричевский. «Метафизика есть мнимая наука,—поучает он далее,—прямо или косвенно отрицающая положительную науку, взятую в ее целом».

---

[1]) Было бы безнадежным делом указывать проф. Боричевскому, что кроме созерцания чувственно-данного существует созерцание, непосредственно независимое от чувственной данности, основанное на психо-физиологической организации, возникшей в результате эволюции организмов. Именно это пространственно временное созерцание направляет математическое творчество. Чувственная же данность необходима для практической проверки правильности, т.-е. соответствия с действительностью полученных построений.

Зато он не жалеет красок, восхваляя науку и научную философию.

«Философия науки есть сама же наука, живая и развивающаяся «предметная» наука, взятая в ее целом, в ее всеобщем «отвлеченном значении».

«Наука в ее всеоб'емлющем целом самодовлеюща; она сама устанавливает свою философию; свою теорию познания; свое учение о сущем, свое учение о высшем благе. Всякая истинная философия науки внутри—научна и нисколько не нуждается в дополнительных услугах религии и метафизики».

В науке проф. Боричевский выдвигает на первое место «две важнейшие ветви древа познания: естествознание и чистую математику».

— Все это хорошо,—может сказать читатель,—но ведь давно прошло то время, когда метафизика выступала с открытым лицом, с гордо поднятой головой. Теперь метафизика стремится прима-заться к естествознанию и «чистой» математике. По каким же признакам можно узнать метафизику, отличить мнимую науку от настоящей?

Метафизика находится «за пределами положительной науки»,—отвечает проф. Боричевский. Положительное знание требует «внутри-научного» подхода к проблемам и исключает всякий «до-научный» подход. До-научный подход есть философский подход,—узнаем мы далее. Философское или до-научное мышление есть вместе с тем «противо-научное». Теперь «различие между метафизикой и наукой выступило с полной отчетливостью»,—уверяет проф. Боричевский.

Но по каким же признакам, все-таки, можно с точностью установить, не проникают ли пережитки до-научных взглядов в проблемы естествознания и математики, в логику и проч. и в чем заключается основное различие научного и до-научного подхода?

Проф. Боричевский продолжает: философский подход «вне-научный» и даже «сверх-научный»; философы высказывают «безответственные» утверждения, тогда как «внутри-научные» утверждения «общеобязательны». Общеобязательно только то, что «внутри-научно» и т. д. Проф. Боричевский может продолжать так довольно долго; он будет продолжать до тех пор, пока читатель, наконец, не догадается, что перед ним банальные общие места о метафизике и науке, совершенно бессодержательная болтовня о «внутри-научном», «вне-научном», «до-научном», «сверх-научном», «противно-научном» подходе. Однако настоящее слово, которое могло бы характеризовать «подход» самого проф. Боричевского, еще не сказано. Все его рассуждения «около-научны»; здравый смысл ходит вокруг да около научных проблем без настоящего их понимания и свое непонимание возводит в принцип.

Здравый смысл, как уже сказано, не дает и не может давать точного определения тем вещам, о которых он рассуждает. Он не понимает, что сказать внутри-научный—вне-научный, общеобязательный—не общеобязательный,—значит ничего не сказать. В действительности метафизика пытается проникнуть в научные проблемы под видом самоочевидных «истин», не зависимых от опыта. Но здравый смысл и сам падок на самоочевидные «истины», что ясно показывают рассуждения проф. Боричевского по поводу математики.

Есть и еще одна излюбленная поза у нашего «идеолога»— поза разрушителя «ходячих легенд». Оказывается, существуют «ходячие легенды» о Сократе, Платоне, Аристотеле, Эпикуре, о Ньютоне, французских материалистах, о Канте, Гегеле и т. д. и т. д. И все эти «легенды» разрушил или разрушает проф. Боричевский. Чего стоит эта «разрушительная» поза и насколько проф. Боричевскому свойственно понимание исторического метода, исчерпывающим образом показал на примере «легенды о Канте» тов. Деборин [1]). Здесь я ничего прибавить не имею.

[1]) См. А. Деборин, Легкомысленный критик,—«Вестник Коммунистической Академии», кн. 7, 1924 г.

Мышление и речь.

(К критике А. Богданова.)

И. Вайнштейн.

> Только там, где кончаются слова, начинается жизнь, раскрывается тайна бытия. Если поэтому неизреченность неразумна, то всякое существование, — так как оно всегда и везде — только это существование, — лишено разумного основания. Но оно не таково. Даже не будучи изреченным, существование само для себя имеет смысл и разум.
>
> Фейербах, Основы философии будущего.

Говоря о кризисе идеологии, поражающем по своим размерам, по своей разрушительной и освобождающей силе, А. Богданов ставит себе задачей «представить общий ход идеологической жизни человечества, от ее зарождения до наших дней». Чтобы решить эту задачу, Богданов начинает с самого начала «возникновения простейших элементов идеологии», которыми являются «слово и мысль». Прежде всего,—говорит Богданов,—надо рассмотреть соотношение обоих элементов идеологии. В современной науке оно выяснено вполне достаточно для нашей цели. Оно может быть точно выражено формулой, которую дал знаменитый английский филолог Макс Мюллер: «Мышление есть речь минус звук», т.-е. из этих двух явлений речь есть первичное, мышление—производное» (Падение великого фетишизма, стр. 3—4).

Несмотря на то, что в традиционной филологической литературе положение Мюллера получило право гражданства; несмотря на то, что оно также принято Бухариным, основательность этого положения может быть, однако, подвергнута решительному сомнению. Подобное сомнение тем более напрашивается, что это положение вступило в бракосочетание с теорией социально-организованного опыта, которые взаимно друг друга подтверждают и оправдывают.

Состоятельность этого положения должна быть подвергнута сомнению на основании хотя бы тех результатов, к которым оно приводит у самого Мюллера. Последний, исходя из данного положения, строит свою теорию мифов, согласно которой мифы возникли «из болезни речи». Соблазнительная же привлекательность этой теории для Богданова совершенно естественна, так как согласно ей слова становятся вещами. Когда же слова становятся вещами, то они ведь подтверждают ту эмпириомонистическую концепцию, по которой физический мир есть продукт коллективных высказываний, коллективного опыта людей, выражающегося в первую голову при посредстве слова.

Слово, повторяет и Потебня, есть самая вещь, что свидетельствуется для него «распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явления» (Мысль и язык, стр. 144).

«Мышление есть речь минус звук». Приведенное положение, ведущее свое происхождение от теории Макса Мюллера, которую, впрочем,

он впоследствии отверг, настоятельно проводится Богдановым, как наиболее точная характеристика мышления. Положение, гласящее, что мышление есть беззвучная речь, замечательно характеризует философскую концепцию Богданова, упорно стремящуюся оторвать мышление от предметности, приобщить его к социально-организованному опыту и, так сказать, включить его в последний. Понятие тождественно, согласно этой теории, с теми криками и произвольными звуками, которые сопровождают процесс коллективной работы. Мышление, таким образом, отождествляется с речью. Физический мир для Богданова это, как известно, социально-трудовой опыт людей. Если понятие тождественно с трудовыми криками, которые образуют первоначальные элементы мышления, то, следовательно, лингвистика становится на защиту Богдановской философии, и сама речь-мышление вещает о ее непоколебимой верности. Маркс говорил, что идеальное есть переработанное в голове материальное. Идеальное, под которым Маркс понимает психическое вообще, ведет у него происхождение от материи, предметности, отражающихся в человеческом мозгу. Если слова сначала выражают действия, прежде чем выражать предметы, то все эти названия действий соответствуют определенным, я бы сказал, материальным центрам действия, к которым эти действия относятся и с которыми они связаны, ибо действия, как замечает Бергсон, не могут протекать вне реальности, т.-е. вне предметной и материальной среды.

Энгельс, указывая на отличие диалектики Маркса от диалектики Гегеля, усматривает его в преодолении того идеологического извращения, согласно которому диалектическое развитие в природе и истории есть снимок поступательного движения понятия, существовавшего спокон века. Преодоление этого идеологического извращения состояло в популярном понимании понятия, как снимка действительных вещей. Сознание предмета есть самосознание человека. Фейербах, который стремился вырвать мысль из затхлой атмосферы теологии и мистицизма, дав указанное определение самосознания, вплотную приблизился к пониманию его действительной природы. Естествоиспытатель Гексли, определив мышление, как самосознание бытия, также указывает на об'ективный источник мышления, указывает на предметное бытие, инобытием которого является мышление. Крупные философы материалисты всегда разгадывали сфинкса на почве материализма и этим его пожирали. Подобных результатов они достигали, когда высокие проблемы интеллекта переносили на почву единства суб'екта и об'екта, т.-е. на почву включения человека в материальный мир, как его законного порождения. Душа, например, для Спинозы есть идея тела.

Чтобы преодолеть материальный характер познания, необходимо было Богданову отождествить мышление с речью, ибо трудовые крики, как социально организованная стихия, не вытекают из об'ективного и вне человека существующего бытия, наоборот, порождают последнее в его социально-организованном размахе. Но верно ли приведенное положение? Об'ективное мышление есть отраженная действительность. Отождествление мышления и речи Богдановым имело своим побуждением отрыв мышления от материальной действительности и превращение его в суб'ективный продукт социально-трудового опыта.

Положение, гласящее, что мышление есть беззвучная речь, хотя оно было высказано еще Платоном, поскольку оно получило систематическое обоснование у Макса Мюллера, является просто порождением той научной пещерности (Бекон), которая стремится, так сказать, захватить щупальцами специальности мировое все. Для Макса Мюллера стадии развития мышления одновременно суть стадии развития речи. Мифология

есть для него необходимая ступень языка и мышления. «Мы,—говорит Макс Мюллер, поясняя возникновение мифа из языка,—знаем, что Эос (по-гречески утренняя заря) соответствует санскритскому Шуас, что значит светить. Эос, следовательно, первоначально называлось светящий или светящая, или светящее. Кто же были эти он, она и оно? Здесь мы можем просто наблюдать неизбежное рождение мифа. То, что познается нашими внешними чувствами и что мы можем называть, есть только следствие; это своеобразное освещение неба, проблеск наступающего утра или, как мы сказали бы, рефлекс преломляющихся в облаках солнечных лучей. Но так, разумеется, не думали древние. Составив такое слово, как Эос, означающее светящее или свет, они должны были пойти дальше и говорить—Эос возвращается, Эос ушла, Эос снова пришла, Эос поднимается из моря. Эос—дочь неба, солнце идет вслед за Эос, солнце любит Эос, солнце убивает Эос и т. д. Что все это означает? Вы можете сказать, что язык это, конечно, миф и притом миф неизбежный». Лютгенау, последователь Макса Мюллера, дает на основании вышеприведенного суждения указанное выше определение мифа. Плеханов по поводу указания Лютгенау, что это еще недостаточное определение, замечает, что это даже совсем недостаточное определение, и говорит о полезности сокращения этого определения, которое приняло бы следующую форму: миф есть необходимая ступень развития мышления. Плеханов далее говорит, что мы, подобно нашим предкам, нашим отдаленным предкам, говорим: солнце село, луна взошла, ветер утих, но, однако, мы уже вкладываем в эти выражения совсем другое содержание и вовсе не считаем солнце, луну живыми существами, одаренными сознанием и волей. Одни и те же слова получили совсем другой смысл, что об'ясняется тем, что характер этх представлений, прежде благоприятствовавший мифологии, теперь совершенно не благоприятствует. Таким образом, заключает Плеханов, именно характером мышления, свойственным первобытному человеку, определяется характер мифов. Характер же мышления первобытного человека заключается в одушевлении окружающего мира, что имеет свою причину в ничтожном опыте первобытного человека, относящемся исключительно к животному миру. Но первобытный человек, имевший также отношение к неорганической природе, стремился об'яснить природу, судил о последней по аналогии с известным ему одушевленным миром. Мифология первобытного человека есть результат перенесения его воображением на неорганическую природу его практического опыта. Отсюда непоколебимо следует, что характером мышления определяется характер речи, т. е., что речь есть функция мышления, а не наоборот, что об отождествлении речи и мышления не может быть и речи, будь она звучная или беззвучная.

Плеханов справедливо замечает, что не филология, а технология об'ясняет развитие мифологии и ее видоизменения под влиянием развития производительных сил. Мышление далеко не начинается речью, которая будто бы тождественна с мышлением.

Мышление уже свойственно в известной степени высшим животным, которые, по мнению Дарвина, обладают вниманием, памятью, воображением и некоторой способностью размышлять. «Постоянно,—говорит Дарвин,—можно видеть, как животные рассуждают, обдумывают и решают». Мыслительная способность диктуется животным стремлением к самосохранению. Стремление к самосохранению диктует животному необходимость различать вещи, сознавать их взаимные отношения (Каутский). Животное не могло бы существовать, если бы оно совсем не различало между полезными и вредными предметами и явлениями и не утилизировало бы этого познавательного опыта в целях самосохране-

ния. Представление о причинности в минимальной степени уже развито у животных. Чутье причинности у животного заключается в том, что оно не только различает в пространстве вредный или же полезный предмет, но оно причинно связывает с определенными предметами определенное следствие, связанное с его судьбой: «Сотрясение земли является для дождевого червя симптомом опасности и поводом к бегству» (Каутский). Мышление, как следует из вышеприведенного, существует в зачаточных формах уже в животном мире до появления речи. Если же принять положение Богданова, то совершенно было бы непонятно проявление мыслительных способностей у животных,—что, однако, является фактом, не подлежащим сомнению. Сознание предмета есть самосознание человека. Самосознание, предполагающее известный координирующий центр, который об'единяет, концентрирует исходящие из внешнего мира впечатления, претворяя их в определенные обобщения, возникает на почве единства предмета, действующего на чувственный орган человека и, в свою очередь, подвергающегося воздействию со стороны последнего. Единство предмета определяет единство сознания человека в процессе его практического или технического воздействия. Поскольку это техническое действие на предмет раскрывает тайну самосознания, последнее освещается именно технологией, которая становится ключом к пониманию логических форм мышления.

Повторяю: не филология, а технология раскрывает сущность логического мышления. Технология отвечает на вопрос, каким образом сознание предмета превращается в самосознание человека. Форма мышления в марксистском миропонимании порождается действием предмета на человека и обратным действием человека на предмет, порождаясь как его собственное отражение в процессе этого взаимодействия. Сознание животного еще, так сказать, не эмансипировано от отдельных его действий и чувствований. Животное не отдает себе отчета о своих собственных действиях.

Логическое мышление, как говорит Гегель, есть мышление, направленное на свою собственную деятельность и познающее эту деятельность. Переход животного сознания на степень самосознательного интеллектуального творчества, словом, возникновение и развитие логических функций совершается именно на почве технического воздействия на предмет.

Самосознание предполагает удвоенное сознание, активный обзор своих единичных актов, которые проходят через горнило контролирующего сознания и повторно в нем отражаются. Процесс подобного самоудвоения и отличает, по мнению некоторых исследователей, сознание человека, который способен сознавать свои единичные акты не только в них самих, но и в повторном отношении к последним. Это, как сказал бы Спиноза,—идея идеи. Этот специфический акт самосознания, который заключается в повторном об'ективном отношении сознающей особи к своим актам и деятельностям, некоторые исследователи (Капп) об'ясняют из деятельности при помощи орудий труда. Логическая форма причинности возникла, по мнению этого исследователя, благодаря деятельности человека и испытываемому им действию со стороны внешнего мира, благодаря нахождению во внешнем мире двух вещей, пригодных в одинаковой степени для спокойного и об'ективного исследования. Принуждая орудие, как искусственный орган (Маркс), отделенный пространственно и вещественно от естественных органов, действовать на другую вещь, человек приобретает возможность понимать причинную связь об'ективно, т.-е. выходя за пределы своей чувственной пер-

видуальности, которая еще связывает и подавляет чувственный кругозор животного.

Об'ективное логическое сознание во всех его формах, сознание собственного сознания возникает благодаря его техническому самоудвоению, т.-е. благодаря техническому воспроизведению его естественных органов, приобретающих техническое самостоятельное существование в виде искусственной системы органов, которая становится между человеком и окружающей его природой, как своеобразная искусственная среда. Эта система искусственных органов образует материальную, техническую среду, независимую от человека, и, наглядно демонстрируя ок'ективное отношение причины и следствия, определяет именно об'ективный характер человеческого сознания, подымает его до степени логического самосознания, познающего и ориентирующегося в собственных актах.

«Воздействуя на предмет вне себя и изменяя его, человек одновременно изменяет и собственную природу». Последнее, именно, означает, что человеческий дух формируется в процессе технического воздействия на внешний предмет. Положение Фейербаха, гласящее, что самосознание человека есть сознание предмета, становится понятным в свете приведенного Марксом положения, согласно которому человеческое сознание может только отражать его предметные действия в процессе его воздействия на предмет. Таким образом, логическая функция человеческого мышления и об'ективное отношение сознания к его собственной деятельности возникает на почве такого технического удвоения человека в виде искусственных органов, которое выражается в производстве орудий производства. Материальное повторение человека, благодаря которому он способен наблюдать себя в качестве об'ективной причины определенных действий в технически созданной среде, определяет его психологическое самоудвоение в виде самосознания, которое заключается в об'ективном отношении сознания к его собственным функциям.

Да, не априоризм, ищущий тайн сознания и его форм в его врожденных способностях, и не филология, об'ясняющая мышление из речи, а технология «разоблачает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем его общественные отношения и вытекающие из них духовные представления» (Маркс). Интеллект и есть,—как заметил Анри Бергсон,—способность производить и употреблять различные орудия, в частности — из орудий создавать орудия и бесконечно разнообразить их выделку. Человек есть животное, производящее орудия, и только на этой почве необходимо искать генезис его с в о е о б р а з и я, отделяющего его от животного, которое пользуется только своими естественными органами. Появление настоящего человека следует отнести именно к появлению первых орудий.

Известен спор, поднявшийся вокруг открытия Буше-ле-Петра в каменоломне Мулинкиньона. Спор заключался в том, представляла ли находка топоры или куски случайно расколовшегося кремня. Но никто не сомневался ни на одно мгновенье,—замечает по этому поводу Бергсон,—что если это были топоры, то, значит, перед глазами было присутствие человеческого интеллекта. Даже, когда дело идет о разуме животных, то квалификация этого разума относится прежде всего к таким поступкам, которые «свидетельствуют о присутствии у животного мысли о фабрикации». «Животные, которых ставят тотчас после человека по их интеллекту,—говорит Бергсон, — обезьяны и слоны, умеют употреблять при случае искусственные орудия. За ними, но не далеко от них, отводят место тем, которые р а с п о з н а ю т сфабрикованный предмет, так, например, лисица знает, что западня есть западня. Конечно, интел-

лект присутствует повсюду, где есть суждение, но суждение, состоящее в том, чтобы направить прошлый опыт на опыт настоящий, есть уже начало изобретения. Изобретение становится полным, когда оно материализуется в сделанном орудии. Сюда и стремится интеллект животных, как к своему идеалу» («Творческая эволюция», 123—124). Бергсон, следуя в данном случае материалистическому пониманию истории, вполне справедливо замечает, что главная отправная попытка человеческого интеллекта состояла в механическом изобретении, «что и теперь наша общественная жизнь вращается вокруг фабрикации и пользования искусственными орудиями, что изобретения, которыми, как вехами, отмечают путь прогресса, начертали собой также и направление интеллекта».

А почему же именно искусственное орудие делает человека человеком? Почему оно так подинимает его организацию над организацией животных? Именно потому, что, продолжая его естественный организм, оно обогащает его организацию, разнообразит ее функции. «Для каждой удовлетворяемой им потребности оно создает новую потребность, и таким образом, вместо того, чтобы, подобно инстинкту, замкнуть круг действия, в котором животное должно двигаться автоматически, оно открывает перед этой деятельностью безграничное поле, толкая ее все дальше и дальше и делая ее все более и более свободной». («Твор. эв.», 126).

Употребление искусственных орудий, техническое воздействие на природу, создает необходимость предварительного усмотрения тех препятствий, которые могут нарушать процесс работы в его продуктивности и тем самым обусловливает появление апперцептивного сознания, т.-е. различающего, соотносящего, учитывающего, словом, активного. Активность же сознания заключается в том, что оно не поглощается действием, но предусматривает возможные пути его проявления и рряда с некоторого расстояния. Бессознательность, механичность, машинальность действия характеризуется, согласно Бергсону, совпадением представления действия и его выполнения, которое до такой степени сходно с представлением и так «плотно в него входит», что никакое сознание не может уже выступить, будучи закупорено действием. С этой точки зрения сознание служит, так сказать, мерилом отделения представления от действия, которое охватывает и учитывает в перспективе те многочисленные трудности и препятствия, которые приходится преодолевать, выбирая для производства «место и время», форму и материю.

Почти аналогично рассуждает Маркс о процессе труда у человека в отличие от инстинктивного труда животного. Идеальное, как мыслительная деятельность, существует в зачаточной форме и у животного.

Но в процессе технического воздействия человека на внешний предмет, на почве создания человеком искусственной среды, составляющей отправную точку его подлинного развития, выковываются и образуются об'ективные формы сознания, которые отражают об'ективные формы бытия. Критическая история технологии, освещенная в связи с генетическим ростом сознания и его функций, показала бы образование логического интеллекта в процессе трудового воздействия на природу. В процессе труда, который в его об'ективном проявлении, т.-е. в системе производительных сил, сделал человека человеком, хотя физического мира он все же не создал. Если интеллект есть способность производить и употреблять орудия труда, то эта способность осуществляется в общественном производстве, так как изолированных про-

дителей и изолированного производства не существует. Человек производит социально.

Язык возникает в процессе этого производства на почве уясняющейся необходимости взаимно-трудового согласования, взаимной трудовой поддержки, как орудие трудового общения, способствующее его продуктивности и овладению разнообразием и изменчивостью производственного процесса. В процессе труда заключается тайна возникновения речи, которая не тождественна с мышлением, а лишь исторически соответствует ему на данном уровне развития и при данном запасе его действительного опыта. Развитие труда,—говорит Энгельс,—по необходимости содействовало более тесному сближению членов общества, учащая случаи взаимной поддержки, взаимной помощи, поясняя каждому индивидууму пользу этого взаимодействия. Словом формировавшиеся индивидуумы пришли к тому, что почувствовали потребность нечто сказать друг другу. Потребность выработала себе соответственный орган, неразвитая глотка обезьяны медленно, но верно перерабатывалась, переходя от одной модуляции к другой, более сложной и органы речи мало-помалу приучились произносить один членораздельный звук за другим. Вначале люди действовали. Но это действование вовсе не было исключительно механическим, автоматическим, а предполагало хотя бы примитивную деятельность мышления, которая в процессе труда способствовала образованию речи, способности фиксировать представления в определенных звуковых обозначениях. Действие координировало людей, сближало, уясняло взаимную нужду, порождая, таким образом, потребность в речи, как мощном социализующем факторе общения. Если бы слова тождественны были с мышлением, то раз произнесенное слово на-веки должно было бы удержать свое идеальное, т.-е. свое непреложное, содержание, неотделимое от его звуковой структуры. Но на протяжении своего развития слова меняют свой смысл, что об'ясняется изменением лежащих в их основе представлений, определяемых наличным запасом опыта, совпадающим с техническим размахом человека. Если его опыт не выходит за пределы животного мира, что единственно составляет предмет производственной деятельности, определяя характер его анимистических представлений, то и слова будут соответствовать данным представлениям, выражая его мифологическое понимание природы, переносящее на совокупное проявление последней специфические признаки животного мира. Энгельс, стоящий на точке зрения трудового возникновения речи, говорит, однако, о побудительных потребностях, которые толкали формировавшихся людей к взаимному общению словами, побуждали их оказывать друг другу помощь. Он далек, очевидно, от теории о тождестве мышления и речи, ибо при подобном отождествлении мышления и речи нельзя говорить о мыслительных импульсах, которые вырастали и развивались в процессе трудового общения, способствовавшего возникновению речи.

Диалектика исторического процесса служит ярким опровержением того положения, что мышление есть беззвучная речь. Когда производительные силы вступают в столкновение с производительными отношениями и человечество ставит себе новые задачи, имманентно вытекающие из материального хода исторического развития, то представления прогрессивных элементов данного общества начинают изменяться, и прежние слова далеко уже не совпадают с тем содержанием, которое им было ранее присуще. Борьба между старым и новым находит свое выражение в несоответствии старых слоев новым представлением, что приводит нередко к чрезвычайным недоразумениям. Фейербах, например, об'явил бога иллюзией, ибо в философии Фейербаха бог означает поклонение человека своей собственной сущности. Бог для Фейербаха есть ничто,

так как он есть человеческая сущность, оторванная от человека и превращенная в самостоятельное существо. Бог в философии Фейербаха есть об'ективация собственной сущности человека, которую человек считает существующим независимо от него самостоятельным существом, более сильным, мощным и сведущим. Разум, постигший в самосознании свою собственную сущность, отвергает бога, как печальную и зловредную фикцию. Показав, что бог, означающий поклонение человека своей собственной сущности, представляет собой фикцию, Фейербах провозглашает положение, что человек человеку бог, так как бог есть сам же человек, оторванный от его собственной сущности.

Таким образом, бог, об'явленный злостной и пагубной иллюзией, перенесен на человека, что, по мнению Плеханова, равносильно об'явлению самого человека иллюзией. Но здесь-то и сказывается традиционная трагедия слова, выражающего совершенно иное содержание, нежели то, которое с ним традиционно связано. Бог, как зловредная и пагубная иллюзия, раздвояющая, опустошающая человека, вновь привлекается Фейербахом для характеристики человека, нового человека и междучеловеческих отношений. Борьба между старым и новым миром обнаруживается ярко и показательно в несоответствии между словом и тем содержанием, которое оно выражает, так как эти представления являются полным отрицанием этого слова в его традиционном содержании, которое, однако, с ним нераздельно связано. Характером мышления определяется характер речи, которая в данном случае, поскольку она вырастала на почве совершенно иных представлений, приводит только к противоречиям, поощряющим некоторых к своеобразным и абсурдным выводам. Фейербах, заявивший, что единственной религией является отсутствие религии, вспомнил, что «религия» произошла от глагола religare, что означало первоначально «связь». Отсюда Фейербах заключил, что всякая связь есть религия. Энгельс по этому поводу заметил, что подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Что же удивительного, что философия Богданова спешно ухватилась за эту лазейку и возвела ее в творческий принцип.

Философия Спинозы материалистична, но ее материалистическое содержание принимает теологическую физиономию, благодаря термину «бог», обозначающему субстанцию, т.-е. самопричинное и самотворческое бытие.

Спиноза сам в свою очередь предупреждал о необходимости осмотрительного отношения к словам, которые могут оказаться причиной имагинативного, т.-е. смутного, познания. Далее, говорит Спиноза, слова представляют собой часть имагинативных, смутных содержаний. «Так как мы создаем себе фикции многих идей постольку, поскольку слова слагаются в памяти неопределенным порядком, в результате некоторого предрасположения тела, то не подлежит сомнению, что они в той же мере, как имагинативное познание, могут являться причиной чрезвычайно многих заблуждений, если мы не будем относиться к ним в высшей степени осторожно». Спиноза далее говорит, что слова представляют знаки вещей, поскольку вещи даны в имагинативном познании, а не поскольку они даны в интеллекте, что с очевидностью следует уже из того, что вообще тем вещам, которые принадлежат исключительно к области интеллекта и не даны в имагинативном познании, придавали часто отрицательные названия, как-то: нетелесное, бесконечное; при этом многое, на самом деле положительное, выражают через отрицания и противоположение: несотворено, независимо, бесконечно. Происходит это потому, что, без сомнения, вещи, познаваемые имагинативно, обозначаемые

в противоположность вещам, познаваемым путем интеллекта, мы представляем с гораздо большей легкостью, потому что они прежде всего бросались в глаза первым людям и присвоили себе положительное название. «Многие вещи мы утверждаем и отрицаем только потому, что природа слов терпит такое отрицание или утверждение, но не природа вещей. Следовательно,—заключает Спиноза,—пока эта последняя остается непознанной нами, легко принимать нечто ложное за истину».

Природа слов оказывается для Спинозы неравнозначной с природой вещей, которая не находит адэкватного отражения в природе слов. Достижение истинного познания требует для Спинозы обращения к вещам, которые познаются при помощи интеллекта, каковой отправляется от вещей, а не от воображения, опирающегося на слова. Постигать природу мышления через речь, это значит преподносить тот способ познания, который Спиноза обозначает, как познание «с чужих слов». Язык способствует образованию понятий, выведению общего и частного. Он способствует абстрагированию от различных представлений и, так сказать, сгущает их в одном слове, которое освобождает от необходимой наглядности этих представлений, господствующих над животными. Бергсон так и указывает, что язык способствовал освобождению интеллекта. Язык способствует абстрактности мышления. Но слова однако же не тождественны с мышлением, а служат только для внешнего выражения этих представлений, которые, находясь в процессе постоянного изменения, меняют и характер слов, в своей внешней оболочке могущих оставаться неизменными. Игнорирование предмета, как базиса мышления, и, следовательно, определяемой им речи, есть возведение на пьедестал иллюзии, ибо мысль есть прежде всего снимок с вещи, подлежащей действенной обработке, вне которой мысль остается фикцией. Слово только фиксирует мысленное отражение, схватывание вещи, сообщая ему более или менее подвижную вещественность. «И с т и н н а я м ы с л ь схватывает с у щ н о с т ь п р е д м е т а, и то же самое должно сказать о слове, когда истинная мысль облекается в него» (Г е г е л ь, Философия духа).

Мысль, прежде нежели облечься в слово, есть представляемое предметное содержание, которое лежит в основе апперцепции и, следовательно, облекающего и овеществляющего ее слова. Вильгельм Гумбольдт, пожалуй, прав, определяя речь, как вечно возобновляющуюся деятельность духа, сводящуюся к приспособлению членораздельных звуков к выражению постоянно меняющихся представлений. Характер мышления, как мы уже знаем, определяется данным запасом действенного опыта, словом, данным состоянием производительных сил, поскольку оно преломляется во взаимных отношениях людей, словом—в общественной психологии. Слова для Гегеля суть бытие, оживленное мыслью, или, выражаясь материалистически, овеществленное выражение мысленно отраженной предметности. Представления составляют как бы жизнь слова, которое воплощает, фиксирует, удерживает, захватывает. Значение слова, согласно Гегелю, относится к слову, как образ к интуиции. Слово в таком понимании составляет как бы раму, в которой помещается материал определенного содержания. Но положение, согласно которому мышление есть беззвучная речь, остается только при восприятии, совершенно игнорируя образ, предмет, получающий свое отражение в представлении. Голые слова еще, однако, не суть мысли. В одной сцене Гетовского Фауста, Мефистофель посвящает ученика в тайны науки:

МЕФИСТОФЕЛЬ:

В словах науки скрыта суть,
В словах Вы путь прямой найдете
И в храм премудрости войдете.

УЧЕНИК:

> Но смысл какой-нибудь
> Мы в слове выражаем?

МЕФИСТОФЕЛЬ:

> Прекрасно—только не всегда;
> Где мысли нет, там без труда
> Ее мы словом заменяем.
> На слове споры мы ведем,
> Системы строим мы на нем.
> Слова—религии основа,
> Для нас священна нота слова.

Потебня, стоящий на точке зрения Макса Мюллера, говорит, что характерная особенность слова заключается в его способности расти; не в его определенном индивидуальном смысле для говорящего, а в его способности иметь смысл вообще. Но почему слово способно расти? Где оно почерпает эту способность? Если считать, что оно из своей собственной речевой сущности почерпает эту силу, то оно оказалось бы наделенным волшебными свойствами, недоступными нашему достижению. Оно почерпает же эту способность из того представляемого содержания, которое в его многообразии определяет способность роста слова, обусловливает его подвижность.

Потебня пытается обосновать свою теорию слова путем его сопоставления с искусством. «Чтобы не сделать искусство явлением не необходимым или вовсе лишним в человеческой жизни, следует допустить, что и оно, подобно слову, есть не столько выражение, сколько средство создания мысли; что цель его, как и слова, произвести известное суб'ективное настроение как и в самом производителе, так и в понимающем; что и оно не есть покой, а движение, нечто постоянно создающееся. Этим определяются частные черты сходства искусства и языка» (Мысль и язык, стр. 155).

Потебня в толковании искусства допускает ту же ошибку, что и в толковании слова, сообщая искусству, как и слову, мощь самопричины. Праздное занятие, конечно, исходить в толковании искусства из соображения необходимости не сделать его лишним в человеческой жизни. Искусство, существуя и развиваясь, свидетельствует о его исторической необходимости, которая подлежит об'яснению. Художественное произведение, согласно Потебне, носит в себе «зародыш бесконечной определимости раз сформированного материала». Но не говоря уже о том, что потенциональная энергия какого-нибудь художественного произведения конечна в возможностях ее исторического действия, ибо, например, колоссальная художественная поэма Данте отличается совершенным бесплодием в эпоху диктатуры пролетариата, то даже его конечные созидательные возможности связаны с его выражающей природой, предметом которой служат общественные отношения и вырастающие на их основе коллективные переживания.

То обстоятельство, что искусство выражает общественное бытие, делает его необходимым и сообщает ему способность стать «средством создания мысли».

Положение, гласящее, что мышление есть беззвучная речь, вполне совпадает с теорией Мефистофеля, отвергающей мысли и полностью заменяющей их словами. Но слова не только неспособны заменить мысль, но и неспособны даже иногда выражать ее. Итальянский марксист Антонио Лабриола, подчеркивая метафизический характер словесного выражения, указывает, что при помощи слова не только выражается

мысль, но и искажается. Слова, лишенные точного научного значения, которыми мы, однако, пользуемся в целях познания, указывают, по мнению Лабриолы, на психологические данные при об'яснении фактов фетишизма. В различные эпохи истории и при различных условиях формы мышления, превращенные в самостоятельные сущности вещей, дают типичный пример подобной фетишизации идей. Лабриола ссылается на процесс об'ективации идей у Платона, который провозгласил идею самостоятельной, существующей независимо от человеческого мозга, сущностью.

Фетишизм, конечно, коренится в определенных условиях общественного бытия. Однако Лабриола прав, подчеркивая, что слова способствуют проникновению метафизических элементов в познание, так как они не в состоянии исторически вибрировать в контакте с меняющимся содержанием представлений, которое фиксируется в определенной словесной оболочке.

Слова, при недостаточном отношении к вещественному бытию в данной конкретности, являются важной причиной мифологического и метафизического в историческом и научном познании. Деньги, например, которые сначала имели значение простого средства обмена, а впоследствии капитала, поскольку они являются фактором в процессе возрастания стоимости, превращаются в воображении экономистов в фетиш, производящий прибыль по врожденному ему праву. «Приходится констатировать, что человеческая мысль постоянно возвращается к метафизическим ошибкам слова, очень часто приближающим ее к мифологии. Это заставляет нас относиться снисходительно к общественно-психологическим причинам, так долго задерживавшим пробуждение критической мысли, которая признает сознательный экспериментальный путь и не преклоняется перед фетишами» (Лабриола). Всякое подлинное научное чутье (Энгельс, Спиноза, Гегель) всегда находило нужным предупреждать, что слова еще не суть мышление, что слова способствуют проникновению мифологических элементов, и всегда направляло к конкретным представлениям, которые лежат в основе словесных обозначений и сообщают им их действительный характер. Только при материалистическом понимании слова, как бытия, оживленного мыслью (Гегель), являющегося снимком вещей, а не беззвучной речью, слово утрачивает опасность привносить в научное мышление элементы фетишизма и метафизики; оно в этом случае плодотворно выступает в роли необходимого органа человеческого мышления. Гегель поэтому говорит, что мышление не только совершается при помощи слов, но и ориентируется среди них и производит сознательно то, что создано бессознательно и инстинктивно. Идеальное есть переведенное в мозгу материальное. Перевод этот в человеческой голове выступает в форме конкретно представляющей деятельности, отражающей данную естественную и социальную среду. Слова как бы материализуют эти представления, сообщая им, выражаясь языком Гегеля, бытие, превращают в общественное достояние и падают или меняют свое содержание под влиянием изменяющихся социальных условий в связи с изменением той социальной и технической обстановки, которая является источником данных представлений. Мышление в Марксовом понимании есть отражающая и обобщенная деятельность, которая, возникая и развиваясь в процессе технического воздействия на природу, получает в языке свою социальную оболочку.

Теперь в эпоху диктатуры пролетариата, когда самыми важными являются дело и мысль, творчество и понимание, теория, отождествляющая мысль с речью, выдвигающая во главу угла слово, может только

оказаться лазейкой для всевозможных ухищрений идеалистической метафизики.

Людвиг Нуаре, разделяющий теорию Макса Мюллера о мышлении, как функции речи, обнаруживает резкую непоследовательность в интерпретации своей теории, вскрывающую ее несостоятельность. Отрицая, что речь есть порождение ощущения, Нуаре считает, что она есть «дитя воли».

Но разве воля не находится в неразрывной связи с ощущением? Спиноза, например, идентифицировал разум с волей, которую он сводил к способности утверждать и отрицать. Согласно Спинозе воля прекращается вместе с прекращением мышления, так как пустое познание есть одновременно и пустая воля. Дело, однако, главным образом в предмете, который, отражаясь в ощущении, определяет при его посредстве мышление, практической функцией которого является речь. Когда же Людвиг Нуаре в подтверждение своей теории проводит произвольное разделение между ощущениями и волей, последнее вскрывает произвольность самой его теории. Неверно также, будто слова служат помехой мышлению, что приводило к возвеличению невыразимого, вызывавшего справедливую насмешку Гегеля. Преувеличивал поэтому критик Макса Мюллера, изобретатель, утверждавший, что слова препятствовали процессу его творческой изобретательности. «С молодости,—говорит этот критик Мюллера,—я посвятил себя архитектуре и инженерной науке и могу уверить, что проекты и изобретения созидаются у меня исключительно посредством мысленных изображений. Я нахожу, что слова являются скорее помехой. Лучшим доказательством, что это действительно так, в некоторых случаях может служить то, что нужно было найти другие способы для передачи знаний, как, например, графический метод в механике». Несмотря на преувеличения, критик Мюллера однако прав, когда он указывает, что в основе процесса изобретеиий лежат мысленные изображения, которые опираются иа вещи, снимком которых они являются. Коренной недостаток теории Нуаре заключается, конечно, не в том, что он выдвигает действия, как генетическую основу речи, а в том, что за действиями совершенно игнорирует и упраздняет материальный предмет, который в процессе воздействия на человека и обратного воздействия со стороны последнего служит источником ощущений, основной предпосылкой психической деятельности, которая определяет в свою очередь характер, иаправление и содержание овеществляющей ее речи.

Любопытно отметить, что в то время, когда теория Макса Мюллера имеет своего родоначальника в классической Греции в лице об'ективного идеалиста Платоиа, греческий материалист Эпикур, указывавший, что человек многому научается вещами, его окружающими, и приучается ко всякого рода действиям, напротив, видел определяющую основу, речи в «всех душевных индивидуальных способностях самого индивидуума, а также прежних накопившихся представлениях, в зависимости от различных географических условий» (письмо к Геродоту). Эпикур, конечно, еще не имел никакого понятия о роли производственной деятельиости в образовании и формироваиия речи, но его реальное чутье подсказывало ему в представляющей деятельности, так сказать, материю звуковой символики.

Блестящее определеиие созиания дает Маркс. «Мое отношение к моей среде есть мое совиание». Кругозор животного скован узкими рамками его чувствеиной индивидуальности, за пределы которой оно не в состоянии выйти. Человеку способствует выхождению за пределы его суб'ективной индивидуальиости искусственное орудие труда, благодаря которому он об'ективно иаблюдает себя причиной определенных действий

становится способным постигать причинность в ее об'ективном проявлении. Маркс это отличие человека от животного определяет, как отношение. «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не относится ни к чему, для животного его отношение к другим не существует как отношение» (Немецкая идеология). Но сознание-отношение связано нераздельно сознанием, как отражением вещей в их социальном и естественном бытии. «Таким образом, говорит Маркс,—сознание есть изначальный исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание является, разумеется, прежде всего сознанием ближайшей чувственной обстановки и сознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивидуума; это в то же время сознание природы, которая противостоит первоначально людям в качестве совершенно чуждой, всемогущей неприступной силы, к которой люди относятся совершенно по животному и которая властвует над ними как над скотом; следовательно, это чисто животное сознание природы (природная естественная религия), а, с другой стороны, сознание необходимости вступить в сношение с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе. Такое сознание носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно—чисто животное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер». (Там же).

Сознание, таким образом, для Маркса не миротворческая речь, а мироотражающая деятельность, первоисточником которой является с одной стороны внешняя природа, а с другой стороны социальные взаимодействия и взаимозависимости, т.-е. необходимость вступить в сношения с окружающими индивидами.

Но Богданов намечает путь к раскрытию законов мышления, и к решению его загадок в плоскости понимания мышления «как социально-развивающегося приспособления людей к условиям и задачам социальной практики» («Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления»). Речь на этом пути определяется Богдановым как приспособление высшего порядка, порождающее мышление. Однако в то время, как для Маркса социальная технология раскрывает тайну познания, последнее для Богданова раскрывается «социальной рефлексологией», к которой для Богданова «по существу своему сводится исторический материализм». Подобное отождествление материалистического понимания истории, которое усматривает центр тяжести исторического процесса в развитии производительных сил и в общественных антагонизмах, с «социальной рефлексологией», являясь физиологическим пониманием истории, способно, конечно, не раскрывать загадки мышления, а образовать безнадежный лабиринт загадок, чрезвычайно удобный для эклектических блужданий и умозрений [1]).

---

[1]) Примечание редакции. Редакция предлагает товарищам, несогласным с критикой Богданова тов. Вайнштейном в данном вопросе, высказаться на страницах журнала.

О некоторых основных понятиях теории относительности с точки зрения диалектического материализма.

(По поводу немецкого издания «Материализма и эмпириокритицизма» Н. Ленина).

(Окончание).

А. Тальгеймер.

I. Границы темы.

Необходимо строго отличать физическую теорию относительности от философских, а особенно от теоретико-познавательных спекуляций, с которыми она связана. Я намеренно ограничиваюсь рассмотрением с точки зрения диалектического материализма первого.

Философские спекуляции с физической теорией естественно связывают прежде всего буржуазные философские школы, порой же и сами физики и математики. Первые не вносят ничего нового и интересного. Они только повторяют свои почтительные размышления о тех новых вещах, которые дает теория. Когда же физики и математики отваживаются, применительно к теории относительности, пускаться в теоретико-познавательную область, мы получаем чаще всего более или менее скверное повторение рассуждений философов и лишь иногда более отрадный материалистический ход мыслей. Известная книга математика Г. Вейля о пространстве, времени и материи, в своей теоретико-познавательной части примыкает к феноменологии Гуссерля и психологии Брентано, и в этом отношении может рассматриваться, как пример идеалистической путаницы. Что касается самого Эйнштейна, то в общем он осторожно держится вдали от теоретико-познавательной области, а там, где он ее задевает, он не свободен от колебаний в сторону идеализма. Между тем там, где он говорит как физик, мы видим его свободным от этого.

При этом особенно интересны некоторые мнения Эйнштейна, высказанные им на дискуссии об относительности в College de France (Париж, март—апрель 1922 г.) [1]).

---

[1]) См. обзор Ch. Nordmann'a, астронома парижской обсерватории в «Revue des deux Mondes» под заглавием: «Эйнштейн выясняет и обсуждает свою теорию» (92 год, том 9, № 1, май 1922 г., стр. 129—166).

Он выясняет, что: «Существует только естествознание измеримого». Затем он направляет свое оружие против спекулятивно-настроенных математиков: «Многие математики не понимают теории относительности, хотя они и понимают ее аналитические выкладки. Они несправедливо видят там только формальные соотношения и не замечают физической действительности, которая соответствует применяемым математическим символам» (l. c., стр. 186).

И Бергсону, который преподнес свою идеалистическую путаницу о суб'ективном характере времени, он заметил резко и саркастически:

«Я думаю, что нельзя отличить времени философов от времени физиков: они идентичны»...

«Существуют об'ективные события в отличие от суб'ективных (внутренних)»...

«Если теория относительности точна, то каждая последовательная философия должна согласоваться с ней, но сама она не создает никакой философии» (l. c., стр. 163).

Поэтому мы рассмотрим теорию относительности независимо от связываемых до сих пор с ней теоретико-познавательных и иных философских спекуляций, были ли они высказаны философами или самими физиками и математиками, выступавшими здесь в роли философов [1]).

Дальше, мы ограничим нашу тему только некоторыми основными понятиями теории относительности. Полное рассмотрение требовало бы больше времени и места, чем мне предоставлено.

Я замечу еще, что благодаря недостаточному знанию русского языка для меня, к сожалению, было невозможно познакомиться с русской литературой по этому вопросу. Но никому не повредит, если подобные же результаты будут получены независимо друг от друга. Я перехожу сейчас же к самому вопросу.

II. Принцип близкодействия, как основа релятивизирования времени и пространства.

Рассмотрим прежде всего изменение понятий пространства и времени в условиях «специальной» теории относительности. «Специальная» теория относительности исходит из физической равнозначности всех координатных систем, находящихся в равномерном переносном движении друг относительно друга, потому что физические процессы в покоющейся системе и во всех, находящихся в равномерном переносном движении относительно нее, выражаются одними и теми же законами.

Глубочайший и имеющий наибольшее значение переворот, который принесла с собой теория относительности, касается понятий времени и пространства.

[1]) Теория относительности стала «популярной» у буржуазии, особенно в первый год после войны, мне кажется, по двум основаниям. Во-первых, как бегство от неприятных проблем общественной жизни, революционного кризиса, в «природу»; во-вторых, благодаря тем практически-софистическим выводам, которые из нее были сделаны—кажущемуся исчезновению всякой об'ективной истины. Во время бурных революционных потрясений тех лет буржуазию привлекала теория, из которой, казалось, можно было вывести удобные следствия об относительности и суб'ективности всех истин. Это очень понятно и не ново и не должно сбивать с толку диалектического материалиста.

Понятия «абсолютного времени» и «абсолютного пространства», лежащие в основе ньютоновской механики, исчезают. Кажется, что благодаря этому рушатся столбы, подпирающие понятие об'ективного мира. Однако, как мы увидим в действительности, об'ективность внешнего мира этим несколько не затрогивается, лишь окостенелые до этого времени понятия времени и пространства приводятся в диалектическое взаимоотношение, причинность проводится строже, метафизический элемент в современной физике удаляется и устраняется основное противоречие между двумя областями физики.

Основным противоречием, которое до сих пор пронизывало всю теоретическую физику, было противоречие между принципом дальнодействия, который лежал в основе ньютоновской механики и теории тяготения, и принципом близкодействия, который является основой современной электродинамики, основанной Фарадеем и Максвеллом.

«В механике, переработанной сообразно мировому постулату, сама собой исчезает дисгармония, мешавшая согласованию ньютоновской механики и современной электродинамики» [1]. Ньютоновский принцип дальнодействия является обобщением типа ньютоновского закона тяготения. Согласно ему все действия (силы) распространяются в пространстве моментально, с бесконечной скоростью.

Этот принцип, хотя он энергично оспаривался уже Лейбницем, который выяснил невозможность какого-нибудь понимания дальнодействия, долго сохранялся, хотя он ставит невозможные требования к нашим понятиям о причинности. Так, что выражает положение о распространении действия с «бесконечной скоростью»! Все-таки вневременное перенесение материальных процессов в пространстве! Материальные процессы, события, которые не нуждаются для своего течения во времени, которые не «происходят», причинные действия, которые разделены пространственно, но не временно.

Это в основе своей вопиющее противоречие закону причинности, который требует продолжительность во времени, соединяющего причину со следствием. Нельзя себе составить представления о материальной причине, действующей вне времени.

Причина и следствие подчиняются все же закону, общему правилу временной последовательности происходящего. Здесь существует абсурдное противоречие, математически-метафизическая выдумка.

Она скрывалась за понятием «бесконечной скорости», которое математически безупречно, но при этом забывали, что количественный переход от конечной к бесконечной скорости превращается в качественное изменение. Понятие перенесения действий во времени выбрасывается за борт, исчезает. Скорость — это путь, деленный на время. Бесконечная скорость является пределом, при котором путь сжимается до нуля, т.-е. исчезает, где понятие скорости качественно уничтожается. Добавим еще, что, при математическом представлении соотношений, причина и действие входят не как таковые, а только как функциональная зависимость величин, т.-е. как связь между изменениями величин

[1] H. Minkowski, Raum und Zeit (доклад сделанный на 80 с'езде немецких естествоиспытателей и врачей 21 сентября 1908 г., помещена в книге: A. Lorentz, A. Einstein, H. Minkowski. Das Relativitaetsprinzip, 1922, стр. 34—71).

чин. Конкретные понятия причины и действия отражаются в математическом понятии функции не вполне и опять-таки абстрактно. Это никоим образом не говорит против целесообразности этого понятия в области чистых количеств, но попытка поставить понятие функции вместо понятия причины и следствия, перенести его из вневременного мира чистых величин в действительный мир событий в пространстве и времени, заменить самое причинность математической абстракцией конкретного понятия причинности должна привести к грубым ошибкам в идеалистическом направлении. Впрочем, нет ничего удивительного, что перенесение понятия функции из мира математических теней в грубую материалистическую действительность, благодаря этому исчезновению причинности, постепенно стало одним из излюбленных тайных путей идеализма.

Спрашивается, как при таком положении дел ньютоновский принцип дальнодействия и основанные на нем впоследствии понятия могли одержать верх и так долго существовать? Ответ будет прост: потому, что этот принцип соответствовал состоянию опытных данных во времена Ньютона и долго после него. Он точно формулировал эти опытные данные, которые ничего не говорили о течении во времени распространения тяготения или другой силы.

Пока это было так, пока опыт не заполнил этого пробела, он должен был оставаться «Hypotheses non fingo»—я не строю гипотез,—таково изречение Ньютона. Но «гипотеза» абсолютного пространства и абсолютного времени была необходимым следствием того, что не существовало никакого опыта для определения времени распространения тяготения, и оно (время) вследствие этого считалось как бы несуществующим. Из принципа дальнодействия логически следуют лежащие в основе ньютоновской механики понятия абсолютного времени и абсолютного пространства. Одновременность двух материальных событий в отдаленных друг от друга местах пространства была дана непосредственно, определение времени, событий во всех возможных местах пространства было одно и то же, потому что перенесение действия из одного места пространства в другое было моментально. Их связь во времени не осуществлялась при помощи какого-нибудь физического процесса, требовавшего определенного промежутка времени.

Мы имеем, таким образом, в ньютоновской механике представление об едином абсолютном времени для всех событий во всех местах пространства.

Наконец, понятие абсолютного пространства утверждает, что можно определить абсолютное движение по отношению к «пространству», что существует об'ективная физическая точка опоры, метка для отличия покоя и движения по отношению к покоющемуся мировому пространству. При этом ньютоновская механика сама развивала некоторый ограниченный принцип относительности, который утверждал, что не существует никакой возможности с точки зрения физики решить, какую из двух систем, находящихся по отношению друг к другу в равномерном п е р е н о с н о м и прямолинейном движении, рассматривать как покоющуюся и какую как движущуюся.

Абсолютное пространство и абсолютное время, впрочем, не являются выдумкой Ньютона. Они лежат в основе всего естествознания и математики со времени греков. В сущности они были

первыми абстракциями отношений, существовавших на поверхности земли, где все движения относятся к земле, которая казалась покоющейся, и где определение времени событий может показаться одинаковым при относительно малых расстояниях и незначительных скоростях, с которыми имеют дело.

Коперниковская революция в астрономии, которая привела землю в движение и расширила взгляд на солнечную систему, но оставила небо неподвижным, еще покоющимся, сперва ничего существенно не изменила.

Солнце и небо неподвижных звезд сделались тогда простой системой отсчета для движений, которые происходили не на поверхности земли. Дисгармония, противоречие вошло в эти основные представления физики, благодаря новым опытам — опытам электродинамики. Электродинамика, т. е. целая и весьма значительная область физики, которая свела явления электричества, магнетизма и оптики к единым законам, основывается целиком на принципе близкодействия. Силовые действия распространяются здесь от точки к точке не с «бесконечной», но с конечной скоростью.

Скорость распространения электродинамических процессов в пустом пространстве оказывается идентичной со скоростью света в пустоте. Опыт, наконец, дал об'ясение тайны распространения силовых действий в пространстве, сначала в определенной большой области физики.

Это — процесс, протекающий во времени, идущий от одной точки к другой и могущий быть описанным. В этой области исчезает противоречивое представление о причинных действиях не временного и не пространственного характера.

Абстрактное представление о дальнодействии уступает здесь место наглядной картине совершающегося в электрическом поле близкодействия. Скорость распространения электродинамических процессов очень велика по сравнению со скоростями механических движений на поверхности земли, но она во всяком случае конечна, определенна, является чем-то действительным, а не только математической фикцией бесконечной скорости, которая есть ничто.

Мы имеем теперь физику в состоянии, полном противоречий, распавшуюся на две части, из которых одна стоит на точке зрения принципа дальнодействия, другая—близкодействия. Неустойчивое состояние! Ясно, что дело идет здесь не только о логической или формальной возможности обнаружить это, но о том, принуждают ли нас опытные данные сохранить противоречие обоих принципов или же об'единить физику под одним или другим принципом. При этом из предшествующего ясно, что нельзя заменить в области электродинамики принцип близкодействия принципом дальнодействия, потому что это значило бы, что электрические, магнитные и оптические явления делались бы непонятными и должны бы были выпасть из сферы опыта [1]). Спрашивается

[1]) «Электродинамика может быть согласована с Галилеевским принципом относительности лишь путем замены в ее законах c (скорости света в пустоте) на ∞ (бесконечно большую величину v), но это не решает вопроса: тогда не будет ни индукции, ни света, ни беспроволочной телеграфии и вообще никакой магнитной силы между электрическими токами» (H. Weyl, Raum Zeit Materie, Kap. III, § 22, S. 162). «Для электрических магнитных и оптических явлений, пока они протекают в пустоте, дает несложные результаты только принцип относительности» (H. Lorentz, Das Relativitaetsprinzip. Drei Vorlesungen gehalten in Feylers Stiftung in Huurlem. Leipzig—Berlin 1920.

поэтому: имеются ли опытные данные, принуждающие изменить ньютоновскую механику таким образом, чтобы и в ней можно было отказаться от принципа дальнодействия и подчинить ее принципу близкодействия, об'единив, таким образом, всю физику под этим углом зрения и устранив полярные противоречия между этими двумя областями физики.

Важнейшим, хотя и не единственным, из этих опытов является известный опыт Майкельсона, от описания которого здесь мы можем освободить себя, так как его можно найти в любом изложении теории относительности. Целью этого опыта было определение движения по отношению к абсолютному пространству или эфиру, который мыслился покоющимся. Этот опыт, как и все другие, преследовавшие ту же цель, имел отрицательный результат, т.-е. он оказался положительным в том смысле, что доказал, что такового движения не существует.

Скорость света осталась одинаковой, измеряли ли ее в направлении движения земли или противоположном ему. Я никоим образом не могу определить существования «эфирного ветра», движения по отношению к гипотетическому покоющемуся эфиру. Или иначе говоря: скорость света является некоторой мировой постоянной, независимой от состояния излучающего свет тепла, от того, движется ли оно или покоится. Для переноса всех действий в пространстве скорость света в пустоте является верхним пределом. Скорость света играет в «нашей теории роль физически бесконечной скорости» (Einstein, Zur Elektrodynamikbewegter Koerper, 1905, S. 35), или правильнее: принцип дальнодействия выпадает вообще, и вместо него повсюду выступает принцип близкодействия, призрак которого разгоняет материально действия, распространяющиеся с «бесконечной скоростью» или моментально, т.-е. вне времени. Это есть истинный смысл этого само по себе странно звучащего утверждения, что скорость света в пустоте является верхним пределом для всех возможных реальных скоростей. Самому Эйнштейну было ясно, что с исключением абсолютного движения (и, следовательно, абсолютного пространства и абсолютного времени) принцип причинности удовлетворяется лучше, чем при существовании ньютоновского принципа дальнодействия (связанного с понятием абсолютного движения, абсолютного времени и абсолютного пространства).

В своей работе «Die Grundlagen der allgemeinen Relativitaetstheorie» (1916) он пишет таким образом: «... потому, что закон причинности только тогда имеет смысл чего-то высказываемого о реальном мире, когда как причина и следствие выступают в конце концов только наблюдаемые факты».

...Узаконенное галилеевское пространство R, которое здесь вводится (т.-е. движения относительного), является чисто воображаемой причиной, но никоим образом не наблюдаемым фактом. Таким образом, ясно, что в рассматриваемом случае ньютоновская механика не действительно, но только кажущимся образом удовлетворяет принципу причинности, так как она считает чисто воображаемую причину R ответственной за различные, наблюдаемые с телами S^1 и S^2, события (Das Relativitaetsprinzip, S. 82). Следствия специальной теории относительности применительно к понятиям времени и пространства таковы:

Одновременность некоторого материального события для двух удаленных друг от друга мест пространства не дана больше

непосредственно, но при помощи перенесения действия, примером чего может служить распространение света. «Время некоторого события—это одновременные с этим событием показания покоящихся, находящихся в том же месте часов, которые идут синхронно с некоторыми определенными покоящимися часами и притом одними и теми же часами для всех определений времени».

Время этого события, измеренное в системе отсчета, находящейся по отношению к этой «покоющейся» системе в равномерном переносном движении, будет иным. Оно должно быть различным, если имеет силу принципа близкодействия, конечности времени переноса некоторого действия из одной части пространства в другую.

«Мы видим, таким образом, что мы не должны приписывать понятию одновременности никакого абсолютного значения, но что два события, рассматриваемые из одной системы координат, являются одновременными, а из другой, движущейся по отношению к этой системе,—не могут уже более считаться одновременными» (A. Einstein, Zur Elektrodynamikbewegter Koerper, § 2, S. 30—31). Мы не будем входить еще дальше в количественные соотношения, т.-е. здесь нас касаются только качественные отношения. Затем дается общее положение, что движущиеся часы, рассматриваемые из покоющейся системы, идут в определенном отношении медленнее, чем исследуемые на движущейся системе. Для пространства оказывается, что расстояние в направлении движения в системе равномерно движущейся относительно покоющейся системы сокращаются в определенном отношении. Некоторое тело, которое, напр., в одной системе является шаром, кажется в покоющейся системе эллипсоидом (сокращение оси в направлении движения) и т. д. Следовательно, оказывается, что каждое материальное событие должно рассматриваться сразу как пространственно-временное, и пространственные и временные величины взаимно определяют друг друга.

С этим согласуется введенное впервые Минковским аналитическое выражение этих соотношений, состоящее в выражении физических законов в четырехмерной системе координат (три пространственных и одна временная координата).

«Отныне время и пространство должны сделаться тенями и только особого рода их сочетание должно сохранить самостоятельное бытие» (H. Minkowski, Raum und Zeit, S. 54).

Теория относительности заставляет исчезнуть независимое от места время и независимое от времени место. Теперь оба связаны определенными взаимодействиями. Уже специальная теория относительности сильно изменила понятие времени и пространства, но общая теория относительности пошла здесь еще дальше. Эйнштейн так говорит об этом:

«Изменения, которые испытывала теория пространства и времени благодаря специальной теории относительности, правда, глубоки; но один важный пункт остался неприкосновенным. И по специальной теории относительности теоремы геометрии толкуются непосредственно, как законы о возможных относительных положениях (покоющихся) твердых тел, теоремы же кинематики еще общее, как законы, описывающие отношения между телами отсчета и часами. Здесь двум определенным материальным точкам некоторого покоющегося (твердого) тела всегда соответствует прямая совершенно определенной длины, независимо

от места и положения тела и времени; двум определенным показаниям стрелки часов, покоющихся по отношению к некоторой (привилегированной) системе отсчета, соответствует промежуток времени определенной длины, независимо от места и времени. Скоро мы покажем, что обобщенная теория относительности не может придерживаться этого простого физического толкования пространства и времени» (A. Einstein, Die Grundlagen der allgemeinen Retativitaetstheorie, S. 81 ff).

Теперь мы видим, каким образом обобщенный принцип относительности изменил дальше понятия пространства и времени. Специальный принцип относительности признавал еще за неравномерными движениями, т.-е. ускоренными и вращательными, некоторое особое положение, приписывая, таким образом, этим движениям некоторый абсолютный характер. Релятивизирование этих движений не было еще, таким образом, последовательно проведено до конца.

Обобщенный принцип относительности разрушает и эти последние ограничения, релятивизируя все движения. Эмпирическим основанием общей теории относительности является давным давно общеизвестный факт одинакового падения всех тел в поле тяготения и строго-количественного равенства весомой и инертной массы; здесь подтверждаются слова Гегеля: «То, что известно, является благодаря этому еще непознанным».

Ньютоновская теория не знала, что делать с одинаковым падением всех тел в поле силы тяжести и с равенством весомой и инертной массы. Для общей теории относительности выяснилась из этого совершенно общего характера факта возможность приравнять физические явления, происходящие в поле тяготения и в системе отсчета, движущейся с равномерным по отношению к некоторой покоющейся системе ускорением (принцип эквивалентности). Следовательно, исчезает таинственная сила тяжести с ее моментальным действием, и вместо нее выступает поле тяготения, определенное и определяющее во времени и пространстве, решающее вопрос о причине и следствии.

Выражаясь иначе, принцип эквивалентности, приравнивая поле тяжести к равномерно ускоренным системам, устраняет последние остатки принципа дальнодействия, которые еще были в специальной теории относительности, он окончательно проводит принцип близкодействия через все части физики. Тяготение распространяется теперь с конечной скоростью (скоростью света в пустоте). Но из этого вытекают глубокие заключения о сущности пространства и времени, которые являются в высокой степени важными подтверждениями диалектического материализма. Измерение пространства находится в причинной зависимости от распределения и состояния движения находящихся в нем материальных масс. Геометрия, наука о пространстве, которая до сих пор пропагандировалась Кантом и кантианцами (и еще раньше Платоном в «Меноне»), как наука à priori, которую человеческий дух может творить сам из себя, независимо от всякого опыта, определяется впервые формой внешнего опыта, она становится опытной наукой, частью физики.

Если Эйнштейн говорил, что геометрия применима к реальному миру до тех пор, пока черпает свое содержание из опыта, а чисто логические положения, лежащие помимо этого в ее основе, ничего не говорят о конкретных свойствах пространства, то

не есть ли это блестящее подтверждение того, что уже Ф. Энгельс установил из обще-диалектических соображений. В «Анти-Дюринге» Энгельс говорит: «Понятие о числе и фигуре возникли не раньше, как из реального мира». «Как понятие о числе, так и понятие о фигуре заимствованы исключительно из внешнего мира, а не возникли в голове из чистого мышления. Должны были существовать вещи, имеющие определенные формы, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было дойти до понятия о фигуре. Чистая математика имеет своим об'ектом отношения реального мира, стало быть, весьма реальный материал. То, что этот материал является в крайне абстрактной форме, может только для поверхностного взгляда скрывать его происхождение из внешнего мира»... «Как и все другие науки, математика возникла из потребности людей: из измерения земли и вместимости сосудов, из времени счисления и механики. Но, как и во всех других областях знания, на известной ступени развития абстрагированные от реального мира законы были выделены из реального мира, противопоставлены ему, как нечто самостоятельное, как извне явившиеся законы, согласно которым мир должен двигаться. Так было с обществом и государством; так же точно чистая математика была впоследствии применена к миру, хотя она была заимствована из этого самого мира и представляет всего лишь часть его составных форм и именно только поэтому вообще к нему применима».

Энгельс в противоположность Дюрингу показывает дальше, что математические аксиомы чисто логической природы, не формулирующие опытных фактов, лежащих в их основе, ничего не давали для дальнейшего развития математики.

Когда Энгельс говорит: «Математические аксиомы являются выражением того в высшей степени скудного идейного содержания, которое математика заимствовала из логики»,—то он уступает Дюрингу больше, чем теперь кажется необходимым.

Например, часть аксиом евклидовской геометрии (вроде знаменитой аксиомы о параллельных, которую долго и тщетно пытались доказать чисто логически, пока математики и физики не нашли, что она формулирует только один определенный—и притом недостаточно общий—опытный факт) является только абстрактным выражением более или менее обобщенных эмпирических фактов. Мы пойдем дальше, а после будем говорить об этом подробнее. Затем Энгельс развивает мысль,—каковы те «чрезвычайно бедные содержанием» логические положения, которые заимствовала математика и которые можно свести к двум: 1) «Целое больше своей части»—голая тавтология или просто словесное определение, 2) «Если две величины равны третьей, то они равны между собой».

«Это положение, как указал уже Гегель, является заключением, за правильность которого отвечает логика, которое доказуемо, следовательно, хотя и вне сферы чистой математики. Остальные аксиомы о равенстве и неравенстве являются просто логическим развитием этого заключения.

Этими скудными положениями ни в математике, ни где-нибудь еще никого не прельстишь. Чтобы пойти дальше, мы должны привлечь реальные соотношения, отношения и пространственные формы, которые взяты из мира реальных тел»...

Общая теория относительности подтверждает и определяет подробнее то, что было выставлено уже Ф. Энгельсом. Представления Эйнштейна об отношениях геометрии к действительности принципиально вполне совпадают с представлением Энгельса.

Рассмотрим ближе, каким образом метрические отношения пространства и определение времени ставятся в связь с распределением и формами движения материи. Предположим, напр., две системы отсчета $K (x, y, z, t)$ и $K' (x', y', z', t')$, у которых начало и ось Z совпадают. Пусть K находится в пространстве, свободном от полей тяготения, K' равномерно вращается относительно K. Я описываю круг около начала координат в xy и $x'y'$ плоскости. Я измеряю окружность масштабом, покоющимся относительно K через радиус, и я получаю по геометрии Евклида для длины окружности известное число π. Дело обстоит иначе, если я измеряю окружность масштабом, покоющимся относительно K'. «Результат измерения, произведенного с масштабом, покоющимся по отношению к K', будет число большее, чем π. Это легко понять, если рассматривать весь процесс измерения из «покоющейся» системы K и принять во внимание, что масштаб, приложенный периферически, испытывает сокращения Лоренца (т. к. измерение производится в направлении движения), а приложенный радиально—этого сокращения не испытывает. Поэтому по отношению к K' Евклидовская геометрия теряет силу; данное раньше понятие координат уже не применимо по отношению к K'» (A. Einstein, Die Grundlagen der allgemeinen Retativitaetstheorie, § 3, S. 85).

Аналогично и для определения времени дается:

«Также невозможно ввести для K' соответствующее потребностям физики время, которое показывалось бы покоющимся по отношению к K', одинаково сделанными часами. Чтобы это понять, вообразим в начале координат и на периферии круга двое одинаково сделанных часов и будем рассматривать их из «покоющейся» системы K. По известному следствию специальной теории относительности выходит, что если наблюдать из K, то часы, находящиеся на периферии окружности, будут итти медленнее, чем находящиеся в начале координат, т.-е. первые часы движутся, вторые—нет. Некоторый наблюдатель, поместившийся в общем начале координат, способный наблюдать находящиеся на периферии часы при помощи света, тоже увидит их идущими более медленно, чем находящиеся около него часы. Так как он не решится вывести заключения, что скорость света явно зависит на рассматриваемом пути от времени, то он будет истолковывать свое наблюдение в том смысле, что часы на периферии «действительно» идут медленнее, чем находящиеся в начале. Следовательно, мы принуждены определять время так, что скорость хода часов зависит от места.

Таким образом, мы придем к выводу, что в общей системе относительности нельзя определять величины, измеряющие пространство и время так, что разности пространственных координат можно мерить непосредственно единицей масштаба, разности временных—нормальными часами» (l. c., S. 80).

Вообще из общего принципа относительности для определения пространства и времени следует:

«Исследуем теперь те влияния, которые метрические свойства пространства испытывают благодаря полю масс... Единица мас-

штаба благодаря существованию гравитационного поля по отшению к системе координат оказывается, если она прилрадиально, уменьшившейся в известном отношении... При тельном положении гравитационное поле материальной точки оказывает никакого влияния на длину палочки... Следовател Евклидова геометрия имеет силу в гравитационном поле только первом приближении, если мы хотим считать одну и ту палочку независимой от ее места и положения за реали одной и той же прямой. Конечно, взгляд на формулы (70a) показывает, что ожидаемые отклонения слишком незначител чтобы они могли сделаться заметными при измерениях на повности земли» (l. c., S. 122).

Для определения времени дается:

«Часы идут медленнее, если они помещены вблизи вес масс. Отсюда следует, что в свете больших звезд, достига до нас, спектральные линии должны казаться смещенн красному концу спектра» (l. c., S. 122).

Вообще:

«Тяготение играет по общей теории относительности чительную роль сравнительно с остальными в особенности эле магнитными силами, т. к. представляющие поле тяготени функций Gik определяют вместе с тем метрические свойства че рехмерного пространства» (l. c., S. 88).

«Метрический характер (кривизна) четырехмерного прост ства пространственно-временного континуума определяется ждой точке по общей теории относительности находящейся материи и ее состояния. Метрическая структура этого конти ума должна быть поэтому чрезвычайно сложной благодаря равномерности распределения материи».

III. Объективность и единица измерения времени и простран эфир и материя; изменения понятия материи, опытные осно Евклидовой и не-Евклидовой геометрии.

Диалектический материалист может приветствовать мир теории относительности, как результат полного проведения об универсальном характере материального движения, как ние последней гипотезы об «абсолютно» покоющейся субста

Коперник выбил «неподвижную» землю из-под ног мысл человечества, даровав при помощи движения в простран вое пространство и расширив диалектику. Затем пали «непо ное» солнце и небо «неподвижных» звезд. Падение «покою ся» эфира является последним. Странная субстанция, котора и является носителем движения, но сама неподвижна, кот должна быть абсолютно покоющимся телом отсчета для всех жений,—пала. Больше не существует никакой неподвижной станции. Поэтическое изображение Гегелем бытия, как «вакх ского опьянения, в котором все пьяны», делается строго ф ской теорией. Абсолютность противоположения покоя и дви разрешена. Следовательно, материалистическая диалектика чила блестящее подтверждение и обобщение. Абсолютность в материальном мире и абсолютность движения, обе эти пол противоположности обусловливают друг друга взаимно. быть будет нагляднее говорить о релятивизировании покоя, движения.

Относительность движения сводится к его безусловной универсальности и всеобщности. Устранение теорией относительности эфира имеет лишь один смысл—исключить это кажущееся материальным понимание абсолютного покоя.

Но эфир был еще «носителем» световых волн, электричества и магнетизма. Является ли он излишним как таковой? Этот вопрос остается еще в физике открытым. Ясно, что он связан с изменением понятия материи. Некоторое изменение этого понятия уже определилось. Если излучение, по современным теориям, переносит инерцию, т.-е. массу, от излучающего к поглощающему телу, если инертная масса тела возрастает с его энергией, если можно говорить, в точном смысле этого слова, о весомости энергии, то энергия сама делается субстанциональной или материальной, и понятие материи расширяется.

Световой луч является (как бы) движущимися электронами. Он производит давление. Электроны являются видом материи. Эфир, несущий функции посредника при движениях электронов, является скорее только остатком фикции «пустоты». По представлениям греческих атомистов «атомы» и «пустота», как известно, являются двумя основными элементами вселенной. Если мы понимаем материю, как некоторый бесконечный ряд, первыми, начальными членами которого являются мировые тела, молекулы, атомы, электроны, то принципиально эфир может исчезнуть в качестве носителя движений материальных частиц. Он обозначает в виде некоторой фикции только временную границу в разделении нами материи на ее составные части. Но, конечно, только физический эксперимент может действительно повести нас далее в познании этого ряда. Здесь, однако, нельзя будет достигнуть границы. Но и некоторая метафизически-физическая фикция, указывающая на то, что здесь есть временная граница, является излишней.

Для материализма существуют пространство и время об'ективной природы. Не нужно доказывать, что об'ективный характер времени и пространства совершенно не нарушается теорией относительности. Наоборот, пространство и время будут много теснее связаны с материальными свойствами мира, чем это было раньше. Определение времени и пространства по принципу относительности совершенно не носит суб'ективного характера, оно происходит по об'ективным физическим данным; оно зависит от распределения и состояния движения материи. Эйнштейн, будучи последовательным, обращается на парижской дискуссии к идеалисту и суб'ективисту Бергсону, который считает «истинное» время за нечто суб'ективное, а физическое, об'ективное время хочет рассматривать как слабое отображение по аналогии этого суб'ективного времени, с замечанием: «Существуют об'ективные события, которые отличаются от внутренних, и он думает, нельзя отличить времени философов от времени физиков: они одинаковы» («Revue des deux mondes», Jahrgang 92, 1 Mai 1922, Bd. 9 S 163).

Спрашивается дальше, не приходит ли теория относительности к утрате единиц измерения пространства и времени? Это опасение чаще всего настраивает недоверчиво так называемый здравый смысл против новых понятий пространства и времени. Как, больше не существует общего времени, никакой общей меры пространства? Меры длины и времени должны зависеть от распределения и вида движений материи в пространстве? Страх

здравого смысла, который держится за свои окостенелые определения и боится, поэтому, предоставить время и пространство диалектическому потоку закономерных изменений, является необоснованным. Меры пространства и времени не потеряны. Они только становятся из непосредственно данных косвенными. Их изменения не произвольны, но происходят по точным количественным законам.

Благодаря этим законам дается об'ективным образом единица меры времени и пространства и возможность свести определения длины и времени к общей мере. Относительное замедление хода часов, укорочения длин в поле тяготения определяются количественно закономерным образом и благодаря этому могут сравниваться друг с другом и сводиться на общие единицы.

Наконец, теория относительности осветила те опытные основания Евклидовой геометрии, выяснение которых было начато уже математиками. Переход от Евклидовой к Римановской геометрии,—метко замечает об этом Вейль («Raum, Zeit, Materie», 5. Auf., I, S. 85),—основывается по существу на той же мысли, что и физика близкодействия...

Основным фактором Евклидовой геометрии является положение о том, что квадрат расстояния между двумя точками есть квадратичная форма координат обеих точек (теорема Пифагора). Но мы видим, что этот закон имеет силу во всей строгости только тогда, если обе точки бесконечно близки, и, таким образом, приходим к геометрии Римана; вместе с этим мы освобождаемся от необходимости давать точное определение понятию координат, так как закон Пифагора, понимаемый таким образом, является инвариантным (неизменным) при любых преобразованиях. Переход от Евклидовской «дально»-геометрии к Римановской «близко»-геометрии соответствует переходу от физики дальнодействия к физике близкодействия. Римановская геометрия является Евклидовской, но формулированной сообразно с духом непрерывности, и благодаря этой формулировке она принимает более общий характер. Евклидовская дальногеометрия была создана для исследования прямых линий и плоскостей, и она ориентировалась в этой проблеме; но как скоро мы переходим к геометрии бесконечно-малых, то наиболее естественным и логичным будет положить в основу теорему Римана о бесконечно-малых; это не вызывает никаких усложнений и предохраняет от соответственных «дальногеометрических соображений» [1]).

Эти замечания интересны в том отношении, что из них можно почерпнуть указания на те опытные исследования, которые были определяющими для наиболее значительных из описываемых поворотных точек в развитии геометрии.

Евклидова геометрия является абстрактной формулировкой правил, полученных из грубых измерений на ограниченной части земной поверхности и относительно медленных механических движений. Плоскость пространства (кривизна равная 0), возможность любым образом налагать все фигуры друг на друга простым перемещением, неизменность твердого масштаба (модели Евклидовской прямой) в любое время и в любом месте,—все это

[1]) Мы воздерживаемся здесь от критики, в частности от критики различных идеалистических путанностей, которые встречаются у Вейля при исследовании проблемы пространства и времени, попытки спасти априорную геометрию и т. д.

входило в Евклидовскую геометрию совершенно «естественно» в качестве предположений (аксиом). Является историческим фактом, что в начале XIX века ряд математиков (Гаусс, Лобачевский, Болиай, Риман) подошли частью даже независимо друг от друга к критике предположений Евклидовской геометрии, выявили их опытные основания и специальный ограниченный характер и перешли к обобщению геометрии в направлении «близкогеометрии». Этот исторический факт указывает на то, что, прямо или косвенно, но и в переходе к физике «неизмеримо малого», в развитии электродинамики и т. д. была некоторая общая стимулирующая причина. Подробное исследование истории развития геометрии и остальных частей математики по отдельности с этой точки зрения представляет благодарную задачу.

Для этого представляют большой интерес яркие исследования Римана. В своей пробной лекции «О гипотезах, лежащих в основе геометрии» (1854) он таким образом определяет исходную точку своих исследований:

«Вопросы о несоизмеримых величинах являются для выяснения явлений природы вопросами.

Но иначе дело обстоит с вопросом о несоизмеримо-малых. На достоверности, с которой мы можем проследить явления на языке бесконечно-малых, основывается, главным образом, знание их причинной связи... Но кажется, что эмпирические понятия, на которых основаны пространственные измерения, понятия твердого тела и светового луча, теряют свою силу в области бесконечно-малого; и вполне можно вообразить, что метрические отношения пространства в бесконечном не удовлетворяют предположениям геометрии, и это нужно было бы предполагать, чтобы выяснить посредством этого явления более просто» (Neue Auflage von H. Weyl. 1923. S. 18—19).

Риман вполне ясно говорит об опытных основаниях геометрии:

«Я ставлю поэтому прежде всего задачу построить из общего понятия величины понятие многократно протяженной величины. Из этого следует, что многократно протяженная величина способна к различным метрическим отношениям, и пространство является лишь особым случаем троекратно протяженных величин. Необходимым следствием этого является, что положение геометрии нельзя получить из общего понятия величины, но что те свойства, которыми пространство отличается от других мыслимых троекратно протяженных величин, могут быть определены только опытом... Эти факты не необходимы, как все факты, имея только эмпирическую достоверность, они являются гипотезами; таким образом можно исследовать их вероятность, которая, конечно, очень велика в границах наблюдения, и судить о допустимости расширения их за границы наблюдения как в сторону неизмеримо больших, так и в сторону неизмеримо малых величин» (§ 1).

И в заключении своей статьи Риман намекает уже на возможность зависимости метрических отношений пространства от его материальных свойств:

«Или лежащая в основе пространства действительность должна образовывать некое дискретное многообразие, или можно искать основание метрических соотношений вне, в действующих там связующих силах» (l. c., стр. 20).

Блестящее подтверждение положения Энгельса о том, что мы, чтобы отойти в геометрии подальше от логических аксиом, «должны привлечь реальные соотношения, соотношения и формы, которые взяты из мира действительных тел».

Римановская геометрия стала впервые из пустой математической формы отражением материальной действительности благодаря теории относительности, т.-е. некоторой новой физической связи между опытными фактами.

Кривизна светового луча в гравитационном поле, изменение твердого масштаба впервые позволили реально расширить геометрию Евклида.

В заключение мы хотим привести еще очень наглядную характеристику геометрии Римана по отношению к Евклидовой, сделанную самим Риманом:

«Многообразие, мера кривизны которого повсюду равна нулю, напр., Евклидовское пространство, можно рассматривать как особый случай многообразий, мера кривизны которых везде постоянна. Общий характер всех многообразий, мера кривизны которых постоянна, можно выразить следующим образом: фигуры могут двигаться в них без растяжения. Ясно, что фигуры не могли бы перемещаться и вращаться любым образом, если бы мера кривизны в каждой точке по всем направлениям не была одной и той же» (l. c., стр. 14).

IV. Гегелевская диалектика пространства, времени и движения и ее религиозное ядро.

Теперь из трезвой области современной физики и математики мы сделаем смелый скачок назад в фантастическую, давно покинутую страну гегелевской натурфилософии, где понятия сами собой производят чудесную эволюцию, переплетаются, сочетаются, отделяются, снова сплетаются, где из понятия рождается действительный мир. При этом оказывается, что в гегелевских диалектически-идеалистических спекуляциях о пространстве, времени и движении своеобразно предвосхищается и предчувствуется то, что сейчас стоит перед нашими глазами, как следствие физической теории относительности и ее математического оформления. Конечно, мы не намереваемся заняться реабилитацией диалектической мистики понятий Гегеля. Натурфилософия Гегеля, как и всякая другая натурфилософия, отказалась от методов естествознания, но нужно показать, что сама диалектика является в опытных руках, даже и в «мистифицированной» форме, чудесным инструментом исследования, и что материалистическая диалектика является еще более острым инструментом, когда она связана с естествознанием и, рядом с математикой, служит и инструментом анализа понятий полученных результатов и путеводной нитью для опытного исследования, для получения новых результатов.

Мы будем следовать при этом путешествии по странным запутанным путям старой гегелевской натурфилософии замечанию Ф. Энгельса в предисловии к «Анти-Дюрингу», где он, между прочим, говорит: «Гораздо легче вместе с бессмысленной чернью топтать в грязь, à la Карл Фохт, старую натурфилософию, чем оценить ее историческое значение. Она содержит много нелепостей, но фантастична не более, чем современные ей нефилософ-

ские теории эмпириков-естествоиспытателей, а что она заключала в себе много разумного, это начинают понимать с распространением теории развития...

Что касается специально Гегеля, то он во многих отношениях стоит гораздо выше современных ему эмпириков, которые думали об'яснить всякое непонятное явление тем, что приписывали ему какую-нибудь силу—силу тяжести, силу плавления, электрическую силу и т. д., или же, где это не шло, измышляли какое-то неизвестное вещество: световое, тепловое, электрическое и т. д.».

Я попытаюсь показать здесь, что диалектика Гегеля о пространстве, времени и движении при всей фантастике содержит «также много смысла и понятия», что и выступает, если сравнить ее с результатами теории относительности по отношению к том же понятиям.

Первый разбор этого предмета Гегелем находится в открытом Лассоном первом изложении системы, записанной между осенью 1801 и 1802 г.г. и, очевидно, служившем для Гегеля путеводной нитью при его лекциях в иенском университете [1].

Позднейшее изложение предмета находится в «Энциклопедии» [2]). Третье издание этого сочинения, последнее, подготовленное и тщательно переработанное самим Гегелем, появилось в 1830 году, за год до его смерти. Оба текста отделены друг от друга продолжительным промежутком времени, в течение которого Гегелем был систематически переработан весь исторический и естественно-научный материал, а физика и математика прошли плодотворный этап своего развития. Мы считаем, поэтому, полезным использовать обе редакции.

Хотя в «Иенской Логике» натурфилософия уже обнаруживает все особенности Гегелевского метода, но она все еще во многом отдает натурфилософией Шеллинга.

Пробежим сначала изложение в «Иенской Логике».

«Построение» исходит из «эфира».

«Эфир не проницает всего, он сам есть все» (Jonsener Logik, S. 198).

«Пространство и время его моменты».

«Моментами непосредственно раскрывающегося в подлинной своей бесконечности эфира являются пространство и время, сама бесконечность есть движение, а как целое — система сфер или движений» (l. c., S. 201).

Пространство есть момент «адэкватного» [«равного себе самому»], время обособлено и является моментом «бесконечного». «Реализуясь», каждое из них есть собственная противоположность, пространство есть время, время есть пространство.

«Эфир, как абсолютное единство адэкватного и бесконечного, есть единство обоих [т.-е. пространства и времени. *Т.*], как моментов, обособленное, идеальное, самодовлеющее, в себя обращенное; они, как моменты, бесконечны, себе самим противоположны, и в этом а д э к в а т н ы, т.-е. т о ж д е с т в е н н ы. Будучи элементарным и адэкватным, пространство, как нечто о б о с о б л е н н о е,

---

[1]) G e o r g F r i d r i c h W i l g e l m H e g e l, Ienenser Logik, Metaphisik und Naturphilosophie. Aus den Manuskript herausgegeben von Georg Lasson. Der Philosophischen Bibliothek, Bd. 58, Leipzig 1923, Verlag V. Meiner (Hegel saemtliche Werke, Bd. XVIII a).

[2]) Мы пользуемся вторым изданием «Энциклопедии» в редакции Лассона (1920).

есть момент, но реализуясь, как сущее, как таковое, оно есть собственная противоположность, т.-е. время; и, наоборот, бесконечное, как момент, время: реализуясь, как момент, т.-е. отрицая себя, как таковое, оно есть собственная противоположность, т.-е. пространство; в этом и заключается единство соотношений целого, которое из пространства становится временем, из времени—пространством, будучи непосредственно тем и другим и столь же непосредственно—противоположностью как того, так и другого...».

«...Различное [пространство и время] поставлено так, что не имеет той определенности по существу, посредством которой отрицало бы связь о себе противоположным и оставалось бы само по себе; напротив, эта связь остается их сущностью: они выступают друг против друга не как субстанции; их определенность, как таковая, есть нечто непосредственно всеобщее, а не противоположное всеобщему...» [1]).

Затем Гегель излагает алхимический процесс, посредством которого время становится пространством, а пространство—временем. Ниже мы приводим главные моменты этого, якобы самостоятельно совершающегося, процесса развития понятий.

Исходной точкой является время; выступая, как момент бесконечного против адэкватного, оно есть отрицание, точка, предел. В качестве отрицания, оно распространяется непосредственно на другой момент, отрицая самого себя. Время переходит в свой первый момент, настоящее, абсолютное данное времени, «теперь» (+a). Оно есть нечто действенное, сменяющее себя самого, как предел. Таким образом, отсутствие предела есть нечто действенное. Но это есть будущее (—a). Оно существует, сменив настоящее, будучи его сущностью (Подлинно действенное, активное, переходит в будущее, осуществляется в нем).

С своей стороны, будущее, как не настоящее, опять-таки само себя отрицает, и, таким образом, мы приходим к настоящему, которое является будущим и, вместе с тем, не есть ни настоящее, ни будущее, а, скорее, взаимоотношение обоих, прошедшее ($+a^2$) (Синтез моментов настоящего и будущего, отрицание обоих, в котором они сменяются и в своей смене сохраняются. посредством которого первый момент, настоящее, восстанавливается на высшей ступени).

Прошедшее есть восстановление настоящего момента («теперь»), осуществившегося посредственно из настоящего через будущее, в котором будущее и настоящее одинаково подверглись отрицанию.

«Прошедший момент («некогда») есть происшедшее из этой смены адэкватное, синтетическое, заполненное, мера целостности времени, вобравшая в себе первые два измерения» [2]).

Прошедшее есть «отраженное в себе или реальное время». Но реальное время, как противопоставленный настоящему и будущему прошедший момент («некогда»), есть само лишь момент всего отражения, есть само себе равное,—не первый момент, «теперь», как сменяющееся подобно другим моментам прошедшее. Иными словами, совокупность понятия возвра-

---

[1]) L. c., S. 202—203. Курсивы и вставки в прямых скобках введены мною для пояснения.

[2]) L. c., S. 206.

щается к первому моменту. Но она должна вести к смене первого момента, т.-е. к отрицанию связи с «теперь» и «однажды», к смене «некогда». Таким образом, мы приходим «к парализованной тревоге первого понятия», т.-е. к пространству.

Чудесное превращение времени в пространство совершилось.

Теперь начинается та же игра самостоятельно совершающихся превращений пространства.

Пространство есть определенно адэкватное, против которого выступает определенно бесконечное, переходящее в пространство, как свою противоположность.

«Как время «выходит из себя» и становится пространством, так, напротив, пространство должно «войти в себя» и исчезнуть в точке» [1]).

Пространство есть уничтоженный предел. Оно содержит, следовательно, как момент, предел. Содержащиеся в пространстве пределы суть измерения пространства, являющиеся, вместе с тем, ограничениями пространства.

Первое ограничение пространства—поверхность (+b). Отрицание поверхности, второе ограничение пространства — линия (—b). Отрицание отрицания поверхности—точка.

Точка есть отрицание пространственности вообще (она непротяженна), непространственная целостность; как «абсолютная негативность», как элементарный предел, точка переходит во время.

Пространство, «уходя в себя», все более «ограничиваясь» от измерения к измерению, так сказать—истощаясь, потеряло всякую телесность, сократилось в предел и стало временем, которое, в начале своего процесса развития, тоже лишено всякой телесности. Время, с своей стороны, «выходит из себя», распухает из своей бестелесности, из своего состояния точки, при чем его изменения, настоящее, будущее, прошедшее, взаимно превращаются друг в друга и, таким образом, каждый момент становится равным другому, адэкватным совокупности понятия, пространством.

Предоставим еще Гегелю комментировать эти переходы.

«В момент образования, точка является абсолютной негативностью, элементарным пределом, который, поскольку бы существовал, находился бы вне самого пространства: именно поэтому, будучи в своем образовании абсолютно связана с пространством, точка сама себя отрицает и в отрицании своем вновь утверждается; за отрицанием точки следует отрицание отрицания и новое отрицание последнего, действенное и одновременное пассивное... Все эти моменты осуществляются один исключительно лишь через посредство других, они абсолютны лишь один в других, т.-е. их комплекс есть элементарная бесконечность времени. Пространство в своей подлинной реализации перешло в свою противоположность, в равной мере последняя перешла в него...».

«В самом времени различение его моментов и его реальность есть лишь пространство; иными словами, реализующееся время непосредственно пространственно» (l. c., S. 212).

Точка есть «установленное в пространстве понятие времени, которое должно само в нем осуществляться, как реальное время» (l. c., S. 213).

---

[1]) L.c. , стр. 206.

Затем Гегель приступает к рассмотрению времени, ставшего из пространства, и пространства, ставшего из времени. И то, и другое теперь уже не те, какими были первоначально; в жару диалектического процесса плавления они приобрели текучесть, потеряли отличительные свои признаки и сливаются в новый порядок понятий—в понятие движения.

Послушаем самого чародея логических превращений:

«Время, ставшее из пространства самим собой, фактически реально только в пространстве, и пространство есть лишь становящееся из него время. Это отражение времени в себе, как совокупность взаимоотношений, не есть уже то противоположное пространству, переходящее лишь в него время, но сущее непосредственно в нем, как и обратно; то и другое—в процессе взаимной смены...

Реальное единство обоих (времени и пространства) заключает в себе и то, и другое, как разграничивающиеся и в разграничении друг друга сменяющие моменты; само оно элементарно и есть реальная бесконечность эфира, моменты коего, время и пространство, сами абсолютно элементарные, представляют бесконечность не как фиксирование моментов, а [как] непосредственную взаимную смену. Эта реальная бесконечность есть движение».

В связи с этой аргументацией Гегель полемизирует против представления, будто материи, как таковой, присуще инерция [«косность»]. В его толковании, «материя есть по существу движение». Косная материя «есть одно из метафизических измышлений, одна из абстракций, выдаваемых за реальность».

«Это [необходимость механического стимула для перехода от покоя к движению, или неограниченной длительности движения без вмешательства задерживающей силы, т.-е. принцип инерции] действительности единственно лишь для материи в виде отдельных тел, и для последних единственно лишь, поскольку они являются отдельными телами. Ибо, являясь отдельными телами, они сверх того еще реальны по существу, как абсолютная материя, и имеют в себе нераздельно покой и движение»[1]).

Отметим еще следующие положения:

Движение «соединено с пространством через единичность, время».

«Время проникает в пространство через точку» (l. c., S. 215).

И, в заключение, следующее рассуждение о существовании времени и пространства в движении:

«Точка в движении выражает в нем отношение времени к пространству. Заключая в себе время, она относится к пространству, вообще, не в смысле лишь отрицания пространства, но и в том смысле, что отрицает точно так же себя самое и свое отрицание пространства, что через посредство бесконечности времени является непосредственной противоположностью себя самой и положительным отношением пространства. Как таковое, точка, воспроизводя самое себя, есть линия, так, что ее бытие в качестве точки есть место, относящаяся к определенному пространству точка»[2]).

---

[1]) L. c., S. 214.
[2]) L. c., S. 216.

Рассмотрим теперь Гегелевскую логическую концепцию о пространстве, времени, движении, как она изложена в «Энциклопедии». Теперь мы можем быть короче, после того как в предыдущем изложении выявили игру превращения понятий (§§ 254—261 «Энциклопедии»).

Исходным пунктом является здесь пространство. Оно выводится здесь не непосредственно из эфира, а из понятия о природе. Первым или непосредственным ее определением является «абстрактная всеобщность ее внешнего бытия»... Непосредственное безразличие последнего непрерывно. Оно есть совершенно идеальная непрерывность, ибо оно не заключает в себе различий.

Развитие измерений пространства здесь также иное. Первое из них есть точка, как отрицание самой пространственности. Первое пространственное бытие точки, как себя отрицающая точка, дает линию. Отрицание линии, т.-е. отрицание отрицания пространства, но заключающее в себе отрицательный момент ограниченности, дает об'емлющую поверхность, ограничивающую единичное целое пространство.

Непрерывность, в качестве точки, относящаяся к пространству, сущая сама по себе, есть время.

Оно есть.

Иначе развиваются и понятия об измерениях времени.

Конечное настоящее есть «теперь», конкретное единство абстрактных моментов прошедшего и будущего.

Переход времени в пространство совершается следующим образом:

«В бессознательной природе прошедшее и будущее является под видом пространства, потому что пространство есть совместное существование сменяющихся точек времени,—как, наоборот, простейший элемент пространства есть точка, которая, будучи рассматриваема абсолютно, образует движущуюся точку времени» («Энциклопедия», § 259).

Обратный переход пространства во время происходит так:

«...Пространство совмещает два противоположных определения: оно дробится на отдельные точки и в то же время непрерывно; а потому оно теряет свое значение как пространство и переходит во время. Но противоположные и сменяющиеся моменты времени в свою очередь слагаются в одно непрерывное измерение и, так сказать, спадаются в одно безразличное совместное существование,—или в пространство» («Энциклопедия», § 260).

Минуя «место», как пространственное «теперь», как единичность, переходящие друг в друга благодаря взаимному превращению моменты времени и пространства сливаются в элементарное понятие движения.

«Место есть пространственная и, следовательно, безразличная единичность, лишь как пространственное «теперь», как время, и, таким образом, место непосредственно безразлично к себе, как таковому, и является по отношению к себе внешним, другим местом. Это превращение и восстановление пространства во время и времени в пространство, выражающиеся в том, что время становится пространством в качестве места, но и эта безразличная пространственность осуще-

сливается столь же непосредственно во времени, есть движение. Но это превращение есть само в такой же мере самоупразднение собственного противоречия, непосредственно тождественное сущее единство обоих [пространства и времени], материя».

Противоречивая «тревога» движения, эта абстрактная жидкость сгущается, застывает в материи.

Гегель характеризует это, как переход от идеальности к реальности; он принужден признать, что такой переход с трудом укладывается в понимании обычного рассудка (который крепко держится за данный предмет, в противоположность разуму, диалектически разрешающему противоречия). Однако в пояснение «рассудку» он ссылается на то, что «переход идеальности в реальность происходит наглядно также в общеизвестных механических явлениях, где невещественное может занять место вещественного, и обратно...». Например, в рычаге, где расстояние может заменить массу, и наоборот; в количестве движения, где точно так же скорость, являющаяся лишь количественным соотношением пространства и времени, может заменить массу.

«Кирпич сам по себе не убивает человека, он производит это действие, достигая известной степени скорости, т.-е. человека убивает пространство и время».

По нашему мнению, из предыдущего можно скорее заключить, что пространство и время, будучи абстрактнейшими отпечатками материального движения, имеют материальную природу. Выводы Гегеля были бы верны, если бы понятия пространства и времени, как таковые, в связи с понятием о материи, могли убить человека. Действительно, философствование над этими понятиями свело с ума не одного человека, но непосредственное механическое действие понятий о пространстве и времени на черепную крышку человека, в виде проделанного в ней отверстия, до сих пор не наблюдалось.

В заключение, мы должны еще подчеркнуть следующий важный тезис Гегеля о движении:

«Движение, как таковое, имеет, вообще, смысл и существование единственно только в системе нескольких находящихся во взаимоотношении различно направленных тел» («Энциклопедия», § 269).

На проделанной нами прогулке по старой романтической стране Гегелевской натурфилософии, современный читатель должен был испытывать такое чувство, как, например, при зрелище алхимических процедур в сцене превращения Гетевского Фауста.

Однако, несмотря на эту путаную фантастику, алхимия положила, как известно, основание химии. Взаимное превращение металлов, особенно—получение золота из ртути, за которым алхимия гонялась при помощи несостоятельных фантастических методов, рассматривается современной научной химией принципиально, как достижимая задача. В лабораторном масштабе превращение ртути в золото даже удалось в прошлом году. Методы исследования изменились коренным образом, но заброшенные цели алхимии были вновь поставлены. Терпеливый научный метод разрешал шаг за шагом задачи, которых алхимия тщетно пыталась достигнуть одним скачком.

В каком же отношении стоит сказанное к Гегелевской алхимии понятий. Какой разумный смысл заключается в тех логических превращениях, которые мы попытались изобразить?

Ясно, что то «самостоятельное движение» понятий, о котором даже нельзя сказать, что оно совершается «до сотворения мира», ибо оно в Гегелевском смысле вне времени, никогда и нигде не происходило. Это преображенная теология. В теологии слово господне, логос создает действительность. У Гегеля логика, разум теряет характер божественного атрибута, сама становится мистическим суб'ектом, единственным реальным суб'ектом, который непрерывно творит из себя действительность. Но этот мистический суб'ект раскрывается, как превращенная форма человеческой логики. Перенося человеческий разум на небо, Гегель вкладывает небо в человеческий разум. Он подготовляет, таким образом, следующий этап, где разум может освободиться от всей небесной мистики. Аналогично этому, Рафаэль пишет матерь божию, как человеческую мать; следующим шагом было художественное изображение обыкновенного человека, без всякого небесного ореола.

По Гегелю, дело философа заключается лишь в том, что он «присматривает» за самостоятельно совершающимся ходом развития понятия, подобно тому, как химик—за процессом превращения вещества, при чем он должен тщательно остерегаться нарушить процесс суб'ективным вмешательством, и затем добросовестно описывает то, что без его участия совершилось перед его умственным взором.

Действительный суб'ект есть **мыслящий человек**, который систематически развивает некоторую совокупность понятий. Этот идейный процесс должен быть **отражением действительности**. Действительность есть **первообраз**, об'ект, отображаемый мыслящим человеком.

Каким **реальным процессам** соответствует «движение», т.-е. взаимное превращение понятий?

Отображению системы или систем материальных движений, изменений или отношений.

Переход понятий может здесь соответствовать **определенному процессу** во времени (конечно, в **обобщенной** форме, ибо понятия представляют всегда нечто общее, типизированное). Таковы, например, превращение воды в лед и водяной пар, ртути в золото и пр., и пр.

Он может, однако, обозначать еще данную ступень в отображении, в классификации **сосуществующего**, родственное отношение, ступень в изображении связи некоторого целого.

Возьмем, например, систему **конических сечений**. Я перехожу, допустим, в изложении этой системы от параболы к гиперболе, к эллипсу, к кругу. Я не описываю здесь в помощью логических переходов **непосредственно** какие-нибудь совершающиеся во времени процессы, а даю **классификацию**, которая мне выясняет родство, сходство и различие членов системы. «Развивая», например, из общего уравнения конического сечения уравнение параболы и давая ему геометрическое истолкование, т.-е. переходя от общего к частному, я приобретаю ясное понимание классификационной связи, порядка этих предметов. Логический переход от параболы к гиперболе не отражает какого-нибудь процесса во времени. **Посредственно**, через ряд промежуточных звеньев, это логическое рассуждение служит, ко-

нечно, для изображения совершающихся во времени материальных процессов, например, движения брошенного камня или планеты и пр.

Или возьмем еще, например, изображение системы капиталистического хозяйства у Маркса. Здесь мы найдем и то, и другое. С одной стороны, классификацию типических явлений системы, как одновременно существующего целого. А, с другой, изложение развития системы из той, которая образует ее непосредственную исходную точку, из системы простого товарного хозяйства, и ее перехода в непосредственно последующую, социалистическую систему хозяйства. Изложение исходит из наиболее общих и абстрактных понятий и переходит к все более конкретным, содержательным понятиям. Оно проникает, таким образом, во внутреннюю связь целого, переходя от общего к частному, от единого к разнородному, вскрывая в единстве разнородность и в разнородности единство, восходя в систематической последовательности до надлежащей полноты.

У Маркса, т.-е. в области материалистической диалектики, видимость «самостоятельного движения» и приоритета понятий отсутствует. У Гегеля эта ложная видимость господствует.

Но если совлечь эту видимость, то под ее покровом окажется либо классификация, анализ системы явлений, одновременно существующего комплекса (предметов или движений), либо изображение процессов материальных изменений или перехода одной системы определенного комплекса предметов или движений в другую.

Превращение эфира во время и пространство, времени в пространство, пространства во время, превращенных таким путем времени и пространства в движение, движения в материю, есть мистика.

Но если мы стряхнем мистику, то под этой оболочкой найдем глубокий анализ, вскрытие внутренней систематической связи этих понятий и соответствующих им действительных предметов или процессов.

Таково реальное зерно идеалистически-диалектического развития понятий. Формальная логика сопоставила эти понятия, не связав их, не исследовав их связи. Время есть время, пространство есть пространство, движение есть движение, материя есть материя, и делу конец. Физика переняла из логики эти понятия, уточнила их, установила их количественные соотношения, не отдавая себе, однако, одновременно отчета в их качественной связи, в их единстве.

Если мы возьмем Гегелевский ряд понятий в обратном порядке, т.-е. будем переходить от материи к движению, от движения к времени и пространству, то получим картину хода абстрагирующего рассудка в разложении конкретного (находящейся в движении материи) посредством ряда все далее идущих абстракций. По известному замечанию Маркса в предисловии к «Капиталу», изложение должно итти в обратном порядке; но этим оно не должно создавать иллюзии мистического сотворения мира. Конкретизирование понятий происходит у Гегеля в безумной форме, понятие «разлагается» на свои составные части (моменты), эти моменты опять смыкаются в новые понятия и т. д. Таким образом, получается видимость, что дальнейшие конкретные определения не заимствуются из действи-

тельности, а возникают партеногенетически (путем девственного зарождения) из «понятия». Так получается у Гегеля сплошной налет софистики. Даже и все реальные диалектические построения Гегеля, имеющие в своей основе достаточный анализ действительности (а по огромности сделанного Гегелем в этой области вклада рядом с ним можно поставить только Аристотеля), покрыты этим софистическим налетом и должны быть предварительно освобождены от него и поставлены в связь с действительностью, чтобы выявить свое разумное зерно.

Если в нашем случае сбросить эту мистическую и софистическую оболочку, то под нею окажется диалектический анализ пространства, времени, движения, материи; до такого анализа теория относительности доработалась с большими усилиями, при помощи физического опыта, при чем она развивала свои понятия диалектически скорее инстинктивно, чем руководясь ясным сознанием. Иначе ни у самого Эйнштейна, ни у Вейля и многих других не были бы возможны более или менее значительные и частые уклоны в идеалистическом направлении [1].

Как реальное зерно, из Гегелевского анализа можно извлечь непосредственно следующее (если откинуть самостоятельную эквилибристику понятий и их перевод на идеалистический язык):

1) Пространство и время не являются двумя «инстанциями», лишенными внутреннего родства, и то и другое—однородные, реальные, составные части находящейся в движении материи.

Выведение пространства и времени из «эфира» и в «Иенской логике», из понятия о природе в «Энциклопедии», определение времени и пространства, как «моментов» более общего понятия и, с другой стороны, их переход в моменты более конкретного понятия движения, в результате должны действительно подтвердить, что они, при всей своей противоположности, имеют одинаковое происхождение и по природе однородны. Для Гегеля эта однородность носит идеальный, а для нас материальный характер, как имеющая материальное происхождение. Об'ектив-

[1] Определенные диалектические сближения между понятиями в теории относительности встречают сопротивление со стороны антидиалектического инстинкта, упрямо цепляющегося за определенные, сохранившиеся по традиции разграничения понятий. В этом смысле характерны следующие мысли, высказанные физиком Лоренцом в заключение лекций о принципе относительности, прочитанных им в институте Тейлера в Гаарлеме.

«Что касается самого лектора, то он, все же, находит известное удовлетворение в более старых взглядах, по которым эфир еще обладает некоторою субстанциональностью, что пространство и время могут быть строго разграничены, что можно говорить об одновременности без более подробных специальных определений. Что касается последнего пункта, то м. б. можно сослаться на нашу способность по крайней мере представлять себе скорости любой величины. Таким образом, мы подходим очень близко к понятию абсолютной одновременности.

В заключении можно заметить, что в смелом утверждении, будто никогда не придется наблюдать скоростей, превышающих скорость света, заключается гипотетическое ограничение доступного нам, которое не может быть принято без некоторой сдержанности» (Lorentz, S. 23).

По поводу последней фразы заметим, что отказ от представления о материальных процессах, действующих с «бесконечной скоростью», «моментально», т.-е. вне времени (а следовательно, по существу, и вне пространства), следует рассматривать, как устранение одного из традиционных метафизических измышлений физики. Существенна здесь конечная длительность всех процессов передачи действия, ее всеобщий характер в отношении времени и пространства. Очевидно, что ограничение скоростью света имеет смысл лишь временного предела, дальше которого наш опыт еще не пошел.

ный характер время и пространство имеют и у Гегеля (в противоположность Канту). Но у него идеальное первично (природа есть «идея в форме инобытия»). Их материальная, однородная и об'ективная природа сводится к материальному движению, вне которого они не имеют почвы.

2) Пространство и время не существуют никогда оторванно, они всегда совместны. Нет таких материальных процессов, которые были бы пространственны, не совершаясь во времени, или совершались во времени, не будучи пространственны.

Место есть «пространственное теперь». Время «реально лишь в пространстве», и наоборот. Движение есть «превращение и воспроизведение пространства во времени и времени в пространстве».

Если теория относительности кладет предел тому метафизическому разграничению временного и пространственного, лежащему в основе Ньютоновского принципа действия на расстоянии, если она ставит в наиболее общей форме все материальные явления совместно во времени и в пространстве и находит этому аналитическое выражение, изображая законы природы посредством четырехмерных координат пространства и времени, если Минковский пророчески восклицает: «Да исчезнут отныне окончательно пространство само по себе и время само по себе, и лишь своего рода союз их обоих да сохранит самостоятельность», то во всем этом естествознание следует с большим опозданием за глубоким Гегелевским анализом понятий.

Аналитическое выражение физических законов с помощью четырехмерных координат пространства и времени дает одинаковое выражение как качественной однородности пространства и времени (рассматривая измерения пространства и времени, как величины одного и того же формального типа), так и их длительной реальной связанности (соединяя эти 4 измерения в прочную группу).

Есть, конечно, разница, стоит ли анализ понятий сам по себе (да к тому же, в превратной, идеалистической форме), или же он извлечен и развит из эмпирического материала и на него опирается.

Но, во всяком случае, если диалектический анализ оказался в состоянии, располагая бесконечно беднейшим опытным материалом, обогнать опытное естествознание на полное столетие, то это свидетельствует о великом его значении.

Самый путь естествознания был бы короче, оно было бы предохранено от ложных шагов, его результаты выиграли бы в смысле ясности и плодотворности, еслибы оно умело пользоваться диалектикой, как руководящим началом исследования и как орудием для критической обработки его результатов, не только инстинктивно, но и сознательно, методически.

3) Гегель выступает критически против понятия абсолютного покоя, против абсолютного разделения моментов покоя и движения в Ньютоновской механике. В «абсолютной материи», к которой принадлежит также каждое отдельное тело, поскольку оно представляет материю свободного мирового пространства, покой и движение неразрывны. Движение имеет «смысл и существование» единственно только в системе нескольких находящихся во взаимоотношении различно направлен-

ных тел. Здесь принципиально кроется понимание ограниченности Ньютоновской механики, критика представления об абсолютном покое (а следовательно, и об абсолютном движении) и намечено неразрывное взаимодействие покоя и движения [1]).

Теория относительности выражает это аналитически, позволяя любую из двух материальных систем, находящихся друг относительно друга в каком угодно движении, «трансформировать в состоянии покоя» или «расматривать все мыслимые системы координат, как принципиально имеющие одинаковое право на описание природы». Иными словами, уравнения общих законов природы должны быть «ковариантны по отношению к любым подстановкам (общековариантны)» (Эйнштейн).

Как известно, математический анализ подготовил почву теории относительности. Риман в заключение своего доклада о гипотезах, лежащих в основе геометрии, замечает, что предпринял

---

[1]) Вообще, в постоянной, упорной полемике Гегеля против Ньютона менее всего следует видеть каприз. Эта полемика, если проследить ее в частностях, направлена сплошь против недиалектически застывших соотношений понятий у Ньютона, против математико-метафизических произвольных понятий в его механике, прежде всего — против измышления о «силах».

«Обыкновенно говорят, что сама природа силы неизвестна, и что познается только ее проявление. Но, во-первых, определенное содержание силы одинаково с определенным содержанием проявления, и, следственно, объяснение явления силой есть пустая тавтология. Таким образом, то, что предполагается неизвестным, есть в действительности пустая форма соотношения к себе, которою одною сила различается от проявления. Однако же, эта форма очень хорошо известна. Во-вторых, эта форма ничего не прибавляет к содержанию и к закону, узнать которые можно только из их проявления» («Энциклопедия», § 136).

Эта критика выясняет, действительно, в немногих словах то соотношение понятий, в сетях которого поныне еще бьется множество естествоиспытателей.

К так называемому принципу инерции Гегель замечает:

«Рассматривая внешние, конечные движения тел, механика признает как аксиому, что всякое тело, находящееся в покое или в движении, вечно покоилось бы или двигалось, если бы внешние причины не переводили его из одного состояния в другое. В этом случае она не видит никакой возможности собственного перехода одного из этих состояний в другое: по ее понятиям, движение и покой определяются по принципу тождества (§ 115): движение есть движение, покой есть покой, — и они не имеют между собой ничего общего. Лишь эти абстракции движения самого по себе и покоя самого по себе ведут к пустому утверждению, что всякое движение продолжалось бы вечно, если бы не и т. д....» (§ 266).

По поводу центробежной силы Гегель замечает там же:

«Здесь идет речь не о том, что такое направление существует, а о том, что оно существует отдельно от силы тяжести, само по себе, как оно представляется получившим полную самостоятельности в виде силы».

Многократно Гегель указывает на необходимость различать между аналитическими выражениями и действительными физическими явлениями.

«Данные математического анализа, его ход и результаты вовсе не имеют физического достоинства и значения. Этого не следовало бы забывать, и в физическую механику не следовало бы вводить произвольную метафизику, построенную единственно на математических данных, противоречащих как сущности дела, так и прямым наблюдениям» (§ 270).

Это написано как будто не в бровь, а в глаз Вейлю и некоторым другим.

Гегелевской критике не достает еще в значительной мере нужного опытного материала, чтобы выступить против метафизики в физике не только методически-диалектически, но и эмпирически. Однако это не умаляет принципиального значения его критики и ее плодотворности.

Нужно, впрочем, заметить, что Ньютон не только метафизик (в смысле недостатка в диалектике); его открытие исчисления бесконечно-малых («флюент») было возможно только на почве диалектического инстинкта.

расширению математических понятий с той целью, чтобы физическое исследование не тормозилось «ограниченностью понятий».

Но и диалектический анализ произвел здесь предварительную работу, и даже еще раньше, чтобы устранить с пути физики препятствия со стороны «ограниченности понятий». Эта предварительная работа осталась почти совершенно неизвестной естествоиспытателям. Причиной этому была отчасти специфическая, мистическая и софистическая внешняя форма Гегелевской диалектики. Но и указания Энгельса в «Анти-Дюринге», совершенно свободные от этой мистики, не обратили на себя внимания естествоиспытателей. Здесь, конечно, важнее всего то, что материалистическая диалектика имеет «революционный душок». Но и это изменится, когда она станет на западе орудием господствующего рабочего класса.

4) В общей теории относительности мерительные определения пространства (геометрия) и мерительные определения времени ставятся в зависимость от распределения и состояния движения материи.

Предчувствие того, что следует искать связи между обеими группами, имеется и у Гегеля, по крайней мере—в превратной и умозрительной форме, в его стараниях вывести соотношения величин в законе всемирного тяготения из логического соотношения пространства и времени. Частности этой попытки[1]) в настоящее время уже лишены интереса. Принципиальное значение имеет, однако, указание на искание такой связи, которая, конечно, может быть найдена не в «понятии», а лишь в опыте и требовала длинного опытного пути.

5) Гегель допускает переход движения в материю.

В этом можно видеть предчувствие соотношения между энергией и массой, как его ставит теория относительности.

На этом месте мы покинем Гегеля и рассмотрим еще несколько диалектических соотношений, вытекающих из теории относительности.

V. Материальность энергии. Электричество и магнетизм. Материя и эфир. „Релятивация" и „абсолютность" движения.

«Масса тела служит мерой запаса его энергии; если энергия изменяется на L, то масса изменяется в том же смысле на $\frac{L}{9}\cdot 10^{20}$, где энергия выражена в эргах и масса—в граммах» (А. Эйнштейн: «Зависит ли инерция тела от его запаса энергии?» 1905).

«Если теория соответствует фактам, то лучеиспускание переносит инерцию между излучающими и поглощающими телами». (Там же).

Если приращение энергии составляет E, то приращение «инертной массы» составит $\frac{E}{c^2}$ (где E означает скорость света в пустом пространстве).

Из принципа эквивалентности вытекает непосредственно, что этому приращению «инертной массы» соответствует одинаковое приращение «тяжелой массы».

---

[1]) См. «Энциклопедию», §§ 267 и 271.

Постоянство (константность) массы падает. Энергия становится материальной. Масса и энергия вступают во взаимодействие.

Болтовня Оствальда об «исчезновении» «материи» и ее замещении нематериальною энергией теряет окончательно всякий смысл. Оба понятия, понятие об энергии и о массе, приведены в материальное диалектическое взаимоотношение.

Эти положения открыты, конечно, не математическим анализом. Они являются точным обобщением опытного знания, по которому движущийся электрон оказывает пондеро-моторное действие (действие давления и движения), и электроны могут рассматриваться, как составная часть всякой материи.

Точно так же электричество и магнетизм приводятся в тесную взаимную количественную связь.

«Эфир», как нечто, находящееся в абсолютном покое, служащее мерилом для абсолютного движения, становится, как мы видели, лишним. Он становится, в сущности, излишним также и как носитель движений в «пустом пространстве». Он остается, по существу, все еще тем, как понимал его Гегель, физико-метафизической фикцией «пустоты», в противоположность материи. Он должен еще представлять, по Эйнштейну и Вейлю, «наводящее поле». В действительности, он представляет лишь временный предел нашего знания о строении материи из «бесконечно-малых». «Неисчерпаемость» мира требует, чтобы материя рассматривалась, как бесконечный ряд величин убывающего порядка. Откуда следует, как мы уже заметили выше, что «полная» теория материи никогда не будет возможна,—но что с ростом опыта мы можем неограниченно к ней приближаться. Абсолютное познание материи может осуществляться лишь в форме относительного, временного познания, и поскольку оно ускользает от сознания, на временных гранях познания необходимо должны возникать каждый раз фикции.

В заключение, еще одно замечание о том, исчезает ли, благодаря релятивации движения, абсолютный характер материального мира.

Уже Минковский думает:

«Смысл постулатов (относительности) сводится к тому, что в явлениях дан лишь четырехмерный мир в пространстве и времени, но проекция в пространстве и времени может еще предприниматься с известной свободой; я склонен был бы, поэтому, назвать это утверждение скорее постулатом абсолютного мира (или, короче, мировым постулатом)».

Теория относительности есть дальнейший шаг в направлении, если можно так выразиться, диалектизации мира. Он становится подвижнее, богаче превращениями. Но это не устраняет ничего в его абсолютном характере, а лишь больше отодвигает таковой на задний план. В основе всех превращений форм движимой материи лежит материальное единство.

В специальной теории относительности скорость света еще является абсолютной, постоянной величиной.

В расширенной теории относительности устанавливается в качестве закона, превалирующего над всеми изменениями, принцип Гамильтона.

«Совокупное действие, т.-е. сумма субстанционального действия электричества и действия электрического поля, плюс суб-

стационарное действие массы, не испытывает изменения при бесконечно малых вариациях состояния поля и таких же перемещениях мировой метрики в пространстве и времени».

Релятивация пространства, времени и движения не имеет, в действительности, ничего общего с какой-либо формой скептической философии (являющейся всегда ублюдком идеализма), отрицающей об'ективность, абсолютность и материальность мира.

Закон превращений содержит всегда одновременно и закон сохранения, закон релятивации—закон абсолютного. Оба полюса обратимости и постоянства проникают себя взаимно.

(Перевод В. Семенченко и Я. Виткинда).

Секреция адреналина во время эмоций.

(Перевод А. Г. Кратинова, под редакцией и с предисловием Б. М. Завадовского).

Вальтер Кэннон, профессор Гарвардского У-та.

Лет около двадцати назад американский психолог Джемс высказал парадоксальную, но, пожалуй, гениальную по своей интуитивной проницательности мысль, касающуюся природы эмоций. Он ярко и выпукло подчеркнул материальные, чисто физиологические корни этих психологических состояний в форме революционного для того времени положения: «не потому мы дрожим и обливаемся холодным потом, что нам страшно,—говорил он,—а потому нам страшно, что наше тело дрожит; и не потому мы сжимаем кулаки и жилы напрягаются в нашем теле, что мы озлоблены, а мы чувствуем гнев в силу того, что в нас возбужден соответствующим образом весь организм».

Эти мысли Джемса отличались для своего времени необычайной смелостью. Но они казались бесспорными для всякого биолога, который не мыслит себе психической деятельности без материальной базы ее в тех чисто физиологических процессах, которые протекают в нашем мозгу и во всем организме.

Прошло немного лет, и вот теперь эти положения облекаются на наших глазах в реальные конкретные формы биологического эксперимента.

Экспериментальная биология, подчиняя своему исследованию все более и более тонкие и сложные механизмы жизни, разными, но многообещающими путями сумела ныне подойти и к разрешению проблем так называемой душевной деятельности, подчиняя своему анализу все стороны ее выявления. И если еще 20 лет назад парадоксальные идеи Джемса шокировали не только психолога-гуманитарника, но и многих биологов, то теперь, после блестящих побед и достижений Лебовского учения о животных и учения Павлова об условных рефлексах, мы можем говорить о создании специальной области биологии, посвященной изучению физиологических основ психической деятельности, как о конкретном состоявшемся факте. И, наконец, наши позиции еще более укрепляются в настоящее время развитием еще одной главы биологии—учения о внутренней секреции, которая, как это читатель увидит из предлагаемой статьи, указывает нам пути и методы для разрешения тех же проблем психической деятельности еще с одной стороны.

Предлагаемая вниманию читателя статья представляют собою перевод 2 глав (III и IV) из замечательной книги Кэннона, вышедшей в Америке впервые еще в 1915 году под оригинальным названием: «Bodily changes in Pain, Hunger, Fear and Rage» («Телесные изменения в состоянии боли, голода, страха и гнева»).

Интерес и ценность книги состоит в том, что вся книга целиком и почти исключительно построена на основании личных экспериментальных работ самого автора и его учеников. Кэннон—один из крупнейших современных американских физиологов и известен в медицинских кругах своими замечательными исследованиями над движениями пищеварительного канала и как автор классической монографии по этому вопросу. Его исследования над секрецией надпочечников в состоянии эмоциональных возбуждений отличаются характерною для него оригинальностью и самобытностью замысла и выполнения и широтою мысли и дают, пожалуй, впервые реальный подход к тем именно проблемам, которые были поставлены Джемсом. Вместе с тем, эти исследования подчеркивают те еще не осознанные многими перспективы, которые сулит нам в дальнейшем применение эндокринологического анализа к изучению сложных, но увлекательных проблем психической деятельности.

Все эти достоинства книги Кэннона побудили меня приложить старания к тому, чтобы сделать ее доступной русскому читателю в ее полном виде; но не дожидаясь долгих месяцев, пока это сможет быть осуществлено, мне казалось ценным хотя бы в выдержках познакомить читателя нашего журнала хотя бы с основными положениями книги. Мы выбрали для этой цели именно те главы, которые, с одной стороны, наиболее ярко характеризуют общий уклон и направление мыслей Кэннона, а с другой—знакомят с тою замечательной по своей простоте и одновременно остроумию методикой, которая была применена им для разрешения поставленных в книге проблем. И в самом деле, иногда нам кажется, что достаточно лишь вдуматься в те поистине гениальные методы, которые создала экспериментальная физиология за период всего лишь менее чем столетнего своего существования, чтобы проникнуться уверенностью в силе точного знания и спокойствием за будущие успехи применяемых ею методов научно-материалистического анализа жизненных явлений.

Б. Завадовский.

Способы обнаружения секреции адреналина и зависимость ее от нервной системы.

Как было нами установлено, торможение секреции желудочного сока, вызванное сильным возбуждением, длится и после прекращения действия раздражителя, вызвавшего возбуждение. Если собаке показывают кошку в течение пяти минут, то во время последующих пятнадцати минут у нее отделяется только несколько капель сока. Почему состояние возбуждения держится так долго после окончания периода раздражения? Вопрос, который возник у меня сам собою при чтении работы Биккеля и Сасаки и который привел меня к мысли, выраженной в заклю-

чении последней главы, сводится к тому, что возбуждение может вызываться секрецией адреналина и что изменения, первоначально вызванные в пищеварительных органах нервными импульсами, могут поддерживаться циркулирующим в крови адреналином. Продление эффекта получает таким образом об'яснение. Правильность этой идеи не была, однако, подтверждена экспериментально. Главное значение ее заключается в том, что она привела к постановке вопроса: стимулируются ли надпочечники при эмоциональном возбуждении? Преганглионарные волокна, иннервирующие эти железы, содержатся в чревных нервах [1]). Каков же эффект раздражения чревных нервов?

Доказательства того, что раздражение чревных нервов вызывает секрецию адреналина.

В 1891 г. Якоби указал, что надпочечники иннервируются волокнами, отходящими от симпатического ствола. Шесть лет спустя Бидль нашел, что по этим нервам передаются сосудорасширяющие импульсы к железам; он высказал предположение, что, повидимому, и секреторные импульсы проводятся теми же нервами. Доказательство, подтверждающее это предположение, было представлено в последующие годы Дрейером, который нашел, что электрическое раздражение чревных нервов вызывает увеличение в крови, оттекающей от надпочечниковых вен, веществ, повышающих силу артериального давления, и что этот результат не зависит от соответствующих изменений в кровоснабжении желез. Заключение Дрейера, что это вещество есть адреналин, было подтверждено различными способами последующими наблюдателями. Чебоксаров повторил опыт Дрейера и нашел, что в крови, истекающей от вен после раздражения чревных нервов, действительно появляется адреналин. Ашер наблюдал повышение кровяного давления при раздражении железы различными способами, стараясь при этом избежать сокращения артериальных сосудов. На основании этого можно предположить, что повышение давления вызывается отделившимся адреналином. Мельцер и Жозеф пользовались расширением зрачка для обнаружения секреторного действия чревных нервов на надпочечники; они нашли, что раздражение дистальной части отрезка чревного нерва вызывает расширение зрачка—эффект, характеризующий присутствие адреналина, циркулирующего в крови. Эллиот, повторяя тот же опыт, нашел более веские доказательства внутренней секреции адреналина; он заметил, что при удалении железы эффект на раздражение нерва на стороне раздражения отсутствовал. Дополнительное доказательство было представлено Лайманом и мною: мы нашли, что типичное повышение кровяного давления, наблюдаемое у кошек при ин'екции незначительных количеств адреналина, может быть с точностью воспроизведено путем раздражения чревных нервов после того, как были перевязаны иннервируемые этими нервами абдоминальные сосуды, избегая при этом возможных изменений в остальной части кровеносной системы.

---

[1]) Речь идет о так называемых n. Splanchnici, иннервирующих органы брюшной полости. (Прим. Б. З.)

Действие чревных нервов на адреналовую систему было исследовано Э л л и о т о м, который воспользовался для этой цели совсем другим методом. Для получения количественных результатов он предварительно устанавливал количественное действие определенных доз адреналина на кровяное давление; таким образом он сумел установить изменение содержания адреналина в надпочечниках при различных условиях. Опыты были поставлены на кошках. У этих животных каждая железа снабжается волокнами чревного нерва только той же стороны, и обе железы в норме по содержанию адреналина почти не отличаются друг от друга. Эллиот нашел, что если на одной стороне перерезать нервы, снабжающие железу, и затем раздражать неповрежденный нерв другой стороны, возбуждая животное или применяя к нерву искусственный раздражитель, то железа, сохранившая иннервацию, неизменно обнаруживала меньшее содержание адреналина, часто значительно меньшее, чем денервированная железа. Результаты, добытые этим методом, прекрасно согласуются с данными, полученными Ф о л и н о м, Д е н и с о м и м н о ю с помощью весьма чувствительного колориметрического метода, прибавляя к экстракту железы раствор фосфорно-вольфрамовой кислоты.

Все указанные наблюдения, произведенные при помощи различнейших методов многими авторитетными исследователями, согласно показывают, что искусственное раздражение секреторных нервов надпочечников вызывает усиленную секрецию мозгового вещества железы, в результате чего повышается содержание адреналина в крови [1]). Таким образом можно считать твердо установленным существование механизма, при помощи которого можно ускорять поступление в кровь адреналина.

Секреция адреналина при эмоциональных возбуждениях.

Как мы уже видели, состояние эмоционального возбуждения животного указывает на повышенную возбудимость симпатической нервной системы. Если, например, кошку внезапно испугать, то ее зрачки расширяются, деятельность желудочно-кишечного тракта тормозится, сердце бьется ускоренно, шерсть на спине и хвост вз'ерошивается—все животное обнаруживает многочисленные признаки нервных импульсов, притекающих по симпатическим путям. Не принимают ли надпочечники участия в этом столь далеко идущем влиянии симпатической нервной системы на внутренние органы?

Вопрос о том, может ли возбужденное состояние животного в норме вызывать секрецию адреналина, был исследован Д е л а п а ц о м и м н о ю в 1910 году. Для этой цели мы воспользовались естественной враждой, существующей между лабораторными животными—собакой и кошкой. В этих опытах кошка помещалась в удобный станок (описанный нами выше при изучении движений пищеварительного канала с помощью рентгеновских лучей) на близком расстоянии от лающей собаки. Некоторые кошки не проявляли при этом никаких признаков страха; дру-

[1]) Следует иметь в виду, что в надпочечнике мы различаем две независимые системы эндокринных желез, из коих „мозговое вещество вырабатывает интересующий нас в этой работе адреналин, а корковое вещество остается вне рассмотрения в книге Кэннона. (Б. З.)

ние, производя едва заметные защитные движения, обнаруживали типичную картину. В благоприятных случаях возбуждение поддерживалось 5—10 минут и лишь иногда дольше. Проба крови бралась за несколько минут до и после раздражения.

Метод получения крови из надпочечниковой вены.

Кровь добывалась из нижней полой вены вблизи устья надпочечниковых вен, т.-е. в точке, лежащей на уровне выемки нижнего конца грудной кости. Получение крови из вены, столь глубоко лежащей над поверхностью тела, не нанося при этом ущерба животному, вначале было сопряжено с большими трудностями. Однако скоро мы нашли, что, применяя хлорэтил для анестезирования участка кожи, расположенного непосредственно над бедреной веной в верхней части паха, удается быстро обнаружить вену, освободить ее от соединительной ткани, перевязать и вскрыть, при чем животному не наносится вовсе серьезных общих повреждений. Длинный, тонкий, гибкий катетер (2,4 *мм.* в диаметре), предварительно смазанный извне и снаружи вазелином (таким путем предупреждается быстрое свертывание крови внутри катетера), вводился в бедреную вену, а отсюда через подвздошную достигал нижней полой вблизи уровня выемки грудной кости. Нитка, обмотанная вокруг катетера, служила показателем того, на какую глубину последний вводился в вену, что позволяло в последующие разы вводить катетер на ту же глубину. Небольшая операция—разрез вены, обычно применяемая нашим предшественникам, отнимала всего лишь несколько минут, и так как единственно возможная причина боли предупреждалась местной анестезией, то животное оставалось спокойным во все время опыта. Иногда приходилось легкими поглаживаниями по голове удерживать кошку в спокойном состоянии в станке, и в таких случаях она мурлыкала все время, пока делались приготовления, а также и при самом добывании крови.

Кровь (3 — 4 $см^3$) медленно набиралась через катетер в чистый стеклянный шприц. При этом мы старались избежать сколько-нибудь заметного всасывания, которое могло бы повлечь за собою спадение вен у внутренного конца катетра. Как только кровь набиралась, катетр удалялся и вена неплотно перевязывалась, дабы избежать сильного кровотечения. Кровь немедленно переливалась в сосуд, и фибрин удалялся при помощи резиновой кисточки, укрепленной на стеклянной палочке. Так как эта дефибринированная кровь получалась от животного, находившегося в покойном состоянии, то она отмечалась, как «покойная» кровь.

После этого животному показывали лающую собаку, и немедленно же снова бралась проба крови из того же места, что и прежде. Эта проба, после дефибринирования, обозначалась как «возбужденная» кровь. Обе указанные пробы, полученные и обработанные одним и тем же методом, испытывались на содержание в них адреналина.

Метод испытания крови на адреналин.

Вспомним, что адреналин действует на внутренние органы даже после того, как последние удалены из тела, совсем так же, как если бы они получали импульсы через симпатические нервы;

далее, что симпатические нервы в норме посылают импульсы, которые вызывают сокращение внутренних половых органов и расслабление желудка и кишечника. Матка давно уже служит для обнаружения адреналина, присутствие которого обусловливает усиление сокращений. Магнус в 1905 г. показал, что ритмические сокращения изолированных отрезков продольной мускулатуры кишечника заметно тормозятся адреналином при разведении 1:20.000.000. Это крайне чувствительная реакция до опубликования наших работ в 1910 г. вовсе не применялась, как биологический показатель адреналина, несмотря на то, что он обладает весьма важным преимуществом перед другими методами. Кишечник встречается у всех животных, между тем как матка только у половины из них; его легко приготовить для опыта в течение нескольких минут, между тем как матка требует для этого нескольких часов; наконец, кишечник под влиянием адреналина не сокращается, а расслабляется. Последнее особенно важно потому, что в дефибринированной крови содержатся, кроме

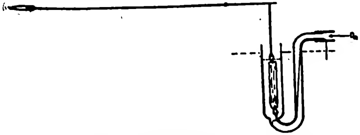

Рис. 1. Схема расположения приборов для записи сокращений кишечной мускулатуры.

адреналина, и другие вещества, способные вызывать сокращения гладкой мускулатуры; это может привести к ложным заключениям в тех случаях, когда для обнаружения адреналина служат такие органы, как матка или артерия, которые на раздражения отвечают сокращением. С другой стороны, вещества, вызывающие расслабление гладкой мускулатуры, вообще редки и в крови обычно не встречаются.

По этой причине мы в качестве индикатора воспользовались отрезком мускулатуры кишки. Позже Госкинс видоизменил наш метод, воспользовавшись, вместо отрезка мускулатуры, коротким сегментом кишки кролика. Такой сегмент легко изолировать, не повредив его. В свежем виде он чрезвычайно чувствителен к адреналину, который задерживает его сокращения при разведении 1:200.000.000!

Отрезок мускулатуры или сегмент кишки подвешивался при помощи зажимов, сделанных из очень тонкой проволоки (serres fines), в цилиндрической камере в 3 *мм.* в диаметре и длиной 5 *см.* При помощи нитки, прикрепленной к нижнему зажиму, препарат втягивался в камеру, в которой плотно держался; к верхнему концу прикреплялся короткий конец записывающего рычага (см. рис. 1). В промежутках между опытами отрезок погружался в рингеровский раствор. Не нарушая положения отрезка, можно было легко удалять или вводить солевой раствор в камеру при помощи тонкой пипетки. Камера и ее содержимое—рингеровский раствор и образцы «покойной» и «возбужден-

ной» крови—окружались водой, температура которой поддерживалась приблизительно при 37° С (температура тела). Через кровь или солевой раствор медленно, но непрерывно пропускался кислород в виде небольших пузырьков. В таких условиях отрезок кишки может жить в течение многих часов, ритмически сокращаясь и расслабляясь, и эти движения могут быть зарегистрированы с помощью записывающего рычага.

Как только мышца окружалась кровью «покойной» или «возбужденной», появлялись резкие сокращения, которые длились долго, сопровождаясь иногда, в течение 1—2 минут, незначительными колебательными движениями (см. рис. 3 и 4). После первоначального укорочения отрезок, в случае «покойной» крови, скоро начинал ритмически сокращаться и расслабляться, пока не появлялись сокращения одной и той же амплитуды. На этой стадии прибавление свежей крови не давало никакого эффекта, даже в тех случаях, когда отрезок предварительно снова промывался рингеровским раствором. Для сравнения действия «покойной» и «возбужденной» крови на сокращающийся отрезок, каждая из проб прибавлялась к отрезку немедленно после удаления рингеровского раствора или же они испытывались поочередно, при чем отмечалась разница в их действии. Полученные при помощи этих методов результаты и служат предметом последующего изложения.

Секреция адреналина при сильных эмоциях и боли.

Повышение секреции адреналина при сильных эмоциональных возбуждениях и боли имеет чрезвычайно большое значение, ибо, как уже выше было указано, адреналин способен вызывать целый ряд изменений в организме, которые ясно проявляются при эмоциональных состояниях и боли. Для последующего изложения весьма важно установить, побуждаются ли надпочечники к повышенной деятельности во время сильного эмоционального напряжения всего организма.

Доказательства того, что секреция адреналина повышается во время эмоциональных возбуждений.

Кровь надпочечниковых вен вызывает расслабление кишечной мускулатуры, характерное для действия экстракта из надпочечников или адреналина (рис. 2). Мышца первоначально сокращалась в крови, не содержавшей поддающихся обнаруживанию количеств адреналина; такая недеятельная кровь заменялась кровью, взятой из надпочечниковых вен после быстрой эфиризации. Следует помнить, что эфиризация сопровождается «стадией возбуждения». Расслабление появляется почти немедленно (при *b*). После этого ритм возобновлялся в предшествующей пробе крови, и мышца немедленно окружалась кровью из левой почечной вены, т.-е. кровью, полученной от того же животного и при тех же условиях, что и кровь из надпочечника, но из соседней вены. При этом не наблюдалось вовсе расслабления. Этими и другими подобными пробами испытывалась надежность метода.

Кровь из нижней полой вены покойного нормального животного ни в коем случае не вызывала расслабления. С другой стороны, кровь животного после эмоционального возбуждения обнаруживала более или менее быстро типичное расслабление.

Рис. 8 представляет собою запись регулярных сокращений кишечной мускулатуры в рингеровском растворе. В точке *a* рингеровский раствор удалялся, а в точке *b* прибавлялась «возбужденная» кровь; после предварительного укорочения, которое, как уже выше было указано, следует непосредственно за погружением в кровь, мышца медленно расслаблялась вплоть до полного торможения. В точке *c* «возбужденная» кровь удалялась, а в точке *d* вместо нее вводилась «покойная» кровь. Тотчас же начинались

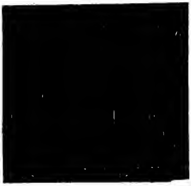

Рис. 2. Сокращения кишечной мускулатуры в недеятельной крови, удаленной из камеры у точки *a*. Кровь из надпочечниковой вены животного, возбужденного путем этеризации, вводилась у точки *b* и удалялась у точки *c*. Сокращения возобновлялись в первоначальной недеятельной крови, которая удалялась у точки *d*. Кровь из почечной вены (того же животного) вводилась у точки *e*. Как в этой, так и в последующих записях время отмечалось в полуминутах.

правильные ритмические сокращения. В точке *e* «покойная» кровь удалялась и в точке *f* снова вводилась «возбужденная». Мышца почти немедленно удлинялась. В этом случае «возбужденная» кровь бралась после того, как кошке в течение 15 мин. показывали лающую собаку.

Усиление эффекта, вызванное удлинением периода возбуждения, показано на рис. 4. *A* есть запись сокращений мышц, после

Рис. 3. Поочередное введение «возбужденной» крови (в точках *b* и *f*) и «покойной» (в точке *d*), взятой от одного и того же животного и действующей на кишечную мускулатуру, первоначально сокращавшуюся в рингеровском растворе.

того, как последняя помещалась в «покойную» кровяную сыворотку. *B* показывает постепенное торможение, наступившее в мышце, окруженной дефибринированной кровью, взятой от животного, находившегося в возбуждении в течение 11 минут. *C* есть запись быстрого торможения после 15-минутного раздражения животного. В других случаях эффект сказывался просто па понижении тонуса мускулатуры и на заметном замедлении сокращений, однако, последние при этом окончательно не исчезали.

Положение, что торможение сокращений кишечной мускулатуры обусловлено повышенным содержанием адреналина в «возбужденной» крови, оправдывается следующими опытами, поставленными Делапацом и мною.

1) Торможение вызывалось «возбужденной» кровью, взятой из нижней полой вены выше устья надпочечниковых вен, тогда как кровь из бедреной вены, взятая в то же время, не обнаруживала никакого задерживающего действия. Так как кровь из бедреной вены идентична крови из полой вены ниже места впадения почечных вен, то можно смело предположить, что разница в действии обеих проб не обусловлена каким-нибудь аген-

Рис. 4. Действие более длительного эмоционального возбуждения. *A* — запись, произведенная в «покойной» сыворотке; *B* — в дефибринированной крови после 11-минутного возбуждения; *C* — в сыворотке после 15-минутного возбуждения.

том, вступающим в кровь до места впадения почечных вен. Далее, из рис. 2 видно, что кровь почек не вызывает расслабления. Единственно возможным источником изменений свойств крови следует считать надпочечники, расположенные между двумя пунктами, из которых брались обе указанные пробы; секрет, выделенный ими, и должен был бы вызвать точно такое же торможение сокращений, которое фактически наблюдалось.

Рис. 5. Отсутствие торможения при введении (в точке *a*) крови из полой вены, несмотря на предварительное эмоцнальное возбуждение, после удаления надпочечников. Мускулатура при последующем испытании была чувствительна к содержанию адреналина в крови при разведении 1 : 1.000.000.

2) Если при анестезии (эфир) перевязать кровеносные сосуды, снабжающие надпочечники, и удалить затем надпочечники, то возбуждение спустя 4—5 часов (до того еще, как появятся резкие симптомы слабости, обычно следующие за удалением надпочечников) не изменит свойств крови, и типичное торможение наблюдаться не будет (см. рис. 5). Таким образом, несмотря на то, что животное обнаруживает характерные признаки возбуждения симпатической нервной системы, кровь в отсутствии надпочечников остается неизменной.

3) Как было указано выше, действие «возбужденной» крови сказывалось иногда немедленно в торможении, иногда же торможение наступало после нескольких сокращений; наконец, в

других случаях единственным показателем действия адреналина служило замедление и уменьшение сокращений. Все эти степени расслабления могут быть увеличены в два раза прибавлением к недеятельной крови разных количеств адреналина. Рис. 6 показывает действие на несколько нечувствительный мускульный препарат адреналина при разведении 1:1.000.000 *(a)*, 1:2.000.000 *(b)* и 1:3.000.000 *(c)*, прибавленного к различным пробам крови, которые сами по себе не оказывали задерживающего влияния.

Рис. 6. Действие прибавления адреналина 1:1.000.000 (*a*), 1:2000000 (*b*) и 1:3.000.000 (*c*) к недеятельной крови, предварительно испытанной. В каждом случае *a* обозначает момент удаления «покойной» крови, а *b* — прибавление адреналина к крови.

Это действие адреналина и результаты, полученные с кровью, взятой вблизи устья надпочечниковых вен, обнаруживают поразительную аналогию.

4) Эмден и Фурт сообщают, что $^1/_{10}$ *г* солянокислого адреналина исчезает почти полностью в течение 2-х часов при прибавлении 20 *см*³ дефибринированной бычьей крови, если не-

Рис. 7. Действие пропускания пузырьков кислорода через активную кровь *A* — расслабление после введения активной крови в точке *a*; *B* — отсутствие расслабления при введение той же крови, насыщаемой в течение 3-х часов кислородом, прибавленной к свежему отрезку в точке *b*.

прерывно пропускать через смесь воздух при температуре тела. «Возбужденная» кровь, вызывающая торможение, теряет эту свою способность при стоянии на холоду в течение 24 часов или в тепле, если пропускать при этом через сосуд непрерывные пузырьки кислорода. Это изменение показано на рис. 7, действие «возбужденной» крови тормозящей сокращение кишечной мускулатуры *(A)*, утрачивалось после 3-часового пропускания пузырьков кислорода *(B)*. Разрушение адреналина и исчезновение эффекта, обычно им вызываемого, таким образом идут параллельно друг другу.

Все эти соображения, в связи с тем, что симпатические нервы усиливают секрецию надпочечников и что во время эмоционального возбуждения, примененного в этих опытах, симпатическая нервная система возбуждалась (расширение зрачка, вз'ерошивание шерсти), привело нас к тому заключению, что характерное действие адреналина на кишечную мускулатуру в наших опытах действительно обусловлено секрецией надпочечников, и что эта секреция усиливается при эмоциональных возбуждениях.

Доказательства того, что секреция адреналина усиливается при «болевом» раздражении.

Как было уже указано в первой главе, возбуждение чувствительных волокон одного из больших нервных стволов обычно вызывает возбуждение симпатической нервной системы, что влечет за собой торможение пищеварительных процессов. Одновременно наблюдаются и другие явления, как-то: сокращение арте-

Рис. 8. Сокращения кишечной мускулатуры в нормальной крови из полой вены, удаленной при *1* и введенной вновь при *2*. При *3* нормальная кровь удалялась. При *4* торможение сокращений при действии крови полой вены, полученной после болевого раздражения. При *5* — удаление. При *6* — введен рингеровский раствор.

риолей, расширение зрачков, вз'ерошивание шерсти. А так как деятельность надпочечников стимулируется симпатической нервной системой, то казалось возможным, что, как в случае других органов, иннервируемых симпатическими волокнами, раздражение чувствительных нервов повлечет за собою усиленную секрецию.

Этот вопрос был исследован Г о с к и н с о м и м н о ю в 1911 г. Так как изменения в организме, сопровождающие «болевое» раздражение, могут быть в широкой степени вызваны у анестезированного животного, хотя последнее и не испытывает при этом боли, удается поставить опыт очень просто. В качестве «болевого» раздражения служил быстро прерываемый индуцированный

ток, пропускаемый через седалищный нерв. Сила тока постепенно повышалась, интенсивность его действия определялась по продолжительности расширения зрачков. Несомненно, такое раздражение сопровождалось бы сильной болью, если бы животное не было анестезировано. В самом деле, это раздражение, вероятно, значительно больше того, которое требовалось бы для получения положительного результата в отсутствии анестезирующего средства (уретана), заметным образом понижающего возбудимость брюшных нервных волокон. Раздражение длилось в различных случаях от 3 до 6 мин. В течение всего этого времени наблюдалось резкое повышение частоты и глубины дыхания.

Как видно из рис. 5, нормальная кровь, полученная из полой вены до раздражения, не вызывала вовсе торможения сокращающегося отрезка, тогда как кровь, взятая после раздражения, вызывала заметное расслабление. Госкинс и я показали, что усиленное дыхание, сопровождающее «болевое» раздражение, не усиливает деятельности надпочечников. Из этого мы заключили, что при сильном раздражении чувствительного нерва наступает рефлекторное раздражение надпочечников, которые выделяют в кровь большее количество адреналина.

Подтверждение наших результатов другими исследователями.

Наложенные опыты и сделанные из них выводы были опубликованы в 1911 г. В 1912 году Анреп нашел, что денервированная конечность при болевом раздражении вначале расслабляется, а затем сокращается. Сокращение не наблюдалось вовсе при удалении надпочечников. Так как конечность была денервирована, то единственный агент, который мог вызвать сокращение в присутствии повышенного кровяного давления, должен был быть принесен кровяным током. Принимая во внимание, что это явление исчезало после экстирпации надпочечников, был сделан вывод, что секреция адреналина, вызванная рефлекторным раздражением конечности, и производила наблюдаемое сужение сосудов. В следующем году Хичинес, Слон и Аустан, пользуясь нашим методом, показали, что действие адреналина ясно обнаруживалось после того как кошка испытывала сильный страх или ярость. Реакция, однако, не наступила после перерезки чревных нервов. В 1913 г. Леви сообщил, что раздражение седалищного нерва вызывало нарушение в деятельности денервированного сердца—эффект, наблюдаемый и в случаях раздражения чревного нерва, но исчезающий после экстирпации надпочечника на раздраженной стороне. И здесь было сделано заключение, что наблюдаемый эффект обусловлен рефлекторным отделением адреналина. Подобные же данные приведены Флоренским в 1917 г. по отношению к денервированным слюнным железам. Далее, Редфильд заметил (1917 г.), что нервное вобуждение вызывает сокращение пигментных клеток денервированной кожи жабы, и что эта реакция исчезала после удаления надпочечников. Недавно я сам вполне подтвердил все наши данные, воспользовавшись в качестве индикатора денервированным сердцем. Единственным противоречием служат результаты, полученные Стюартом и Роговым, которые не наблюдали никакого действия болевого раздражения на секрецию адреналина. Однако, принимая во внимание, что они пользовались особым методом, который, как известно, в сильной степени повреждает всю область, иннервируемую чревными нер-

вами, эти данные ни в коем случае нельзя рассматривать, как опровержение результатов, полученных всеми остальными исследователями.

Вышеуказанные результаты можно вкратце суммировать таким образом. Влияние чревных нервов на надпочечники было показано анатомически и физиологически усилением секреции надпочечников после искусственного раздражения чревных нервов. В естественных условиях, когда животное сильно возбуждается (страх, ярость, боль), по этим нервам проходят импульсы. В высшей степени вероятно, что указанные железы в таких случаях побуждаются к усиленной секреции. Путем чрезвычайно чувствительного метода (кишечная мускулатура) и путем исследования самих желез было ясно показано, что при боли и при сильной эмоции железы действительно отделяют в кровь избыток адреналина.

Таким образом здесь мы сталкиваемся с замечательной группой явлений—пара желез, побуждаемая к деятельности во время сильного возбуждения путем таких нервных импульсов, которые сами собой вызывают глубокие изменения во внутренних органах; далее, отделение в кровь секрета, который способен сам по себе вызывать или усиливать нервные влияния, обусловливающие те же изменения во внутренних органах, какие наступают при страдании и сильных эмоциях.

Какое значение имеют эти изменения, наступающие в тех случаях, когда условия болевого и других возбуждений (переживания, свойственные животным самых различных видов и известные, вероятно, их древним предкам) действуют на живой организм, определяя собою его инстинктивные реакции?

Давно уже известно несколько случаев замечательного действия адреналина, введенного в кровь. В этих случаях, например, адреналин вызывает поступление сахара из печени в кровь. Он же расслабляет гладкую мускулатуру бронхиолей. Некоторые, давно произведенные опыты показали, что адреналин действует, как противоядие при утомлении мышц. Он изменяет распределение крови в теле, вызывая перемещение ее из брюшных органов в сердце, легкие, в центральную нервную систему и конечности. Далее, существовали некоторые указания на то, что адреналин способствует более быстрому свертыванию крови. Возможно, что адреналин проявляет еще и другое, пока неизвестное действие: может быть, он взаимодействует с гормонами других эндокринных желез. Может быть, и другие эндокринные железы возбуждаются симпатическими нервами. Мы, однако, этими вопросами не занимались. Нашей целью было выяснить, производит ли секреция адреналина при болевом раздражении и вызывает ли эмоциональное возбуждение то же действие, которое следует за инъекцией адреналина? Последующие наши исследования были направлены к выяснению этого вопроса [1]).

---

[1]) В следующих главах книги Кэннон подвергает дальнейшему экспериментальному анализу поставленные в последнем абзаце вопросы о влиянии адреналина на содержание сахара в крови, на свертываемость крови, на утомление мышц и другие процессы, освещающие широкое биологическое значение секреции адреналина при эмоциях. К сожалению, недостаток места не позволяет нам следовать дальше за ним. (Б. З.).

Hypotheses non fingo[1]).

З. Цейтлин.

> Его Hypotheses non fingo ниспровергло старые основания теоретического материализма в то самое мгновение, когда, по-видимому, они решительно достигли своего высшего торжества.
>
> А. Ланге, История материализма, т. I, стр. 163, перевод В. С. Соловьева.

§ 1. Ньютон и гипотезы[2]).

Огюст Конт в одном месте «Курса позитивной философии» выражает свое согласие с замечанием Адама Смита о том, «что ни в какое время и ни в одной стране не выдумали бога тяжести». Это теоретическое мнение французского философа столь же верно, как и его знаменитое утверждение, что мы никогда не узнаем химического строения звезд.

В 1727 г. скончался согражданин Адама Смита, автор бога тяжести Исаак Ньютон, кавалер королевского рыцарского ордена, член парламента, президент королевского общества наук (Royal Society). Его похоронили в Вестминстерском аббатстве.

Оставленное им состояние в 32.000 фунтов стерлингов представляет крупную сумму даже в наше время.

Исаак Ньютон был также автором знаменитых «Математических Начал Натуральной философии», в которых проявил философский и научный гений перворазрядной величины.

Во втором издании этой книги (1713)[3]) Ньютон в заключительном

---

[1]) Сокращенное изложение первых двух глав работы того же названия.

[2]) Для сжатого обозрения жизни и творчества Ньютона необходимо рекомендовать превосходную синоптическую таблицу, приложенную к «Корреспонденции И. Ньютона», которая издана J. Edelston'ом (Correspondance of Sir Jsaac Newton and Prof. Cotes by J. Edelston. London 1850). Полная биография дана у D. Brewster'a (Memoirs of the Life, Writings and discoveries of Sir Jsaac Newton. 2 тома, 2 издание 1855 г.). Имеется книга историка Rosenberger'a: J. Newton 1890 г. Необходимо отметить важные работы Био: биография, помещенная в III томе «Biographie Universelle» 1822 г., статьи в «Journal des Savants» от 1832 и 1852 г. Полная библиография Ньютона у G. J. Gray, A. Bybliography of the Works of Sir Jsaac Newton. 2 изд. 1907 г.

[3]) См. русский перевод академика А. Крылова, Петроград 1916 г., издание «Известий Николаевской морской академии».

Перевод Крылова воспроизводит третье Пембертоновское издание «Начал» (1726), переизданное В. Томсоном и Ю. Блекбурном в 1871 г. Издание 1713 вышло в Кембридже на латинском языке. В Ленинградской Публичной Библиотеке имеется экземпляр. В библиотеке Московского университета находится экземпляр не этого издания, а копия, сделанная в 1714 г. в Амстердаме. В Journal Littéraire de la Hay (июль и август 1713) мы находим следующее сообщение: Une compagnie de libraires imprime ici «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica» sur la seconde édition qui vient de paraître en Angleterre. Deux presses roulent continuellement pour avancer cet ouvrage (См. Rigau, Newton, p. 106, и G. Gray, p. 10, 2 edit.).

«Общем поучении» излагает некоторые теологические спекуляции, касающиеся природы божества. Это поучение является отражением великой борьбы, которая начиналась в ту эпоху. Декарт провозгласил принцип рационального познания мира и сведение всех явлений природы к ясному и отчетливому механизму. Спиноза всю мощь своего необычайного гения употребил на углубление учения Декарта и развитие того понятия божества, которое сделалось грозой религий, выросших из варварского предания и порожденных рабской зависимостью человека от природных и общественных сил. Лейбниц, в первый период своей деятельности, примкнул к механической философии Декарта. Ньютон направляет острие своих возражений против указанного блестящего созвездия мыслителей. В противовес доктрине Спинозы он полагает, что бог трансцендентен миру: он управляет всем не как душа мира, а как властелин и по господству своему должен именоваться—Господь-Вседержитель (Παντοκράτωρ).

Ибо бог есть слово относительное и относится к рабам. Ньютон ссылается на филологию. Покок производит латинское слово deus (бог) от арабского du (в родительном падеже di), означающем господина. В этом смысле князья называются «dii» (Псал. 84, 6. Иоанн X. 45) и Моисей называет «deus» брата Аарона и deus фараона (Исх. IV, 16 и VII, 1). В этом же смысле души умерших князей прежде язычниками именовались богами, но ложно, ибо они не обладали господством.

Ньютон ссылается на физику. Гипотеза вихрей, которая должна была дать рациональное об'яснение механизма планетных движений, подавляется многими трудностями. Наоборот, доктрина всемирного тяготения дает полное об'яснение тончайших движений изящного соединения солнца, планет и комет. Но это соединение «не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа».

Красноречивый интерпрет доктрины Ньютона, д-р теологии Ричард Бентли (Bentley), в своих проповедях утверждал даже, что это существо непосредственно управляет движениями небесных тел. Сам Ньютон колебался в этом вопросе. До сих пор,—говорил он [1]),—я из'яснял небесные явления и приливы наших морей на основании силы тяготения, но я не указывал причины самого тяготения. Эта сила происходит от некоторой причины, которая проникает до центра солнца и планет, без уменьшения своей способности и которая действует непропорционально величине поверхности частиц, на которые она действует (как обыкновенно имеет место для механических причин), но пропорционально количеству твердого вещества, действие которой распространяется повсюду, на огромное расстояние, убывая пропорционально квадратам расстояний.

Тяготение к солнцу составляется из тяготения к отдельным частицам его и при удалении от солнца убывает в точности пропорционально квадратам расстояний даже до орбиты Сатурна, что следует из покоя афелиев планет, и даже до крайних афелиев комет, если только эти афелии находятся в покое.

Причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю (hypotheses non fingo). Все же, что не выводится из явлений, должно называться г и п о т е з о ю, гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не место в экспериментальной философии. В такой философии предложения выводятся из явлений и обобщаются помощью наведения. Так были изучены непроницаемость, подвижность и напор тел, законы движения и тяготение. Довольно того, что тяготение на самом деле

[1]) «Начала», том II, стр. 591.

существует и действует согласно изложенным нами законам и вполне достаточно для об'яснения всех движений небесных тел и моря.

Таково знаменитое место, в котором впервые появился лозунг hypotheses non fingo.

Целая философская школа «чистого описания» примкнула к этому девизу. Авенариус, Мах и Оствальд в Германии, Пуанкаре и Дюгем во Франции, К. Пирсон в Англии, В. Джемс в Америке стали во главе движения, стремящегося к созданию «экспериментальной философии» без гипотез. Это движение продолжало дело Беркли и Юма и оказало значительное влияние на современную мысль. Возникает следующий, чрезвычайно важный вопрос: каковы основания тех ссылок на авторитет Ньютона, которые мы находим в многочисленных сочинениях, посвященных теоретико-познавательным вопросам [1]).

В самом ли деле Ньютон не «измышлял гипотез», как он это утверждает, или же смысл этой фразы не тот, который ей обычно придают комментаторы из школы «чистого описания»? Эти сомнения естественно возникают у каждого, кто дает себе нелегкий труд прочесть внимательно «Начала».

В самом деле, внимательный читатель немедленно натыкается на удивительные противоречия в самом тексте.

Противоречия Ньютона.

Не успел Ньютон поставить точку в конце цитированного места, как он немедленно же опровергает самого себя. Заявив, что гипотез измышлять не следует, Ньютон через шесть строк говорит [2]):

Теперь следовало бы кое-что добавить о некотором тончайшем эфире (spiritus), проникающем все сплошные тела и в них содержащемся, **коего силой и действием частицы тел при весьма малых расстояниях взаимно притягиваются, а при соприкосновении сцепляются, наэлектризованные тела действуют на большие расстояния**, как отталкивая, так и притягивая близкие малые тела, свет испускается, отражается, преломляется, уклоняется и нагревает тела, возбуждается всякое чувствование, заставляющее члены животных двигаться по желанию, передаваясь именно этим колебаниям этого эфира от внешних органов чувств мозгу, и от мозга мускулам. Но это не может быть изложено вкратце, к тому же нет и достаточного запаса опытов, коими законы действия этого эфира были бы точно определены и показаны.

Этими словами, которые прямо противоречат изложенному в «Общем поучении» взгляду на картезианскую гипотезу всеоб'емлющего эфира и заканчивается «Поучение» и вместе с тем «Математические Начала натуральной философии».

Но это не единственное противоречивое место в «Началах». В определении VIII 1-й книги [3]) мы находим следующее важное указание:

«Название же притяжение (центром), натиск или стремление (к центру) я употребляю безразлично одно вместо другого, рассматривая эти силы не физически, а математически».

---

[1]) Последнее сочинение, в котором мы встретились с ссылкой на hypotheses non fingo — это книга Н. Шордманна: Эйнштейн и вселенная (стр. 86, 2-е издание, 1924 г.).

[2]) Стр. 592.

[3]) Стр. 29.

В отделе XI: «О движении тел, взаимно притягивающихся центростремительными силами»[1]), Ньютон указывает: «Рассматривая центростремительную силу, как притяжение, следовало бы, если выражаться физически, именовать ее более правильно „напором"».

И далее (поучение в конце отдела): «Под словом «притяжение» я разумею здесь вообще какое бы то ни было стремление тел к взаимному сближению, происходит ли это стремление от действия самих тел, которые или стараются приблизиться друг к другу, или которые приводят друг друга в движение посредством испускаемого ими эфира, или, если это стремление вызывается эфиром или воздухом, или вообще какой-либо средою, материальною или нематериальною (spiritual)[2]), заставляющей погруженные в нее тела приводить друг друга в движение. В этом же смысле я употребляю и слово «натиск» или «напор», исследуя в этом сочинении не виды сил и физические свойства, а лишь их величины и математические соотношения между ними, как об'яснено в определениях»[3]).

Итак, Ньютон допускает возможность гипотез для физического об'яснения сил, хотя свою задачу ограничивает чисто математическим исследованием. Чтобы устранить противоречия, необходимо поэтому слова «hypotheses non fingo» истолковать в смысле: «не измышляю произвольных и фантастических гипотез», а не в смысле «не делаю гипотез», в каковом толковании их обычно цитируют. Действительно, в эпоху Декарта—Ньютона циркулировали самые фантастические и лишенные какого-либо опытного основания об'яснения мировых явлений. Ньютон естественно пожелал отговориться от этой фантастики и, сумев вывести об'яснения механизма тяготения из явлений, решил ограничиться формальным описанием явлений.

Прежде, чем спрашивать о причинах тяготения, мы должны из явлений природы узнать, какие тела друг к другу притягиваются и каковы законы и особенности этого притяжения[4]). Ньютон этими словами хочет раз'яснить отличие своих принципов от скрытых качеств перипатетиков.

Развивая ту же мысль, он пишет[5]): эти принципы я рассматриваю не как скрытые качества, обусловленные специфическими (субстанциональными) формами вещей, но как общие законы природы, согласно которым образованы все вещи; истинность этих принципов становится очевидной из явлений природы, **хотя причины и не открыты до сих пор**; ибо это видимые особенности, но только причины их скрыты. Также аристотелики давали название Qualitas occulta не замечаемым качествам, но только тем, которые, согласно их предложению, скрыты в телах и являются скрытыми неизвестными причинами видимых действий. Такие скрытые качества образуют тормоз для прогресса

---

[1]) Стр. 192—219.

[2]) Выражение «нематериальная среда» может показаться современному читателю чрезвычайно странным. Смысл этого выражения мы выясним в дальнейшем; оно чрезвычайно важно для понимания истинных взглядов Ньютона. См. нашу статью «Схоластический эмпиризм» («П. З. М.» № 8—9 за 1924 г.).

[3]) В конце «Оптики» Ньютона (Ostwald's Klassiker № 97, 3 тома, редакция W. Abendroth'a) помещены знаменитые вопросы (Quaries). В вопросе 31 Ньютон говорит: то, что я называю притяжением, может быть обусловлено (получено) посредством импульсов или другим неизвестным мне путем. Я употребляю это слово, чтобы вообще обозначить некую силу (под силой Ньютон понимал $\frac{m \cdot v}{t}$), с которой тела стремятся друг к другу, какова бы ни была причина этой силы.

[4]) Optic, 31 вопрос.

[5]) Ibid.

естественных наук и потому были отвергнуты в последние годы. Когда нам говорят, что каждый вид вещи одарен специфическими, скрытыми качествами, посредством которых он действует и дает видимые эффекты, то этим ничего не сказано, но если из явлений выводят два или три общих принципа движения и показывают, как из этих ясных принципов следуют особенности и действия всех материальных вещей, то это большой шаг в исследовании природы, если даже причины этих принципов еще не открыты.

Ньютон, действительно, стоял перед чрезвычайными затруднениями. Чтобы понять их, необходимо вспомнить характер умственного движения в эпоху Ньютона.

Основные космологические школы.

Три космологические школы вели между собой решительную борьбу. Старая, уходящая уже в прошлое, школа перипатетиков. Эта школа образует субстанции тел из двух элементов: материи и формы[1]). Но эта форма может принимать свойства, число которых не ограничено. Так, каждое физическое свойство может быть приписано особому качеству—качеству чувственному, прямо доступному нашему восприятию, таковы: тяжесть, плотность, жидкое состояние, теплота, свет, или же качеству скрытому, одни действия которого могут стать доступными нам косвенным путем, каковы—магнетизм, электрические свойства.

Школа Декарта выступает решительно против перипатетизма и наносит ему сокрушительный удар. Эта школа лишает материальную субстанцию всяких свойств, за исключением протяжения и движения. Ее принципы—это ясное и простое, т.-е. рациональное, познание. Она отвергает как качества перипатетиков, так и твердость атомов, различие между пустым и наполненным пространством, чтобы отождествить материю, согласно выражению Лейбница, с «притяжением и одним голым его изменением». Наука превращается в универсальную аналитическую геометрию[2]).

Школа атомистов, возрожденная Гассенди, стояла на более умеренной точке зрения. Это древнее и славное учение признает массу, фигуру и твердость материальных элементов, их движение в «пустом» пространстве; но силы, с которыми эти элементы действуют друг на друга, исчезают из области реального и рассматриваются лишь как явления и фикции, порожденные движением и столкновением атомов в пространстве.

---

[1]) См. Дюгем, La théorie physique, второе издание, 1914 г. Необходимо заметить, что схоластическая «материя» имела гораздо более общий смысл, чем тот, который отмечается Дюгемом, и в этом основная причина того, что схоластическая наука была бесплодной, как дева, посвященная богу. Материя Аристотеля (искаженного, как утверждают некоторые, арабскими переводчиками и комментаторами) и схоластов—это, собственно говоря, подлежащее, к которому прилагается сказуемое. Это та материя, о которой говорится в фразе «Философия—это тонкая материя». Аристотель приводит в «Метафизике» пример победителя. До победы полководец был только «материей» для победы, которую «форма» (победа) превратила в конкретность (победитель). В этом переходе из «возможности» (материя) при помощи «формы» в действительность и заключалось перипатетическое понятие движения. Отсюда—бесчисленное количество движений. Даже Бэкон принимает 19 родов движений от антипатии, связи, пространственного, магнетического и т. д. до царского или политического.

[2]) О смысле и значении картезианской физики см. наши статьи: «Вихревая теория материи, ее развитие и значение» («П. З. М.» № 10—11 за 1924 г.) и «Рациональный и формальный диалектический материализм» (Сборник «Воинствующий материалист» № 1).

Школа Ньютона отвергает бесконечное разнообразие качеств и тем значительно упрощает понятие субстанции. В качестве элементов материи она оставляет только массы, фигуры, движения и взаимодействия или силы. Вот это понятие «силы» и составляет особенность школы. Но неправильно было бы толковать «силу» Ньютона в перипатетическом смысле. Ньютон категорически раз'ясняет, что это только необходимый, временный шаг, математическая фикция, облегчающая движение вперед, в область неизвестного.

Декарт дает общий механизм природы, но наука требует строгой, математической трактовки, т.-е. строгой формы в изображении природы. И мышление вместе с Ньютоном ограничивает себя формальным, но зато строго-математическим знанием. Закон всемирного тяготения превращает астрономию в математическую науку.

Лаплас, исходя из принципов Ньютона, вместе с «Небесной механикой» пишет «Математическую теорию капиллярности». Ампер дает «Математическую теорию электромагнитных явлений», а Фурье—«Аналитическую теорию тепла».

Но формальная физика, развиваясь, приводит к собственному отрицанию. Несмотря на гений Ампера—Вебера, целая область знания (электромагнитные явления) находится в неудовлетворительном состоянии. Гений Фарадея делает скачок от формальной физики к материальной и этим открывает новую эпоху. Течение, представленное Декартом, Гюйгенсом, Гуком, Эйлером, Френелем, возрождается и одерживает блестящие победы, величайшей из которых, несомненно, является об'единение оптики и электромагнетизма, начатое Фарадеем, математически выполненное Максвеллом в его электромагнитной теории света и завершенное бессмертным открытием Герца.

Гипотезы эпохи 1675 года.

Сказать, что движение—это совокупность моментов покоя,—значит уничтожить понятие движения.

Сказать, что наука—это совокупность формальных истин,—значит уничтожить понятие науки.

Движение — это синтез «покоя» и — не-«покоя», бытия и небытия. Наука—это синтез формы и содержания. И если физика Ньютона формальна, то это не значит, что она только формальна. За этой формой скрываются известные гипотезы. Прежде всего гипотеза атомистическая. Это мы докажем в дальнейшем более строго. Сейчас же перейдем к чисто внешнему вопросу,—делал ли вообще Ньютон гипотезы.

В III томе истории королевского общества[1]) T. Birch'a, на стр. 9, мы находим отчет о сеансе 8 февраля 1675 г. На этом сеансе было прочитано письмо Ньютона к секретарю Ольденбургу о теории света и цветов[2]). Известный современник Ньютона Гук выступает 15 февраля со своей гипотезой света. Белый свет не что иное, как пульсация или движение, распространяющееся через однородную, однообразную и прозрачную среду; свет не однородное (similar), но разнородное тело, состоящее из различных лучей. 22 февраля Ньютон отвечает Гуку через Ольденбурга. Ньютон выражает свое одобрение гипотезе Гука и указывает,

---

[1]) T. Birch, The history of the Royal Society of London, 4 тома,—имеются в библиотеке Московского университета.

[2]) Напечатано в Phil. Transactions, № 80, p. 3075, 1671—2 (в Англии до 1752 г. новый год начинался 25-ого марта). См. также Horsley, Newtoni Opera, vol. IV, p. 322—342. Подробный отчет в соч. проф. Розенбергера (стр. 77.)

естественных наук и потому были отвергнуты в последние годы. Когда нам говорят, что каждый вид вещи одарен специфическими, скрытыми качествами, посредством которых он действует и дает видимые эффекты, то этим ничего не сказано, но если из явлений выводят два или три общих принципа движения и показывают, как из этих ясных принципов следуют особенности и действия всех материальных вещей, то это большой шаг в исследовании природы, если даже причины этих принципов еще не открыты.

Ньютон, действительно, стоял перед чрезвычайными затруднениями. Чтобы понять их, необходимо вспомнить характер умственного движения в эпоху Ньютона.

Основные космологические школы.

Три космологические школы вели между собой решительную борьбу. Старая, уходящая уже в прошлое, школа перипатетиков. Эта школа образует субстанции тел из двух элементов: материи и формы[1]). Но эта форма может принимать свойства, число которых не ограничено. Так, каждое физическое свойство может быть приписано особому качеству—качеству чувственному, прямо доступному нашему восприятию, каковы: тяжесть, плотность, жидкое состояние, теплота, свет, или же качеству скрытому, одни действия которого могут стать доступными нам косвенным путем, каковы—магнетизм, электрические свойства.

Школа Декарта выступает решительно против перипатетизма и наносит ему сокрушительный удар. Эта школа лишает материальную субстанцию всяких свойств, за исключением протяжения и движения. Ее принципы—это ясное и простое, т.-е. рациональное, познание. Она отвергает как качества перипатетиков, так и твердость атомов, различие между пустым и наполненным пространством, чтобы отождествить материю, согласно выражению Лейбница, с «притяжением и одним голым его изменением». Наука превращается в универсальную аналитическую геометрию[2]).

Школа атомистов, возрожденная Гассенди, стояла на более умеренной точке зрения. Это древнее и славное учение признает массу, фигуру и твердость материальных элементов, их движение в пустом пространстве; но силы, с которыми эти элементы действуют друг на друга, исчезают из области реального и рассматриваются лишь как явления и фикции, порожденные движением и столкновением атомов в пространстве.

---

[1]) См. Дюгем, La théorie physique, второе издание, 1914 г. Необходимо заметить, что схоластическая «материя» имела гораздо более общий [illegible] чем тот, который отмечается Дюгемом, и в этом основная причина того, [illegible] схоластическая наука была бесплодной, как дева, посвященная богу. [illegible] Аристотеля (искаженного, как утверждают некоторые, арабскими пере[illegible] и комментаторами) и схоластов—это, собственно говоря, подлежащее, к [illegible] рому прилагается сказуемое. Это та материя, о которой говорится в [illegible] «Философия—это тонкая материя». Аристотель приводит в «Метафизике» [illegible] мер победителя. До победы полководец был только «материей» для [illegible] которую «форма» (победа) превратила в конкретность (победитель). В [illegible] переходе из «возможности» (материя) при помощи «формы» в действительн[illegible] и заключалось перипатетическое понятие движения. Отсюда—бесчисл[illegible] количество движений. Даже Бэкон принимает 19 родов движений от [illegible] связи, пространственного, магнетического и т. д. до царского или полити[illegible]

[2]) О смысле и значении картезианской физики см. наши статьи: [illegible] ревая теория материи, ее развитие и значение» («П. З. М.» № 10—11 за [illegible] и «Рациональный и формальный диалектический материализм» (Сборник [illegible] ствующий материалист» № 1).

Школа Ньютона отвергает бесконечное разнообразие качеств и тем значительно упрощает понятие субстанции. В качестве элементов материи она оставляет только массы, фигуры, движения и взаимодействия или силы. Вот это понятие «силы» и составляет особенность школы. Но неправильно было бы толковать «силу» Ньютона в перипатетическом смысле. Ньютон категорически раз'ясняет, что это только необходимый, временный шаг, математическая фикция, облегчающая движение вперед, в область неизвестного.

Декарт дает общий механизм природы, но наука требует строгой, математической трактовки, т.-е., строгой формы в изображении природы. И мышление вместе с Ньютоном ограничивает себя формальным, но зато строго-математическим знанием. Закон всемирного тяготения превращает астрономию в математическую науку.

Лаплас, исходя из принципов Ньютона, вместе с «Небесной механикой» пишет «Математическую теорию капиллярности». Ампер дает «Математическую теорию электромагнитных явлений», а Фурье—«Аналитическую теорию тепла».

Но формальная физика, развиваясь, приводит к собственному отрицанию. Несмотря на гений Ампера—Вебера, целая область знания (электромагнитные явления) находится в неудовлетворительном состоянии. Гений Фарадея делает скачок от формальной физики к материальной и этим открывает новую эпоху. Течение, представленное Декартом, Гюйгенсом, Гуком, Эйлером, Френелем, возрождается и одерживает блестящие победы, величайшей из которых, несомненно, является об'единение оптики и электромагнетизма, начатое Фарадеем, математически выполненное Максвеллом в его электромагнитной теории света и завершенное бессмертным открытием Герца.

Гипотезы эпохи 1675 года.

Сказать, что движение—это совокупность моментов покоя,—значит уничтожить понятие движения.

Сказать, что наука—это совокупность формальных истин,—значит уничтожить понятие науки.

Движение — это синтез «покоя» и — не-«покоя», бытия и небытия. Наука—это синтез формы и содержания. И если физика Ньютона формальна, то это не значит, что она только формальна. За этой формой скрываются известные гипотезы. Прежде всего гипотеза атомистическая. Это мы докажем в дальнейшем более строго. Сейчас же перейдем к чисто внешнему вопросу,—делал ли вообще Ньютон гипотезы.

В III томе истории королевского общества [1]) T. Birch'a, на стр. 9, мы находим отчет о сеансе 8 февраля 1675 г. На этом сеансе было прочитано письмо Ньютона к секретарю Ольденбургу о теории света и цветов [2]). Известный современник Ньютона Гук выступает 15 февраля со своей гипотезой света. Белый свет не что иное, как пульсация или движение, распространяющееся через однородную, однообразную и прозрачную среду; свет не однородное (similar), но разнородное тело, состоящее из различных лучей. 22 февраля Ньютон отвечает Гуку через Ольденбурга. Ньютон выражает свое одобрение гипотезе Гука и указывает,

---

[1]) T. Birch, The history of the Royal Society of London, 4 тома,—имеются в библиотеке Московского университета.

[2]) Напечатано в Phil. Transactions, № 80, p. 3075, 1671—2 (в Англии до 1752 г. новый год начинался 25-ого марта). См. также Horsley, Newtoni Opera, vol. IV, p. 322—342. Подробный отчет в соч. проф. Розенбергера (стр. 77.)

1675 г., он высказывает сомнения насчет возможности беспрепятствен-ного движения небесных тел в эфире, развивая целую теорию сопро-тивления жидких сред. Впрочем, и здесь Ньютон допускает в небес-ных пространствах «необычайно тонкую эфирную среду», возражая лишь против картезианской **плотной** (?!) жидкости, которая «ничем не может быть полезна для об'яснения явлений природы».

Замечательно заключение Ньютона:

Ньютон говорит: «В пользу утверждения подобной среды мы имеем также авторитет старейших и знаменитейших греческих и финикий-ских философов, которые сделали пустое пространство, атомы и тя-жесть атомов первыми основаниями своей философии и силу тяжести молчаливо **приписали некоей другой, отличной от плот-ной материи, причине.**

Позднейшие философы изгнали рассмотрение подобной причины из естественной философии, измыслили гипотезы, чтобы **все механиче-ски об'яснить**, предоставив вторичные причины метафизике[1]), но ведь главная задача естественной философии в том, чтобы без помощи гипотез выводить заключения из явлений, приводить действия к их причинам до тех пор, пока достигнута истинная первая причина, **которая на-верное не механическая**». Но разве пустота, атомы и тяжесть это не гипотезы? Ньютон хочет сказать, что заключения из явлений необходимо выводить без «механических гипотез», ибо он убежден в том, что первая причина «наверное не механическая». С его точки зре-ния задача естественной философии не только в том, чтобы познать механизм мира, а, главным образом, в том, чтобы об'яснить, чем напол-нено пустое пространство, каким образом притягиваются тела без по-средства «плотной материи», почему природа не делает ничего напрас-ного, в чем причина порядка и красоты вселенной, целесообразного устройства тела людей и животных и т. д. И так как все это так великолепно устроено, то должно иметь бытие имматериальное, живое, разумное, вездесущее. Существо, которое в бесконечном пространстве, как в своем органе восприятия (Sensorium), зрит в их глубине все вещи, полностью постигает их в непосредственном представлении, в то время, как нашему органу восприятия чувства доставляют только образы, созерцаемые и обсуждаемые тем, что в нас воспринимает и мыслит»[2]).

Теологические и научные гипотезы.

Знаменитый де-Местр сделал следующее глубокое замечание о Бэконе: «Он проповедует науку так же, как его церковь проповеду-

---

[1]) Это место представляет собою критику Бэконовской классифи-[кации] «умозрительной науки о природе на физику и метафизику». Физика Бэкона — это «чистое описание явлений»: она занимается «материй» и действующей при-чиной, т.-е. взаимодействием обычных тел. Изучение же «сущности» (форм-ной причины) и «цели» (целевой причины) относится к метафизике: после[дние] две причины Ньютон и называет вторичными. Под «механическим об'яснением» Ньютон разумеет **об'яснение** из взаимодействия обычных тел («материи»).

[2]) Это знаменитое место вызвало полемику между Лейбницем и Кларком и послужило поводом к обвинению Ньютона чуть ли не в атеизме. Всякий, несколько знакомый с оккультно-пантеистической философией, сразу же [заметит], что речь идет об особом понимании «эфира», как формирующего пост[оянно], т.-е. тонкой (в противоположность картезианской **плотной**) «имматериаль-ной», так сказать, материи, наполняющей бесконечное пространство в образую-щей sensorium Dei,—источник всех движений «грубой, инертной, обычной материи». Механика по Ньютону—это наука об инертной материи, приводимой в движение силами «эфира» в указанном смысле. К этому вопросу мы вер-немся еще в дальнейшем.

христианство—без миссии». Действительно, проницательный лорд-канцлер понимал, что миссия науки освободить человечество от старых богов. Но он был представителем буржуазных классов, а эти классы заинтересованы в сохранении этих богов. Поэтому, не имея возможности совершенно устранить науку, которая является основой развития производительных сил, буржуазные классы стремятся надеть крепкую узду на научную мысль, дабы эта мысль не перешла известиых пределов, определяемых соображениями узко-практического характера. В этом смысл лозунга: не делаю гипотез. Этот лозунг впервые выдвинул именно Бэкон. В Афоризме XXVI [1]) Бэкон говорит: «Этот продукт человеческого разума, употребляемый нами при размышлении о процессах природы, мы называем учреждениями природы, так как этот продукт случайный и преждевременный. Прочие сведения, извлекаемые нами из фактов, полученных наблюдениями и методически взвешенных, мы называем толкованием природы». На этом основании Бэкон с презрением отнесся к «учреждениям» вычислителей Кеплера, Коперника, Галилея, к открытиям Джильберта и Гарвея. Это все было для Бекона «средними систематических умов», и он сильно опасается «чрезмерного размножения» этих умов. Эти умы могут перейти положенные пределы и вторгнуться в область традиционных религий.

Но если в естествознании («экспериментальной философии») не следует делать гипотез, то в противоположной области святым делом почитается их измышлять. И действительно, те же самые лица, которые восхваляют Ньютона за его hylotheses non fingo в области наук, с восторгом приветствуют гипотезы, касающиеся апокалиптических зверей.

Толкование к пророчествам Даниила. Гипотеза одиннадцатого рога.

В 1753 г. появилось посмертное сочинение Ньютона «Толковый комментарий к пророчествам Даниила и Апокалипсиса святого Иоанна» [2]).

Аббат де-Феллер приводит в своем словаре [3]) остроумное замечание Вольтера: Ньютон этим сочинением хотел утешить род человеческий в том превосходстве, которым он, Ньютон, обладал, или же доказать, что это превосходство было уж не так велико. Необходимо, однако, признать, что «Толковый комментарий» обнаруживает громадные исторические познания и большую силу систематического ума, направленного, правда, к удивительной для естествоиспытателя цели. Эта цель заключается в доказательстве удивительной гипотезы: одиннадцатый рог четвертого зверя Даниила (the eleventh horn of Daniels fourth Beast) означает римского папу, которому предопределена неминуемая гибель.

Эта гипотеза была встречена с живейшим удовлетворением теми, кто высказывается против гипотез в экспериментальной философии. Для физика Брьюстера, например, «система Коперника не более доказательна, нежели теологическая истина, заключающаяся в Библии». В споре с Био Брьюстер заявил, что «толкование, данное Ньютоном пророчествам, независимо от его исторической и моральной очевидности, может быть развито до полноты математического доказательства» [4]).

---

[1]) «Новый органон», русский перевод Бибикова.

[2]) Obserwations upon the prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John. Jn two parts. By Sir Jsaac Newton. London 1733. Изд. Benj. Smith. Экземпляр этого издания имеется в Румянцевской библиотеке, под номером Д $\frac{7}{28}$. Латинское издание вышло в 1737 г. Новое английское в 1833 г., немецкий перевод Südermann'a. См. Horsley, т. V (1785 г.).

[3]) Dictionnaire Historique par l'Abbé F. X. Feller. Paris 1728 г.

[4]) Brewster, t. II, p. 358, 2 Zed.

Био напоминает ему это обещание и говорит, что все ждут его исполнения. Это ожидание оказалось напрасным—Брьюстер, к сожалению, не оставил человечеству математической теории единорога. Для нас вся эта история в высшей степени поучительна. Она с полной очевидностью выясняет истинный смысл лозунга: «не делаю гипотез». Био наивно восклицает: «До чего может дойти непоследовательность человеческого ума! Это тот же самый человек, Ньютон, который в другой области исследования так гордо говорит о себе самом: hypotheses non fingo. А здесь никакое следствие системы, которую он произвольно выковал, его не удивляет и не останавливает». Очень важно указать, что, выдвигая свою гипотезу, Ньютон не руководствовался фанатическим духом партии. Свое исследование и свои доказательства он ведет спокойно и настойчиво. Гибель папизма для него такой же математический факт, вытекающий из всей совокупности исторических и теологических фактов, как закон квадратов, следствие законов Кеплера[1]).

Отметим еще работу Ньютона: «Улучшенная хронология древних царств»[2]).

Основная гипотеза этого сочинения: Аргонавты в своем походе за Золотым Руном пользовались небесной сферой, изготовленной Хироном. На этой сфере точка равноденствия и солнцестояния помещены посредине (15⁰) созвездий. В эпоху же Метона они находились на расстоянии 8⁰, т.-е. продвинулись на 7⁰. Так как каждый градус продвижения соответствует 72 годам, то от похода Аргонавтов до эпохи Метона прошло 7×72=504 и т. д.

Эта любопытная гипотеза, впервые применявшая астрономические соображения к вычислению исторических дат, а также все вышеизложенное относительно остальных гипотез доказывает, что Ньютон не только не был противником гипотез, но выдвигал даже гипотезы смелые и прямо рискованные.

Если бы Ньютон не делал гипотез, он никогда не написал бы ни комментария к пророчествам и апокалипсису, ни улучшенной хронологии. Мы сейчас докажем, что он не написал бы «Математических Начал натуральной философии», если бы не сделал некоторых фундаментально важных гипотез.

§ 2. Исаак Ньютон, Ричард Бентли и Роджер Котс.

Королевское Общество Наук и издание «Начал».

Первое издание «Начал» появилось в 1687 году, когда Ньютону было 45 лет, т.-е. когда он находился в полном расцвете своего гения. Обстоятельства, сопровождавшие издание этой книги, очень любопытны. В IV томе Birch'а (стр. 479) мы находим отчет о сеансе 27 апреля 1686 года. Вице-президент д-р Vincent представляет обществу манускрипт, озаглавленный «Philosophiae Naturalis principia mathematica», посвященный Королевскому Обществу I. Newton'ом, в котором автор дает «математическое доказательство гипотезы Копер-

---

[1]) Био в «Biographie Universelle» отмечает это обстоятельство: «Необходимо заметить, что это заключение не является у него, как у других протестантских писателей результатом, продиктованным духом партии или ненависти; он излагает его со всем хладнокровием глубокого убеждения, со всей простотой очевидного доказательства. Это не он, Ньютон, а св. Иоанн и Даниил не одобряют власть современного Рима, это они характеризуют его бранными именами и, наконец, предсказывают ему гибель».

[2]) Появилась в 1728 году, имеется французский перевод того же года (см. в библиотеке МГУ).

ника в форме, предложенной Кеплером» [1]), и выводит все явления небесных движений из единственного предположения тяготения к центру солнца, убывающего обратно пропорционально квадратам расстояний от солнца».

Было постановлено благодарить письменно Ньютона, а вопрос о печатании передать на рассмотрение совета. 19 мая собрание снова постановляет печатание книги; резолюция общества должна была быть послана Ньютону.

22 мая астроном Halley сообщает Ньютону о причинах задержки: президент находится у короля, а вице-президента хорошая погода выгнала из города. На сеансе 30 июня сообщается, что президент [2]) желал бы получить привилегию на книгу Ньютона, озаглавленную «P. N. P. M.» и посвященную «Обществу». 2 июня было постановлено, чтобы «книга Ньютона была напечатана, чтобы Halley взял на себя труд смотреть за этим и чтобы напечатание производилось на средства Halley'я». Смысл этого удивительного отношения «Королевского Общества» к величайшему труду нового времени выяснится из дальнейшего изложения. Пока ограничимся указанием факта, что общество отказалось печатать книгу Ньютона, и это принужден был взять на себя Эдмунд Галлей, бедный и обремененный большой семьей человек [3]). Он решился на этот шаг, так как дело очевидно было безнадежно.

Брьюстер, обсуждая этот знаменитый случай, указывает [4]), что ссылка Галлея на отсутствие президента и прогулки вице-президента едва ли является основательной и что в действительности Совет, будучи стеснен в финансовом отношении, не хотел браться за печатание крупного сочинения. Верно ли это предположение? Мы докажем в дальнейшем, что совсем иные соображения руководили Советом при его отказе печатать труд Ньютона. Сам Брьюстер замечает: «Мы не можем допустить, чтобы плохое состояние фондов являлось оправданием поведения Совета при его отказе позаботиться о выполнении постановления общего собрания. Почему не позаимствовали они нужную сумму из будущих верных поступлений или не подписались лично, чтобы выполнить почетную обязанность и освободиться от важного долга?». Более того мы находим у Birch'а следующий необычайный факт. 25 марта 1685 г. была избрана комиссия для печатания «Истории рыб» (авторов Willugly and Ray).

И вот 24 марта 1686 г. было постановлено воссоздать этот комитет: «История рыб» была через несколько месяцев напечатана, и экземпляры ее рассылались различным лицам, как это видно из протоколов Общества.

Итак, на издание «Начал» у Совета не оказалось денег, но зато свет божий увидела «История рыб»,—история, воскрешенная в памяти потомства благодаря вот этой удивительной связи с великим творением Ньютона. Брьюстер с горечью говорит: «Если знать и джентри, из которых состояло Королевское Общество, передали своему секретарю оплату издержек, которые они, как корпорация, соглашались покрыть, то пусть не говорят, что это Королевскому Обществу необходимо поставить в заслугу опубликование «Начал». Наука обязана этим долгом

---

[1]) «A mathematical demonstration of the Copernican hypothesis as proposed by Kepler».

[2]) S. Pepys.

[3]) Rigaud, Essay, p. 33—37.

[4]) T. I, p. 306—307.

благодарности только одному Галлею». Это замечание в высшей степени справедливо. Но Брюстер ограничивается им, не пытаясь выяснить истинных причин поведения знати и джентри Королевского Общества. Без сомнения, эти причины хорошо известны бывшему богослову и юристу, а впоследствии знаменитому оптику. Они заключаются в том, что Ньютон своим сочинением вызвал неудовольствие всех партий.

Наука и университеты того времени находились под абсолютным давлением священников и теологов. Протестантизм принял философию Декарта в искаженном, конечно, виде. Эта философия давала разрешение вопроса, который был поставлен выступившей на историческую арену буржуазией: как сочетать овладение материей, как основы развития производительных сил, с сохранением «веры в бога отцов». Картезианский мнимый дуализм и деизм казался очень подходящим ответом, и он прежде всего проник и распространился не у себя на родине, а в промышленно-пролетарских странах. Поэтому книга Ньютона не могла быть милой сердцу протестантских картезианцев. Она выступала против картезианского здравого смысла и механизма. А этот здравый смысл и механизм были необходимы классам, переживавшим пору полного расцвета сил. Сочинение Ньютона не нашло сторонников и среди противной, католической партии. Оно, правда, заключало в себе элементы, благоприятные католической идеологии, но ведь это было «математическое доказательство гипотезы Коперника». А с этим ни один правоверный сын Римской церкви не мог примириться. Мы видим, например, что даже в 1760 году отцы иезуиты Лесер и Жакье в своем известном латинском издании «Начал» сочли необходимым сделать следующее замечательное заявление (III том):

«Ньютон в этой третьей книге принимает гипотезу о движении земли. Предложения автора не могут быть об'яснены иначе, как на основании сделанной гипотезы. Таким образом мы вынуждены выступать от чужого имени. Сами же мы открыто заявляем, что мы следуем постановлениям, изданным верховным первосвященником против движения земли».

9 основных гипотез Ньютона.

Действительно, открыв III книгу «Начал» изд. 1687 года[1]), мы находим, что изложению «Системы мира» предпосланы следующие 9 основных гипотез:

Гипотезы.

Гипотеза I. **Не должно принимать в природе иных причин, сверх тех, которые истинны и достаточны для об'яснения явлений.**

Ибо природа проста и не роскошествует излишними причинами.

---

[1]) Экземпляр издания, представляющего большую библиографическую редкость, имеется в библиотеке Московского университета (по каталогу 4 Ea I), а также в Ленинградской Публичной Библиотеке. Заглавие: Principia—Philosophiae—Naturalis—Principia—Mathematica—Autore Js. Newton Trin. Coll. Cantab. Soc. Matheseos—Professore Lucasiano et Societatis Regulis Sodali. Imprimatur (S Pepys, Roy Soc. Praeses) Juli 5 1686, Londini. Regiae ac Typis Josephi Streates Prostat apud plures Bibliopolas Anno MDCLXXXVII n—4 to Имеются экземпляры с иным заглавным листом, именно, последние три строки заменены следующими: Londini lussu Societatis Regiae ac Typis Josephi Streates Prostat Vena—les apud Sam. Smith and insignia Principis Walliac in Coemiterio—D. Pauli aliosq; nonnulos Bibliopolas—Anno MDCLXXXVII n—4-to.

Гипотеза II. Поэтому должно приписывать те же причины того же рода явлениям природы.

Так, например, дыханию людей и животных, падению камней в Европе и Америке, свету кухонного очага и солнца, отражению света на земле и на планетах.

Гипотеза III. Каждое тело может преобразоваться в тело другого какого-либо рода, проходя через все промежуточные ступени качеств.

Гипотеза IV. Центр системы мира находится в покое. Это признается всеми, между тем как одни полагают, что солнце находится в центре, а другие—что земля.

Гипотеза V. Спутники Юпитера описывают радиусами, проведенными к его центру, площади, пропорциональные временам; времена их обращений по отношению к неподвижным звездам находятся в полукубическом отношении их расстояний до того же центра.

Гипотеза VI. Пять главных планет—Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн—охватывают своими орбитами солнце.

Гипотеза VII. Звездные времена (обращений) пяти главных планет, а также и солнца вокруг земли или земли вокруг солнца находятся в полукубическом отношении их средних расстояний от солнца.

Гипотеза VIII. Главные планеты радиусами, проведенными к земле, описывают площади совершенно не пропорциональные временам, радиусами же, направленными к солнцу, пробегают площади, пропорциональные временам.

Гипотеза IX. Луна радиусом, проведенным к центру земли, описывает площадь пропорциональную времени.

Итак, hypotheses non fingo!

Первые три из этих замечательных гипотез совершенно ясны. Они выражают, так называемый, принцип простоты (principium simplicitatis), согласно которому мы приходим к понятиям атома (индивидуума) и среды (пространство—материя—эфир).

Третья гипотеза выражена в алхимической форме, но анализ произведений Ньютона показывает, что он превращение веществ мыслил атомистически, а не алхимически.

Но самый любопытный и важный вопрос касается остальных шести гипотез. Какие это в самом деле гипотезы? Ведь принято считать, что законы обращения планет—это экспериментальные факты,—факты «чистого описания» явлений. Ответ на этот вопрос представляет громадное теоретическо-познавательное значение. Ни одна солидная теория познания не может быть построена, не приняв во внимание мышление такого первоклассного ума, как Ньютон.

Итак, на каком основании Ньютон обозначил Кеплеровские законы обращения планет, как гипотезы?

Ньютон отвечает на это в своих известных письмах к Галлею. Эти письма приложены к I тому книги Брьюстера и являются документами первостепенного значения.

22 мая 1686 г. Галлей, в конце письма, сообщает Ньютону, что Гук «имеет известные претензии на изобретение правила убывания тяготения согласно квадратам расстояний от центра солнца».

Ньютон немедленно же отвечает Галлею обширным письмом. В нем Ньютон говорит, что еще 11 лет тому назад он указал на причину тяготения [1]) и что, согласно этому указанию, закон убывания не может быть иным, как законом обратных квадратов. «Я надеюсь,—пишет он,—что я

[1]) Ньютон имеет в виду места в докладе 1675 г.

делает земля, но, кроме того, они притягивают также все другие небесные тела, находящиеся в сфере их действия; следовательно, не только солнце и луна влияют на тело и движение земли и земля на них, но также Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн значительно влияют своей притягательной силой на движение земли, точно так же, как земля имеет значительное влияние на движение этих тел. Второе предположение заключается в том, что все тела, однажды приведенные в прямолинейное и равномерное движение, продолжают это движение по прямой линии до тех пор, пока какие-либо другие силы не отклонят и не обратят это движение в движение по кругу, эллипсу или другой более сложной кривой линии.

Третье предположение в том, что притягательные способности действуют с большей силой, по мере того, как тела, на которые они действуют, приближаются к центру, откуда силы исходят.

Теперь, каковы последовательные степени возрастания сил на различных расстояниях—этого я еще не проверил на опыте[1]). Но это—идея, которая, будучи развита так, как она этого заслуживает, может быть чрезвычайно полезна астрономам, для того, чтобы свести все небесные движения к определенному правилу, которое, я полагаю, никогда не получится иным путем.

Те, которые понимают сущность качания маятника и кругового движения—легко поймут основания провозглашенного мною принципа и найдут в природе пути для установления его правильного физического смысла». Гук, по своему обыкновению, обещает заняться этими вопросами, но пока это предоставляется другим, так как сам он занят «многочисленными другими изысканиями», которые хочет закончить в первую очередь.

«Но,—заявляет этот оригинал,—я смею обещать тому, кто успеет в этом предприятии, что он в этом принципе найдет определяющую причину величайших движений, которые имеются во вселенной, и что его (принципа) полное развитие будет настоящим усовершенствованием астрономии».

Эти слова Гука оказались пророческими. Исаак Ньютон, исходя из тождественных принципов, развил систему мира—величайшее усовершенствование науки в новое время.

---

28 ноября 1679 года Ньютон предложил непосредственными опытами доказать вращение земли. Письмо Ньютона было прочитано Гуком на сеансе 4 декабря[2]). Hook произвел опыты и установил закон отклонения падающих тел к юго-востоку. С точки зрения Гука падающие тела в пустоте проходят эксцентрические эллипсы, а в сопротивляющейся среде овальные кривые. Ньютон же, приняв силу тяжести за постоянную величину, указывал на спираль. На сеансе 11 декабря Гук отмечает ошибку Ньютона.

Этот вопрос затрагивается Ньютоном в письмах от 20 июня и 14 июля 1686 г. Ньютон признает, что Гук своим указанием толкнул его к возобновлению изысканий и нахождению метода определения путей. Ньютон оправдывает свое вычисление на основании постоянства силы тяжести. Он заключает: что касается квадратной пропорции, то я могу утверждать, что я извлек ее (gatherd it) из теоремы Кеплера двадцать лет тому назад.

---

[1]) «Naw what these several degrees are, I have not yet experimentally verified». Biot перевел слово «verified» через «ai determiné» —определил.

[2]) См. у Birch'a.

История 2-го издания «Начал».

Мы видим, таким образом, что оба выдающихся мыслителя шли одинаковым путем, который будет подробно рассмотрен нами в заключительной главе работы (гл. VI)[1]. Пока ограничимся еще одним замечанием, выясняющим важную сторону характера Ньютона. Когда Галлей указал Ньютону на претензии Гука,—Ньютон, как мы видели, сильно возмутился. Он даже дошел до обвинения Гука в использовании мыслей, будто бы вычитанных Гуком из письма Ньютона к Ольденбургу. В конце-концов, Ньютон отказался от этого обвинения и в известном месте «Начал» указывает, что Галлей, Гук и Врен одновременно открыли закон квадратов. Более того, Ньютон попытался-было отказаться от опубликования третьей книги «Начал». В письме от 11 мая 1686 г. он говорит: «Третью книгу я намерен теперь устранить. Философия—это такая наглая и сутяжная дама, что иметь дело с ней—это все равно, что быть вовлеченным в судебную тяжбу».

Это замечательное изречение очень хорошо рисует Ньютона. Он был в высшей степени робок и ненавидел борьбу и беспокойство. Подобно Декарту он сделал своим девизом «bene vixit bene qui latuit», но, будучи беден, не мог осуществить этого девиза на практике и скрыться в глушь какой-нибудь Голландии. Whiston, ученик и преемник Ньютона по кафедре, рисует в своих мемуарах следующий портрет своего учителя:

«Ньютон обладал самым боязливым, самым хитрым и самым подозрительным характером, которые мне были когда-либо известны, и если бы он был жив, когда я писал против его хронологии, я не осмелился бы публиковать свое возражение, так как, зная его привычки, я должен был бы опасаться, что он меня убьет»[2]. Лорд Brougham рассказывал Араго, что во время севеннских войн Ньютон хотел отправиться сражаться в рядах камизаров (Camisards)[3] против драгунов маршала де-Виллара (de Villars). Араго замечает: «Любопытно было бы знать, как вел бы себя на поле сражения Ньютон, который, прогуливаясь в карете по улицам Лондона из боязни упасть, все время держал руки простертыми, уцепившимися за дверцы».

В 1713 г. в парламенте рассматривался билль поощрения к нахождению морских долгот. Newton, Halley, Cotes, Clarke и Whiston были приглашены высказать свое мнение Whiston (Longitude discovred, 1738, London) рассказывает, что Ньютон, тогда президент Королевского Общества, так оробел, что, прочтя какую-то бумажку, которую никто не понял, замолчал и, несмотря на настойчивые просьбы высказаться, упорно молчал. Тогда Whiston сказал: «Если м-р Ньютон не хочет более высказываться, то это из боязни скомпрометировать себя; но по существу он находит проект полезным». Ньютон машинально повторил эти слова.

---

1) См. «П. З. М». № 6–7.

2) Arago, Notices biographiques, t. III, p. 224; русский перевод Д. Перевощикова, т. I, стр. 115.

3) Французские протестанты, поднявшие восстание в Севеннских горах при Людовике XIV, после отмены нантского эдикта. Друг Ньютона Fatio de Duillère принимал участие в волнениях, вызванных камизарскими пророками в Лондоне, в 1707 г., и попал за это в тюрьму. В сочинении Rosenberger'a («Newton») имеются указания, будто бы сам Ньютон чуть не пострадал при этом.

За все время своего пребывания в парламенте, куда он был избран в 1683 г., Ньютон ни разу, кажется, не выступал [1]. В 1687 году он был одним из делегатов, отправленных Сенатом Кембриджского университета в «Ecclesiastical Commission» по делу Альбана Франсиза [2]. Как указывает Маколей [3], Ньютон «хранил скромное молчание». Эдельстон подтверждает это. Между тем Брьюстер рисует Ньютона чуть ли не в качестве главного зачинщика «защиты протестантизма и университетских прав». Робость Ньютона и его ненависть к пререканиям хорошо характеризуют тот факт, что он до смерти Гука не решался опубликовать своей «Оптики».

Когда Гук умер в 1703 году, «Оптика» появилась в следующем же году (1704), но без указания имени автора. Конечно, Ньютону не удалось избежать треволнений, связанных со славой. Он принужден был сражаться и сражался со многими лицами, с Гуком, Лейбницем, Фламстедом, истоном; и необходимо сказать, что эта борьба велась Ньютоном не совсем безукоризненно. Не имея смелости выступать открыто, он прибегал к недозволительным и анонимным приемам [4].

К несчастью для Ньютона, он жил в эпоху, когда «овцы поедали людей». Как мы увидим, Ньютону пришлось пережить не мало треволнений от этих необычайных «овец».

Робость Ньютона полностью об'ясняет тот факт, что в течение 22 лет он упорно отказывался от опубликования второго издания «Начал». Эдельстон в предислозии к изданной им переписке Ньютона дает любопытную таблицу, рисующую попытки заставить Ньютона согласиться на второе издание его основного труда.

Мы приведем эту таблицу полностью.

1691. Декабря 18. Фацио (Fatio) пишет Гюйгенсу из Лондона: «Бесполезно просить Ньютона выпустить новое издание его книги. Я настаивал (ai importuné) много раз на этом, но без всякого успеха (sans l'avoir jamais pu fléchir). Но возможно, что я сам предприниму это издание; я тем более чувствую себя склонным к этому, что не думаю, чтобы кто-либо лучше меня понимал большую часть этой книги, благодаря именно затраченным мною усилиям и времени для преодоления ее трудностей. Впрочем, я легко могу отправиться в Кэмбридж и получить от самого Ньютона об'яснение того, что я не понял.

1692. Февраля 5, он опять пишет: Я пока еще не оставил, ни полностью продумал мысль о втором издании книги Ньютона.

1692. Ньютон приготовляет новую систему философии, которая будет обширнее и яснее, нежели его Principiae Naturalis Phisico-Mathem. (книга De la Croze'a: «Works of the Learned» от января 1691—2, стр. 269, глава «Кэмбридж»).

---

[1] Как сообщает Араго (биографии), единственная «речь», произнесенная Ньютоном, заключалась в том, что он просил швейцара закрыть форточку, откуда дул ветер на оратора или председателя.

[2] Иаков II потребовал от университета степени M. A. для этого бенедиктинского монаха. Университет отказался, так как A. Fransis не хотел принести обычной клятвы. Возникло дело, по которому вице канцлер был смещен, а другие лица получили выговор.

[3] История Англии, т 8: Университеты.

[4] D r Hoefer справедливо говорит: «Поведение Ньютона относительно Гука, Лейбница, Фламстеда нельзя признать безукоризненным» Подробное изложение отношений Ньютона к различным лицам читатель найдет в вышеуказанных биографиях Ньютона. История этих отношений рисует Ньютона, как робкого, весьма подозрительного и скрытного человека.

«Согласно нашим лучшим сведениям, ничего особенно нового нет в Кэмбридже, за исключением новой Системы Философии Ньютона и издания Эврипида Бариеса (Id. Март и апрель 1692 г., стр. 398).

1694. Май 29. Гюйгенс в письме к Лейбницу говорит о «новом издании» Начал, которое должен дать D. Gregorius.

1694. Ноябрь 1. «Я желал бы только таких наблюдений, которые могли бы «усовершенствовать теорию планет, имея в виду второе издание моей книги». Ньютон к Фламстеду (Baily, p. 183).

1697. Дублин. Ноября 4. «Я слыхал, что книга Ньютона «P. N. P. M.» совершенно разошлась, и что он предполагает второе издание. Прошу сообщить ему, чтобы он сделал его более ясным для читателей, не так погруженным в непонятную математику (Abstruse Mathematiks); некоторое количество примечаний, ссылок и цитат право стоят труда» (P. S. к письму W. Molineux к Sloane. Orig. Lett. Bk. Roy. Soc. M. 1. 99).

1699. Июнь 15. 1. Monroe пишет из Парижа, что Мальбранш «чрезвычайно хвалит Ньютона, но в то же время прибавляет, что в его книге имеются многие вещи, которые превосходят пределы его проницательности, и что он был бы рад видеть критику доктора Грегори (Gregory)» Orig. Lett. Bk. R. S. M. II, 10 Ср. отчет Адиссона об его визите к Мальбраншу в Париж в конце 2-й половины 1700 г. «Его книга перечитывается теперь с многими добавлениями, между которыми он показал мне красивую гипотезу цветов, отличающуюся как от гипотезы Декарта, так и Ньютона, хотя все три могут быть верными. Он очень сильно хвалил математику Ньютона, покачал головой при имени Гоббса и сказал мне, что считает его «un pauvre esprit» (Better to B-p Naugh from Lyons, Aikin's Life, 1, 91).

1700. Февраль 1/13. «Я узнал (не знаю где), что он дает кое-что относительно движения луны; мне сказали также, что появится новое издание его принципов природы (Leibniz к T. Burnet Opp. T. II, pars 1, p. 266).

Июнь 4 Королевское Общество сильно старалось убедить его напечатать его теорию луны, книгу о цветах и т. д. Но его чрезмерная скромность до сих пор мешала этому; но Общество предпринимает все, что в дальнейшем можно будет сделать.

1701. Между некоторыми рукописными заметками Давида Грегори, датированными: Оксфорд 21 мая, касающимися некоторых пунктов, относительно которых он хотел посоветоваться с Ньютоном, мы находим следующую: «Узнать, имеет ли он намерение перепечатать свои Principia Mathematica или что-либо другое».

1702. Понедельник. Ноября 30. «Он признает, что в его книге имеются многие ошибки, он подчеркнул их и написал на полях во многих местах. Говорят, что он намерен переиздать ее, хотя он не хочет признаваться в этом. Я спросил его относительно его доказательства пустоты и сказал ему, что, если существует такая материя, которая свободно проходит (ускользает) через поры всех ощутимых тел, то она не может быть взвешена. Я нахожу, что он намерен изменить эту часть, так как он написал на полях: Materia Sensibilis, замечая, что из его доказательств нельзя сделать заключения относительно какой бы то ни было материи[1]). Отчет Greves'а лорду Aston'у (Tixall

[1]) Это сообщение выявляет истинный смысл воззрений Ньютона: как видно из определения 1-го «Начал», Ньютон вполне сознательно устранил из рассмотрения эфирную среду, основываясь на опыте Галилея. Таким образом «Начала» рассматривают взаимодействия «обычной материи»—Materia Sensibilis.

Letters, II, 152) относительно визита, который он отдал Ньютону в прошлый четверг к компании с сэром E. Southcote, по просьбе лорда Астона, «большого любителя математики, который испытывал большое удовлетворение от одного или двух затруднений в этой науке».

1704. Ноябрь 15. «Книга (Оптика Ньютона) не произвела такого шума в городе, как «Начала», которые, как я слыхал, снова приготовляются к печати с необходимыми исправлениями (Flamsteed to Pound, Greenwich, M. S. S. XXXIII, 81).

Эдельстон и Брьюстер поддерживают версию о том, будто бы поступление Ньютона на службу в 1696 г. сделалось «препятствием для продолжения его изысканий в физической астрономии» и что невозможность усовершенствовать как следует книгу была причиной отказа Ньютона переиздать «Начала». Служба мешала, конечно, Ньютону вести научные изыскания и работать над исправлением и дополнением старых трудов, но едва ли это было действительным основанием упорства Ньютона. Прежде всего, от 1686 до 1696 прошло 9 лет, срок достаточный для существенных исправлений, если не дополнений. Во-вторых, если Ньютон поступил на службу и видел, что он не сумеет работать, то на каком основании задерживал он книгу, которую настойчиво требовали от него многие лица и Королевское Общество[1]).

Действительные причины упорства Ньютона хорошо видны из писем Sloan'a и Flamstead'a (1700, июля 4 и 1704, ноября 15), которые мы выше привели.

Королевское Общество настаивало на издании также «Оптики». Ньютон отказывался, так как Гук был еще жив. Как только последний умер, Ньютон на собственный счет издает «Оптику». Эта книга, как пишет Фламстед, не произвела такого шума, как «Начала», и когда главный противник Ньютона умер, то последний мог уже не опасаться каких бы то ни было неприятностей. И вот «шум», вызванный Математическими принципами, был в высшей степени не по душе Ньютону, и хотя он сам желал бы видеть свою книгу переизданной, но робость и опасения постоянно удерживали его от этого шага. Вспомним, что Галлею с трудом удалось уговорить Ньютона выпустить «Систему мира». Ясно, что, испытав тяжелую руку «наглой и сутяжной» дамы-философии, Ньютон не имел никакой охоты снова столкнуться с ней.

Но настойчивость и надоедливость (importunity), по выражению Эдельстона, одного человека победили неохоту Ньютона, и он был вынужден согласиться на второе издание. Этот человек был Ричард Бентли, доктор богословия, знаменитый филолог и ректор коллегии св. Троицы в Кэмбридже.

Брьюстер[2]) передает по этому поводу следующий анекдот со слов родственника Ньютона Conduit'a: «Я спросил его (Ньютона),—говорит Conduit,—каким образом случилось, что он позволил Бентли напечатать Principia, если тот их не понимал».—«Каким образом?—сказал Ньютон,—(он был жаден covetous), и я позволил ему сделать это и заработать деньги». Действительно, весь доход с издания пошел в карман Бентли. Ввиду особой роли, которую сыграл этот человек в издании «Начал» 1713 г., мы считаем необходимым вкратце познакомить читателя с его личностью.

(*Окончание следует*).

---

[1]) После 1687 г. Ньютон не написал почти ни одной новой научной работы.

[2]) Т. I, стр. 14.

Империализм и накопление капитала.

(Продолжение) [1].

Н. Бухарин.

Глава IV. Экономические корни империализма.

В предыдущем мы показали, что тов. Роза Люксембург оказалась неправой на всех ступенях анализа процесса воспроизводства: и при наиболее абстрактных предпосылках (процесс расширенного воспроизводства, рассматриваемый при отвлечении от момента денег) и по мере постепенной конкретизации (хотя и в условиях абстрактного капиталистического общества вообще): мы говорим о денежном моменте, а затем о кризисах. Нам нужно теперь перейти к еще более конкретным постановкам вопроса, то-есть выйти уже за пределы абстрактного капитализма и поставить проблему о соотношении капиталистического хозяйственного круга с его некапиталистической периферией.

Но здесь нам необходимо обратить внимание на методологическое заключение тов. Р. Люксембург, которое она выводит из своих утверждений. Анализ этого «заключения» поможет нам перейти как раз к тем вопросам, которые мы только что наметили.

Итак, даем слово тов. Р. Люксембург:

«Что об'яснение экономического корня империализма должно быть выведено специально из законов накопления капитала и приведено с ними в соответствие,—это не подлежит никакому сомнению, так как империализм в целом, уже по всеобщему эмпирическому признанию, является не чем иным, как специфическим методом накопления. Но как это возможно, пока мы без всякой критики (!) придерживаемся предпосылок Маркса во втором томе «Капитала», имеющих в виду общество, где капиталистическое производство является единственным, и где все население состоит только из капиталистов и наемных рабочих?

Как бы ни определяли внутренние экономические движущие силы империализма, во всяком случае ясно и общепризнано одно: его сущность состоит именно в распростране-

[1] См. «Под Знаменем Марксизма» № 8—9 за 1924 г.

нии господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и в политической конкурентной борьбе этих стран из-за подобных областей. Но Маркс, как мы видели, допускает во втором томе своего «Капитала», что весь мир является лишь «одной капиталистической нацией» и что все другие хозяйственные и общественные формы исчезли. Как же, спрашивается, об'яснить империализм в таком обществе, где для него совершенно не осталось места?

Здесь я полагала, нужно подойти к вопросу критически (т.-е. не к «вопросу», а к Марксу. *Н. Б.*). Теоретическое допущение общества, состоящего из одних лишь капиталистов и рабочих, которое для определенных целей исследования (напр., в первом томе «Капитала» при анализе отдельного капитала и его практики эксплоатации на фабрике) вполне законно и уместно, **кажется мне неприменимым и мешающим анализу там, где речь идет о накоплении капитала, взятого в целом** (курсив наш. *Н. Б.*). Так как последнее представляет действительный исторический процесс капиталистического развития, то его, по моему, невозможно понять, если отвлечься от всех (?! *Н. Б.*) условий этой исторической действительности. Капиталистическое накопление, как исторический процесс, с первого до последнего дня развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии с ними. Как же можно правильно понять этот процесс и внутренние законы его развития в бескровной теоретической фикции, которая об'являет несуществующими всю эту среду, эту борьбу и это взаимодействие?» [1]).

В этой выписке, которая, как видит читатель, с одной стороны, подводит некоторый теоретический итог, а, с другой стороны, является методологическим ключом для разработки дальнейших проблем, больше морального возмущения, чем логической убедительности. Мы бы сказали даже, что здесь дано, так сказать, принципиальное непонимание абстрактно-теоретического метода Маркса, его значимости, его условности и в то же время его правильности. На этом вопросе следует остановиться, так как это сбережет нам время впоследствии. Мы должны поэтому разобрать выписанные положения тов. Розы Люксембург буквально по косточкам.

Во-первых. Прежде всего, неправильно утверждение т. Розы Люксембург, будто бы в I томе «Капитала» исследуется «**отдельный**» (!) капитал, т.-е. индивидуальный капитал, индивидуаль-

---

[1]) Накопление капитала, т. II, стр. 560—561.

ная фабрика и индивидуальный капиталист. Ничего подобного у Маркса нет. Если у него есть такие примеры, то здесь берется капиталист, как персонификация капитала. По существу дела об'ективный, «общественный» метод рассмотрения экономических явлений так же характерен для I тома, как и для всех остальных томов «Капитала». В первом томе речь идет о производстве общественного капитала, во-втором—об обращении общественного капитала, в третьем — о «процессе в целом», т.-е. обо всем движении общественного капитала.

Во-вторых. Из предыдущего следует полная неприемлемость различия методов исследования, что предлагает тов. Роза Люксембург. В самом деле, ведь сама Р. Л. в центре всего ставит вопрос о воспроизводстве. Но если ставить этот вопрос, то, совершенно естественно, тем самым ставится и вопрос о производстве, ибо воспроизводство вне производства, без производства—есть понятие абсурдное. Если процесс накопления, след., процесс расширенного воспроизводства, нельзя анализировать вне связи с некапиталистической средой, то нелепо думать, что в таком случае можно отбросить эту связь при анализе процесса производства капитала. Недурно бы выглядел «процесс в целом», если бы из процесса производства был выкинут весь некапиталистический хозяйственный круг, в процессе же обращения фигурировали ценности, появившиеся как раз из этого круга. Такой отрыв производства от обращения в корне противоречит точке зрения воспроизводства.

В-третьих. Вышеизложенное положение подтверждается дальнейшими выводами автора «Накопления». Накопление—видите ли—действительный исторический процесс, и отвлекаться от всех исторических условий этого процесса нельзя! Но никто и не рекомендует отвлекаться от всех исторических условий. Отвлекаться от всех исторических условий, это значит отвлекаться и от капиталистической формы производственных отношений, как это делает буржуазная политическая экономия. Другой разговор—отвлечение от некапиталистических «третьих лиц». Приведем конкретный пример. Предположим, что капиталистическая текстильная индустрия сбывает свои товары мелким производителям. Но эти мелкие производители, если они покупают, то они что-либо и продают. Предположим, что они продают хлопок, т.-е. сырье для текстильной индустрии. Не ясно ли, что если мы запретим, подобно Розе, абстрагироваться от мелких производителей при анализе накопления, то тем самым мы должны запретить эту абстракцию и по линии производства? Ибо, если приходится в «действительном процессе» сбывать мелким производителям ткань, то у них приходится покупать хлопок, и при том покупать его для того, чтобы из этого хлопка производить ткань.

Итак: или абстракция от «третьих лиц» недопустима,—тогда она недопустима и при анализе производства капитала; или она допустима,—тогда она допустима и при анализе процесса накопления. Раздвоение метода приводит, как показано, к логическому абсурду.

В-четвертых. Эта абстракция вполне допустима. Конечно, не только оторванное от производства «капиталистическое накопление» движется исторически в некапиталистическом окружении, но и весь механизм капиталистического производства конкретно всегда связан тысячью нитей с некапиталистическим окружением. Но это отнюдь не является аргументом против такой абстракции[1]). Нужно только понимать, что абстрактная теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать. «В действительности» цена никогда не равна ценности, спрос и предложение не покрывают друг друга, рабочий класс не получает полной ценности своей рабочей силы и т. д., и т. п. Однако абстрактные положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от них к непосредственной эмпирической действительности ведет целый ряд логических ступенек, перескочить через которые ни в коем случае нельзя.

В-пятых. Предыдущим положением дается ответ и на «коварный», несколько раз, в различных вариациях, задаваемый тов. Р. Люксембург вопрос: как это можно об'яснить колониальные захваты в обществе, где нет места колониям, об'яснить то, что заранее исключено из анализа? Ведь, это то же самое, что известный «философский» вопрос: как пахнет роза, которую никто не нюхает? Не правда ли?

Не убедительна ли хоть здесь аргументация нашего критика? Нисколько.

В самом деле. Для того, чтобы об'яснить соотношение между капиталистической и некапиталистической средой, нужно, разумеется, привлечь к делу эту некапиталистическую среду. Маркс в «Капитале» не ставил этой проблемы, и потому для ее решения нужно спуститься ниже по лестнице от абстрактного к конкретному. Поэтому всякое исследование о соотношении между капиталистическим миром и «третьими лицами» будет носить более конкретный характер, чем теоретические построения в «Капитале».

---

[1]) Кстати. На стр. 652 т. Р. Л. утверждает, что у Маркса нигде не идет речи об «изолированном капиталистическом обществе», а речь идет о мысленном удлинении реальной тенденции капитализма к универсальному господству. Это противопоставление логически никуда не годится. А затем утверждение, что Маркс нигде не говорит об «изолированном обществе», фактически неверно. Сошлемся хотя бы на такое место: «Чтобы упростить вопрос, мы абстрагируем от внешней торговли и рассматриваем изолированную нацию («abgeschlossene Nation»). K. Marx: Teorien, II.-2, S. 244.

Но это нисколько не говорит против того, что абстрактная теория Маркса дает подход и к этой проблеме (ниже мы увидим, какой). А затем, это не есть аргумент за то, чтобы об'яснять конкретную действительность и постоянное эмпирическое сосуществование капиталистов и «третьих лиц», а равно и капиталистическую экспансию неверными теоретическими аргументами о невозможности накопления без внекапиталистической среды.

Здесь мы вступаем уже in medias res проблемы.

Но тут тов. Роза Люксембург готовит нам неожиданный сюрприз. А именно, она утверждает, что если не принять ее теории о невозможности накопления в чисто-капиталистическом кругу, то вообще нельзя и говорить о каком бы то ни было соотношении между капитализмом и третьими лицами. Это делается в не особенно удачной форме рассуждений о внешней торговле (неудачной потому, что внешняя торговля вовсе не предполагает обязательно разницы в способах производства). Вот что пишет по сему случаю тов. Роза Люксембург:

> «С точки зрения изложенного выше (речь идет о Булгакове. *Н. Б.*) понимания воспроизводства, для внешней торговли на самом деле нет места. Если капитализм в любой стране с самого начала (?!) своего развития образует тот знаменитый «замкнутый круг», в котором он вращается подобно кошке вокруг собственного хвоста и «сам себе довлеет», в котором он для себя создает неограниченный сбыт и сам же создает препятствия для своего расширения, то и каждая капиталистическая страна представляет собой в экономическом отношении замкнутое «самодовлеющее» целое. Только в одном случае была бы тогда понятна внешняя торговля: она была бы понятна, как средство для покрытия естественного недостатка данной страны в определенных продуктах почвы и климата путем ввоза их из-за границы—только как необходимый ввоз сырых материалов и средств питания... Международный товарный обмен оказывается здесь обоснованным не сущностью способа производства, а естественными условиями разных стран,—теория, которая заимствована, во всяком случае, не у Маркса, а у немецких «гелертеров» буржуазной политической экономии» и т. д. [1]).

Итак, если отвлечься от природных условий международного разделения труда (как это можно сделать,

---

[1]) Ibid., 306, 307. Насчет последней фразы, где дано неправильное противопоставление, все же следует иметь в виду следующее положение Маркса: «Различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования. Отсюда—различия в их способах производства, образе жизни и продуктах. Эти-то естественные, стихийные различия и вызывают взаимный обмен продуктов...» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 241—242. Пер. Струве).

не погрешив против духа святого «конкретного исторического процесса»?), то «внешняя торговля» (а вернее обмен с некапиталистической средой) необ'яснима. Таков тезис тов. Розы Люксембург. И этот тезис должен быть «убийственным».

Но... но «не так страшен чорт, как его малютка»—говорят в Одессе. Разберемся и в этой грозной аргументации товарища Люксембург. Только нужно и здесь раньше всего устранить ту путаницу, которую автор «Накопления» вносит в свое изложение потому, что она не понимает, как следует, методологического вопроса о соотношении между абстрактно-теоретическим и конкретно-историческим. «Изолированное», «абстрактное», «чистое капиталистическое» общество никогда, нигде не существовало и не могло существовать,—это ведомо всякому. Поэтому, когда тов. Л. пишет в только что приведенной цитате: Если капитализм в любой стране с самого начала своего развития образует... знаменитый «замкнутый круг»» и т. д. и т. п.—то все это «ни к чему». Ибо никто не утверждал, что где-либо, да еще в «любой стране», да еще «с самого начала», капитализм варился в собственном соку, жил в целибате и не имел греховных сношений с некапиталистическими производителями. Наоборот, он всегда и везде распространял свое влияние на некапиталистическую периферию, он всегда насиловал ее ad majorem gloriam своей собственной персоны.

Зачем же путать? Зачем же вводить все эти «если», которые заведомо для всех никуда не годятся?

Но где же тогда действительная причина капиталистической экспансии?

Во-первых, она заключается в затруднениях, вытекающих не из абсолютного и постоянного перепроизводства, а из кризисов со всеми их последствиями.

Во-вторых (и это бесконечно более важно, ибо это—постоянно действующий фактор) она заключается в возможности получать во-вне бо́льшую прибыль.

Что касается первого обстоятельства, то вряд ли на нем нужно долго останавливаться. Если, напр., налицо есть временное перепроизводство (кризис), а в то же время имеется «добавочный» рынок сбыта, то совершенно естественно, что поток товаров пойдет туда, на основе новых экономических связей произойдет добавочное расширение производства и т. д. Но всякому ясно, что это ни в малой степени, ни на иоту, не колеблет тезиса о возможности накопления в чистом капиталистическом обществе. Если бы добавочного рынка не было бы, то от этого одного капитализм бы не перестал существовать. Он был бы вполне «мыслим». Если же такой рынок есть, то конкретное развитие необходимо идет по линии наименьшего сопротивления, и без этого оно не мыслимо.

Что касается второго ряда причин, то дело здесь обстоит сложнее, и на этом вопросе необходимо остановиться дольше, хотя он был подробно разработан Марксом: остается только удивляться, как этого не заметила тов. Роза Люксембург.

Мы приводили уже в другом месте следующую выдержку из Маркса:

> «Сэй в своих примечаниях к переводу Рикардо Констанцио делает только одно правильное замечание о внешней торговле. Прибыль можно делать и обманным путем (durch Prellerei), таким образом, что один выигрывает, когда другой теряет. Потеря и барыш внутри одной страны выравниваются. Не так обстоит дело, если речь идет о разных странах. И даже если рассматривать теорию Рикардо—чего Сэй не замечает,—то (и с ее точки зрения. *Н. Б.*) три рабочих дня одной страны могут меняться на один день другой страны. Закон ценности претерпевает здесь существенные модификации. Или: точно так же, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому, так могут относиться друг к другу рабочие дни разных стран. В этом случае более богатая страна эксплоатирует (beutet... aus) более бедную, даже в том случае, когда эта последняя выигрывает (gewinnt) от обмена, как это развил и Дж. Ст. Милль в своих «Some unsett led questions etc» [1]).

Итак, даже в том случае, если «более бедная» страна выигрывает от обмена, «более богатая» страна получает добавочную прибыль.

Еще более резко Маркс формулирует ту же мысль в «Капитале»:

> «Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой покупаются товары: именно такая страна отдает овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно

---

[1]) Marx, Theorien, III, S. 279—280. Последний курсив наш.

так же, как фабрикант, утилизирующий новое изобретение, прежде чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и, несмотря на то, выше индивидуальной стоимости своих товаров, т.-е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда он использует, как прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там, вследствие более низкого развития, норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. д., стоит выше и эксплоатация труда. Трудно было бы понять, почему бы такие более высокие нормы прибыли, которые таким образом приносят и доставляют на родину капиталы, вложенные в известные отрасли, почему бы здесь эти нормы прибыли, если только этому не противодействуют монополии, не имели влияния при выравнивании нормы прибыли и, след., pro tanto не повышали ее»[1].

Наконец, мы позволим себе привести еще одно место, которое приводит и тов. Роза Люксембург, странным образом не замечая, что оно в корне противоречит ее теории. Правда, речь идет здесь не о товарах, а о капитале, не о товарном экспорте, а об экспорте капитала. Но, как мы показали при разборе вопроса о перепроизводстве, с точки зрения именно этого вопроса различие это несущественно (оно существенно с других точек зрения, но это к делу в данный момент не относится). Итак, что же говорит Маркс об экспорте капитала?

«Если капитал,—пишет Маркс,—посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли»[2].

Итак:

1) Когда обмен представляется случайностью, то торговый капитал получает добавочную прибыль всеми путями, куда входят обман, насилие, грабеж и т. д.

2) Когда внешний обмен становится регулярным явлением, то страна с более высокой структурой получает неизбежно добавочную прибыль.

3) Когда выводятся капиталы, то это делается тоже потому, что здесь получается сверхприбыль.

---

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, стр. 213 (все курсивы наши). Цитировано также в нашей работе: «Мировое хозяйство и империализм», где этот вопрос подробно разобран

[2]) Маркс, III, ч. 1; см. также Р. Люксембург, l. c., стр. 638.

Приходится прямо удивляться, как тов. Люксембург, которая с такой остротой ставила проблему прибыли, как специфической категории капиталистического общества, в других местах своей работы, оказалась слепа и глуха к этой проблеме как раз там, где ее нужно было бы выдвинуть с особенной силой, подчеркнуть тремя чертами.

Ведь, стало положительным трюизмом утверждение, что «целью и движущим мотивом» капитала является прибыль, прибыль и еще раз прибыль. Как же можно было обойти вопрос о высоте прибыли, когда рассматриваешь движение товаров и капиталов из страны в страну?

Как видит читатель, в данном вопросе суровый критик Маркса проглядел у Маркса одно из самых существеннейших положений. Поэтому совершенно напрасно тов. Р. Люксембург утверждает, что она решает проблему «в духе» марксовой системы. Это неверно. Ее решение противоречит и букве, и «духу» марксова учения: здесь она, сама того не подозревая, скатилась целиком к мелко-буржуазной позиции народников.

Но тут мы подошли к одному из очень важных и интересных общих вопросов, крайне существенных с точки зрения оценки теории тов. Люксембург.

Читатели уже, вероятно, заметили, что за странная история получается у т. Р. Л. с экономическими корнями экспансии капитала. Так как она не видит вопроса о погоне за большей прибылью, то у нее дело сводится к голой формуле о возможности реализации. Для чего «нужна» капиталу «некапиталистическая среда»? Для того, чтобы реализовать прибавочную ценность, которую нельзя реализовать в капиталистическом хозяйственном круге. Проблема реализации отрывается таким образом от проблемы большей прибыли, т.-е. от проблемы эксплоатации некапиталистических хозяйственных форм. Тут налицо удивительный теоретический парадокс: теория Розы Люксембург, которая хочет быть ультра-революционной и которая дает действительно великолепное, рукою гениального мастера сделанное описание колониальной эксплоатации,—эта теория по существу дела, т.-е. в своем теоретическом ядре, смазывает и затушевывает капиталистическую действительность.

Эту действительность Р. Люксембург превосходно описывает. Она замечательно выпукло рисует картины беспощадного уничтожения «третьих лиц» во славу капиталистической цивилизации. Она сама сжато формулирует эту сторону накопления таким образом:

«В качестве методов здесь господствуют колониальная политика, система международных займов, политика «сфер интересов» и войны. Здесь совершенно открыто выступают

насилие, обман, угнетение и грабеж, и стоит большого труда открыть в этом хаосе политического насилия и пробы сил строгие законы экономического процесса»[1]).

Это великолепно сказано. Но; к сожалению, «строгие законы экономического процесса» тов. Роза Люксембург ищет не там, где их нужно искать.

В самом деле. Если мы спустимся с той высоты абстракции, которая царит в «Капитале», и включим в наш анализ «третьих лиц»,—какую основную тенденцию в соотношении между капиталистическим и некапиталистическим кругом мы вскроем?

Не может быть двух ответов на этот вопрос: такой тенденцией будет пожирание некапиталистических форм, их исчезновение.

С чем связан этот процесс? Ясно, что он связан с эксплоатацией этих форм со стороны капитала. А эта эксплоатация связана, в свою очередь, с получением более высокой прибыли, которая есть «душа», «движущий мотив капиталистического хозяйства». Более высокая прибыль—эксплоатация—разрушение и гибель,—вот действительный механизм соотношений между капиталистической и некапиталистической средой, если брать этот механизм в основном, в его генеральных, наиболее общих чертах. Этим даны «строгие законы экономического процесса».

А у тов. Люксембург?

У нее—увы!—«строгие законы» совсем не подходят к бурной и насильнической действительности. Они ей вовсе не «адекватны». Ибо вместо того, чтобы делать ударение на эксплоатации, на сверхприбыли и т. д.,—она делает ударение на голой формуле реализации. Конечно, получение сверхприбыли невозможно без реализации. Это получение и есть реализация. Но не то важно здесь экономически, что налицо реализация, а то, что налицо здесь реализация сверхприбыли. Вот специфический феномен, связанный с экспансией капитала. Кто не понимает этого, тот неизбежно прикрашивает действительность, тот поэтому не в силах будет об'яснить действительные и реальные факты, как бы он их—в описательной части—ни признавал за данные. А именно этот парадокс и происходит с Розой Люксембург.

Присмотримся к делу еще ближе.

Как рисует механизм взаимодействия между капиталистической и некапиталистической средой автор «Накопления»? Капиталисты не могут реализовать прибавочной ценности, подлежащей накоплению, в капиталистическом кругу: ее не могут купить ни рабочие, ни капиталисты. Эта ценностная часть продается

[1]) Роза Люксембург, ibid., стр. 473.

«третьим лицам»: капиталисты продают «третьим лицам» средства производства и средства потребления, получают деньги и покупают, в свою очередь, у третьих лиц необходимое сырье и т. д. Следовательно, капиталисты могут накоплять и производить, третьи лица могут производить. Они обменялись эквивалентами: произошел процесс реализации, т.-е. перемены натурально-вещественной формы у определенной ценностной величины. Что происходит дальше? Дальше происходит, к нашему удивлению, то же самое. Капиталисты, расширив свое производство, произвели руками рабочих еще большую приб. ценность. Но и «третьи лица», получившие эквивалент, могли расширить свое производство и, следовательно, увеличить свой спрос. Значит они с готовностью служат вновь службу капиталу «по части реализации». Обе стороны премного довольны. «И волки сыты, и овцы целы»: и реализация недурно поживает, и «третьи лица» благоденствуют. Таким образом, каждый раз воспроизводится примерно то же самое в высшей степени мирное соотношение, т.-е. совершенно своеобразный «обмен услуг», абсолютно в духе «гармонидов», Бастиа и К°: капиталист оказывает «услугу», доставляя средства производства и потребления, а «третье лицо» оказывает эквивалентную «услугу», способствуя изо всех сил трудноватенькому делу реализации. И эта идиллическая (да позволено будет употребить любимое словечко тов. Р. Люксембург) «карусель» бесконечно вертится, не вызывая ни гнева, ни недоумения со стороны остроумного критика марксовых «схем» [1]).

В какие сети противоречий попадает тов. Роза Люксембург не только по отношению к марксовой теории, но и к тому «действительному историческому процессу», которым она так любит козырять, покажет следующий пример.

Как известно, капитал еще на весьма ранней стадии своего развития вел бешеную колониальную политику. А между тем, у него «под рукой» было сколько угодно «третьих лиц»: крестьян, мелких ремесленников и т. д. Зачем же было, вульгарно выражаясь, «ездить за моря»? Естественно-натуральной «причине» (другого типа, заморские продукты etc.) делает отвод сама Роза Люксембург. Реализация? Но, ведь, третьих лиц—целый океан «дома». Что же гонит в дальние края капиталистических чудаков? На этот вопрос тов. Роза Люксембург не в состоянии будет ответить, если... если только она будет оставаться на базе своей теории.

Таким образом, необ'яснимой внешняя торговля и проч. становится не с точки зрения Маркса и его ортодоксальных уче-

---

[1]) Вопрос этот подробно разработан в исключительно интересной, необычайно тонкой и логически изящной статье тов. Крицмана: «Вестник Соц. Ак.», 1923, кн. V: «О накоплении капитала и третьих лицах».

ников, а именно с точки зрения товарища Розы Люксембург.

Аналогичная ошибка получается у автора «Накопления» и по другой линии. Мы видели, как извращенно поставлен был им вопрос о рынках товарного сбыта и о движущих мотивах погони за этими рынками. Так же извращенно—поставлен так Р. Л. и вопрос о рынках рабочей силы.

Всякому известен факт, «грубый» эмпирический факт, погони за колониальной рабочей силой. Что служит основой этой погони? Почему капитал ищет «желтого труда»? Потому, что у него нет под рукой рабочих рук? Потому, что он «не может существовать» без добавочных колониальных рабочих? Потому, что ему не хватает «своих»?

Ничуть не бывало. Все дело в том, что в погоне за максимумом прибыли он ищет более дешевых «рабочих рук», с возможностью наиболее высокой нормы эксплоатации и т. д. Эта разница в «оплате труда», от которой функционально зависит высота прибыли, и есть причина «погони».

Совсем не так смотрит на дело тов. Р. Люксембург. Дадим ей слово еще раз, чтобы показать впоследствии, насколько опасно «критиковать» Маркса, если желаешь в то же время оставаться революционером в теории.

> «До сих пор,—пишет Р. Л.,—мы рассматривали накопление только с точки зрения прибавочной стоимости и постоянного капитала. Третьим основным моментом накопления является переменный капитал. Прогрессирующее накопление сопровождается возрастанием переменного капитала. След., к основным условиям накопления относится наличность предложения живого труда... Увеличение массы труда достигается отчасти, поскольку позволяют обстоятельства, удлинением рабочего дня и интенсификацией труда. Однако в обоих случаях это увеличение живого труда либо вовсе не проявляется в росте переменного капитала, либо проявляется в нем в незначительной мере (как плата за сверхурочные часы). Оба эти метода, встречая, кроме того, отчасти естественный, отчасти общественный отпор, ограничены определенными, весьма узкими рамками, за пределы которых они выходить не могут. След., прогрессирующий рост переменного капитала, сопровождающий накопление, должен найти свое выражение в возрастающем числе занятых рабочих. Откуда берутся эти добавочные рабочие?» [1]).

Поставив этот вопрос, разобрав решение Маркса (Маркс имел и здесь в виду абстрактный анализ), Р. Л. находит это решение явно неудовлетворительным.

---

[1]) Р. Л., ibid., стр. 368—369.

«Естественное размножение рабочего класса, единственный (!) базис движения капитала, исключало бы процесс накопления при периодической смене высокой и низкой кон'юнктуры и при скачкообразном расширении поля производства и, вследствие этого, сделало бы невозможным самое накопление»[1]).

Маркс «не учитывает как раз постоянного перехода рабочих сил от некапиталистических условий к капиталистическим, как продукта не капиталистического, а докапиталистических способов производства в прогрессирующем процессе их крушения и разложения. Но сюда относится не только разложение европейского крестьянского хозяйства и ремесла, но и разложение разнообразных примитивных производственных и общественных форм в странах внеевропейских.

Как капиталистическое производство не может ограничиться природными сокровищами и производительными силами умеренного пояса (вот как? Это уже не от немецких «гелертеров»? *Н. Б.*)... так же мало оно может обойтись рабочей силой одной белой расы»[2]).

«Капиталистическое производство не может обойтись без рабочих сил из других социальных формаций»[3]).

Эти, на первый взгляд, такие невинные рассуждения, на самом деле, однако, выражают собой отказ от существеннейших элементов экономической теории марксизма и неизбежно ведут к оппортунистическим выводам.

Постараемся распутать и здесь тот клубок противоречий, который содержится в приведенных цитатах.

Нужно раньше всего указать на путаницу, столь характерную для всей книжки тов. Р. Л. Она путает и здесь абстрактное с конкретным. Конкретно, главная масса добавочных рабочих сил идет из деревни, из некапиталистического хозяйственного круга. Но совершенно напрасно тов. Р. Л. берет на прокат аргументы архибуржуазного Франца Оппенгеймера, который «поражает на смерть» змия Маркса указанием на этот факт. Ибо вопрос заключается вот в чем: если у нас есть абстрактное капиталистическое общество, каково будет там соотношение между накоплением и рабочей силой? Маркс отвечает: благодаря относительно более быстрому росту пост. капитала по сравнению с переменным, неизбежно будет на-лицо резервная армия, которая то сокращается, то увеличивается в зависимости от колебания промышленной кон'юнктуры. Точно так же, как механизм капитализма обеспечивает себе рынок (хотя вовсе без сладенькой

[1]) Ibid., 370.
[2]) Ibid., 371.
[3]) Ibid., 373. Курсив наш.

«гармонии»), так он, обеспечивая размножение—с одной стороны, образуя резервную армию—с другой, создает себе и массу рабочих рук.

Так обстоит дело в «чистом» капиталистическом обществе. А в конкретном обществе, разумеется, дело обстоит далеко не только так. И чем больше удельный вес «некапиталистических» хозяйств, тем бóльшую «поправку на действительность» нужно вносить в результаты этого абстрактного анализа. Нелепо, таким образом, опровергать теорию Маркса указанием на факт получения добавочных рабочих рук из некапиталистической среды.

А теперь посмотрим поближе на другое утверждение Розы, на ее центральное утверждение. Оно гласит, по сути дела, что капитализм невозможен без получаемых из некапиталистического круга рабочих рук, ибо без этих «рук» невозможно накопление, так же как невозможна реализация без «третьих лиц». «Реализующие» «третьи лица» имеют таким образом теоретическое подкрепление в лице эксплоатируемых бывших «третьих лиц», которые, потерявши это лицо, вступили в число агентов капиталистического производства.

Итак, по Марксу, в чистом капиталистическом обществе неизбежен излишек рабочих рук (резервная армия), связанная с этим нищета рабочего класса, противоречие между производством и потреблением масс и т. д.

По Розе неизбежен **не излишек, а недостаток рабочих рук.** Этот недостаток настолько силен, что накопление даже становится невозможным.

Оставим в стороне вопрос, как это становится невозможным при таких условиях накопление, хотя это было бы в высшей степени интересно разобрать. Обратим внимание вот на что. Если бы получался недостаток рабочих рук, то, ясное дело, повышалась бы заработная плата. Чем больше «недостаток», тем выше заработная плата. Это очень хорошо для рабочего класса. Но позвольте задать коварный вопрос: а как же быть тогда с «теорией обнищания»? Или она, как утверждает Бернштейн, совсем уж устарела? И как быть тогда с противоречием между производством и потреблением? Или оно, сослужив свою службу (впрочем, не особенно основательную), для теории реализации, может быть отменено или может «отмереть», когда переменилась «злоба дневи сего»?

Тов. Р. Л. наивно не замечает, что ее тезис о «невозможности капитализма» без некапиталистических рабочих рук вдребезги разбивает основные положения ее теории, ибо он аннулирует «нищету масс», без которой нельзя и шагу ступить по тому пути, по которому ведет читателя автор «Накопления капитала». Этот тезис, более того, не только разрушает теорию Розы, но и кричащим образом противоречит основам правильной

ной, революционной теории Маркса. Этот тезис прикрашивает капитализм. Оп отрицает имманентные тенденции капитализма, выражающиеся в обнищании масс, в росте классовых противоречий, в несоответствии производства с потреблением и т. д.

Тов. Р. Л. желала быть в теории революционнее Маркса. Мы видели, как, именно из-за своей «критической» по отношению к Марксу позиции, она смягчила капиталистические отношения, заменив эксплоатацию невинной реализацией.

Точно так же и здесь: желая обосновать «ужасно революционный» вывод о том, что капитализм погибнет без колониальных рабочих рук, она, по сути дела, выступила против революционной теории капиталистического развития. Так мстит за себя марксово учение, которое не прощает критических посягательств на свою чистоту.

Мы до сих пор рассматривали, в сущности, вопрос о капиталистической экспансии вообще и о ее экономических корнях. Теперь пора поставить также и вопрос об экономических корнях империализма.

Тов. Р. Л. в предисловии к своей работе выражает надежду, что «Накопление капитала», «помимо чисто теоретического интереса,... должно иметь и некоторое значение для нашей практической борьбы с империализмом». Другими словами, тов. Р. Л. полагает, что ее исследование имеет ближайшее отношение к вопросу об империализме. Так оно, конечно, и есть: и намерения автора, и последующая роль работы тов. Люксембург достаточно ярко говорят об этом.

А между тем этого вопроса работа тов. Люксембург ни в малой степени не об'ясняет. Ибо она топит специфические черты специфической, исторически отграниченной, эпохи в общих рассуждениях (к тому же, как мы показали, теоретически неверных) об экспансии капитала вообще.

Характерно то, что «рассмотрение картелей и трестов» ограничивается в работе тов. Р. Л. одним малюсеньким примечанием на стр. 477.

Но тов. Р. Л. не только не об'ясняет вопроса, она его неверно ставит, и постольку получает ряд неверных теоретически выводов.

Вот как, напр., определяет она империализм:

«Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки»[1]).

Тут целый воз всевозможнейших ошибок, которые отнюдь не случайны, а, напротив, развиваются по одной и той же линии.

---

[1]) Р. Л., ibid., стр. 465.

Борьба капитала за «остатки» (определение более чем неточное) велась постоянно—это, во-первых; во-вторых, из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу»; в-третьих, из того же определения следует, что борьба за куски, на которые кто-либо уже наложил руку, тоже не есть империализм. И это «определение» тоже «вопиет к небу» по поводу своей собственной неправильности. Все определения, кроме того, страдают кардинальнейшим недостатком, ибо они не связывают вопроса с особой характеристикой капитала, как финансового капитала. Торговый капитализм и меркантилизм; промышленный капитализм и либерализм; финансовый капитал и империализм—эти фазы в развитии капитализма исчезают и расплываются в «капитализме вообще». Специфичность финансово-капиталистических производственных отношений, производственных отношений монополистического, стянутого и перепоясанного банками, капиталистического производства, исчезает. А как понять специфическое «политическое выражение» капитализма, не поняв специфической формы этого капитализма? Ведь политика есть, в конечном счете, не что иное, как метод распространения данной формы производственных отношений. А их-то Роза Люксембург не видит, их не умеет выделить: она предпочитает говорить «вообще», не обращая внимание на действительные, конкретно-исторические особенности нашей эпохи, которые как раз и нужно проанализировать именно с точки зрения анализа этих особенностей.

Приведем один классический пример, чтобы на нем показать всю несостоятельность взглядов тов. Розы Люксембург на империализм.

Мы говорим о занятии Рура французами.

С точки зрения определения, данного товарищем Люксембург, это вовсе не империализм; ибо:

1) здесь нет «остатков»;

2) здесь нет «некапиталистической» среды;

3) здесь нет того, чтобы Рур до оккупации никому из империалистов не принадлежал.

Другими словами: все признаки империалистской политики, которые даны Розой, не подходят под данный случай.

Наоборот, торговые войны Португалии, или политика испанцев в Америке после ее открытия—все это идет под рубрику империализма. Исчезает критерий определенных производственных отношений, единственный критерий, который позволяет понять особенности большой исторической полосы.

Спросим теперь себя, стоят ли в какой-либо связи общие положения теории Р. Л. с этими ее неверными определениями империализма? Мы полагаем, что безусловно да.

В самом деле, зачем захватывать капиталистические области? Ведь, все равно этим делу реализации не поможешь. Делу реализации могут помочь только «третьи лица», только некапиталистические «производители», которые помогают капитализму решить головоломную задачу реализации. Захват областей, где господствует чужой капитал, представляется с этой точки зрения делом явно противоестественным.

Тов. Роза Люксембург подчеркивает именно некапиталистический характер об'ектов империалистского воздействия. Она пишет в другом месте о милитаризме:

> «Милитаризм играет... решающую роль, как средство конкурентной борьбы между капиталистическими странами из-за областей некапиталистической культуры».

«Некапиталистической культуры». А капиталистические области—исключаются «рассудку вопреки». Они исключаются потому, что не вопрос о высоте и массе прибыли стоит перед Р. Люксембург, а неверно понятый вопрос о реализации.

Характерно то, что примерно так же определял в свое время империализм не кто иной, как... Карл Каутский. По мнению Каутского, империализм есть насильственная борьба за аграрное хозяйственное дополнение (хотя у него аграрные области, это—главным образом, поставщики сырья). И Каутский, и Роза не понимают, что этим не может ограничиться борьба крупных монополистических организаций капитала. Под костоломную машину империалистского воздействия подпадают не только услужливые «третьи лица», но и капиталистические области, и даже «чужие» области финансового капитала. Борьба теперь есть не только борьба за раздел аграрных областей, но и за передел мира.

Итак:

Роза Люксембург не об'ясняет процесса накопления вообще;

она не об'ясняет процессов, вытекающих из соотношения между капиталистическим и некапиталистическим кругом, т.-е. она не в состоянии правильно об'яснить экспансию капитала вообще;

наконец, еще меньше оказывается она в состоянии об'яснить специфические особенности империализма.

Здесь в заключение нам хотелось бы сказать несколько слов об этой последней проблеме с точки зрения ее положительного решения.

Подлежит об'яснению следующий ряд вопросов:

1) чем вызывается экспансия капитала вообще, где ее экономические корни;

2) чем об'ясняется крайнее обострение конкурентной борьбы между капиталистическими государствами;

Борьба капитала за «остатки» (определение более чем неточное) велась постоянно—это, во-первых; во-вторых, из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу»; в-третьих, из того же определения следует, что борьба за куски, на которые кто-либо уже наложил руку, тоже не есть империализм. И это «определение» тоже «вопиет к небу» по поводу своей собственной неправильности. Все определения, кроме того, страдают кардинальнейшим недостатком, ибо они не связывают вопроса с особой характеристикой капитала, как финансового капитала. Торговый капитализм и меркантилизм; промышленный капитализм и либерализм; финансовый капитал и империализм—эти фазы в развитии капитализма исчезают и расплываются в «капитализме вообще». Специфичность финансово-капиталистических производственных отношений, производственных отношений монополистического, стянутого и перепоясанного банками, капиталистического производства, исчезает. А как понять специфическое «политическое выражение» капитализма, не поняв специфической формы этого капитализма? Ведь политика есть, в конечном счете, не что иное, как метод распространения данной формы производственных отношений. А их-то Роза Люксембург не видит, их не умеет выделить: она предпочитает говорить «вообще», не обращая внимание на действительные, конкретно-исторические особенности нашей эпохи, которые как раз и нужно проанализировать именно с точки зрения анализа этих особенностей.

Приведем один классический пример, чтобы на нем показать всю несостоятельность взглядов тов. Розы Люксембург на империализм.

Мы говорим о занятии Рура французами.

С точки зрения определения, данного товарищем Люксембург, это вовсе не империализм; ибо:

1) здесь нет «остатков»;

2) здесь нет «некапиталистической» среды;

3) здесь нет того, чтобы Рур до оккупации никому из империалистов не принадлежал.

Другими словами: все признаки империалистской политики, которые даны Розой, не подходят под данный случай.

Наоборот, торговые войны Португалии, или политика испанцев в Америке после ее открытия—все это идет под рубрику империализма. Исчезает критерий определенных производственных отношений, единственный критерий, который позволяет понять особенности большой исторической полосы.

Спросим теперь себя, стоят ли в какой-либо связи общие положения теории Р. Л. с этими ее неверными определениями империализма? Мы полагаем, что безусловно да.

В самом деле, зачем захватывать капиталистические области? Ведь, все равно этим делу реализации не поможешь. Делу реализации могут помочь только «третьи лица», только некапиталистические «производители», которые помогают капитализму решить головоломную задачу реализации. Захват областей, где господствует чужой капитал, представляется с этой точки зрения делом явно противоестественным.

Тов. Роза Люксембург подчеркивает именно некапиталистический характер об'ектов империалистского воздействия. Она пишет в другом месте о милитаризме:

> «Милитаризм играет... решающую роль, как средство конкурентной борьбы между капиталистическими странами из-за областей некапиталистической культуры».

«Некапиталистической культуры». А капиталистические области—исключаются «рассудку вопреки». Они исключаются потому, что не вопрос о высоте и массе прибыли стоит перед Р. Люксембург, а неверно понятый вопрос о реализации.

Характерно то, что примерно так же определял в свое время империализм не кто иной, как... Карл Каутский. По мнению Каутского, империализм есть насильственная борьба за аграрное хозяйственное дополнение (хотя у него аграрные области, это—главным образом, поставщики сырья). И Каутский, и Роза не понимают, что этим не может ограничиться борьба крупных монополистических организаций капитала. Под костоломную машину империалистского воздействия подпадают не только услужливые «третьи лица», но и капиталистические области, и даже «чужие» области финансового капитала. Борьба теперь есть не только борьба за раздел аграрных областей, но и за передел мира.

Итак:

Роза Люксембург не об'ясняет процесса накопления вообще;

она не об'ясняет процессов, вытекающих из соотношения между капиталистическим и некапиталистическим кругом, т.-е. она не в состоянии правильно об'яснить экспансию капитала вообще;

наконец, еще меньше оказывается она в состоянии об'яснить специфические особенности империализма.

Здесь в заключение нам хотелось бы сказать несколько слов об этой последней проблеме с точки зрения ее положительного решения.

Подлежит об'яснению следующий ряд вопросов:

1) чем вызывается экспансия капитала вообще, где ее экономические корни;

2) чем об'ясняется крайнее обострение конкурентной борьбы между капиталистическими государствами;

3) чем об'ясняются специфические формы этой борьбы (применение насильственных методов, война);

4) в чем заключается об'ективный смысл этой экспансии капитала, в отличие от экспансии капитала вообще.

Постараемся коротко на эти вопросы ответить.

1) Экспансия капитала определяется движением прибыли, ее массой и ее высотой, от которой эта масса зависит. Миграция товаров и капиталов подчинена закону выравнивания нормы прибыли. Не подлежит сомнению, что нужно рассматривать этот процесс с точки зрения воспроизводства всего общественного капитала. Формула воспроизводства гласит:

$$D—T \left\{ \begin{matrix} \text{Ср. пр.} \\ \text{Рабсила} \end{matrix} \right. \ldots . \ П \ldots \ . \ T^{1} — D^{1}$$

Перед нами три части этого процесса: превращение денежной формы капитала в форму производительного капитала (деньги превращаются в средства производства и рабочую силу); производительный капитал функционирует, как таковой (самый процесс производства, обозначаемый буквой П и являющийся в то же время процессом производства прибавочной ценности), при чем в результате получается превращение формы производительного капитала в товарную форму; и, наконец, превращение возросшей по своей ценности товарной массы в деньги, т.-е. превращение товарной формы капитала в его денежную форму. Совершенно ясно, что величина прибыли может колебаться в зависимости от различных условий и первого, и второго, и третьего процесса, составляющих в целом совокупный кругооборот капитала.

Если имеются более дешевые средства производства или более дешевые рабочие силы—норма прибыли соответственно повышается, и капитал стремится это использовать; если имеются другие условия, связанные со «Standart'ом индустрии», с самой географически понимаемой точкой приложения капитала, условия, которые повышают соответственно норму прибыли—туда стремится капитал; если, наконец, на-лицо более выгодные условия реализации товарной массы, тогда точно также повышается норма прибыли, и туда точно так же усиленно стремится капитал. Следовательно, корни капиталистической экспансии определяются и условиями покупки, и условиями самого процесса производства и условиями продажи. Этому соответствуют в общем три проблемы: проблема рынков сырья и рабочей силы; проблема новых сфер вложения капитала, наконец, проблема рынков сбыта. Резервуар некапиталистических хозяйственных форм, в особенности отдаленных от центров развитого капитализма, является главным притягательным моментом именно потому, что как раз здесь обеспечивается (даже при условии высоких издержек транспорта) максимальная прибыль. Получение «колониальной сверхприбыли» об'ясняет нам направление капиталистической эк-

пансии. Это вовсе не означает, что борьба идет и может итти только по этой линии. Наоборот, чем дальше, тем больше (при условии существования капитализма, разумеется) она будет переходить в борьбу и за капиталистические центры. И тут главным является движение прибыли (напр., соединение франц. железа с рурским углем обеспечивает громадное возрастание прибыли).

2) Громадное обострение конкурентной борьбы между капиталистическими государствами об'ясняется именно захватом свободных об'ектов капиталистической эксплоатации по всем трем линиям, соответствующим трем частям общей формулы воспроизводства. Здесь количество перешло в качество. Этот вопрос достаточно освещен в литературе.

3) Специфические формы конкурентной борьбы (перенесение центра тяжести с метода дешевых цен на метод силового давления, в конечном счете войн) об'ясняются, во-первых, монополистической структурой современного капитализма; во-вторых, тем, что возросло значение борьбы за сырье и за места для экспорта капитала (где вообще метод дешевых цен не при чем), и при том при условии монопольного обладания этими сферами; в-третьих, тем обстоятельством, что и сама проблема сбыта стоит не так, как раньше: борьба ведется не между однородными предприятиями с их специфической, классической формой конкуренции: борьба ведется между гигантскими, замкнутыми в броню государственной власти, «государственно-капиталистическими трестами». Если борьбу ведут разнородные предприятия (напр., угольный и железный трест), то метод дешевых цен бессмыслен; если борьбу ведут комбинированные предприятия, то и метод борьбы должен быть неизбежно комбинированным. А современные капиталистические государства и суть—экономически-громадные—комбинированные тресты. С другой стороны, и проблема борьбы за сбыт однородной продукции стоит существенно иначе при монополистической форме капитала, который неизбежно стремится захватить данный рынок в свое исключительное владение, оградиться таможенной стеной, соподчинить этот рынок своей государственной организации.

4) Таким образом меняется—в известной мере—об'ективный смысл экспансии капитала. Мы видели, что формы экспансии меняются в смысле обострения методов борьбы. Мы видели, что это об'ясняется, в свою очередь, изменением форм самого капитала. Но «война есть продолжение политики, только другими средствами». А политика есть не что иное, как метод воспроизводства определенных производственных отношений. Следовательно, теперешняя экспансия капитала отличается от прежней экспансии капитала тем, что она расширенно воспроизводит новый исторический тип производственных отношений, а имен-

не отношений финансового капитала. В этом и состоит основной, конститутивный, признак империализма, которого совершенно не видит товарищ Роза Люксембург. Всуе говорить об империализме, если не понимать его специфически-исторических особенностей. Это значит не понимать ни требований марксистской методологии, ни «конкретного исторического процесса», который так часто берется в свидетели для борьбы против «бездушных схем» марксова «Капитала».

Что такое политическая экономия? [1]

И. Степанов.

I.

В чем задача политической экономии?

Мы, марксисты, не поддаемся иллюзиям «чистой» науки, мы никогда не забываем, что во всякую историческую эпоху теория получает свои задания от практики. Поэтому мы без всяких колебаний и, вероятно, с полным единодушием ответим, не огорчаясь некоторой элементарностью предварительного ответа: задача современной политической экономии, или,—что то же самое, так как только марксистская экономия и является для настоящей эпохи наукой,—задача марксистской политической экономии заключается в познании экономики современного общества.

Под каким углом революционный марксист изучает современную экономику?

«Для практического материалиста, т. е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их» [2]).

Или, как выражается Маркс в другом месте: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок» («Архив», стр. 223).

Итак, наша политическая экономия изучает вещи (конечно, не «вещи» вообще, а «экономические вещи»), как она застает их, и тем самым раскрывает имеющиеся теперь в действительности предпосылки того реального движения, которое уничтожает современную экономику.

Почти через 25 лет, в 1868 г., когда I том «Капитала» уже вышел из печати и когда была подготовлена значительная часть рукописей следующих томов, Маркс писал Энгельсу:

«Случайно я нашел в одной маленькой антикварной лавочке Report and. Evidence of Irish tenant right 1867. Это—замечательная находка. В то время как господа экономисты видят чисто

---

1) *Примечание редакции.* В одном из ближайших номеров журнала редакция поместит статью, трактующую вопрос с иной точки зрения.

2) К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, — «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, стр. 217. Д. Б. Рязанову принадлежит великая заслуга, что он раскопал и напечатал эту замечательнейшую работу, которая дает поразительно много для марксистской методологии.

теоретический спор (Dogmenstreit, спор догм) в вопросе о том, представляет ли земельная рента плату за природные различия почвы или же просто процент за вложенный в землю капитал, мы имеем здесь перед собою практическую борьбу не на живот, а на смерть между арендатором и лэндлордом: в какой мере рента кроме платы за различия почвы должна заключать и проценты на капитал, вложенный в землю не лэндлордом, а арендатором. Только таким способом, что на место conflicting dogmas (спора, столкновения догм, теорий) мы поставим conflicting facts (спор, столкновения фактов, «вещей», действительных отношений) и реальные противоположности, которые составляют их скрытую подоплеку, можно превратить политическую экономию в положительную науку» («Briefwechsel», IV. B., стр. 99).

Это—то же самое, что Маркс писал в половине 40-х годов: предмет политической экономии, как положительной науки (а не положительная наука вообще не наука),—реальные экономические отношения, «как она застает их», т.-е. экономика, существующая в действительности, современная экономика.

Но что такое «вещи, как мы застаем их», что такое «современная экономика»?

В марте 1868 г. Маркс занялся «между прочим» работами «старика Маурера» о древне-германских учреждениях (строй марки, деревни и т. д.). В связи с этим он писал Энгельсу:

«В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Вещей, которые лежат под самым носом, принципиально, вследствие ослепления известной предвзятостью, не видят даже самые крупные головы. Позже, когда придет время, удивляются, повсюду открывая следы того, чего не замечали раньше. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: стали все видеть по средневековому, в романтическом освещении. Вторая реакция—и она соответствует социалистическому направлению, хотя те ученые (как Маурер) и не подозревают, что она тесно связана с ним,—состоит в том, чтобы за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа... Вот пример, насколько все мы ослеплены этой предвзятостью: как раз на моей родине, на Гунсрюккене, древне-германская система сохранялась до последних годов» и т. д. («Briefwechsel», IV B., стр. 29. См. также стр. 24: Маурер убедил Маркса, что, вопреки русским народникам, наша община ни в малейшей мере не может претендовать на оригинальность).

Вы думаете, что, сказав «капитализм», вы исчерпали всю современную экономику? Нет, в ней до сих пор живет еще и средневековье, а если приглядитесь к ней повнимательнее, то за средневековьем откроете и первобытные времена. И, во всяком случае, «вещи» в современном мире, как их застает революция, получат не полную, искаженную характеристику, если вы увидите в них «чистый капитализм» и вследствие ослепления предвзятостью за просто сбросите со счетов, что на ряду с ним сохранится еще—и в каких громадных размерах!—и «средневековщина», «феодализм». Перешагнуть через «средневековщину» вы можете только в абстракции, а если попробуете попросту игнорировать в революционной борьбе, в «реальном движении», то будете наказаны вещами, как вы застаете их», но как вы их не познали по своему

ослеплению предвзятостью. Эти вещи активны. Это вам не какая-нибудь палеонтология!

Внимательнейший и строгий теоретический учет всего сложного переплета об'ективных отношений, лежащий в основе принципиально, классово выдержанной и в то же время гибкой революционной практики,—в этом суть марксизма и ленинизма, в этом прежде всего суть их политической экономии.

Задачами политической экономии, ее соотношением с практикой, само собой разумеется, определяется и ее о х в а т, а вместе с тем, как увидим ниже, и ее м е т о д.

Прежде всего, что касается охвата, на этот счет четверть века тому назад среди нас не существовало никаких разногласий.

Ленин признавал политическую экономию «наукой, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии». Он находил, что эту науку «надо излагать не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов развития: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма». Он добавляет к этому: «именно так и следует излагать политическую экономию». Но при такой системе изложения приходится дробить один и тот же отдел и впадать в повторения. «Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что т е о р е т и ч е с к и й а н а л и з ф у н к ц и й о с н о в а н н е н а а б с т р а к т н о й с п е к у л я ц и и, а н а т о ч н о м и з у ч е н и и т о г о, ч т о п р о и с х о д и л о в и с т о р и ч е с к о м р а з в и т и и ч е л о в е ч е с т в а (подчеркнуто, как и ниже, мною. *И. С.*). Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о р а з л и ч н ы х с и с т е м а х о б щ е с т в е н н о г о х о з я й с т в а и о к о р е н н ы х ч е р т а х к а ж д о й с и с т е м ы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с в о п р о с а м и э к о н о м и ч е с к о й н а у к и с в я з а н ы в а ж н е й ш и е в о п р о с ы с о в р е м е н н о й о б щ е с т в е н н о й ж и з н и» («Мир Божий» 1898 г., № 4, стр. 98—99. Рецензия Ленина на первое издание «Краткого курса экономической науки» А. Богданова).

Последние подчеркнутые мною слова—приспособительное к тогдашней беспощадной цензуре выражение той мысли, что в экономической науке мы найдем т е о р е т и ч е с к о е о б о с н о в а н и е р е в о л ю ц и о н н о й б о р ь б ы.

Решительное, принципиальное ограничение политической экономии рамками капиталистических отношений принадлежит в русской литературе прежде всего Туган-Барановскому, который тогда все дальше и дальше шел от марксизма и в своих «Очерках по

истории политической экономии», печатавшихся в «Мире Божием» 1901—1903 годов, окончательно расстался с ним. Он дал, действительно, принципиальное обоснование своей позиции. Всякая наука должна раскрывать закономерность, причинную необходимость изучаемых ею явлений. А так как, по уверению Туган-Барановского, воля и сознание людей перестают направлять экономические отношения только с того времени, когда все производство подпадает под власть стихийных сил рынка, который действует с неумолимостью законов природы, то собственно экономической науке нечего делать с докапиталистическими системами хозяйства. И при всем том Туган-Барановский продолжал ссылаться на Маркса.

Читатели, вероятно, уже заметили, что некоторые новейшие руководства политэкономии просто повторяют,—возможно, без ведома авторов,—изложенную аргументацию Туган-Барановского, нисколько не заботясь о ее подновлении.

По выходе «Очерков» отдельным изданием, я посвятил им большую статью в московском журнале «Правда» (1904 г., февраль), в редакции которого в то предреволюционное время значительную роль играли большевики,—впрочем, очень быстро вышибленные меньшевиками. Я показал в своей статье, что Туган-Барановский ушел от Маркса к Бюхеру и что он вместе с тем превратился в апологета капитализма. Я показал в то же время, что марксистская политическая экономия не замыкала и не замыкает своего кругозора пределами развитого капитализма, а раздвигает их в ту и другую сторону.

Товарищи, с которыми я говорил тогда об этом предмете, вполне соглашались со мною. Никто не возражал против моих доводов и моей точки зрения.

Я согласен, что отсутствие возражений со стороны товарищей—вовсе не довод. Я охотно допускаю, что они могли не досмотреть моих «уклонов» от Маркса и Энгельса или, в виду важности решительного размежевания с разными Туган-Барановскими, могли просто промолчать.

В виду этого постараемся найти у самого Маркса и Энгельса более или менее систематическое изложение их взглядов на предмет и метод политической экономии. То, что приведено в начале главы—отдельные мысли, может быть, «случайные» высказывания, не связанные с существом их воззрений.

II.

Прежде всего—«Нищета философии».

Эта работа переиздается у нас сравнительно редко. Изучают ее очень мало. Она нисколько не отразилась на большинстве новейших «марксистских» курсов политической экономии и на статьях, посвященных выяснению предмета и метода этой науки.

Повидимому, по отношению к этой работе установился предрассудок, будто она не способна дать ничего «нового», так как написана около 80 лет тому назад; поэтому, определяя предмет и метод политической экономии, будет куда поучительнее адресоваться к «современникам», хотя бы к Гильфердингу.

Однако «Нищета философии», как и относящиеся к тем же годам «Коммунистический манифест» и «Немецкая идеология», представляют в известном смысле программные работы. В

них то широкими мазками, то краткими замечаниями, которые в сороковых годах не могли остановить внимания читателей, то чисто мнемоническими отметками, смысл которых становится нам ясным только в свете позднейших работ, дан своего рода «план» всей будущей колоссальной теоретической работы Маркса и Энгельса. Таким образом в «Нищете философии» давно уже многое из того, что впоследствии было развито в «Капитале», а в «Немецкой идеологии» и в «Святом семействе» мы находим многие элементы «Антидюринга», «Л. Фейербаха» и «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Только что названные работы—такие же программные работы для Маркса и Энгельса, как «Что такое друзья народа»...—программная работа для Ленина.

Но Марксу и Энгельсу впоследствии удалось осуществить только некоторую часть своей грандиозной программы научных работ. К некоторым вопросам, поставленным в ранние годы, они вообще не возвращались впоследствии,—или возвращались лишь мимоходом, напр., в переписке. Гениальные мысли, которые они с такой расточительностью разбрасывали в своих почти юношеских произведениях, — являющихся, действительно, «программными» и с этой стороны, со стороны «тезисной» сжатости,—так и не получили у них дальнейшего развития. Многие из них до сих пор ждут разработки.

«Нищета философии» дает наиболее систематическое и обработанное изложение воззрений Маркса на предмет и метод политической экономии. Методология «Капитала»—методология «Нищеты философии». Если бы еще оставались на этот счет какие-нибудь сомнения, мы найдем ряд убедительнейших доказательств, что Маркс и Энгельс до конца своей жизни не видали никаких оснований подвергать пересмотру методологию «Нищеты философии». Да мы отчасти уже и видели эти доказательства, потому что «Нищета философии» делает как нельзя более понятным отношение Маркса к работе Маурера.

Все это—достаточные основания для того, чтобы, рискуя показаться старомодным, обратиться за разрешением некоторых спорных вопросов не к Шумпетеру и даже не к Кунову, а к Марксу сороковых годов прошлого века.

«Экономисты,—пишет Маркс,—представляют отношения буржуазного производства—разделение труда, кредит, деньги и т. д.—в виде неподвижных, неизменных, вечных категорий... Экономисты об'ясняют нам, как производят при этих данных отношениях; но они не об'ясняют, как производятся сами эти отношения, т.-е. не об'ясняют исторического движения, вызвавшего их к жизни... Но раз не проследили исторического развития производственных отношений, а категории суть только их теоретическое выражение»,—то неизбежно перевертывают действительные отношения и начинают видеть в этих категориях самовозникшие идеи (K. Marx. Das Elend der Philosophie Stuttgart 1895, стр. 85—86. Отдельные места, как и в дальнейшем, подчеркнуты мною).

В работах сороковых годов под «экономистами» Маркс и Энгельс разумели исключительно буржуазных экономистов и обычно противопоставляли им коммунистов (и социалистов).

Следовательно, буржуазные экономисты берут сложившиеся отношения капиталистического общества и только ими и ограничивают свое изучение. В противоположность этому, задача коммунистов заключается в том, чтобы выяснить как эти отношения возникли в истории, проследить их историческое развитие. Они должны раздвинуть свой кругозор за пределы капитализма.

«Экономические категории,—продолжает Маркс несколькими страницами ниже,—суть теоретические выражения, абстракции общественно-производственных отношений... Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. С приобретением новых производительных сил люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства,—способа добывать средства существования,—они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает общество с феодалами, паровая мельница—общество с промышленными капиталистами. Но те самые люди, которые складывают общественные отношения сообразно своему способу материального производства, формулируют также и принципы, идеи, категории сообразно своим общественным отношениям. Таким образом эти идеи, эти категории столь же не вечны, как и отношения, которые они выражают. Они суть исторические, преходящие продукты» (стр. 90—91. Подчеркнуто у Маркса).

Коммунист должен понять исторический, преходящий характер этих идей и принципов и, конечно, и даже прежде всего, выражаемых ими производственных отношений. Такова в глазах Маркса одна из первых задач той экономической науки, которая противопоставляется буржуазной политэкономии.

«Рабство (чернокожих) есть экономическая категория, как всякая другая... Прямое рабство—ось буржуазной промышленности точно так же, как машина и т. д. Без рабства нет хлопка; без хлопка нет современной промышленности. Только рабство придало колониям их ценность; колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля—условие крупной промышленности. Таким образом рабство—экономическая категория самой высокой важности» (93).

Буржуазная экономия говорит об абстрактном капитализме, который знает только такие категории, как наемный рабочий, формально свободные договорные отношения, заработная плата и т. д. Маркс напоминает здесь, что для реального капитализма сороковых годов XIX века осью оставалось прямое, ничем не прикрытое рабство и что крупная промышленность тесно связывается своим развитием с колониальным рабством, создавшим необходимые для нее предпосылки. Буржуазная экономия со своими категориями, представляющими абстрактные выражения отношений крупного капиталистического производства, может в своих абстракциях попросту перемахнуть через рабство,—как современная буржуазная экономия отводит глаза и от едва прикрытого колониального рабства, и от перманентного разграбления колоний, которым сильно подкармливается современный капитализм. Но коммунисты не последуют за буржуазной экономией. Они прямо скажут, что рабство и колониальный грабеж—в такой же мере правомерные экономические категории реального, а не «умопостигаемого» капитализма, как «свободный наемный рабочий» и просвещенный биржевик, имеющий дела только с «бумагами».

Критически излагая Прудона, Маркс пишет: «Все, что существует, все, что живет на земле и в воде, существует только, живет только посредством какого-либо движения. Таким образом, движение истории порождает социальные отношения, промышленное движение дает нам промышленные продукты и т. д.

«Точно так же, как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, — стоит только абстрагироваться от всех отличительных свойств различных движений, и мы придем к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической форме движения. И раз только в логических категориях видят существо всех вещей, то воображают себе, будто в логической форме движения нашли абсолютный метод, который не только об'ясняет все вещи, но и охватывает движение вещей» (стр. 88) [1].

Вот именно! Абстрагируются от исторически развившегося и существующего теперь капитала, построяют чисто логические формы капиталистических отношений—и воображают, будто уже получили об'яснение всех вещей, как они существуют в действительности, и будто вместе с тем уже охватили экономику и Египта, и Индии, и Китая. И воображают, будто этот абстрактный капитализм сам из себя порождает все движение, будто все его «категории порождают одна другую, переплетаются и соподчиняются друг с другом исключительно в силу диалектического движения» (90).

Это—саморазвитие капитализма без исторических предпосылок, капитализма в абстракции: разумеется, мнимое саморазвитие, саморазвитие, совершающееся в «чистом эфире» абстракции.

Как подходит к делу коммунист?

По Прудону, говорит Маркс, «у каждого принципа был свой век, в котором этот принцип раскрывался. Для принципа власти, напр., был XI век, как для принципа индивидуализма XVIII век... Другими словами: принцип делал историю, а не история принцип». Но если мы поставим перед собою вопрос,—продолжает Маркс,—почему же такой-то принцип проявился как раз в XI или XVIII веке, то мы должны будем подробно исследовать, «каковы были люди XI и XVIII столетия, каковы были их потребности в каждом веке, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства, каковы, наконец, отношения человека к человеку, вытекавшие из всех этих условий существования. Выяснить все эти вопросы, не значит ли исследовать действительную, обыкновенную («profane»—можно перевести «греховную», в противоположность заоблачной истории, совершающейся в «чистом эфире разума») историю людей каждого столетия, изобразить этих людей в том самом виде, как они являются одновременно авторами и исполнителями своей собственной драмы» (97 стр.).

---

[1] Буквально так «воображают себе» и некоторые критики, которые в последнее время занялись моей брошюрой «Исторический материализм и современное естествознание». После моих возражений они стали искать спасения в повороте от Маркса «назад к Гегелю». Впрочем, ими придется заняться в другой раз.

Вы хотите знать современный капитализм? Учтите современную технику, учтите мощные монополистические тенденции, учтите получение сырых материалов из колоний и общие отношения к колониям: коротко говоря, внимательнейшим образом изучите весь тот сложный переплет р е а л ь н ы х отношений, который мы охватываем словом «империализм»,—и вы тогда, только тогда, поймете действительную, «греховную» экономику, в которой русский и китаец, англичанин и индус, американец и негр являются одновременно и авторами и исполнителями—да, и исполнителями—своей собственной драмы. Не так ли?

Но как же должны отнестись абстрактные экономисты к тем вещам, которые не укладываются в их нормальные категории и которых они все же не могут не замечать?

«Экономисты оперируют диковинным образом. Для них существует только два вида учреждений, искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии—естественные. В этом случае экономисты уподобляются теологам, которые тоже различают два вида религий. Каждая религия, которая не является их собственной, есть изобретение людей, в то время как их собственная—откровение бога» (стр. 104).

Разумеется, современные абстрактные экономисты не говорят о «естественности» и «искусственности». Но не говорят ли они, что впредь возможна только чисто пролетарская революция, что час для нее пробьет лишь с того времени, когда вся мировая экономика уложится в строгие нормы их абстрактного, нормального, развитого, чистого и чистенького капитализма?

Они, продолжая рассуждения следующих страниц «Нищеты философии», видят в сохраняющихся до настоящего времени колоссальных напластованиях феодальной эпохи только «дурную сторону», только «из'ян» современной экономики, и не хотят понять, что на известной ступени развития, при известных предпосылках, эти «из'яны», порочащие чистый лик абстрактного капитализма, могут послужить моментами, толкающими к революционной борьбе и колоссально увеличивающими ее глубину и размах.

Это—то самое, что Ленин называл «условной революционностью мелкого производителя» (см. «Ленинский сборник», II, стр. 82).

Надо ли еще особо пояснять, какая бездонная пропасть пролегает здесь между современными коммунистами и абстрактными экономистами II Интернационала,—Куновыми, Реннерами, Гильфердингами?

Пропуская целый ряд чрезвычайно ценных для революционной теории и революционной практики методологических указаний: нельзя же перепечатывать всю вторую главу «Нищеты философии»,—я остановлюсь еще только на одном пункте. Он лишний раз напомнит, что, употребляя выражение Маркса (стр. 121): «формулами еще не создашь никакой истории»,—из абстрактных формул абстрактных экономистов не выведешь ни реальной действительности, ни реального движения.

«Рента в смысле Рикардо,—писал Маркс в 1847 году,—есть земельная собственность в ее буржуазной форме: т.-е. ф е о д а л ь н а я собственность, подчиненная условиям буржуазного производства» (стр. 144).

Эту мысль, конечно, в развитой форме, мы встречаем и в позднейших работах Маркса. «Где не существует земельной собственности,—фактически или юридически,—там не может существовать и абсолютной земельной ренты. Эта последняя, а не дифференциальная рента является адекватным выражением земельной собственности» («Theorien über den Mehrwert», II B., 2 Th., стр. 108). Поставив вопрос, почему цены земледельческих продуктов не выравниваются по ценам производства, Маркс отвечает: это выравнивание вообще может происходить постольку, «поскольку все условия производства созданы самим капиталом». Что касается земледелия, то здесь существует земельная собственность, «и капиталистическое производство начинает свой жизненный путь при наличности возникшей не из него, сложившейся уже до него земельной собственности» (там же, стр. 14). «Английские отношения—единственные, в которых адекватно развилась современная земельная собственность, т.-е. собственность, модифицированная капиталистическим производством» (стр. 7). И здесь, и во многих других местах Маркс настойчиво раз'ясняет, что предпосылки для ренты Рикардо существуют только там и постольку, где и поскольку капитализм успел модифицировать феодальную собственность, и что в частности для нее нет места ни в хозяйстве ирландского арендатора, ни в крестьянском хозяйстве (сравн. «Das Elend der Philosophie», стр. 145—150: они даже теперь очень полезны на ряду с «Theorien» и III т. «Капитала»).

Получается все тот же вывод: из внутренних отношений самого капитала,—того капитала, как он существует для абстрактных построений абстрактных экономистов,—нельзя об'яснить того сложного комплекса отношений современного реального капитализма, который связан с земельной собственностью. Теория реального капитализма должна сделать громадный прорыв в феодальную эпоху, потому что до сих пор сохраняется колоссальный прорыв феодальной эпохи в современный капитализм: до сих пор сохраняется частная земельная собственность, которой капитал не создавал, которую он нашел в качестве своей исторической предпосылки.

Правда, буржуазные экономисты, начиная с классиков и кончая новейшими «земельными реформистами» (Bodenreformer), от Генри Джорджа до какого-нибудь Дамашке, заметили, что частная земельная собственность—нечто побочное, постороннее, инородное для буржуазных отношений, искажающее грязным пятном «готического варварства» чистый лик дорогого им капитализма: нечто «искусственное» по сравнению с «естественностью» капитализма.

Коммунисты не остановились на полдороге. Они, проследив развитие капитала—не в абстракциях, кое-где опирающихся на «робинзонады», а в действительной истории,—показали, что капиталистическая собственность и эксплоатация вообще развилась из феодальной собственности и эксплоатации (в частности, уже «Нищета философии» дает в общих очертаниях знаменитые страницы «Капитала» о первоначальном накоплении и исторических тенденциях капиталистического способа производства). Они показали, что развитие капиталистических отношений было отрицанием отношений феодализма (различные формы и способы экспроприации непосредственных производителей средневековья), а для

земельной собственности оно было всего лишь приспособлением к потребностям капитала. Но они показали также, что это приспособление проведено лишь в тех довольно исключительных случаях, где капитал овладел земледелием, подойдя к нему, как к какой-нибудь отрасли промышленности. А на ряду с этими островками капиталистического земледелия существует безбрежный океан некапиталистических арендаторов и крестьянских хозяйств, этого наследия тоже феодальной эпохи. Коммунисты открыли, что феодализм продолжает существовать и в форме абсолютной ренты, которой не знает абстрактная буржуазная экономия, и в виде постоянного урезывания «предпринимательской прибыли» и «заработной платы» мелкого производителя, и во всевозможных способах «внеэкономического» гнета и принуждения.

Надо ли говорить, какое гигантское практическое, революционное значение для коммунистов—здесь прежде всего вспоминается Ленин—приобрело это изучение реальной экономики капитализма: того капитализма, как он существует в действительности, а не в «чистом эфире разума»? И надо ли напоминать, что только это теоретическое познание действительного капитализма и сделало возможной принципиальную выдержанность и революционный размах нашей тактики, которая, об'единив крестьянство в боевом союзе с пролетариатом, низвержение феодальных пережитков в политическом строе продолжила низвержением феодальной собственности, а ликвидацию феодальной собственности связала с революционным отрицанием капиталистической собственности и социалистическим строительством?

Конечно, без «экономических категорий, представляющих только теоретические выражения, абстракции капиталистических производственных отношений», невозможно было бы то теоретическое познание реального капитализма, которым мы обязаны Марксу и Ленину. Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них только ключом, необходимым для расшифрования фактических отношений.

Экономические категории чистого капитализма составляют орудие, но отнюдь не все содержание марксистской политической экономии.

Не скажут ли нам, что задача экономической науки, или теоретической экономии, целиком исчерпывается отысканием ключа и кончается, как только этот ключ начинают применять к экономическому познанию действительности? И не скажут ли нам, что самое выковывание этого ключа идет в кузнице, в которой обрабатывают действительность, вышелушенную от всякого реального содержания, превращенную в пустые бесплотные, но и бесплодные абстракции? Но уж не придется ли в таком случае признать, что в настоящее время попытки построить политическую экономию, не роняющую достоинства теоретической науки, мы находим только у рыцарей предельной полезности, этой прекрасной дамы, которая, обитая в «чистом эфире разума», остается незапятнанной соприкосновением с шумом и грохотом, грязью и кровью, грандиозными преступлениями империалистических войн и повседневным грабежом и мошенничеством на всех «цветных» континентах и островах? Однако тот ключ, с которым красуются рыцари этой дамы, не ключ к расшифровке этой действительности, а всего лишь ключ, который, не пригодный ни для

какого практического употребления, имеет одно предназначение: служить украшением для камердинеров буржуазии, когда они с расширением ее придворных штатов переименовываются в камергеров.

III.

«Антидюринг» Энгельса в известном смысле является подведением общих итогов почти сорокалетней совместной революционной борьбы и работы Маркса и Энгельса. Эти итоги подводились Энгельсом в постоянном контакте с Марксом, о чем теперь свидетельствует их переписка («Briefwechsel», B. IV). Тем большую ценность имеют в наших глазах страницы, посвященные Энгельсом задачам и методологии политической экономии. Нас нисколько не удручает ни тот факт, что эти страницы написаны почти сорок лет тому назад, ни тот факт, что они как-будто совершенно игнорируются в большинстве новейших руководств политической экономии, хотя это не мешает их авторам упорно рекомендовать свои руководства, как выдержанно марксистские.

В самом деле, для меня представляется загадкой, каким образом авторы-марксисты, недавно выступившие с очень претенциозными статьями по методологии политэкономии, обошли полным молчанием книгу Энгельса. Разгадка может быть только одна: или они просто «забыли» об этой книге, что было бы очень странно для марксистских теоретиков,—или же с самого начала поняли, что им пришлось бы направить свои критические замечания непосредственно и почти полностью против Энгельса. А на это они, по понятным причинам, не могли пойти.

Второй отдел «Антидюринга» носит название «**П о л и т и ч е с к а я э к о н о м и я**» и открывается главой «**П р е д м е т и м е т о д**». Первые же шесть страничек (F. **E n g e l s**, «Dührings Umwälzung der Wissenschaft», Stuttgart 1904, стр. 149—154) дают по этим вопросам ясный, простой, отчетливый ответ, не оставляющий, казалось бы, возможности никаких вывертов, увиливаний и лицемерных истолкований. Хотя, впрочем, как показывает практика, при известном желании от Энгельса можно уйти к Гегелю,—и мало ли еще куда можно уйти.

«Политическая экономия, в широком смысле,—начинает Энгельс,—есть наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

«Условия, при которых люди производят и обмениваются,—продолжает Энгельс,—изменяются от страны к стране, и в каждой стране—из поколения в поколение. Следовательно, политическая экономия не может оставаться одной и той же для всех стран и для всех исторических эпох».

Нам настойчиво повторяют в последнее время, что политическая экономия может возвыситься до уровня науки лишь постольку, поскольку она ограничивается выяснением экономических закономерностей капиталистического общества. Нет,—говорит Энгельс,—эта наука, оставаясь наукой, изучает законы, управляющие производством и обменом и в других странах, и в другие эпохи, кроме капиталистических. Он поясняет свою мысль следующим образом:

«От лука и стрелы, от каменного ножа и наблюдающегося только в виде исключения обмена у дикаря до паровой машины в

тысячу лошадиных сил, до механического ткацкого станка, железных дорог и Английского банка—чудовищное расстояние. Огнеземельцы далеки от массового производства и мировой торговли, как далеки от бронзовых векселей и биржевых крахов. Но значит ли это, что экономической науке нечего делать с огнеземельцами? Нет, из этого получается более сложный вывод:

«Кто захотел бы подвести экономику Огненной земли под одни и те же законы с современной Англией, тот, очевидно, не мог бы преподнести ничего иного, кроме самого банального общего места. Таким образом политическая экономия есть существенно историческая (подчеркнуто у Энгельса) наука. Она изучает историческую, т.-е. постоянно меняющуюся материю (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок. *И. С.*). Она исследует сначала особенные законы каждой отдельной ступени в развитии производства и обмена, и лишь завершив это исследование, может указать немногие, совсем общие законы, относящиеся к производству и обмену вообще. Однако при этом само собой разумеется, что законы, относящиеся к определенным способам производства и формам обмена, остаются в силе и для всех периодов истории, которым общи эти способы производства и формы обмена. Так, напр., с введением металлических денег вступает в действие ряд законов, относящихся ко всем странам и отделам истории, где обмен обслуживается металлическими деньгами».

Итак, политическая экономия—историческая наука, которая, далекая от ограничения себя эпохой и странами капитализма, изучает «историческую материю» и, исследуя особые законы отдельных периодов развития, не отказывается и от выяснения некоторых общих экономических закономерностей.

Кто не вспомнит в связи с этой страничкой известного замечания Маркса (в I т. «Капитала»), что каждая историческая эпоха имеет свой особый закон населения? Не следует ли теперь вставить к этому месту такое примечание: но было бы умалением теоретического достоинства политической экономии, если бы она увидала свою задачу в установлении закона (или законов) населения для докапиталистических эпох.

Энгельс показывает, как применяются эти общие методологические указания.

«Вместе со способом производства и обмена определенного исторического общества и с историческими предпосылками этого общества дан в то же время и способ распределения продуктов».

Я преднамеренно подчеркнул слова: «историческими предпосылками». Для абстрактного экономиста, который принципиально не хочет ничего знать и видеть, кроме капиталистических отношений, распределительные отношения капиталистической эпохи целиком определяются капиталистическим способом производства и обмена. Неправда! говорит Энгельс. Вы проглядели чрезвычайно важный соопределяющий момент распределения в капиталистическом обществе. Вы забыли, что капиталистическое общество вышло из феодализма. И этот прыжок через исторические предпосылки отрезывает путь к познанию не только деревенских отношений, но и исторического развития рабочего класса и его современного положения. А после работ Ленина мы еще добавим, что это забвение «исторических пред-

посылок» современного капитализма сделало бы нас слепыми к тому, насколько естественным, насколько экономически обоснованным является революционный союз пролетариата и крестьянства. Феодализм давит рабочего не только политически, но и экономически. Через остатки феодальных отношений—и какие громадные остатки!—«мертвый хватает живого» не только в земледелии, но и в промышленности.

«В родовой или деревенской общине,—продолжает Энгельс,—с общей земельной собственностью, с которой—или с весьма заметными остатками которой—все культурные народы вступают в историю, довольно равномерное распределение продуктов разумеется само собою; там, где выступает значительное неравенство в распределении между членами, оно является уже симптомом начавшегося разложения общины. Крупное, как и мелкое, земледелие, в зависимости от исторических предпосылок (опять эти «исторические предпосылки»! *И. С.*), из которых они развились, допускают очень различные формы распределения. Но ясно, что крупное земледелие всегда обусловливает совершенно иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или порождает классовую противоположность: рабовладельцев и рабов, сеньеров и барщинных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, между тем как мелкое земледелие отнюдь не обусловливает классовых различий среди лиц, занятых в земледельческом производстве, и, наоборот, простая наличность этих различий свидетельствует о начавшемся разложении парцеллярного хозяйства... Введение и распространение металлических денег в стране, в которой до того времени существовало исключительно или преобладающе натуральное хозяйство, всегда связано с более или менее медленным или быстрым переворотом в существовавшем до того времени распределении, а именно, с все усиливающимся ростом неравенства распределения между отдельными лицами, противоположности богатых и бедных. Локальное, цеховое ремесленное производство средних веков делало невозможным появление крупных капиталистов и пожизненных наемных рабочих» и т. д.

Мы видим, что Энгельс бегло наметил целый ряд экономических законов, устанавливаемых изучением самых разнообразных общественно-экономических формаций. И он прямо указывает, что выяснение этих законов входит в задачи политической экономии.

Конечно, если бы это изучение прошлой экономики, «доисторической» по отношению к капитализму, имело только одно окончательное предназначение: раскрыть те немногие, совершенно всеобщие законы, действие которых можно наблюдать во всех общественно-экономических формациях, можно было бы по справедливости усомниться в плодотворности такой науки, которая хочет сочетать абстрактность с историчностью. Здесь с исследователем случилось бы одно из двух: или вместо общих закономерностей,—раскрытие которых можно отнести к задачам исторического материализма, который таким образом диалектически переплетается с политической экономией,—он начал бы преподносить пустые общие места; или же от отчаянности он стер бы, отбросил бы то особенное, конкретное, качественно-отличное, что отделяет прошлые экономические эпохи от капиталистической эпохи, и пошел бы по тропинке, давно протоdo проторенной буржуазными исследова-

телями: открыл бы частную собственность у обезьяноподобного предка человека, нашел бы «мировую торговлю» в древнем Перу, разукрасил бы древний Рим всеми красками капиталистического общества.

Абстрактные экономисты органически не в состоянии понять, что для марксистской политической экономии ценно не только то, что обще всем экономическим эпохам, но и то, что отличает одну эпоху от другой. Теоретическое познание ремесленной эпохи промышленности, раскрытие условий, при которых существовало ремесло, уже само по себе делает понятными судьбы ремесла в эпохи торгового и промышленного капитала и вместе с тем бросает яркий свет на многие явления в мелком земледельческом производстве капиталистической эпохи. Изучение родовой и деревенской общины средневековья и установление хотя бы тех закономерностей, на которые так кратко намекает Энгельс в только что приведенной цитате, делает возможным освобождение от народнических иллюзий.

Марксистская экономическая теория стремится, в противоположность буржуазной, не консервировать существующее, а видит свою задачу в том, чтобы в самой действительности раскрыть условия движения, переворота. Не ясно ли, что, если мы найдем только определения, общие для современной и древнейшей эпохи, мы тем самым абстрагируемся от всякого движения? Через конкретное, через то, что отличает одну эпоху от другой, мы познаем движение и железную необходимость движения. «Определения, относящиеся к производству вообще, должны быть расчленены, чтобы из-за единства не были забыты существенные различия. И, напр., в забвении этого заключается вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений» [1]).

Впрочем, все это с такой исчерпывающей полнотой и отчетливостью выражено в «Антидюринге», что, если бы это предположение не было таким чудовищным, пришлось бы спросить, уж нет ли «заговора молчания» против старого Энгельса [2]).

«Однако политическая экономия,—пишет Энгельс,—как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества производили и обменивались, и в которых сообразно этому распределяли продукты,—политическая экономия в таком об'еме еще только должна быть создана. То, чем мы до сих пор обладаем из экономической науки, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начи-

[1]) К. Marx. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Einleitung, Stuttgart 1907, стр. XV–XVI.

[2]) „Но мы не считаем ни рабочих (хотя бы и слабо развитых), ни учащихся „небогими“ (убогими калеками), мы не думаем, что им „не по зубам“ те орехи, которые разгрызают даже беззубые старцы, мы не считаем нужным кормить их всякою завалью, всем тем, что было „почти свежим“ лет 30–40 назад. Мы полагаем, наоборот, что им надо сообщать то, что составляет последнее достояние науки“ (подчеркнуто мною. *И. С.*). Л. Любимов, Азбука политической экономии, Гиз, 1924, стр. 4. Это заодно может служить примером той невыносимой болтовни, банальщины и претенциозности, которой характеризуются „Азбука“ и в особенности „Курс“ этого автора. Очень хорош он, когда преподносит свои „открытия“ якобы „в развитие Маркса“. От этих „открытий“ он не пощадил даже злополучных читателей „Азбуки“.

нается критикой остатков феодальных форм производства и обмена, раскрывает необходимость их замены капиталистическими формами, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т.-е. с той стороны, с которой они содействуют общим целям общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т.-е. изложением его законов с отрицательной стороны, раскрытием того, что этот способ производства своим собственным развитием толкается к тому пункту, где он сам делает себя невозможным».

Итак, чем была и остается до настоящего времени политическая экономия?

Была она теорией развития капитализма из феодализма, теорией «радостей и горестей» капитализма: его возникновения, развития и неминуемого крушения.

Чем должна быть политическая экономия, что она должна дать?

Она должна дать теорию не какой-либо отдельной эпохи экономического развития, а теорию движения и смены различных общественно-экономических формаций; их возникновения, развития и причинно-необходимого замещения другими экономическими формациями: развития одних экономических форм из других.

Внимательнее вчитаемся в только что приведенную цитату и сопоставим ее с предыдущими и последующими замечаниями Энгельса, которых я не привожу потому, что 1) нельзя же переписывать всю главу и 2) читатели-марксисты и без того сумеют раскрыть в дальнейшем обычный для Энгельса и Маркса ход мыслей. Мы видим, что Энгельс бросает здесь поразительно яркий свет на историю политической экономии, как науки.

Вы говорите, что политическая экономия становится и остается наукой лишь постольку, поскольку она ограничивает себя изучением внутренних закономерностей и внутренней логики абстрактного капитализма? Пустяки! Сущая метафизика! Для своего времени наукой была классическая политическая экономия, которая, действительно, исчерпывала свои задачи тем, что развивала исключительно законы капиталистического способа производства и соответствующих форм обмена, да и в этих-то законах видела единственно их положительную сторону,—именно ту сторону, что они согласуются с общими интересами общества. Эта политическая экономия замечала остатки феодализма, но рассматривала их, как какой-то посторонний нарост, препятствующий капитализму, этой единственно «естественной» для человечества форме экономических отношений, излить на человечество все свои благословения.

Когда капиталистический способ производства оставил позади себя значительную часть своей восходящей линии, и когда в ворота уже постучал его преемник и могильщик, политическая экономия, как наука, сделалась невозможной для буржуазии. Экономисты-классики вымерли и сменились вульгарными экономистами.

В то же время развертывалась критика капитализма в двух направлениях. С одной стороны, появляются социалисты, которые, видя в нищете, порождаемой капитализмом, только нищету, взывают к чувству, к морали и справедливости. А с другой сто-

роны, складывается **научный социализм, или коммунизм**, который видит в тех же страданиях, сопровождающих капиталистическое развитие, симптом приближающегося освобождения, раскрывает, что капиталистический способ производства своим собственным развитием порождает силы, которые ведут к его гибели и к смене социалистическим способом производства и соответствующими формами распределения.

Таким образом политическая экономия, бывшая в свой классический период идеологическим оружием буржуазии, превращается научным социализмом опять в науку,—но уже в теоретическое обоснование революционной борьбы рабочего класса. Сообразно новой эпохе и новым задачам, изменился исторический охват политической экономии. Она—уже не теория только капитализма: она кроме того 1) теория генезиса и развития капиталистического способа производства из феодального; и 2) она—теоретическое исследование того, каким образом среди развивающейся формы экономического движения складываются элементы будущей, новой организации производства и распределения.

Значит, расширение поля зрения и в ту, и другую сторону: и вперед и назад,—и к социализму, и к феодализму. Но и это последнее расширение, теоретический охват средневековой экономики, еще недостаточно. Мы помним, как Маркс писал, что надо шагнуть дальше: надо «за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа», т.-е. ввести в кругозор политической экономии теоретическое познание и первобытной экономики. И мы видим, что Маркс очень выразительно добавляет к этому: такое расширение, освобождающее нас от ослепления известной предвзятостью, «**соответствует социалистическому направлению**». Значит, коммунист, если он хочет научно познать экономическую действительность, **должен** итти в таком направлении. Мы скоро увидим, что то же самое повторяет и Энгельс.

Для метафизика политическая экономия, как наука, превращается в некую застывшую «сущность». Только та политическая экономия,—говорит он,—является наукой, которая дает теорию абстрактного чистого капитализма.

Для диалектика определение (или определения) всякой науки не выводится из какой-то «идеи» этой науки, не творится произвольно в голове, в «чистом эфире разума»: оно неотделимо от ее исторического развития, от ее связи с конкретными особенностями различных эпох и с теми историческими задачами, которые выдвигает и разрешает каждая эпоха. Рикардо мог определить политическую экономию, как науку об абстрактных законах капитализма: в такой ее разработке была великая сила Рикардо, это дает ему право на одно из почетнейших мест в истории нашей науки. Но классической политической экономии не оживить и не возродить. То, чем для своего времени была политическая экономия, в настоящую эпоху сделался **научный социализм**.

Обрисовав, каким образом капиталистическое развитие подготовляет «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы», Энгельс продолжает:

«Совершить это освобождающее мир дело,—в этом историческое призвание пролетариата. Открыть **исторические условия** этого дела и вместе с тем самую его природу, и таким образом привести призванный к действию, ныне угнетенный класс

к сознанию условий и природы своих собственных действий,—в этом задача **теоретического выражения пролетарского движения, научного социализма**» («Dührings Umwälzung», стр. 806).

Вот чем для настоящей исторической эпохи сменилась, не переставая быть теоретической наукой, политическая экономия классиков.

А теперь возвратимся к прерванному изложению начала первой главы второго отдела «Антидюринга» (стр. 149—154): каков исторический охват политической экономии, как науки.

Итак, развитие капиталистических отношений в реальной действительности начинает упираться в отрицание капиталистических отношений. И вместе с тем теоретическое утверждение капиталистических отношений сменяется в политической экономии, поскольку она остается наукой, **отрицанием** этих отношений, критикой буржуазной экономики.

Но—продолжает Энгельс—«чтобы с необходимой полнотой провести эту критику буржуазной экономики, **недостаточно было** знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей—или еще и теперь существующие в менее развитых странах рядом с нею—формы точно так же, хотя бы в главных чертах, **должны были быть** (здесь я сознательно приношу чистоту русского языка в жертву точности перевода. *И. С.*) исследованы и привлечены к сравнению».

Но кто же и когда это делал?—с недоумением спросят «абстрактные» теоретики, которые видят основное содержание «Капитала» Маркса в его наиболее абстрактных отделах, относящихся к выяснению законов капиталистического способа производства?[1]). Но спросят только потому, что они, абстрагировавшись от работ Маркса и Энгельса и подгоняя их под свое собственное естество, хотят выхолостить из них все реальное содержание.

«Такое исследование и сравнение,—говорит Энгельс,—до сих пор в общем и целом производилось только Марксом (а мы добавим: и Энгельсом), и потому его (их) исследованиям мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией относительно докапиталистической экономики».

А затем, чтобы с еще большею выпуклостью показать, насколько важен этот прорыв экономической наукой исторических рамок капитализма, Энгельс коротенько характеризует экономистов-классиков и определяет их место в развитии философии и науки:

---

[1]) „Если уже оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен" (Н. Петров, в № 5—6 „Большевика" за 1924 г. стр. 97). Уж не доживем ли мы до того времени когда с нескрываемым состраданием начнут говорить о тех отделах „Капитала", где Маркс ослабел настолько, что, опустившись с высот абстракций, унизился до изложения развития реальной техники, реального фабричного законодательства, реального первоначального накопления и т. д.? В этих глубокомысленных—в действительности до отчаяния безграмотных попытках построения двух Марксов: „абстрактного" и „конкретного", воскресают измененные сообразно новым условиям, убогенькие соображеньица приснопамятного народничества об „экономической теории" Маркса за которую они снисходительно его поощряли, и об его „исторической" или „историко-философской теории", над которою их, разумеется, возвышала эклектическая окрошка из самых несовместимых воззрений. По полному непониманию единого и целостного метода Маркса оба эти разграничения стоят одно другого.

«Возникнув в гениальных головах к концу XVII века, политическая экономия в узком смысле, в ее положительной формулировке у физиократов и Адама Смита, тем не менее в существенном дитя XVIII века и примыкает к завоеваниям современных ей великих французских просветителей со всеми достоинствами и недостатками той эпохи. Что мы сказали о просветителях, относится и к тогдашним экономистам. Новая наука была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы этих видов деятельности, а вечными естественными законами; их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении этот человек оказывается тогдашним средним бюргером, проделывающим свой переход в буржуа, и природа его сводилась к тому, чтобы фабриковать и вести торговлю при тогдашних исторически определенных условиях».

Как мы видели в начале этой главы, Энгельс говорит прежде всего, что такое политэкономия в широком смысле, от ее возникновения и до научного коммунизма. Это—«наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

Теперь он выясняет, чем была политическая экономия в узком смысле, т.-е. чем она сделалась в XVIII веке, в этот исторически определенный период своего развития, когда она получила положительную формулировку, т.-е. когда в раскрываемых законах капиталистического производства видели только одну сторону: их соответствие с тогдашними интересами общества. Дитя своего века, политическая экономия у физиократов и Смита воображала, что она раскрывает законы не человеческой экономики на определенном уровне ее развития, а общие внеисторические законы, определяемые природою человека, вечно пребывающей неизменною. У этой политической экономии не было глаза к развитию, к движению, к истории,—и не нужна была ей история, если внеисторична «природа» человека, и если чисто рационалистическим путем можно построить те экономические формы, которые единственно способны во все времена обеспечить благополучие этого «внеисторического» человека, человека «вообще». Одного только не замечала эта политическая экономия: что предполагаемая ею «общая природа» человека есть в действительности «природа», сложившаяся «в тогдашних исторически определенных условиях».

Таким образом, становится ясным, что воззрения экономистов XVIII века на предмет и метод их науки определились историческими задачами, которые стояли перед буржуазией XVIII столетия, и связанными с ними общим характером науки и философии того времени, просветительской, рационалистической по преимуществу.

IV.

Переписка Маркса и Энгельса могла бы дать дополнительное подтверждение, что «Капитал» и все его отделы писались в полном соответствии с этими воззрениями на соотношение «абстракт-

ной теории» и «конкретной истории»[1]). Но пора подвести некоторые предварительные итоги.

Мы уже упоминали об одной недоконченной работе Маркса, перепечатываемой теперь в качестве «Введения» к «Критике политической экономии». Это «Введение», несомненно, набросано в 1857 г., т.-е. в то время, когда писалась и «Критика политической экономии». Третий параграф «Введения» говорит о «методе политической экономии». «Христианская религия,—пишет Маркс, — только тогда оказалась способной подняться до об'ективного понимания прежних мифологий, когда ее самокритика до известной степени, так сказать dynamei (потенциально), была готова. Точно так же и буржуазная экономия только тогда пришла к пониманию феодального, античного, восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества» («Zur Kritik», стр. XLII). Или,—как выражается Маркс на той же страничке,—«анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть понятны только в том случае, если само это высшее уже известно. Буржуазная экономия—ключ к античной и т. д.».

Без понимания капиталистических отношений невозможно притти к пониманию ни феодальных отношений, ни тех форм, которые буржуазное общество получило от феодализма. «Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал можно понять без земельной ренты. Капитал—все подчиняющая экономическая сила буржуазного общества. Он должен составить исходный и конечный пункт и развит» (при изучении, при исследовании) «раньше земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, необходимо перейти к их взаимоотношению».

Это—общие указания, каким образом политическая экономия, являющаяся исторической наукой[2]), от познания развитых отношений буржуазного общества приходила к познанию прошлых общественно-экономических формаций, и с каким теоретическим вооружением должен подходить исследователь к изучению как современной, так и прошлой экономики.

В начале той же главы (стр. XXXV и след.) Маркс показывает, каким путем и с т о р и ч е с к и шла политическая экономия в изучении действительности, и какой метод является правильным в научном отношении. «Конкретное конкретно, потому что оно представляет совокупность многих определений, единство многообразия. Поэтому для мышления оно является процессом соединения, результатом, а не исходным пунктом, хотя оно—действительный исходный пункт, а вместе с тем и исходный пункт созерцания (Anschauung) и представления... Абстрактные опреде-

[1]) См. в частности очень выразительные места в письме Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 г., где Маркс намечает общий план „Капитала". Например, „Переход капитала на земельную собственность является в то же время историческим, так как современная форма земельной собственности есть продукт действия капитала на феодальную и т. д. земельную собственность. Точно так же переход земельной собственности в наемный труд не только диалектический, но и исторический, так как последним продуктом современной земельной собственности является всеобщее утверждение наемного труда, который затем выступает базисом всей похлебки" („Briefwechsel", II В., стр. 265. Сравн. также стр. 266, и III В., стр. 380, 383).

[2]) „Как во всякой исторической науке, по отношению к ходу экономических категорий следует постоянно иметь в виду"... и т. д. („Zur Kritik", стр. XLIII).

жения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления».

Что это значит?

Политическая экономия,—конечно, исходя из реальной действительности, наиболее общим, основным и решающим определением которой является господство капитала,—раскрывает категории капиталистической экономики в их чистом, абстрактном виде. Но таким образом она еще не приходит к завершению своей задачи, к познанию действительной экономики. Это—только ключ к познанию экономической действительности. Эти категории абстрактного капитализма надо применить к изучению буржуазного общества, как оно существует, со всеми его историческими предпосылками: надо посредством мышления воспроизвести это конкретное, дать его картину. В этом и заключается задача той политической экономии, которая хочет быть наукой в современную историческую эпоху[1]).

В последнее время мы переживаем любопытную полосу «ослепления известной предвзятостью», которая мешает понять метод «Капитала» и вместе с тем метод Ленина.

Начиная с элементарных кружков политграмоты и кончая коммунистическими университетами, у нас уже около четырех лет повторяют, как прочно установленную, стоящую выше всех сомнений истину, будто марксистская—и прежде всего Маркова—политическая экономия есть «теория только (подчеркнуто у автора. *И. С.*) менового общества», «наука о законах товарно-капиталистического общества»; будто преступно «обязывать экономическую науку быть исторической в своем целом» и т. д. (Н. Петров, в «Большевике» 1924 г., № 5—6, стр. 92). Поистине с трогательной убежденностью вещают, будто «абстрактно-аналитический метод Маркса тем и характеризуется, что он адэкватен тому предмету, который исследуется при его помощи, капитализму» (там же, стр. 94 и др.). И, наконец, с самым серьезным видом уверяют нас, будто Маркс «более всего силен там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен» (стр. 97).

Мы уже видели, каким образом Маркс и Энгельс обрисовывают действительные предмет и метод своей политической экономии. Поэтому мы сразу убеждаемся, что тов. Петров, воображая будто он толкует о марксистской политической экономии, в действительности очень удачно характеризует, чем была политическая экономия по своему охвату и методу у классиков, прежде всего у Рикардо. Тов. Петрова я привожу просто в качестве примера. Такая полоса у нас выдалась, что имя тов. Петровым—легион. Надо быть очень старомодным человеком,—и надо хоть на время не думать о тех скорпионах, которые обрушатся на тебя

---

1) Сравн. „Послесловие" Маркса ко 2 изд. т. „Капитала": „Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно д тально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция" („Капитал", т. I., рус. изд. 1923 г., стр. XLVII). Вот и говорите после этих прямых заявлений Маркса о его „абстрактно-аналитическом методе".

за выступления против «ослепления известными предрассудками»,—чтобы самым смиренным образом возразить: вы боретесь за прямо противоположное тому, за что боролись Маркс и Энгельс.

Метод Маркса—диалектическое единство абстрактно-аналитического и конкретно-исторического метода. Расщепление, раздвоение, раскол этого метода дает в одну сторону классиков (а для настоящей эпохи—Grenznützler'ов, сторонников предельной полезности, которые, впрочем, при выведении своих «абстрактных определений» совершенно игнорируют капитализм и берут за исходный пункт абстрактнейшего «человека вообще»; зато от своих абстракций они так и не доходят до «процесса соединения», до воссоздания реального капитализма посредством мышления). А с другой стороны, путем такого расщепления мы получаем беспринципный и абсолютно бесплодный историзм так называемой «исторической школы» в политической экономии (в действительности она стоит вне политической экономии, как науки).

А вот рассуждение первой же страницы одного из самоновейших учебников политической экономии, типичное для всех многочисленных произведений этого рода, появляющихся в последнее время: «Политическая экономия является наукой, изучающей капиталистическое хозяйство. Предшествующие докапиталистические стадии хозяйственного развития ею не изучаются. Изучение этих форм хозяйства составляет предмет другой науки—истории хозяйства».

Невыразимая методологическая нелепость подобных разграничений не бьет в глаза ни авторам, ни читателям: установившаяся у нас «предвзятость» делает и авторов и читателей слепыми к подобной чепухе.

Казалось бы, чего естественнее вопрос: а неужели невозможна история капитализма? Или вы, возвратившись в своих определениях и методах к классикам, неосознанно идете еще дальше и склонны сказать, что у капитализма нет истории? Что он, следовательно, единственно нормальная форма экономических отношений, вытекающая из самой природы «человека вообще»? В таком случае вы абсолютно правы: такая политическая экономия должна разрабатываться исключительно абстрактно-аналитическим методом. Вот жаль только, что она перестанет быть современной наукой.

Будем ждать, что с такой убийственной методологией доберутся до биологии. Тогда с самым невозмутимым видом станут угощать нас таким глубокомыслием: биология—наука об общих закономерностях органической жизни в современную геологическую эпоху. Изучение прошлых стадий и развития органических форм одних в другие составляет задачу другой, «идеографической», чисто описательной науки (которая, говоря по правде, между нами, недостойна называться наукой). И при таком-то богатстве истинно мольеровских сюжетов у нас все еще нет Мольера!

Уже много раз повторяли, что Маркс сделал для обществознания то же, что Дарвин для биологии. Маркс не случайно и в своих работах и в переписке с Энгельсом и другими снова и снова возвращается к Дарвину. Выше мы видели между прочим, как поражен был Маркс, когда он лишний раз убедился, что в «человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии». И

Маркс, и Энгельс, отмечая кое-что слабое и недостаточное у Дарвина, тем не менее не могли не радоваться, так как Дарвин применил к биологии тот же метод, который оба они стали применять к обществознанию еще полутора десятками лет раньше.

В самом деле, какой метод применяется Дарвином в его «Происхождении видов»? «Индуктивный» или «дедуктивный»? Нет, ни тот, ни другой,—или, вернее, и тот, и другой. Дарвин, сам не подозревая этого, дал блестящий пример того, как плодотворно для биологии применение того метода, который представляет диалектическое единство индукции и дедукции. Только область-то Дарвина относительно проще и только нет в нем той титанической силы, которая превратила «Капитал» в такое целостное произведение.

Небольшой нюанс разделения «абстрактного» Маркса и, к его вреду, «конкретизирующего» Маркса представляет такое воззрение: все-таки суть «Капитала»—в его абстракнейших отделах, напр. в главах I—VII, XIV—XVI первого тома, во втором томе, с малыми пятнающими его исключениями, и т. д. А остальное, презренное «конкретное»,—это почти внешний придаток, механически связанный с существенным содержанием «Капитала», ну, «иллюстрации», своего рода картинки, которыми завлекают малых ребят от политической экономии. Одно слово, «история» в противоположность чистой «теории», которая строится «абстрактно-аналитическим методом».

Но странный человек был этот Маркс. Он не понимал, в чем он «более всего силен», и, не особенно огорчаясь тем, что в сущности попортил I том «Капитала» своими «историческими экскурсами», уводящими от чистой теории, хотел сделать то же самое и с III томом. По крайней мере, так рассказывает Энгельс в предисловии к этому тому:

«Для отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках... русские статистические исследования и другие издания о земледелии, доставлявшиеся ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплоатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первой книге, при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, ему не удалось осуществление этого плана».

Что же, эти материалы требовались Марксу для «иллюстраций» общих законов капитализма? Нет, после того, что мы слышали от самого Маркса о соотношении конкретного и абстрактного, об использовании «абстрактных определений» для «воспроизведения конкретного посредством мышления», мы скажем, что он считал их необходимыми для обще-теоретического познания современного ему капитализма.

И здесь же я могу сообщить великую новость: тот план, который, к сожалению, не был осуществлен самим Марксом, осуществил через четыре—пять лет по выходе III тома достойный продолжатель Маркса. Это сделано Лениным в «Развитии капитализма в России».

И вот тут-то я позволил бы себе почтительнейше обратиться с одним вопросом к «абстрактным экономистам». Итак, политическая экономия остается наукой до тех пор, пока она изучает «капиталистическую форму общества» и пока применяет для ее изучения абстрактно-аналитический метод. Неужели же вам невдомек, что вы таким образом выбрасываете из области вашей науки значительную часть работ Ленина, одного из величайших экономистов? Куда вы приткнете его «Развитие капитализма в России», его изумительные по теоретической глубине работы о наших аграрных отношениях? Недостаточно гладко острижен для вашей чистой науки даже его «Империализм», не говоря уже о такой книге, как «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Что вы тут будете делать? Сунете где-нибудь к «описательной» или к «прикладной» экономии?

Такая-то путаница и такие-то конфузы получаются для тех, кто политическую экономию, какой она была в **одном** из периодов своего развития, выдает за политическую экономию **вообще**, за **всю** экономическую науку, и методы, вытекавшие из конкретных, из исторических условий того периода, отождествляет с методами этой «абсолютной экономической науки», не видя ее связи ни с общим движением общества, ни с общим развитием науки. Одна наука и одни методы, когда капитализм поднимался по восходящей линии развития, и совсем иные, несмотря на связь преемственности с классической экономией, когда капитализм так ярко выявляется в своем «загнивании». Одна наука и одни методы в XVIII веке, чуждом идее развития,—и другая наука, другие методы в век Маркса и Дарвина.

С точки зрения **марксистской** политической экономии вопрос о месте Ленина в развитии этой науки решается просто и быстро, без всяких натяжек. Конечно же, Ленин становится **рядом** с Марксом, как **теоретик**, заслуги которого в выяснении современной мировой экономики мы начали глубже сценивать после его смерти, но все еще не оценили в достаточной мере. И Ленин представляет для нас пример такого же органического соединения абстрактно-аналитического метода с конкретно-историческим методом, какое мы открываем в работах Маркса, если не хотим обкарнать его под Рикардо.

Ну, а как же быть все-таки с «абстрактной теорией» и с экономической «историей»? Не смазывается ли всякая разграничительная черта между ними? Совершенно пустой вопрос! Все зависит от конкретных обстоятельств: не только от характера работы, но и от особых задач исследователя, и от того места, какое та или иная работа занимает «в пространстве и времени». Если рассматривать некоторые главы I тома «Капитала» **вне** их связи с целым, они окажутся изумительно написанными очерками **по истории** техники, применения женского и детского труда, по истории первоначального накопления, фабричного законодательства и т. д. Но в то же время они так глубоко, органически спаяны со всем содержанием капитала, что **вместе** с абстрактнейшими главами ведут к основной цели: к познанию законов развития капитализма, как он возник и вырастал в реальной действительности со всеми его историческими предпосылками.

Или возьмем из III тома «Капитала» главу 47: «Генезис капиталистической земельной ренты». Она **завершает** отдел

о земельной ренте и дает пример применения абстрактных определений, полученных посредством «абстрактного анализа» основных форм ренты в капиталистическом обществе. При всей своей краткости эти замечания бесценны для познания того, каким способом капитал овладевал—только еще овладевал и овладевает—деревенскими отношениями. Они устанавливают целый ряд законов, относящихся не только к промышленно-капиталистической, но и к торгово-капиталистической и даже к еще более ранним эпохам. Они заставляют повторить за Энгельсом, что, действительно, мы бесконечно обязаны Марксу (и Энгельсу) и то, что до сих пор установлено теорией относительно добуржуазной экономики. И всякий, кто перечитает эту главу, а затем вспомнит «Развитие капитализма в России» и ряд других работ Ленина об аграрных отношениях, глубже поймет, чем обязана Марксу и Ленину наука политической экономии.

Если политическая экономия, действительно, наука о законах развитых капиталистических отношений, и если только то составляет ее действительное приобретение, что добыто абстрактно-аналитическим методом, то надо будет признать, что этой наукой Ленин занимался только в 90-х годах прошлого века, а с эпохи «Искры» совершенно ушел в область «прикладной» или «описательной» экономии. Не так ли?

Профессорского глубокомыслия и профессорских колпаков надо искать не только в германских университетах, и ученейшие бонзы водятся не только в Китае.

V.

Всякий непредубежденный читатель согласится, что вопрос о задачах, предмете и методе марксистской политической экономии не должен был бы возбуждать никаких споров: так ясно он решается и общим характером работы Маркса и Энгельса, и их прямыми заявлениями. Что касается предубежденных читателей, которые, действительно, «известной предвзятостью» ослепили себя, для них все будет недостаточно доказательно.

Тем не менее небесполезно будет произвести дополнительную проверку: посмотреть, в каком виде представлялось это для Ленину.

Правда, работ, посвященных специально методологии политической экономии, мы у него не найдем. Он не разглагольствовал о методе: он с несравненным блеском применял метод Маркса к раскрытию и выяснению условий революции в современной экономике.

Тем не менее мы найдем у него многочисленные замечания по интересующему нас вопросу. Нисколько не претендуя на полноту, приведем некоторые из них.

В 1913 г. Владимир Ильич написал для словаря Граната статью о К. Марксе. При словарной сжатости этой статьи она поражает ясностью, отчетливостью, глубокой продуманностью буквально всякой строки, всякого выражения. Когда мы дойдем до издания собственной «Энциклопедии», мы не сумеем сделать ничего лучшего, как просто перепечатать эту статью, дополнив ее, может быть, некоторыми биографическими данными, появившимися после 1913 года.

Излагая содержание первых, абстрактнейших глав I тома «Капитала», переходя в частности к тому анализу формы стоимости и денег, который дан Марксом, Ленин пишет:

«Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса (подчеркнуто, как и выше, Лениным) развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов его... вплоть до всеобщей формы стоимости».

Начинающие изучать «Капитал» обычно и не подозревают, что простая форма стоимости, с анализа которой начинается первая глава, характеризует целую эпоху экономического развития, и что ее господство можно еще и теперь наблюдать в некоторых областях земного шара. Их окончательно запутывают и сбивают с правильного пути те конкретные товары, которые у Маркса обмениваются один на другой в случайном акте обмена: 20 арш. холста=1 сюртуку. Мысль читателя успокаивается: ясно, что это чисто «воображаемый», измышленный, насквозь «фиктивный» пример, который Маркс «выдумал», «абстрагировавшись» от реальной действительности. И вся единичная форма стоимости—не выражение громадного куска исторической действительности, которая еще не окончательно ушла в прошлое, а вольная выдумка, которая просто «иллюстрирует» один несомненнейший факт: я отдаю в акте обмена вещь, которая не представляет для меня потребительной стоимости, и т. д.

И те экономисты, которые не пускают политическую экономию за пределы капитализма, по-своему совершенно последовательны, если они запросто выбрасывают все формы стоимости, кроме денежной: ведь и простая и развернутая и отчасти даже всеобщая формы стоимости выводят нас в такие исторические эпохи, когда не было не только «сюртука», но и «холста», когда люди ходили голыми или в невыделанных звериных шкурах,—и когда не пахло не только капитализмом, но и простым товарным производством.

Эти формы сами по себе, независимо от всего остального, опрокидывают утверждение, будто политическая экономия исследует только законы капиталистических отношений, и что ее метод только абстрактно-аналитический. А между тем Маркс ясно сказал, какое значение придавал он именно этим примитивным формам обмена. Подходя к их анализу, он пишет: «Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить,—именно показать возникновение денежной формы, т.-е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег» (отдельные места подчеркнуты мною).

Выходит таким образом, что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем раскрыть загадку денежной формы, что за ее об'яснением нам приходится спуститься к экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания. А ведь если какая-нибудь форма обмена и адэкватна капитализму, так именно денежная. И если даже ее нельзя об'яснить исключительно из самих капиталистических отношений, что же можно об'яснить, не покидая почвы этих отношений?

Некоторые «абстрактные» экономисты милостиво включают в свои руководства развитие форм стоимости в виде «исторических экскурсов», насильственно вдвинутых в основное содержание. Но этим они только показывают, что не умеют свести концы с концами и что у марксистской экономической науки есть своя логика.

Возвращаемся к статье Ленина о Марксе.

Сжато изложив, каким образом Маркс изучает исторический процесс развертывания обмена от простой до денежной формы, Ленин продолжает:

«Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства» (подчеркнуто мною. *И. С.*).

Форма изложения абстрактна и кажется иногда чисто дедуктивной. Но в действительности она воспроизводит гигантский исторический материал. И материал этот относится не только к капиталистической эпохе: он охватывает и возникновение обмена, и дальнейшие его ступени, между прочим и простое товарное производство, которое еще не вводит нас в развитые капиталистические отношения. Всякий согласится, что это—точная характеристика действительного содержания первых трех глав «Капитала». И всякий разом увидит, что Ленин утверждает здесь то же самое, что Маркс в «Послесловии» ко 2 изд. I т. «Капитала».

Конечно, все это необходимо для понимания современного капитализма, потому что господство капитала—основная характеристика современной экономики. Но это бесконечно далеко отстоит от об'яснения капитализма из него самого, или, употребляя слишком неосторожные выражения тов. Петрова («Большевик» 1924 г., № 5—6, стр. 96), от «политической экономии, как теории капитализма, изучающей капитализм на основе им самим создаваемых отношений». Маркс и Ленин никогда не опрокидывали элементарнейших требований диалектического метода, что было бы неизбежно, если бы они трактовали экономические вопросы так, как требует тов. Петров.

Едва ли есть необходимость доказывать, что коммунисты строят свою программу на научном фундаменте. Научное обоснование нашей программы—в нашей политической экономии [1]).

Марксистским соотношением нашей программы и нашей науки в сущности уже предопределяется, что такое наша политическая экономия, каковы ее задачи, предмет и метод. В этой связи материалы к выработке нашей программы 1903 года, впервые опубликованные в «Ленинском сборнике», т. II, приобретают громадный теоретический интерес.

При выработке программы, главным образом именно ее вводной, теоретической части, наметились существенные разно-

---

[1]) Сравн. заключительное слово Ленина к прениям о программе на VIII с'езде РКП (Стенографический отчет, стр. 88—89).

гласия между Лениным и Плехановым. Вдумываясь в них, мы раскрываем, что именно эти разногласия развернулись впоследствии в противоречия между Коминтерном и II Интернационалом.

Приведем некоторые замечания Ленина на плехановский проект программы.

Ленин возражает против того, будто в современном обществе «рост неравенства порождается только ростом эксплоатации наемного рабочего». В действительности, говорит Ленин, «он порождается: 1) экспроприацией мелкого производителя +2) обнищанием мелкого производителя +3) ростом эксплоатации +4) ростом резервной армии» (стр. 26).

Подчеркнутыми у меня пунктами Ленин говорит: вы забываете, что в реальной жизни еще происходит первоначальное накопление, и еще сохранились мелкие производители, нищающие под ударами капитала, но еще не превратившиеся в наемных рабочих.

Поэтому в своем проекте программы Ленин пишет следующие слова:

«Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются однако тем, что многочисленные остатки докапиталистического, крепостного (подчеркнуто мною. *И. С.*) общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы эксплоатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства» (стр. 45, 51).

Плеханов составил второй проект программы,—и Ленин начинает свои замечания на него следующими словами:

«Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung» (провозглашение принципов), «это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (стр. 65).

Запомним: говорить о капитализме вообще—это достаточно для учащихся первого курса. На следующем курсе экономист должен говорить о реально существующем капитализме, использовав для его понимания крайне важные знания, полученные на первом курсе.

Резюмируя свои возражения, Ленин еще раз указывает на такие недостатки проекта Плеханова:

«Крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций».

«Отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме—особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму» (стр. 86).

Затем Ленин повторно резюмировал, что именно делает для него проект Плеханова неприемлемым. Он отмечает следующие недостатки:

«По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, **борющегося** против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического **учебника**, посвященного капитализму вообще».

«В особенности непригодна программа для партии **русского** пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими; эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии и т. д., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя.

«Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается **вообще** такими-то свойствами,—а в России капитализм «становится преобладающим», значит **уклониться** от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

«Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма» (стр. 88—89).

В высокой степени знаменательны возражения Плеханова. Он полагает, что если исполнить пожелания Ленина, то придется, чего доброго, «дать **неверную** (подчеркнуто у Плеханова) характеристику капитализма, так как русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма» (стр. 94).

Вот это—вполне последовательное применение «абстрактно-аналитического» метода, вот это—полное его торжество. Но вместе с тем—и непреднамеренное доведение до абсурда.

Теперь, когда мы—секция Коминтерна, мы говорим: как передовой отряд борющегося пролетариата, ведущего за собою крестьянство и колониальных рабов капитала, мы должны сами недвусмысленным образом изложить обвинение **современного капитализма**, об'явление войны современному капитализму, всему его разрушительному хозяйничанью в метрополии и колониях. Наша теория,—как прекрасно выразился Ленин,—«прежде всего и больше всего **руководство к** действию» (стр. 353. Так подчеркнуто у Ленина). Мы—не студенты первого курса. Не с «капитализмом вообще», не с абстракциями об'ективно мы должны иметь дело, какое бы колоссальное познавательное значение они ни имели. Наша задача теперь—и все изучение реальной экономики показывает, что это именно задача, поставленная историей к осуществлению—в том, чтобы мобилизовать

массы на борьбу «против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма» [1]).

Нет,—отвечает в настоящее время II Интернационал,—обрисовав капитал в эпоху его гниения, т. е. обрисовав мировой капитал, каким мы его знаем и каким он сложился, вы даете неверную характеристику капитализма, так как «современные экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма». Вы—азиаты, вы—восточные социалисты. И первая задача вашей партии—сделаться европейцами по своим воззрениям и тактике.

Не случайность, что для всех теоретиков II Интернационала (может быть, за исключением только Каутского, бессильного свести свое жалкое настоящее со многими элементами своего прошлого) политическая экономия—наука о законах развитого капитализма и что ее метод—абстрактно-аналитический.

Они скажут, что и их политическая экономия обосновывает их «программу», и что программа—тоже их «руководство к действию». И это руководство—наиболее совершенное, так как оно точно фиксирует момент, когда должна наступить пора действий. Это—тот момент, когда реальная экономика «верно» воспроизведет все типические черты «умопостигаемого» развитого капитализма.

Подождать надо, пока реальные капиталистические отношения не дозреют до того уровня, который предусмотрен нашими учебниками первого курса «о капитализме вообще».

VI.

В последние годы у нас признано аксиомой, будто марксистская теоретическая политическая экономия изучает чисто экономические закономерности товарно-капиталистического общества, или, в еще более суженной формулировке, «слепые законы рынка». И обычно принимают на веру, что Маркс обосновал такой взгляд на политическую экономию в конце II главы I тома «Капитала», на страницах, раскрывающих «товарный фетишизм и его тайну».

Между тем из содержания этого параграфа с непререкаемой несомненностью следует, что фетишизм—то явление, что общественные отношения выступают в вещной оболочке, приобретают видимость физических, природных свойств вещей—порождается именно в сфере рыночных отношений, и что для его раскрытия надо опуститься к докапиталистическим формам производства. Это Маркс и делает, обращаясь 1) к построению «робинзонады», 2) к европейскому средневековью, 3) к патриархальной промышленности крестьянской семьи, 4) к союзу свободных людей.

Но курьезнее всего, что новейшие абстрактные экономисты проглядели совершенно недвусмысленные заявления Маркса. Они пря-

[1]) Ударная формула Ленина: „руководство к действию" поразительно напоминает уже известные нам слова Маркса, которых Ленин в 1917 году не знал, так как тов. Рязанов только летом 1924 г. опубликовал отрывок из „Немецкой идеологии": „Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь на-лицо предпосылок". Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к речам Владимира Ильича на VIII с'езде,—да и ко многим другим его речам. См. также первый тезис Маркса о Фейербахе.

мо говорит, что это буржуазная экономия ограничивает свой кругозор «внутренними зависимостями буржуазных отношений производства». Он об'ясняет такое сужение ее исторического захвата ее буржуазной ограниченностью: «формулы, на лбу которых написано, что они принадлежат такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства,—эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд». Наконец, он отвергает и осмеивает такое сужение экономического кругозора: «добуржуазные формы общественно-производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви»[1]). И здесь же он приводит уже знакомую нам цитату из «Нищеты философии» об учреждениях «естественных» и «искусственных»...

Что же, в самом деле, мы должны сделаться христианскими святыми отцами или хотя бы елейными благочестивейшими попами в политической экономии? Но останется ли она после того марксистской политической экономией и вместе с тем останется ли наукой?

Чуждо было Марксу и намерение ограничивать политическую экономию изучением «слепых законов рынка». Он прямо указывает, что экономические категории, которые знает рынок, «также носят на себе следы своей истории». («Капитал», т. I, рус. изд. 1923 г. стр. 139). С несравненным сарказмом он говорит: «сфера обращения, или товарообмена, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы (и которою, заметим, склонна ограничить сферу своего изучения буржуазная политическая экономия, в особенности когда она становится вульгарной экономией),—сфера обращения есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам» (стр. 146. См. также стр. 147).

В плане всего «Капитала» мы знаем, что означают эти бичующие слова. Вы, мелочные торговцы идеями свободной торговли, хотите представить буржуазную экономику в чистеньком виде? И поэтому вы хотите остаться в пределах рыночных отношений с их формальными свободой и равенством? А я приглашаю вас спуститься в ту сферу, где производится сам капитал, и вы тогда увидите, что вашими свободой и равенством прикрываются отношения беспощадного экономического принуждения. А затем мы посмотрим, как возник капитал, как он «первоначально» накоплялся, и тогда убедимся, что самое его образование было отрицанием собственности,—экспроприацией непосредственных производителей. И в конце концов у вас получится вывод, что «свобода, равенство, собственность и вся общая гармония личных интересов»—просто прикрытие новых форм эксплоатации, которые развились из столь осуждаемого вами феодального принуждения.

В самом деле, не таков ли общий план I тома «Капитала»? И не следует ли сказать, что тот, кто не понял этого плана, ничего не понял в «Капитале»,—и прежде всего не понял того громадного шага, который представляет «Капитал» по сравнению

---

[1]) „Капитал", т. I., рус. изд. 1923 г., стр. 39—46, 47—49.

с классиками, не высовывавшими своего носа из «чистых» отношений «чистого» капитализма. Между прочим для него остается загадочным, почему в подзаголовке своей основной работы Маркс сохранил название: «Критика политической экономии». Он не поймет всей глубины, всего колоссального значения этого подзаголовка; не поймет, что им определяется действительное историческое соотношение между классиками и Марксом. Маркс, действительно, не только продолжатель, но и критик классиков. И это—и со стороны исторического охвата, и со стороны метода.

Не знаю, отмечали ли до настоящего времени несомненнейшую аналогию между отношением Маркса к «чисто экономическим» категориям «чистого» капитализма, к тем формальным свободе и равенству, которые господствуют в сфере товарообмена, и отношением Маркса к политической демократии, к порождаемым ею фетишам и иллюзиям. Но в то время, как Маркс (при содействии Энгельса) успел заложить прочный фундамент критики политической экономии, он (и Энгельс) дали только гениальные зачатки критики буржуазной демократии и еще меньше могли дать для выяснения тех политических форм, которые создаст пролетариат в своих окончательных битвах с буржуазией. Эта задача нашла блестящее завершение в «Государстве и революции» Ленина, который сделал для разрушения политических фетишей то самое, что Маркс—для разрушения товарного экономического фетишизма. Маркс показал, что капиталистическая эксплоатация—прямая наследница и продолжательница феодального угнетения, что изменилась только форма последнего. Ленин раскрыл, что политическая демократия—только капиталистическая маскировка фактического рабства наемного рабочего, вуалирующая власть собственности над трудом.

Как это ни грустно, а все же приходится признать, что у нас до сих пор часто не охватывают общего построения I тома «Капитала» и потому разделяют в своих фантазиях «абстрактного» Маркса и «конкретного» Маркса. Между тем так легко заметить, что абстрактнейшие I и II главы настойчиво отсылают к очень «конкретной» XXIV главе «Так называемое первоначальное накопление», постоянно подчеркивают, что чистые экономические категории капитализма «носят на себе следы своей истории», и таким образом для полной разгадки тайны стоимости и прибавочной стоимости адресуют к «историческим предпосылкам капитализма».

I и II главы указывают, что от внешней видимости явлений, от тех экономических категорий, которые мы наблюдаем в товарообмене, надо спуститься к области производства. Только тогда мы разгадаем тайну капиталистического производства: присвоение неоплаченного труда, которое, вопреки краснобайству буржуазных экономистов («свобода, равенство, собственность и Бентам»), роднит его и с рабовладельческой и с феодальной системой.

Но в то же время I и II главы раз'ясняют, что полную разгадку капитала мы получим, если обратимся к истории его возникновения, что и составляет предмет упомянутой XXIV главы. Эта глава углубляет ту критику буржуазной экономии с ее чистенькими экономическими категориями абстрак-

ного капитализма, которая общими штрихами намечена уже в I и II главах.

Здесь что ни слово, то удар бича по буржуазной экономии, которая в лице вульгарных экономистов преднамеренно закрывает глаза на реальный капитализм и на его исторические предпосылки.

«Первоначальное накопление,—говорит Маркс,—играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как первородный грех в теологии. Адам вкусил от яблока и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Возникновение известного явления об'ясняют, рассказывая о нем, как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности». Эти представления,—говорит Маркс всем содержанием главы,—отвод глаз от того реального исторического факта, что капиталистическое общество построено на эксплоатации, и что капиталистическая форма последней есть продукт превращения феодальной эксплоатации.

Маркс отмечает дальше, что буржуазная экономия снова и снова пережевывает эти детские побасенки. Но что тут поделаешь? «Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и ступеней развития». Но Маркс, именно как критик политической экономии, сейчас же продолжает: «как известно, в действительной истории крупнейшую роль играет завоевание, порабощение, разбой,—одним словом, насилие. Но в чистенькой (sanfte—кроткой, опрятненькой) политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения—всегдашнее исключение составлял, разумеется, «нынешний год» (стр. 706—707).

Действительно, в реальном капиталистическом мире каждый «данный год» был исключением: потому что каждый год были в силе какие-нибудь законы, закрепощавшие сельско-хозяйственных рабочих помещикам, каждый год посылались военные экспедиции для «открытия» новых рынков и каждый же год вызывалась вооруженная сила для расправ со стачечниками.

Ну, а в нашу, в марксистскую теоретическую политическую экономию укладывается ли эта реальная действительность капитализма и эта его реальная история? Маркс блестяще показал, что не только укладывается, но и составляет необходимейший элемент действительно научной теории капитализма. Не понимать этого, значит вообще не понимать «Капитала», как критики буржуазной политической экономии.

Еще раз повторим: чрезвычайно поучительно было бы изучить работы и речи Владимира Ильича именно с точки зрения методологии политической экономии. Спор этот не может решаться в «чистом эфире рассудка»: решение должно исходить и из того, чем является теоретическая политическая экономия в работах гениального продолжателя Маркса и Энгельса.

Но это могло бы составить предмет особой статьи.

А на этот раз просто отметим, что с той же точки зрения очень ценный материал дают прения VIII с'езда РКП, предшествовавшие принятию нашей теперешней программы. Владимир Ильич защищал ту же позицию, что и в 1902 г., в своих возражениях Плеханову. Надо исходить из того, «что есть», из «учета действи-

тельности», а не из схематических чертежей. «Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек». «В тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была».

Благодаря строжайшему учету реальных условий, Ленин уже на VIII с'езде предостерегал против того, чтобы мы в своих планах исходили из веры в близость западных революций. «Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда это случится». И по той же причине нет никакого разрыва между Лениным 1919 года, боровшимся против товарищей, готовых в абстракции перешагнуть через все реальные препятствия, и Лениным 1921 года, который докладом о продразверстке и продналоге призвал к строительству социализма в реальных русских условиях.

В настоящее время нельзя без улыбки читать те наивности, с которыми оппоненты выступили против Ленина. Они исходили именно из абстракций: из развитого капитализма, из развитого империализма. Конечно, они тоже весело рассмеются, если вспомнят о своих «левых ребячествах» [1]).

Можно ли отрицать, что споры о том, какова должна быть теоретическая часть нашей программы, на что она опирается, являются в то же время спорами и о том, какова должна быть марксистская политическая экономия. Это не мертвый профессорский учебник, устанавливающий законы абстрактного «развитого» или «чистого» капитализма, которому никогда не суждено реализоваться, несмотря на всю помощь вождей II Интернационала. Это—научное обоснование программы борющегося пролетариата, его «руководства к действию»: к перевороту не в том капитализме, которого никогда не будет в действительности, а в современном империалистическом капитализме, как он уже существует и господствует над земным шаром.

У Маркса, Энгельса и Ленина вопрос ставится так ясно, что на первый взгляд кажется положительно загадочным, каким образом он мог быть до такой степени извращен и затемнен.

«Политическая экономия есть наука о законах капиталистического общества», «политическая экономия—абстрактно-дедуктивная наука»: мы можем установить годы, когда эти положения приняли у нас характер боевых лозунгов и очень быстро завоевали господствующее положение в наших университетах и большинстве руководств политэкономии. Это, вне всякого сомнения, годы военного коммунизма. Такие воззрения на предмет и метод политической экономии—всего лишь «теоретические выражения, абстракции» характернейших, типичнейших черт военного коммунизма с его «волевыми нажимами», которые должны были перенести через «пеструю мозаику действительности» и которые знают только строительный материал, предполагаемый развитыми капиталистическими отношениями.

---

[1]) См. „VIII с'езд РКП. Стенографический отчет", М. 1919., стр. 4—50, 67—68, 70, 75, 86—90, 92—96. См. там же доклад Ленина о работе в деревне, стр. 294—306.

Если экономическое развитие еще не создало чистых форм *капитализма* (*пролетариат—буржуазия*), то мы должны восполнить из'яны действительности «волевыми нажимами».

На первый взгляд «внеэкономическое» насилие очень революционно. Но в качестве метода социалистического *строительства* оно революционно только как фраза.

Мы—ленинцы по своей программе[1]). Мы все более и все сознательнее становимся ленинцами и в своей практике.

Но нам надо быть *ленинцами* и *в теории*.

Возврат в политической экономии к Рикардо, это—*неосознанный троцкизм в теории*.

Последовательный ленинизм требует, чтобы наша политическая экономия опять сделалась тем, чем она была у Маркса, Энгельса и Ленина.

Наша политическая экономия должна раскрывать *исторические условия* освобождения пролетариата, служить теоретическим выражением его борьбы не в каком-то «умопостигаемом», а в том *реальном капиталистическом мире*, *который существует в настоящее время*.

---

[1]) ... „борясь с его (среднего крестьянства) отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления"...

К выяснению теоретических основ земельной ренты.

Б. Лившиц.

Тов. Е. Варга—один из авторитетных теоретиков-экономистов Коминтерна. Поэтому его заявление о том, что, по его мнению, «такого рода положение—политическое единение при имеющихся теоретических разногласиях—только потому возможно, что как раз теоретическая основа (земельной ренты) об'ективно недостаточно ясно проработана» («Правда», № 282), должно побудить всех коммунистов, которые усвоили себе ленинское отношение к вопросам теории, принять участие в проработке этой чрезвычайно важной для программы Коминтерна проблемы. Исходя из этого, а также из предложения редакции «Правды» перенести дискуссию о теоретических взглядах по этому вопросу т. Варги на страницы наших журналов, мы и решили предложить вниманию партии свою попытку освещения корней ошибки т. Варги.

Но, считаясь с тем, что теория земельной ренты обычно является камнем преткновения и для наших рабфаковцев и вузовцев, мы намерены посвятить данную статью не только критике взглядов т. Варги, но, главным образом, выяснению вообще основных вопросов марксовой теории ренты. Это потребует от нас уделения некоторого внимания и тому из предшественников Маркса, на основе критики теории которого была, главным образом, построена теория Маркса. Мы имеем в виду, как понимает читатель, Д. Рикардо. Разбор основных положений его теории, а также тех, которые, по существу, после Маркса, опять вернулись к Рикардо, облегчит нам понимание ошибки тов. Варги.

Постановка вопроса.

«В к о н к у р е н ц и и,—говорит Маркс,—необходимо различать двойную (doppelte) тенденцию выравнивания. Капиталы в н у т р и одной и той же сферы производства выравнивают цены, произведенных в н у т р и данной отрасли товаров к одной рыночной цене, поскольку стоимость этих товаров всегда проявляется (sich verhalte) в этой цене. С р е д н я я р ы н о ч н а я ц е н а должна быть р а в н а с т о и м о с т и, если не имеет место выравнивание между различными отраслями производства. Между этими различными отраслями конкуренция выравнивает стоимости в цены производства, поскольку борьба (Aktion) капиталов между собою не тормо-

зится, не нарушается каким-либо третьим элементом—земельной собственностью и т. п. [1]).

Итак, если нет препятствия со стороны каких-либо посторонних явлений, то вся прибавочная стоимость идет, так сказать, в общий котел и распределяется пропорционально авансированным капиталам. Вся прибавочная стоимость имеет тенденцию к равномерному распределению в виде прибыли на капитал. Но откуда же в таком случае получается тот вид дохода, который именуется **земельной рентой**?

Что является источником этого дохода?

Если источником его является та же совокупная общественная прибавочная стоимость (ибо никакого другого источника нетрудового дохода мы не знаем), то не является ли земельная рента одним из видов прибыли на «капитал» в виде земли? Но такое предположение абсурдно, ибо как может земля, не представляющая собою овеществленного труда, превратиться в капитал, приносящий прибыль, т.-е. стать «самовозрастающей стоимостью»?

Но, может быть, она является формой добавочной прибыли на капитал, вложенный в землю?

Если так, то она должна была бы носить временный характер, ибо процесс выравнивания нормы прибыли не дает возможности постоянно удерживать отдельным предприятиям или отдельным отраслям производства за собою эту добавочную прибыль,—а земельная рента есть ведь постоянный вид дохода. Как примирить это противоречие?

Если имеются какие-либо препятствия, не дающие возможности этой добавочной прибыли войти в общее распределение и закрепляющие ее за данным капиталом,—то каковы эти препятствия?

Кроме того, мы ведь знаем, что добавочную прибыль дают лишь те капиталы, которые производят данный товар с меньшими издержками, чем средние издержки в данной отрасли; следовательно, капиталы, производящие данный товар с большими, чем средние, издержками, не могут не только доставлять добавочную прибыль, но, наоборот, лишаются возможности доставить даже общую среднюю норму прибыли; а земельную ренту ведь платят и эти капиталы; откуда они ее получают? Не видоизменяется ли при вложении капитала в землю закон сведения индивидуальных стоимостей в общественную стоимость—или, вернее, индивидуальных цен производства в общую для данной отрасли цены производства—в том смысле, что регулирующей общую цену производства будет цена производства не того типа капитала, который выпускает преобладающее количество товаров, а того, который применен в худших условиях, т.-е., иначе говоря, что общественно-необходимым количеством труда в данном случае будет являться количество труда, затраченное в худших условиях?

Если да, то получается ли рента с капитала, вложенного в землю при худших условиях, который, при утвердительном ответе на предыдущий вопрос, даст все же лишь среднюю прибыль—не больше?

Если при худших условиях не получается ренты, то из каких источников платится этим капиталом при наличии частной

---

[1]) „Theorien über d. Mehrwert“. B. II, t. 2, прим. на стр. 14 (курсив Маркса).

собственности на землю аренда за пользование землей? (Мы предполагаем, конечно, как непременное условие, чисто капиталистическое производство).

Если же и этот капитал доставляет ренту, то, во-первых, в результате чего она экономически может получиться и, во-вторых, каковы отличительные черты этой ренты от вышеуказанной, которая, по нашему предположению, является особым видом добавочной прибыли, закрепленной, благодаря каким-то условиям, за этим капиталом и не идущей в общее распределение прибыли?

Вот вопросы, на которые должна ответить теория земельной ренты, опирающаяся на марксову теорию стоимости и марксову постановку проблемы распределения.

Поскольку мы отвергаем подход к земельной ренте, как к виду прибыли, доставляемой «капиталом»—землей,—постольку мы ее можем рассматривать лишь, как вид добавочной прибыли, доставляемой теми из капиталов, которые находятся в более благоприятных производственных условиях, чем другие. Уже из этого вытекает необходимость рассмотрения двух видов земельной ренты, поскольку, во-первых, среди самих капиталов, вложенных в обработку земли, имеется различие в величине доставляемой ренты, т.-е. добавочной прибыли, а, во-вторых, капиталы, доставляющие наименьшую по величине ренту, оказываются, таким образом, в более благоприятных условиях, чем капиталы в других отраслях, поскольку последние могут получить лишь среднюю прибыль[1]).

Мы рассмотрим сначала первый вид ренты, т.-е. дифференциальную.

Причины, обусловливающие возможность появления дифференциальной земельной ренты.

Представляет ли этот вопрос какие-либо трудности для марксистской политической экономии? Маркс неоднократно подчеркивает, что этот вопрос не есть вопрос, отличающий земледелие от промышленности. «Существование различных прибавочных прибылей, или различных земельных рент на земельных участках различной плодородности не отличает земледелие от промышленности» («Теории», том II, часть I, стр. 187). «Дело идет больше не о том, чтобы об'яснить, как происходит, что цена товара, кроме прибыли, приносит еще и земельную ренту, следовательно, по-видимому, нарушает всеобщий закон ценности и благодаря поднятию его цены над [уровнем, данным] его имманентной прибавочной ценностью, приносит больше всеобщей нормы прибыли на капитал данной величины» (Там же, стр. 142). Таких заявлений Маркса можно было бы привести много. Для него, разрешившего противоречия между теорией трудовой стоимости и фактом равенства норм прибыли, было совершенно ясно, что с другой стороны—особые благоприятные условия, в которых находятся отдельные капиталы, дают им возможность получать до-

---

[1]) Ясно, что и тот и другой вид ренты присваивается не капиталистом, а землевладельцем, поскольку существует частная собственность на землю. Но это не меняет пока нашей постановки вопроса.

бавочную, сверх средней, прибыль, как и особые неблагоприятные условия приводят к тому, что соответствующие капиталы не дополучают и этой средней нормы прибыли и вынуждены или эмигрировать в другие отрасли производства, или повышать свой органический состав. В этом проявляется закон движения капиталистического общества, регулирующая роль закона стоимости, как в области распределения общественного труда между различными отраслями производства, так и в области развития производительных сил.

Эти благоприятные условия могут выражаться как в повышенном органическом составе капитала по сравнению с средним, типичным составом (в использовании более усовершенствованной техники по сравнению с господствующей), так и в использовании особых естественных преимуществ, сокращающих издержки производства на единицу товара по сравнению с данными, господствующими методами производства и данным господствующим уровнем техники. В этом отношении нет принципиальной, качественной разницы между земледелием и промышленностью. В этом смысле имеет большое значение пример Маркса с водопадом, силу которого использует промышленный капитал. Как известно, этот пример особенно не понравился Булгакову, признавшему его «неудачным», меж тем нам думается, что здесь вполне применима следующая перефразировка слов того же Булгакова из другой его работы («О рынках» и т. д.), сказанных по поводу схем воспроизводства Маркса: в одном этом примере с водопадом больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших (а зачастую и последующих—добавим мы) словопрениях относительно теории ренты.

Именно, непонимание Рикардо возможности получения добавочной прибыли промышленным капиталом, вытекавшее из обхода им противоречия между трудовой стоимостью и равенством нормы прибыли, привело его к необходимости построить свою теорию ренты на 1) предположении последовательного перехода от лучших земель к худшим и 2) «законе» убывающего плодородия почвы [1]). Первое предположение его давно опровергнуто и теоретически (Марксом) и исторически (Кэри и Родбертусом) и не находит себе теперь сторонников, вторая же основа его теории, заимствованная им у Мальтуса, повидимому, несмотря на критику ее Марксом, Энгельсом, Каутским, Лениным, находит себе

[1]) Как на курьез особого рода, необходимо обратить внимание на утверждение Н. Суханова, что «Рикардо в своем изложении не ставит теорию ренты в неразрывную связь с фактом убывающего плодородия земли при последующих затратах» («Зем. рента и принципы земельного обложения», стр. [illegible]). В связи с упреком т. Ленина Булгакову в невнимательном чтении III тома «Капитала» Суханов заявляет, что „если бы Ленин уделил эту капельку внимания Рикардо, то он знал бы, что и Рикардо не связывал своей теории ренты с законом убывающего плодородия почвы" (там же, стр. 58). Ну, а известно ли Суханову, что вся концепция Рикардо об относительных изменениях долей отдельных классов в общем народном доходе основана на этом «законе»? Вероятно, не известно, в противном случае ему были бы известны, например, следующие места из Рикардо: «С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, которым регулируется его естественная цена, имеет тенденцию становиться дороже, в зависимости от возрастающей трудности его производства» («Начала», перевод под ред. Н. Рязанова, стр. 52) Таких мест можно у Рикардо найти много. Но Суханов, вероятно, насмешливо улыбается и спрашивает: где же здесь утверждение об убывающем плодородии почвы на одном и том же участке? Если Суханов полагает, что Рикардо был настолько нелогичен, что не связывал необходимости перехода к худшим землям с результатами дальнейшего приложения капиталов на лучшей земле, то он глубоко ошибается

сторонников даже в нашей среде. Поэтому необходимо на ней остановиться.

«Закон» убывающего плодородия почвы.

Тов. Е. Варга в обоснование того, что этот «закон» составляет одну из основ (на-ряду с частной собственностью) возможности земельной ренты (как дифференциальной, так и абсолютной) говорит следующее: «Если бы не было факта убывающего плодородия земли и если бы возможно было при помощи увеличенной затраты средств производства и рабочих сил добывать с той же площади земли практически неограниченное количество продуктов при неизменяющихся издержках производства на единицу продукта (что имеет место в индустрии), то ничтожная площадь земли оказалась бы достаточной для того, чтобы снабдить средствами существования все человечество; в таком случае остались бы без обработки огромнейшие площади земли, и в результате этого частная собственность на землю потеряла бы способность быть источником ренты»[1] (На последней мысли о том, что частная собственность является будто бы «источником» ренты, мы остановимся ниже). В основном это доказательство напоминает доказательство Булгакова: «Земледелие всего земного шара можно было бы уместить на одной десятине», П. Маслова: «Не имело бы смысла расширять запашку, если бы возможно было при новом приложении труда и капитала на ту же площадь земли получить не меньшее количество продуктов, чем при предыдущей затрате» («Аграрный вопрос в России», стр. 67) и tutti quanti. Как прав был т. Ленин, когда писал, что «таков обычный (и е д и н с т в е н н ы й) довод в пользу «универсального закона» (том IX, стр. 54). Таков единственный довод и т е п е р ь всех тех, кто выступает «в пользу» этого закона. Но,—замечает тов. Е. Варга,—«если то же самое утверждали и буржуазные экономисты, то это меня совсем не пугает. Как много дали Марксу А. Смит и Рикардо!». Конечно, эти экономисты много дали Марксу, но именно п о т о м у, что он критически подходил к каждому их положению, и поэтому их противоречия и ошибки оказались чрезвычайно плодотворными для него в смысле построения им собственной концепции, преодолевающей и разрешающей их противо-

---

нивает этого гениального экономиста, ибо Рикардо говорит: «Если бы, следовательно, хорошей земли было гораздо больше, чем сколько ее нужно для снабжения пищей растущего населения, или если бы к а п и т а л можно было бы б е с п р е д е л ь н о п р и л а г а т ь к с т а р о й з е м л е без уменьшения выручки, то рента не могла бы возникнуть, потому что рента неизменно происходит от того, что приложение добавочного количества труда дает пропорционально меньший доход» (там же, стр. 38; об этом он говорит и в своем трактате: «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль от капитала» и т. д.). Но что говорить о Суханове, если он в предисловии ко 2-му изданию своей книги хвастается тем, что «некоторые профессора в эпоху столыпинской реакции решались рекомендовать эту книжку для руководства студентам, несмотря на его резко выраженный партийно-социалистический характер» и что «о ней считали возможным серьезно говорить компетентные люди, не имеющие ничего общего с «социалистическими утопиями»? А, может быть, именно поэтому они ее и рекомендовали и серьезно о ней говорили? Суханов так наивен, что не знает что для «компетентных» людей, «не имеющих ничего общего с «социалистическими утопиями», всякая критика Маркса ценна, и особенно даже ценна, если она окутана тоже-«социалистическим» (народническим) флером.

[1]) Очерки по аграрному вопросу, под ред. Е. Варга, т. I, вып. 1, стр. 15.

речия и ошибки. После же Маркса и его блестящих ортодоксальных учеников возвращаться вновь к ошибкам его предшественников—заслуга не велика! Но, возражает и на это тов. Варга: «Даже ссылка на Ленина не удержит меня от защиты моих воззрений до тех пор, пока я сам не убедился в их неправильности» («Правда» № 282). В этом тов. Варга, конечно, прав.

Попытаемся разобраться в вопросе по существу. Тов. Варга, несмотря на то, что ссылка на Ленина для него еще не доказательство, все же сам приводит несколько цитат из Ленина и утверждает, что «Ленин признал факт убывающего плодородия при непрогрессирующей технике» (Курсив т. Варга). Т. Варга рассердился за то, что т. Милютин обвинил его в ревизионизме, но как же нам, читателям его статьи, не рассердиться за такое «цитирование» Ленина?

Тов. Варга плохо знает русский язык, но если он разобрал смысл тех вырванных им из общего контекста фраз, то он должен был понять или заставить своего переводчика перевести себе всю ту страницу, откуда он цитирует, тогда он не пропустил бы таких, например, фраз Ленина: «...Этот довод представляет собою бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил. В сущности, ведь самое понятие: «добавочное (или: последовательное) вложение труда и капитала» предполагает (курсив Ленина) изменение способов производства, преобразование техники» (том IX, стр. 54—55). Итак, без изменения способов производства и техники нельзя в общем себе и мыслить этих добавочных вложений в один и тот же участок земли. Но т. Ленин допускает все же, что «неизменное состояние техники» все же оставляет возможность добавочного вложения капитала, но в очень узких пределах. На это опирается т. Варга, ища поддержки у Ленина. Но надо же цитировать всю мысль, т. Варга! «Но и в тех узких пределах,—говорит тов. Ленин,—в которых все-таки добавочное вложение труда и капитала возможны, отнюдь не всегда и не безусловно (курсив Ленина) будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения» (ibidem). И дальше он ссылается на промышленность в эпоху, предшествовавшую введению машин, где пределы добавочных вложений труда и капитала в ручные кузницы и т. п. были крайне узки и когда наблюдалось громадное распространение мелких кузниц и т. д.

И в самом деле, ведь чрезвычайно ясно, что при данном уровне техники (что лежит в основе предположения и П. Маслова, и т. Варга) нельзя предполагать беспредельную возможность увеличения размеров капитала и труда, которые можно прилагать к одному и тому же участку земли: лишних сотен пудов зерна в один и тот же участок земли не бросишь и лишних сельскохозяйственных машин на одно и то же поле не пустишь, ибо они будут лишь мешать. В тех же пределах, в каких еще возможно при том же уровне техники вложить капитал и труд в тот же участок земли, еще не известно, какое вложение окажется более производительным: предыдущее или это добавочное. И в этом нет никакой принципиальной, качественной разницы между промышленностью и земледелием. При данном, господствующем уровне производительности труда вложение новых капиталов в одно и то же предприятие без изменения техники

имеет свои пределы. Количественная разница, конечно, имеется, ибо в промышленности установка добавочных машин того же типа, как и раньше, требует очень незначительного пространственного расширения предприятий, в земледелии же это расширение требует использования новых участков земли. Поэтому понятно, почему «земледелие всего земного шара» нельзя «уместить на одной десятине» точно так же, как все промышленное производство нельзя уместить на одном предприятии.

На этой количественной разнице основывается и т. Варга, связывая ее с «законом» убывающего плодородия почвы. «Площади, необходимые для увеличения промышленного производства, практически составляют ничтожную часть земной поверхности. Иначе обстоит дело в сельском хозяйстве. При любой до сих пор известной технике,—как примитивной, так и самой развитой,—начиная с определенного «оптимального» пункта (пункта наибольшей выгодности производства), необходимо брать в обработку новую площадь земли («Очерки», т. I, вып. I, 2-е примечание на стр. 15). Это положение должно служить у т. Варга доказательством действия «закона» убывающего плодородия почвы. Но при чем же тут этот «закон»? Ведь тот факт, что после «оптимального» пункта приходится обращаться к обработке новых земель, вытекает из наличия вообще предела в приложении капитала и труда в одно и то же предприятие при данном уровне техники, но это совершенно еще не говорит за то, что последующие затраты капитала в земледелии будут менее производительными, чем предыдущие. Количественная разница—повторяем—между промышленностью и земледелием, конечно, имеется, но она вытекает из технических условий производства, а не из естественных законов земледелия: чтобы поставить в промышленном предприятии новую машину, добавочную к уже имеющимся машинам такой же производительности, требуется небольшое пространство; а чтобы это же сделать в земледелии, нужно большое земельное пространство.

«Но решающим здесь,—по мнению т. Варги,—является то, что в то время, как в промышленности, при неизменяющейся технике, производство может быть все больше расширено, при остающихся неизменными или убывающих издержках производства, в сельском хозяйстве, при непрогрессирующей технике, доходность той же земельной площади может повышаться лишь (курсив мой. *Б. Л.*) при растущих издержках производства» («Правда» № 282). Это нужно еще доказать, т. Варга! В примере, который приводит вслед за этим т. Варга с совхозом, он, во-первых, допускает ту ошибку, что, предполагая экстенсивное хозяйство в нем, считает, повидимому, что снабжение его новыми машинами и достаточным количеством искусственного удобрения не изменит в нем уровня техники. Во-вторых, он здесь уже смягчает свое предыдущее категорическое заявление о том, что «доходность той же земельной площади может повышаться лишь при растущих издержках производства». Здесь он заявляет уже, что из факта возросшего производства на каждого рабочего «вовсе не следует, очевидно, что издержки производства на единицу продукта сократились. Это может быть так, но может и не быть». Следовательно, т. Варга, издержки производства не обязательно должны возрасти; мало того, т. Варга допускает, что они могут даже сократиться. И этого достаточно.

Но самое важное заключается не в этом. Важно решить следующий вопрос: есть ли необходимость прибегать к помощи этого «закона» для об'яснения факта наличия земельной ренты? Мы видели раньше, что возможность получения ренты, как вида добавочной прибыли, не нуждается в особых об'яснениях. Весь вопрос заключается в том, почему обычно добавочная прибыль носит временный характер, а дифференциальная рента есть постоянный вид дохода? Чем об'ясняется факт фиксации этой добавочной прибыли в особый вид дохода?

Ответ на этот вопрос мы получим, если вдумаемся в различие между причиной добавочной прибыли вообще и причиной добавочной прибыли, доставляемой капиталом, использующим естественные благоприятные условия. Вообще, добавочная прибыль может возникнуть «или вследствие того, что капитал исключительно крупными массами концентрируется в одних руках,— обстоятельство, которое отпадает, раз в среднем применяются равновеликие массы капитала,—или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом,—обстоятельство, которое отпадает, раз исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение, или оставляется позади еще более развитым способом» («Капитал», т. III, 2, стр. 185). Использование же каких-либо естественных преимуществ, поскольку таких преимуществ имеется ограниченное количество, дает возможность этой добавочной прибыли фиксироваться в виде особого вида дохода. И это явление наблюдается как в промышленности, так и в земледелии. Ибо нет никакой принципиальной разницы между добавочной прибылью, получаемой при использовании промышленностью силы водопада, и добавочной прибылью, получаемой капиталом, примененным на участке, отличающемся особым плодородием, или благоприятным местоположением. Ибо ведь при этом «добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом» (или исключительного состояния данного участка земли по сравнению с другими), «происходит не из капитала, а из применения капиталом этой монополизируемой или монополизированной природной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту» (там же, стр. 186).

Конечно, с прогрессом техники, и эта добавочная прибыль может также быть уничтожена: «если новый метод производства, не применимый при водяной силе, понизит издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины..., то исчезнет добавочная прибыль, а вместе с ней и рента» (там же, стр. 189). Это применимо, конечно, и к различию в плодородии и разнице положения. Известно, что применение усовершенствованных способов производства на худшей земле уничтожало дифференциальную ренту, получавшуюся ранее более плодородными землями, если они продолжали эксплоатироваться менее усовершенствованными методами.

При данном же господствующем уровне техники, применяемой на разных по своему естественному плодородию участках земли, капиталы, вложенные в более плодородные участки, дадут добавочную прибыль по сравнению с капиталами, вложенными в менее плодородные участки. Эта добавочная прибыль, поскольку при данном уровне техники использование этой естественной

монополии уменьшает издержки производства на единицу продукта, превращается в дифференциальную ренту. Эту естественную монополию необходимо отличать от монополии частной собственности на землю, ибо даже при уничтожении частной собственности на землю, но при сохранении капиталистического способа производства, дифференциальная рента, как особая экономическая категория, остается и «перехватывается» (выражение Маркса) тем, кто использует эту естественную монополию, вытекающую из различия в плодородии земли или из различия в положении земли, т.-е. из большей или меньшей близости ее к рынку (последнее связано, конечно, с данным состоянием транспортных связей).

Таким образом об'яснение факта наличия дифференциальной ренты совершенно не нуждается в использовании этого пресловутого «закона» убывающего плодородия почвы, который и с фактической стороны был опровергнут еще Энгельсом в его статьях в «Deutsch-Französischen Jahrbücher»[1]).

То же относится к дифференциальной ренте II, т.-е. ренте, получаемой вследствие различия производительности капиталов на одном и том же участке земли, ибо «дифференциальная рента II является другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней» («Капитал», том III, 2, стр. 217). При этом совершенно необязательно менее производительным должен оказаться последующий, а не предыдущий из вложенных в один и тот же участок земли капиталов.

Итак, «дифференциальная рента теоретически не представляет никаких трудностей. Это не что иное, как прибавочная прибыль, сверх-прибыль, которая существует в любой отрасли промышленности для всякого капитала, который работает при условиях выше средних. Только в сельском хозяйстве эта сверх-прибыль закрепляется, потому что основывается на такой солидной и (относительно) прочной основе, как различные ступени естественного плодородия различных сортов земли» (из письма Маркса к Энгельсу от 2 августа 1862 г., см. «Письма», перев. В. В. Адоратского, стр. 135).

Общественная стоимость земледельческого продукта.

Но, если дифференциальная рента есть добавочная прибыль, получаемая капиталом, работающим в условиях выше средних, то чем об'ясняется факт наличия дифференциальной ренты, т.-е. добавочной прибыли у капиталов, работающих при средних условиях? Ведь, поскольку под этими средними условиями мы понимаем те типичные, преобладающие в данной отрасли производства условия, при которых индивидуальная цена производства совпадает с общественной (рыночной) ценой производства, то в них капитал кроме возвращения издержек производства (c+v), может доставить лишь среднюю прибыль (p). Откуда же здесь получается еще добавочная прибыль, фиксирующаяся в виде дифференциальной ренты? По сравнению с чем получается здесь эта differentia (разница)?

---

[1]) Опровержение этого закона на основе исторических справок имеется и у Богданова. См. А. Богданов и И. Степанов, Курс политической экономии, том I, стр. 84.

Итак, мы вынуждены здесь пересмотреть вопрос о том, какие условия производства, какой тип предприятия определяет общественную стоимость (общественую цену производства) земледельческого продукта.

Известно, что в то время, как А. Смит и Шторх считали, что общественная стоимость определяется лучшими условиями, Рикардо, наоборот, утверждал, что она определяется худшими. Маркс по поводу спора между Шторхом и Рикардо говорит: «спор этот разрешается в том смысле, что оба они правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили средний случай» («Капитал», т. III, 1, стр. 162, прим.). Таким образом вопрос сводится к тому, что стоимость определяется не обязательно лучшими, не обязательно худшими, но не обязательно и средними (как это часто изображается в марксистских учебниках), а общественно-необходимыми, каковыми в каждый данный момент могут быть одни из этих трех в зависимости от того, какие из них преобладают, господствуют, определяют стоимость наибольшей части общего предложения товаров данного рода.

Но в земледелии, повидимому, это не так. В противном случае, как мы уже установили, не было бы возможности постоянного получения капиталом при средних условиях добавочной прибыли. (Ясно, что в разные моменты времени эти средние условия будут различные, но все же в каждый данный момент капитал в этих средних для данного уровня производительности труда условиях будет доставлять дифференциальную ренту.) Повидимому, в земледелии регулирующими условиями являются всегда худшие условия, а не какие-либо другие. Так разрешает этот вопрос Маркс: «...цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты» (подразумевается дифференциальная рента. *Б. Л.*), «всегда служит регулирующей рыночной ценой» («Капитал», III, 2, стр. 198). Таких заявлений у Маркса много. Но в одном только месте, поскольку нам помнится, Маркс критикует Рикардо за это: «Рикардо,—говорит Маркс,—...постоянно предполагает [1]), — (что теоретически не верно),—что рыночная стоимость определяется всегда тем товаром, который произведен при самых неблагоприятных условиях» (Письмо Маркса к Энгельсу от 9 августа 1862 г.—см. «Письма», стр. 136). Нам представляется, что эта критика должна быть понята в том смысле, что Марксом отрицается эта категоричность Рикардо. Повидимому, наиболее точной формулировкой мысли Маркса следует считать следующее место: «если нет свободного ввоза хлеба, или его действие лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, т.-е. при условиях, более неблагоприятных, чем средние» (К. III, 2, стр. 216). Таким образом, если мы отвлекаемся от влияния производственных условий вне данного круга предприятий, то регулировать общественную стоимость будут худшие среди них условия.

Но чем это об'ясняется? Каковы те особые обстоятельства, которые обусловливают такое исключение для сельского хозяйства? Тов. Варга дает на этот вопрос следующий ответ: «Фабрикант, у которого себестоимость продукта ниже по сравнению с его конкурентами, продает его по цене немного **ниже** рыночной цены

---

[1]) Речь идет в этом месте именно о земледельческом продукте. *Б. Л.*

с целью увеличить общую сумму своей прибыли посредством увеличения сбыта. Он следует такой политике, ибо он может производить неограниченно большое количество товаров с уменьшающимися издержками производства на единицу.

«Сельско-хозяйственный же производитель, возделывающий пшеницу на лучшей земле с более низкими затратами, не имеет никаких оснований продавать ее дешевле рыночной цены: ибо вследствие факта убывающего плодородия почвы он лишен возможности добывать на той же земле большее количество пшеницы с такими же низкими издержками производства. Такое увеличение производства вызвало бы, при неизменяющейся технике, возрастание себестоимости. Поэтому он не может подражать политике фабриканта, который сознательно понижает свою прибыль с единицы товара, чтобы посредством расширения сбыта увеличить общую сумму своей прибыли» («Очерки», т. I, вып. 1, стр. 22—23. Курсив всюду т. Варга. *Б. Л.*).

Мы уже останавливались раньше на выяснении этого «закона», как основы дифференциальной ренты вообще. Теперь этот закон служит об'яснением и для дифференциальной ренты, доставляемой капиталом, применяемым в средних условиях. Нет надобности поэтому вновь возвращаться к анализу общей применимости этого «закона». Обратимся лучше к рассмотрению того, как может быть об'яснена возможность этой дифференциальной ренты, если оперировать не натуралистическими моментами, а чисто-экономическими, т. е. социальными. Если нам это удастся, то это будет лучшим опровержением построения тов. Варги.

Но предварительно отметим здесь две теоретических неточности у тов. Варги: 1) Когда мы устанавливаем, какие условия определяют «общественно-необходимый труд» при производстве товара, то мы совершенно отвлекаемся от возможности имеющейся у капиталиста, применяющего свой капитал в лучших условиях, понижать цену на свой товар ниже общественной стоимости (resp. цены производства), ибо при этом мы определяем величину стоимости, а не конкретной цены[1]).

2) В качестве вывода из приведенной выше цитаты тов. Варга заявляет: «В сельском хозяйстве не существует конкуренции между отдельными предприятиями». В такой категорической форме это утверждение теоретически неверно. Правда, тов. Варга в примечании к этому месту заявляет, что «на мировом рынке существует конкуренция со стороны хлеба, производимого на вновь возделываемых землях... но отсутствует конкуренция отдельных предприятий друг с другом». Во-первых, разве на мировом рынке существует конкуренция только «со стороны хлеба, производимого на вновь возделываемых землях»? А в настоящее время нет разве конкуренции между хлебом, производимым на довольно

[1]) В этом, между прочим, тоже, повидимому, проявляется результат принятой тов. Варга «экономической версии» общественно-необходимого труда, приведшей его, как и Гильфердинга, к ошибочной теории денег, как в смысле утверждения о неизменной ценности золота, так и в отношении ценности бумажных денег, ибо цена у него не отличима от стоимости (По этому вопросу см. нашу статью: «К постановке денежной проблемы» в № 8—9 «Под Знаменем Марксизма» за 1924 г.).

почтенного «возраста» (в смысле эксплоатации их человеком) землях, напр., между американским (Соединенных Штатов), аргентинским, русским, канадским и др. хлебом? Разве аграрный протекционизм не вызывается боязнью конкуренции иностранного вообще, а не только с «вновь возделываемых земель» хлеба?

В сельском хозяйстве конкуренция, конечно, слабее, чем в промышленности. Но это об'ясняется не наличием «закона» убывающего плодородия почвы, а постоянным превышением спроса на хлеб по сравнению с его предложением (беря мировой масштаб, где отдельные государства могут рассматриваться, как отдельные предприятия), что об'ясняется относительно медленным темпом развития техники в земледелии.

Но вернемся к рассматриваемому нами вопросу: почему общественную стоимость земледельческого товара определяют худшие условия? Посмотрим, как отвечает на этот вопрос тов. Ленин. «Ограниченность земли ведет к тому, что цену хлеба определяют условия производства не на среднего качества земле, а на худшей возделываемой земле» (т. IX, стр. 66). Об этом факторе мы у тов. Варга не находим ни одного слова, хотя тов. Ленин довольно настойчиво его подчеркивает, раз'ясняя Булгакову разницу между монополизацией земли, как «об'екта хозяйства», и монополизацией земли, как «об'екта частной собственности» (стр. 65). Действительно, необходимо согласиться с тов. Варга, что «из этого вытекает необходимость, как можно раньше сделать для нерусских коммунистов доступными в авторитетном, добросовестно-проредактированном переводе соответствующие труды Ленина» («Правда» № 282).

Но что же значит эта «ограниченность земли» и каково влияние этого фактора? Так как тов. Ленин не останавливается на механизме, так сказать, посредством которого проявляет свое действие этот фактор, мы попытаемся изложить его действие, как оно нам представляется.

Совокупная стоимость всего продукта данной отрасли промышленности при данном состоянии производительности труда в ней есть не исходный пункт, а результат, представляющий собою произведение двух множителей: 1) данной величины стоимости единицы товара, определяемой общественно-необходимым количеством труда, зависящим от преобладающего уровня производительности труда в данной отрасли, и 2) данного размера предложения этого товара, т.-е. количества произведенных товаров. Поэтому возможность получения добавочной прибыли в какой-либо отрасли производства сверх существующей средней, привлекая в нее новые капиталы, приводит обычно к тому, что прежнее количество товаров создается уже по пониженной стоимости, ибо повышается тип капитала, регулирующий общественную стоимость единицы товара. Это происходит даже при отсутствии новых технических усовершенствований уже просто потому, что новые капиталы вливаются обычно в лучшие, а не худшие из имеющихся в данной отрасли предприятия, в результате чего повышается средний органический состав капитала в ней. И это возможно во всех отраслях производства, где приток капиталов даже при отсутствии новых усовершенствований ничем не ограничивается.

В земледелии же мы встречаемся с одним весьма существенным ограничением: при данном уровне техники и производи-

тельности труда приток новых капиталов возможен лишь в виде обработки новых земель, ибо, как мы уже указывали, в данный участок земли без введения новых усовершенствований нельзя безгранично вкладывать новые капиталы. Приток же новых капиталов для обработки новых земель, оказывается невозможным, ибо «предположение капиталистической организации земледелия необходимо включает в себе то предположение, что **вся земля занята** отдельными частными хозяйствами» (Ленин, т. IX, стр. 65.—Курсив наш. *Б. Л.*).

Таким образом в **ограниченности самой земли** заключается препятствие к понижению общественной стоимости земледельческого продукта посредством притока новых капиталов в земледелие при **данном** уровне техники. Поэтому при данном **необходимом** предложении земледельческих продуктов, т.-е. при общественной необходимости обработки и худших земель, общественная стоимость регулируется в этих пределах наличными в данный момент худшими условиями. Количество труда, необходимое для производства единицы продукта именно при худших условиях, явится в земледелии общественно-необходимым количеством труда. Этим об'ясняется и тот факт, что капиталы, примененные на среднего качества земле, дают также дифференциальную ренту, ибо индивидуальная цена производства произведенного ими товара ниже общественной цены производства [1]).

Абсолютная рента.

После изложенного встает вопрос: получается ли рента с капитала, вложенного в землю при наихудших условиях? Ведь индивидуальная цена производства товара, произведенного в этих условиях, совпадает с общественной ценой производства и поэтому, кроме средней прибыли, ничего дать не может (сверх покрытия издержек производства).

Как известно, Рикардо именно так и думал [2]). Но его ошибка вполне понятна, ибо, как говорит Маркс, «все воззрение Рикардо имеет смысл только при предпосылке существования капиталистического способа производства» («Теории», т. II, 1, стр. 214) [3]).

Если же мы хотим дать об'яснение экономических явлений во всей их сложности и многообразии, мы должны рассмотреть, какую модификацию претерпевают законы чистого капитализма, если они скрещиваются с влиянием остатков предыдущих общественных формаций. Так подходил к этому вопросу Маркс, устанавливая, что и капитал, вложенный в землю в наихудших условиях, тоже приносит ренту, ибо капиталистические законы ценообразования наталкиваются на такое препятствие, как **частная собственность на землю**.

---

[1]) Между прочим, и А. Богданов не учитывает влияния этого фактора, стараясь доказать, что и в земледелии регулирующими являются средние условия (см. его «Курс», т. II, вып. IV, стр. 61—63).

[2]) Его фраза о том, что «нет ни одного участка земли, который не приносил бы ренты» («Начала», стр 222), относится, конечно, к тому положению, когда приводится в действие дифференциальная рента II, и регулирующей становится производительность каких-то затрат на лучшей земле, и худшая земля будет также доставлять дифференциальную ренту. Рикардо этого случая не разбирает, но, повидимому, подразумевает его. Этот случай разобран у Маркса (См. «Капитал», III, 2, стр. 275).

[3]) Совершенно же непростительной становится та же ошибка у П. Маслова, также отрицающего наличие абсолютной ренты: «Если худшие земли дают

В чем же проявляется действие этого факта?

А в том, что при наличии частной собственности на землю ни один капитал не может быть вложен в эксплоатацию земли, если он не сможет доставить сверх средней нормы прибыли еще добавочную сумму для уплаты землевладельцу за право использования его земли.

Это достаточно ясно. Но встает вопрос: что же является **источником** этой ренты, называемой Марксом **абсолютной**? В одной из вышеприведенных цитат тов. Варга говорит, что если бы не проявлялось действие «закона» убывающего плодородия почвы, то «в результате частная собственность на землю потеряла бы способность быть **источником** ренты» («Очерки», т. I, вып. I, стр. 15. Курсив наш. *Б. Л.*). Такая формулировка не точна, ибо частная собственность может рассматриваться в качестве «источника» ренты только землевладельцем. В экономической же науке источником всякого вида дохода должна быть какая-либо часть стоимости.

Но у тов. Варга это, повидимому, не обмолвка, ибо, излагая на следующих страницах (16—17) теорию абсолютной ренты и цитируя Маркса, который говорит, что «сама земельная собственность создала ренту», он в примечании (стр. 17) **противопо-**

ренту,—говорит он,—то это обуславливается тем, что прилагаемый к ним капитал производительнее, чем последний капитал, затрачиваемый в земледелии на лучшей земле» (цит. из «Науки о народном хозяйстве», 2 изд., стр. 100). Мы знаем, что то, о чем говорит Маслов, есть вид дифференциальной ренты, но как же об'яснить тот случай, когда приложенный к худшей земле капитал не является более производительным, чем последний капитал, затрачиваемый на лучшей земле? Такую возможность Маслов совершенно отвергает. Поэтому он впадает, между прочим, в ту же ошибку, что и Рикардо, при об'яснении платы за леса в Норвегии, которая является, по его мнению, платой «за обладавший стоимостью товар, находившийся на данном участке» («Начала», стр. 34). Этим Рикардо подорвал значение своего закона трудовой стоимости, ибо получается, что стоимостью обладает товар, на производство которого не затрачено труда. П. Маслов делает ту же ошибку, когда говорит: «Когда скот пасется на нетронутых плугом землях, то труд, затрачиваемый на получение корма для скота, равняется нулю. Сделать труд производительнее этого довольно трудно, но количество корма, получаемого таким путем с единицы площади земли, наименьшее, урожайность земли наименьшая. Экономисты, которые не признают факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, должны найти затраты труда меньше нуля, т. е. должны утверждать нелепость» (Аграрный вопрос в России, стр. 60). Но нелепость, собственно, утверждает сам Маслов, ибо не может быть на поле, на котором совершенно не затрачено труда, не только большая производительность труда, *но и вообще какая-либо производительность труда*, ибо без наличия самого труда нельзя говорить и о количественной стороне этого труда, т. е. о степени производительности его. Поэтому и этот корм, полученный без затраты труда, не имеет никакой стоимости, а может иметь лишь цену, которая отражает не производительную силу какого-то незатраченного труда, а лишь факт наличия абсолютной ренты, ибо при отрицании наличия абсолютной ренты нельзя об'яснить и факта существования цены даже у участка земли, еще не вошедшего в обработку, но находящегося в частной собственности. Мы видим, что к П. Маслову вполне применимы слова Маркса, характеризующие превосходство Ад. Смита по сравнению с Рикардо: «что является ошибкой Смита (falsch in Smith), так это то, что он не видит, что, если землевладелец продает свои продукты по их стоимости, то этим самым он продает их дороже их достаточной (hinreichenden) цены. В чем он превосходит Рикардо (Was gut an ihm gegen Ricardo), так это в том, что он видит, как в зависимости от обстоятельств земельная собственность может или не может сделать себя экономически значимой (ökonomisch geltend)» (см. «Theor. über den Mehrwert», B. II, t. 2, S. 150; здесь Маркс, повидимому, игнорирует монопольную ренту).

ставляет этому положению Маркса «другую», по мнению тов. Варга, «неправильную теорию абсолютной ренты», которую Маркс развивает в «Теориях прибавочной ценности» (B. II, t. 2, S.15—175), где Маркс обосновывает эту ренту различием органического состава капитала. Тов. Варга впал в ту же ошибку, что и П. Маслов, который, отвергая влияние низкого органического состава капитала при образовании ренты, пришел к отрицанию вообще существования абсолютной ренты: «рента,—говорит П. Маслов,—не может образоваться вследствие превышения ценности продукта против издержек производства и средней прибыли вследствие низкого строения капитала. Если бы, благодаря этому, образовалась рента, то она была бы во всех производствах с низким органическим строением капитала и, прежде всего, в отраслях промышленности с дешевым сырым материалом, например, в производстве кирпичей сырой материал стоит не дороже, чем в земледелии» («Аграрный вопрос в России», стр. 110).

Ясно, что и тов. Варга и П. Маслов смешивают причину образования абсолютной ренты с условием экономической возможности ее получения. Причиной абсолютной ренты является частная собственность на землю, а условие, создающее экономическую возможность ее получения, является низкий органический состав капитала в земледелии. При повышении же органического строения капитала в земледелии до среднего общественного или выше, но при сохранении частной собственности на землю эта абсолютная рента превращается в монопольную. Вот чем об'ясняется различие, которое проводит Маркс между этими видами ренты в «Капитале» (III, 2, стр. 291 и 334, в русск. перев., изд. 1923 г., стр. 301 и 370), на что указывает тов. Варга. Никаких «колебаний» Маркс при этом не обнаруживает, по нашему мнению.

Разберемся в этом вопросе.

Как мы видели, и в сельском хозяйстве, и в промышленности, особенно в добывающей, вследствие ограниченности особо благоприятных естественных условий и невозможности поэтому для других капиталов, при данном состоянии производительности труда в этой отрасли производства, достигнуть издержек производства капиталов, находящихся в лучших естественных условиях,—добавочная прибыль, получаемая последними, фиксируется в особую экономическую категорию—дифференциальную ренту. Но, кроме этого вида добавочной прибыли, имеется возможность для образования добавочной прибыли в целой отрасли производства при продаже товара этой отрасли по цене, превышающей общую цену производства этого товара. Конечно, обычно это явление может оказаться в результате нарушения равновесия между отдельными отраслями производства, ибо конкуренция капиталов имеет постоянную тенденцию уничтожать этот вид добавочной прибыли путем прилива капиталов в данную отрасль и сведения прибыли, получающейся в ней, к общей, средней для всех отраслей производства, норме. Из этого ясно, что только в той отрасли, где существует какое-нибудь препятствие для притока новых капиталов, которые могли бы довольствоваться средней нормой прибыли,—там может этот вид добавочной прибыли сохраняться долго, а не уничтожаться при существующей тенденции к равновесию между всеми отраслями производства. Таким именно препятствием и является частная собственность

на землю, не допускающая вложения капитала, если результатом его деятельности будет лишь общая средняя норма прибыли, т.-е. если товар будет продаваться по общей цене производства. Рыночная цена должна превысить эту общую цену производства для того, чтобы сверх средней нормы прибыли, которая достается капиталисту, осталась бы еще определенная сумма для уплаты земельному собственнику за право приложения капитала к его земле, ибо в противном случае он не предоставит своей земли в пользование капиталу.

Из сказанного явствует, что является источником этого вида ренты. Продажа продукта земледелия по цене, превышающей его общую цену производства, дает возможность платить абсолютную ренту и с наихудшей из эксплоатируемых в данное время участков земли. Следовательно, превышение рыночной цены над общей ценой производства является источником абсолютной ренты, в то время как превышение общей цены производства над индивидуальной является источником дифференциальной ренты.

Но возможность длительного превышения рыночной цены над общей ценой производства может чаще всего иметь место при условии, если в данной отрасли производства стоимость превышает общую цену производства $(c+v+m) < c+v+p)$ Значит, и абсолютная рента может иметь место при превышении стоимости продукта данной отрасли его общей цены производства. Но последнее может иметь место лишь в отраслях, где органический состав капитала ниже среднего общественного. При этом низкий состав капитала ни в коем случае нельзя рассматривать, как причину абсолютной ренты. «Один простой факт излишка стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства сам по себе далеко не достаточен для того, чтобы об'яснить существование земельной ренты... которую мы можем назвать абсолютной рентой» («Капитал», III, 2, стр. 296). Для создания таковой, необходима именно такая «чуждая сила и ограничение капиталу при его приложении к земле», как частная собственность (там же, стр. 298).

Но, в таком случае, не соглашается ли Маркс с Родбертусом, что рента имеет своим источником относительно меньший постоянный капитал в сельском хозяйстве, чем в промышленности? Между ними та колоссальная разница, что Родбертус свою в некоторой мере правильную догадку испортил тем, что, во-первых, принял сырой материал в земледелии ничего не стоющим, что не только абсурдно, на что указал, между прочим, еще Плеханов (в своей статье о Родбертусе, вышедшей, как известно, задолго до опубликования не только «Теорией», но и II и III томов «Капитала»), но чем, как тонко подметил Н. Зибер [1]), «под видом дарового сырого продукта, присущего будто бы одному только земледелию... в более темной форме вводится в окно та самая физиократическая теория земледельческого produit net, которую Рикардо благополучно выпроводил в двери». Во-вторых, тем, что Родбертус принял это за условие образования всякой земельной ренты вообще; в-третьих, тем, что не учел противодействующего влиянию низкого органического состава капитала медленного оборота капитала в земледелии (на что указал Каутский,

[1]) Н. Зибер, К. Родбертус-Ягецов и его экономическое исследование. — «Юридический Вестник», 1881 год, март.

см. «Аграрный вопрос», ч. I, стр. 106—107); в-четвертых, тем, что низкий органический состав капитала он рассматривал как единственное (на-ряду с частной собственностью) условие для образования ренты.

Но, как указывает Каутский, «весьма сомнительно, чтобы в настоящее время интенсивное сельское хозяйство по органическому строению своего капитала стояло ниже среднего» (там же, стр. 106). Следовательно, при признании этого условия единственным, отпала бы вообще возможность получения ренты с наихудшей земли даже при наличии частной собственности на землю, ибо не было бы источника, откуда она извлекалась бы (стоимость была бы равна общей цене производства). Вот здесь-то и надо принять во внимание следующее замечание Маркса: «Если бы средний состав земледельческого капитала был бы таков или выше, чем состав среднего общественного капитала, то абсолютная рента—опять-таки в только что исследованном значении» (т.-е. источником которой является превышение стоимостью общей цены производства)—«отпала бы; т.-е. отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монопольной цене» («Капитал», III, 2, стр. 301). Или в другом месте: «если она (монопольная рента) и не образует части избытка цены над ценой производства того самого товара, составную часть которого образует (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной части прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой средней прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, т.-е. товаров, обмениваемых на этот товар, обладающий монопольной ценой» (там же, стр. 370). В последних словах дается ключ к пониманию источника ренты с наихудшей из эксплоатирующихся земель даже в том случае, если стоимость равна или ниже общей цены производства; таким источником явилась бы «монопольная цена» продукта. Следовательно, частная собственность на землю при указанных условиях приводит к тому, что не только прибавочная стоимость, создающаяся наемным трудом в земледелии, не идет в общее распределение при образовании средней нормы прибыли, но, наоборот, земледелие в результате частной собственности на землю при помощи монопольных цен перехватывает даже часть остальной общественной прибавочной стоимости для землевладельцев. Именно, благодаря этому, частная собственность на землю ложится бременем на весь процесс капиталистического производства.

Исходя из изложенного, мы не можем согласиться с тов. Варга, что в «Капитале» и в «Теориях прибавочной ценности» имеются две разные теории абсолютной ренты. И в «Капитале» и в «Теориях» у Маркса одна и та же теория абсолютной ренты. Мы привели цитаты из «Капитала», где доказывается так же, как и в «Теориях», что источником этого вида ренты является низкий органический состав капитала в земледелии. Роль же частной собственности на землю, как «создателя» (выражение Маркса, неправильно понятое тов. Варга) этого вида ренты, надо понимать в том смысле, что она дает землевладельцу экономическую власть присваивать себе часть общественной прибавочной стоимости.

Но как же тов. Варга об'ясняет нам происхождение абсолютной ренты? Мы знаем уже, что он считает частную собственность «источником» ее, но он, конечно, великолепно понимает, что этого недостаточно, и вот на сцену выступает ...все тот же «закон» убывающего плодородия почвы. Я извиняюсь перед тов. Варга за невинную шутку, но я не могу удержаться, чтобы не рассказать анекдота, который вспомнился мне при чтении этих глав работы тов. Варга. Учитель просит своих учеников назвать ему примеры пресмыкающихся животных. После длительного молчания один еврейский мальчик робко поднимает руку и нерешительно отвечает: «червяк».—«Молодец,—хвалит его учитель.—Ну, а еще пример?» Тогда этот мальчик уже более решительно отвечает: «еще червяк»!..

Что является причиной дифференциальной ренты? — «Закон» убывающего плодородия почвы!

Чем об'ясняется тот факт, что в земледелии регулирующими являются худшие условия?—«Законом» убывающего плодородия почвы!

Что лежит в основе абсолютной ренты?—«Еще червяк», ...то бишь: «еще раз «закон» убывающего плодородия почвы».

Так можно было бы очень многое легко об'яснить...

Вот, например, и проф. С. А. Фалькнер, считающий себя марксистом, об'явил себя недавно сторонником этого «закона». (Однако, как много все еще у этой «убывающей» Дульцинеи «обожателей»!). Совершенно правильное положение, о том, что «аграрный протекционизм есть всегда лишь система фаворизации интересов землевладения за счет сжатия потребления всей массы населения страны, не приводящая к расширению и укреплению ее производственного аппарата», он обосновывает действием «закона» убывающего плодородия почвы [1]). Меж тем нам думается, что это является следствием существования класса земельных собственников, для которого является плюсом то, что «общество, рассматриваемое, как потребитель, переплачивает за земельные продукты, то, что составляет минус реализации его рабочего времени в земледельческом продукте» («Капитал», III, 2, стр. 201), ибо, как говорит Маркс в другом месте, «чем больше капитала затрачивается на землю, чем высшего развития достигли в стране земледелие и цивилизация вообще, тем выше поднимаются ренты с акра, равно как и общая сумма рент, тем колоссальнее становится налог, который выплачивается обществом крупным землевладельцам в виде добавочной прибыли» (там же, стр. 241).

Кроме того, как на «одну из величайших помех рациональному земледелию», Маркс указывает на то, что «когда истекает определенный контрактом срок аренды..., тогда произведенные в земле улучшения достаются владельцу земли как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли, как его собственность». Это приводит к тому, что «фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды» (там же, стр. 160). Именно этими обстоятельствами, вытекающими из наличия частной собственности на землю, об'ясняется и тот факт, что условия, создаваемые

[1]) См. его предисловие к книге К. Тышка «Мирохозяйственная проблема современных индустриальных государств» в серии «Проблемы мирового хозяйства» под ред. проф. С. А. Фалькнера, вып. I, стр. 9.

мые аграрным протекционизмом являются лишь «системой фаворизации интересов землевладения» и не приводят «к расширению и укреплению производственного аппарата» страны.

Но вернемся к общему вопросу о ренте.

Мы видели, что теория ренты, по Марксу, может быть вполне построена без привнесения в нее натуралистических законов. А тов. Варга, положив в основу всей теории ренты этот пресловутый «закон» убывающего плодородия почвы, должен логически отрицать реакционность с точки зрения капитализма абсолютной ренты. И это он и делает, об'являя, что дифференциальная рента «с теоретической точки зрения образует вместе с абсолютной рентой чисто капиталистическую ренту» («Очерки», том I, вып. I, стр. 25). Вот именно «с теоретической точки зрения» необходимо не только отвлечься от конкретных модификаций арендной платы (что только и подразумевает тов. Варга), но учесть и факт противоречия между капиталистическим производством и частной собственностью на землю. Последнее для капитализма является пережитком феодализма, против которого буржуазия в период своей революционной молодости боролась. Сторонницей сохранения этой частной собственности на землю она стала на закате своих лет, когда борьба против частной собственности на землю грозила превратиться в борьбу против частной собственности вообще и когда ее интересы через систему финансового капитала теснейшим образом переплелись с интересами землевладельцев,—иначе говоря, когда все они превратились в собственников ценных бумаг. Но это не дает нам права смешивать оба вида ренты, ибо «логически мы вполне можем представить себе чисто капиталистическую организацию земледелия при полном отсутствии частной собственности на землю, при нахождении земли в собственности государства или общин и т. п.» (Ленин, том IX, стр. 65).

Таковы результаты привлечения естественных явлений и законов (если бы они даже в действительности были **законами**) к об'яснению экономических, т.-е. чисто социальных явлений. Поскольку последние являются **исторически-преходящими**, постольку об'яснить их могут явления и законы **не природы** (которые в этой связи могут рассматриваться, как относительно вечные), а **только общества** в его данной **исторически определенной** форме. Это является основным положением Марксовой методологии, и отступление от него чревато большими опасностями на пути теоретического исследования со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последним замечанием мы ни в коем случае не думаем заподазривать политическую революционность и верность Коминтерновской линии (неоднократно доказанную) со стороны тов. Варга. Мы совершенно об'ективно устанавливаем ту опасность, от которой нас предостерегали вожди научного коммунизма—Маркс, Энгельс, Ленин.

Живой труп.

(Об одном журнале и одной книге).

Ц. Фридлянд.

Вотчина О. Бауэра и Ф. Адлера,—австрийская социал-демократия,—к семидесятилетнему юбилею К. Каутского преподнесла ему подарок—сборник статей, посвященных различным вопросам марксизма. 10—11 тетрадь журнала «Kampf» — панегирик «социалистическому ментору». Ренегаты пишут о ренегате, чтобы оправдать свою измену марксизму и отказ от революции. Выцы достаточно вежливы и достаточно лицемерны, чтобы сказать всю правду: они в тоге «социалистической» набожности хвалят Каутского сегодняшнего дня, доказывая ему, что он и до войны был ренегатом. Но революционная фразеология не помогает австрийским умникам; колыбель $2^1/_2$ Интернационала, социал-демократия «без Шейдемана и Носке», обнаружила свое подлинное лицо в юбилейном сборнике, лицо предателей социализма. Смелость слова—трусость мысли и действия—такова природа «честных маклеров» из Вены.

Повторяем, статьи в «Kampf» нам интересны скорее, как материал для характеристики вырождения социал-демократии, чем как попытка научно разобраться в наследстве Каутского. Старый «испытанный» социал-демократ В. Элленбоген в своей статье о «социалистическом менторе» пишет: «Он был воспитателем двух поколений к социализму... Его жизнь обнимает весь путь восхождения рабочего класса из ничтожества к вершине политической власти, от революционого инстинкта к действительной революции».

Элленбоген отдает долг революционной фразе, смысл которой раскрывается им же несколько дальше в следующих строках: «Неоспоримая заслуга Бернштейна (он справляет теперь свой 75-летний юбилей. *Ц. Ф.*), даже если он не прав был в сотнях деталей, в том, что он принудил массу партийных членов к самостоятельному размышлению об отдельных вопросах социализма и тем самым помешал процессу окаменения учения в собрание догм». Итак, имя Каутского связано с именем Бернштейна. Это несколько напоминает анекдот: на юбилее «радикала» Каутского восторженно приветствуют «ревизиониста» Бернштейна. Но это не анекдот, а достоверный факт: действительный юбиляр Бернштейн, а не Каутский. О Каутском вспоминают в связи с его Каноссой. Не в этом ли смысл аллегории Элленбогена о «ревизионисте» Павле, который был теоретиком ортодоксальной христианской церкви? Ларчик просто

открывается. Если ревизионизм эпохи II Интернационала пытался тактические разногласия перенести, по словам Элленбогена, в марксистскую теорию и вели спор об основах марксизма, то теперь спор прекратился: марксизм стал лишь «тактической» проблемой в рядах социал-демократии. Вот почему все сотрудники «Kampf» ищут и находят в работах Каутского довоенного времени оппортунистические идеи; вот почему они, издеваясь над его прошлым, оставляют в тени все то революционное, что было им сказано, и, опираясь на работы военной и повоенной эпохи, превращают Каутского, задним числом, в папу ренегатства. Каутский сближается с Бернштейном и, конечно, не без основания.

Каутский особенно дорог социал-демократии потому, что он начал «крестовый поход» против большевизма. Это с восторгом отмечает австриец Элленбоген и француз Браке. Первый захлебывается от восторга: «Никогда не проявлялся в такой степени острый марксистский взор Каутского, как в те годы, когда он призвал к трезвости пролетариат, опьяненный чувством власти и ослепительными успехами русской революции. Он показал им границы их власти и доставил этим марксизму величайший триумф. Каутский обнаружил тем самым внутреннюю силу и истинность марксизма в дни головокружений, когда, казалось, потухли проблески сознания». Браке вторит Элленбогену: «Величайшая заслуга Каутского специально для французского «социализма» в том, что он дал ему оружие для борьбы с большевизмом. И эта нота благодарности ренегатов ренегату проходит красной нитью через весь сборник. Итак, Каутский был «реальным революционером» в прошлом (т.-е. ревизионистом), он остается им теперь в борьбе с большевизмом (т.-е. социал-предателем). Доказать это стараются 15 авторов: постараемся выяснить, разрешили ли они эту задачу.

Разобьем материал сборника на три основные части: Каутский, как теоретик революции, анализ вопросов империалистической войны 1914—1918 г.г., наконец, Каутский и международная социал-демократия. Мы оставляем пока в стороне философские рассуждения М. Адлера, этой «Mädchen für Alles» социал-демократии. Конечно, наиболее любопытный материал дают статьи о Каутском, как о теоретике революции.

Три автора специально занялись этим вопросом: А. Браунталь в статье «Каутский как революционный теоретик». Z. Topalowitsch в «философско-публицистическом» очерке: «Две различные революции» и, наконец, Z. Ronai «Каутский и революция». Мы согласны с Ронаем: «вопрос о социальной революции принадлежит к основным проблемам марксистской социологии», хотя бы потому, что вопрос о революции есть лучший способ определить сущность всякой, претендующей на пролетарское представительство, партийной группы. Каутский в прошлом и настоящем не мало внимания уделял этому вопросу и необходимо внимательно, при свете событий войны и революционной эпохи, разобраться в его литературном наследстве.

Маркс неоднократно отмечал, что идея революционной борьбы во имя пролетарской диктатуры—то новое, что он внес в историю классовой борьбы. По мнению Браунталя, марксова идея революции предполагает: неизбежность революции, ее обусловленность временем и местом, т.-е. зрелость об'ективных

предпосылок, и, наконец, пролетарская революция отличается по существу от буржуазной революции. Разработка в первую очередь последнего вопроса принадлежит Каутскому, вернее, нынешней социал-демократии. Но в каком направлении шла разработка ими этого вопроса? В направлении притупления и изгнания революционных идей из арсенала рабочего движения. Марксу удалось доказать неизбежность революции, как результата органических противоречий исторического процесса, но эта неизбежность не есть фатализм. История делается руками людей, классовая активность играет не последнюю роль в назревании предпосылок революции, а Браунталь понимает проблему экономической зрелости предпосылок достаточно плоско: Все продуктивные силы капиталистического общества должны быть готовы, чтобы началась социалистическая революция. Меньшевик Дали вычислил количественное соотношение благоприятных и недостаточных предпосылок для революций: на 99% в рамках капиталистического общества созревает социалистическое, чтобы революция уничтожила 1% «старого режима». Но зачем тогда нужна она? Понятие социальной революции Маркса подменяется ими идеями в духе Луи Блана. Для последнего ясно было, что нынешний социальный строй чересчур полон неравенства, нищеты, безобразия, чтобы он мог долго существовать», но эту «необходимую революцию можно и даже легко произвести мирным путем». Каутский в прошлом, однако, о чем молчит Браунталь, формулировал задачу борьбы за политическую власть и успешность ее ставил в зависимость не только от материальной силы пролетариата, но и от роста его классового сознания, подобно коммунистам.

Неизбежна ли революция? Каутский не принадлежал и в прошлом к революционным теоретикам. Как отмечает Ронай, он еще в «Эрфуртской программе» отмечал разнообразие путей революции. Пароль Каутского: «Ни законность, ни революция во что бы то ни стало». Эту же мысль Каутский повторил в книжке «Путь к власти». Он неоднократно подчеркивал, что социал-демократия не подготовляет революцию: он ничего не может сказать, «когда и при каких условиях и в каких формах она наступит». Каутский в лучшие свои годы сомневался, будут ли в будущих решительных битвах играть значительную роль меры экономического, законодательного или морального давления. Эти оппортунистические мысли Каутского социал-демократы подчеркнули и избрали для характеристики его позиции, но они забыли то революционное, что было в его писаниях. Вот почему они не желают вспоминать и другие слова учителя: «пролетариату не хватает сознания своей силы», хотя на-лицо в Германии и Англии экономические предпосылки революции.

Социал-демократические теоретики отобрали еще одну центральную мысль Каутского о революции: гражданская война будущего должна разыграться не на баррикадах, а путем использования демократических форм. Ронай ссылается на статью Каутского от 1893 г. Он тогда и позже отмечал: победа пролетариата пробудит парламентаризм «к новой молодости и силе». Но любопытно, что господа толкователи забыли процитировать Каутского, критикующего демократию. Пролетариат,—писал он в книжке «Путь к власти»,—добьется демократии лишь после установления своего господства в государстве; он в «Анти-Бернштейне»

резко формулировал свою мысль: «без классового господства пролетариата уничтожение классов не мыслимо». Но эти еретические мысли оставлены теперь в тени. Каутский повторяет ныне за Бернштейном: «Можно считать демократию синонимом отсутствия классового господства, обозначением такого социального строя, при котором ни один класс не пользуется политическими привилегиями по отношению ко всему обществу». Когда-то Каутский подчеркивал, что демократия—форма господства определенных классов, а теперь, как мы сейчас это увидим, социал-демократы вместе с Каутским повторяют слова Бернштейна: «Демократия в принципе есть уничтожение классового господства, если не фактическое уничтожение классов». Да, они готовы за отцом идеологии ренегатства повторить, что социализм есть «организаторский либерализм»! В самом деле, присмотримся к той новой теории равновесия классов и коалиции, которую развивают ходячие мертвецы, разлагающие своим трупным запахом революционное сознание и волю масс. Ошибка Каутского была в том, пишут они, что он отклонял идею коалиции. Правда, в новом предисловии к книге «Путь к власти» он подчеркнул, что речь шла о дореволюционном периоде. И господин Браунталь провозглашает: «Опыт последних лет доказал, что следует считаться с необходимостью, подобной социологическому закону, переходного периода между двумя этапами, установленными Каутским (периодом революции и мирной эпохой. *Ц. Ф.*), с периодом равновесия классов, открытой или скрытой коалиции между буржуазными и социалистическими партиями». Это р а в н о в е с и е у с т о й ч и в о е, оно предполагает ослабление реакции, что является установленным фактом (?!) в Англии, Германии и т. д.; в условиях этого классового равновесия, по словам Браке, классы сближаются друг с другом, и растет чувство солидарности между ними. Таково то н о в о е слово, тот подарок, в области революционной теории, который преподнесли австрийские социал-демократы, «честные и испытанные» революционеры, Каутскому в день его семидесятилетнего юбилея. Философски настроенный Топалович, прошедший серьезную школу в услужении у Цанкова и болгарской буржуазии, особенно усердно разрабатывает вопрос о равновесии классов в переходный период. Он отмечает, что пролетариат стал «менее революционным» потому, что пролетариат и буржуазия являются ныне господами хозяйства и от их сговора зависит существование общества. «Превращение капиталистического общества в социалистическое не является революционным д е й с т в и е м, но революционным п р о ц е с с о м». И любопытен же этот «революционный процесс»! Он, оказывается, предполагает смягчение классового господства, но не диктатуру. Топалович при этом ссылается на Каутского. Но в этом пункте, быть может, острее, чем в каком-либо другом, выявилось то направление, в котором социал-демократы готовы, совместно с Каутским, вести свою дальнейшую теоретическую работу. Каутский писал в 1910 году: Реформистская теория имеет маленький недостаток, она забывает «рост (к социализму), который она описывает, есть рост не одного е д и н с т в е н н о г о элемента, а д в у х элементов и при том двух элементов, весьма п р о т и в о р е ч а щ и х друг другу—капитала и труда». И то, что реформистам, по его словам, кажется врастанием в социализм, есть лишь рост противоположных классовых сил. «Врастание» в социализм оказывается тем

самым врастанием в великие битвы,—в эпоху, которую мы называем социальной революцией». Как же быть со «смягчением классовых противоположностей», со сговором двух борющихся классов и т. д.? Господа социал-демократы, совместно с Каутским, делают все, чтобы подтвердить ленинское положение: корни оппортунизма послевоенной эпохи уходят далеко вглубь истории II Интернационала, видимая революционность Каутского была лишь прикрытием внутреннего его родства с Бернштейном. В эпоху социальной революции г-да «марксисты» из Вены, Белграда и т. д. готовы строить свою идеологию предательства на измене марксизму еще в прошлом. Нужно ли более авторитетное и более подходящее прикрытие, чем Каутский вчерашнего и сегодняшнего дня?

Глубина революционных теоретиков из «Kampf'a» идет дальше. Они в Ziwko Topalowitsch'е нашли «оригинального мыслителя, который создал теорию д в у х революционных душ—Востока и Запада. Оказывается, что революционеры Востока видят в социалистах Запада реформистов только потому, что они не могут понять новой реальной политики европейского социализма. «Должна быть проведена резкая линия между социализмом Запада и Востока, линия, которая отделяет друг от друга два исторических периода, два мира». Интернационал должен понять органическую непримиримость этих двух миров, он должен стать инструментом политики того и другого мира... Таким образом д в у р у ш н и ч е с т в о возводится в принцип, революционная теория припасается на всякий случай. Г-да социал-демократы следуют примеру того еврея, который советовал сыну своему молиться «на всякий случай»: а вдруг бог и «тот свет» имеются? Топалович зовет II Интернационал в Вену, и понятно почему: австрийская с.-д., О. Бауэр и Ф. Адлер, всегда наилучшим образом представляли тактику «и нашим, и вашим». Для полноты картины Каутский живет в Вене. Как зло умеет шутить история!

Не мало «оригинальности» и еще в одном из пунктов революционной теории австрийской с.-д.: революция пролетариата ни в чем не должна напоминать буржуазную революцию ни по форме, ни по содержанию. Только буржуазные революции сопровождаются контр-революцией, в пролетарской революции она должна быть избегнута. Каким образом? Тем, что «свободы последний удар будет сухим». Пролетариат победит «уверенностью, миром и спокойствием».

«Социализм Каутского в противоположность воинствующему большевизму преимущественно пацифистский. Он хочет избежать войны с помощью Лиги Наций, гражданской войны, созданием коалиционного правительства, столкновений в рядах рабочего класса, путем укрепления Интернационала». И опять-таки с.-д. свой отказ от революции прикрывают марксизмом. Маркс утверждал, что пролетарская революция не должна кончиться победой контр-революции, что она черпает свою поэзию не в традиционных революциях прошлого. Но имел ли он при этом в виду пролетарскую революцию д о диктатуры или п о с л е ее победы? Ведь, по словам Маркса, смысл революционной борьбы в том, что она об'единяет к о н т р-р е в о л ю ц и о н н ы е с и л ы, активизирует их, а не ослабляет их, с тем, чтобы революция нанесла им в определенный момент решительный удар. Да, наша пролетарская революция ни по содержанию и ни по форме не повторяет

буржуазной революции, но только в строительстве будущего общества, а не в борьбе за него. Пролетариат, как класс, борется против классового общества, и он неизбежно идет к победе через диктатуру, а не через мир, порядок и т. д.

Казалось бы, вновь «открытое» положение Маркса об органической несовместимости методов пролетарской и буржуазной диктатуры обязательно для г-д социал-демократов, но когда Oda Olberg (Рим) приступает к анализу фашизма, как классового движения, она об этом «новом, мудром» методе забывает. По мнению автора статьи: «Является ли фашизм классовым движением?», фашизм отнюдь не движение буржуазного класса, а преступных клик, отбросов всех классов. При чем социал-демократа Oda Olberg утверждает, ссылаясь на книжку Каутского «Пролетарская революция и ее программа»: Италия стоит теперь, в 1924 г., перед буржуазной революцией, подобно Франции конца XVIII века. Фашизм не создан буржуазией, а войной. Буржуазия, поддерживая фашистов против большевиков, губит себя, посягает на свои основные принципы свободы. Послушаем автора: «Горе буржуазии, которая позволяет наложить руку на идеальные требования равенства всех перед законом; она отрицает тем самым самые возвышенные исторические завоевания своего класса и передает себя сама в руки нового феодального режима».

Надо ли лучшую иллюстрацию вырождения социал-демократии, чем «марксист», стоящий у пулемета, заряженного буржуазией против рабочих, и убеждающий буржуазию, чтобы она не стреляла, потому что это противоречит ее интересам!! Перед нами пошлые либералы, именующие себя марксистами! Каутский своими работами революционного периода способствовал созреванию этой либеральной вульгаризации марксизма. А когда г-да социал-демократы ищут в произведениях вчерашнего Каутского аргументы для своего регенатства, они помогают нам, облегчают наши исторические изыскания.

Мы далеко не исчерпали всех прелестей теории революции в «Kampf'e»...

Обратимся теперь к статьям, посвященным Каутскому, как теоретику империализма и критику войны 1914—1918 г.г. Перед нами две статьи: H. Bauer «Империалистическая война» и Ф. Адлера (Лондон): «Die Lüge von der Kriegsunschuld». В первой, основываясь на изысканиях Каутского об эпохе «ультра-империализма», столь блестяще высмеянной Лениным, H. Bauer ставит следующий вопрос: в самом ли деле и в дальнейшем необходимы столкновения отдельных империалистических держав, неизбежна ли война? Ее задача доказать, что империализм отнюдь не неизбежная и новая, а тем более последняя фаза капиталистического развития. Колонии имеют ничтожное, и все более и более уменьшающееся, значение в системе хозяйства. Борьба за колонии, поэтому, не усиливается, а ослабевает: «Колонии, принадлежащие данному государству, становятся все более колониями для всех». Словом, снова наступает царство фритредерства. Эта теория не нова! Когда-то Зомбарт доказывал, что развитие производительных сил приводит к ослаблению международных связей отдельных государственных хозяйств. Катедер-социалист принял нарастающие противоречия в мировом хозяйстве между отдельными империалистическими государствами за рост их самостоятельности. Ученица Каутского принимает усиление кон-

куренции империалистов в колониях за открытие колоний для общей эксплоатации. Чтобы доказать, что колонии играют все меньшую и меньшую роль в хозяйстве стран, Н. Bauer прибегает к любопытному методу, она вырывает из общего значения колоний для хозяйства метрополии отдельный момент, скажем, вывоз фабрикатов, и торжествующе заявляет: колонии не нужны капиталистическому государству! Прежде всего «марксистское» положение Н. Bauer отрицают факты. Если Франция из общей суммы в 35 миллиардов вывозила в Европу в 1910 г. 28 миллиарда, то Англия отдавала своим колониям 37 миллиардов (Америке) + 29 миллиардов (Азии, Африке, Австралии) из 70 миллиардов общей массы вывозимых за границу капиталов. Для Германии с ее незначительными колониями приходится 10 миллиардов на эксплоатацию Европы, 17 миллиардов на долю колоний. Но, ведь, капитал, вложенный империалистическим государством и в Европе, фактически сводится к превращению европейского государства в колонию. Разве война 1914 г. разрешала для империалистов Франции и Германии только «колониальный», т.-е. внеевропейский, вопрос? А борьба за Рур, за Эльзас и Лотарингию, за Бельгию не была ли борьбой за колонии в империалистических интересах? Для Бауэр остается совершенно непонятным основной теоретический вопрос эпохи империализма, вопрос о сверхприбыли, как регулирующей силы. Дело, конечно, не в том, что капиталу незачем и нечего делать на внутреннем рынке, а в том, что в погоне за более высокой нормой прибыли он уходит на колониальный рынок. Г-жа Бауэр забыла также учесть момент несоответствия между развитием индустрии и сельского хозяйства, и отсюда тот кризис сырья, который немало предрешает вопрос об устремлении и направлении империалистических интересов.

Но в экономической философии Н. Bauer важно не столько соображение об уменьшающемся значении колоний, сколько утверждение: империализм—результат феодальных влияний в современном демократическом государстве. Устранить империализм и опасность войны возможно лишь с победой демократии. «Финансовый капитал, который заинтересован в тяжелой индустрии, поддерживает агрессивную политику государства. В последней государство заинтересовано не из-за хозяйственных соображений, сколько из-за желания внешним блеском укрепить свое положение внутри страны». Но если военная промышленность может руководиться феодально-психологическими мотивами, то очевидно, что война 1914—1918 г.г. не могла быть вызвана хозяйственными соображениями, а лишь тем обстоятельством, что политика господствовала над экономикой, а та и другая часть были построены на противоположных принципах: государство находилось под влиянием военщины, а экономика вела свое самостоятельное существование. Стоит ли критиковать эту вульгарно-мещанскую и безграмотную чепуху? В. Ратенау, как и ряд других буржуазных публицистов, со всей убедительностью доказали нам, что господство «капитанов индустрии» неизбежно ведет к возрождению нового феодализма, что экономика империализма самым тесным образом связана с ее политикой. Социал-демократы это отрицают, Бауэр, опираясь на теорию Каутского о «сверх-империализме», мечтает о мирном капитализме, где прекратят свое действие все «докапиталистические факторы».

К этой же серии экономических откровений относится утверждение сотрудников «Kampf'a» о новой капиталистической фазе развития и об ослаблении классовых противоречий, в результате войны. В рецензии на книгу мы, к сожалению, лишены возможности остановиться на разборе этого положения.

Кульминационного пункта своего ханжество социал-домократии достигло в статье юродивого Ф. Адлера. По его словам, современная социал-демократия становится носительницей тенденций к об'ективной истине, и во имя истины она должна выступить обвинительницей против виновников войны. Прекрасная задача! Мы узнаем, что уже давно знаем, что Австрия спровоцировала войну с Сербией и что Германия Вильгельма (только ли Вильгельма?) знала, что война с Сербией грозит мировой войной... Но о с.-д. 4 августа ни слова! С.-д. не знала действительных причин войны... А ведь на Базельском конгрессе 1912 г. В. Адлер заявил, что с.-д. прекрасно знает тайные ходы дипломатии. Но 4 августа социал-демократы ошибались, теперь они исправляют свою ошибку... и ханжа Ф. Адлер торжественно цитирует заявление с.-д. Германии интернациональному конгрессу (в 1920 г.): «Разразившаяся в 1914 г. война со стороны Германии является превентивной войной, которая не прямо и не при всех условиях желательна была ею, но которой благодаря преступному легкомыслию рисковали». Какая осторожность и мягкость выражений! С той же легкостью с.-д. заявляют, что правители Германии «находили или предполагали», что мобилизация неизбежна. Война вызвана была тем самым «главным образом, если не исключительно» бессовестностью австро-германских правителей. И этот лживый, лицемерный язык приводит Ф. Адлера в восторг, он забывает все то, о чем сам писал в годы войны, и вслед за Каутским воспевает единство социал-демократии.

Оппортунисты всего мира признали авторитет Каутского. Француз Браке клянется его именем, изображая из себя ультрареволюционера, а «бедняк» Хилквит вторит ему. Но особенно любопытно выступление российского меньшевика Абрамовича, который приветствует Каутского от имени «самого славного и самого несчастного» отряда социалистической контр-революции, русских меньшевиков. Он превращает Каутского, и не без основания, конечно, в меньшевика. Но что любопытно, ссылаясь на письмо Каутского Аксельроду (лето 1903 г.), Абрамович доказывает, что Каутский в прошлом был идеологически связан с меньшевизмом. Раскол на втором с'езде РСДРП произошел по организационному вопросу, меньшевики всегда этим аргументировали злостное, раскольническое поведение большевиков. Абрамович теперь, наконец, понял, что раскол произошел по гораздо более серьезным причинам. Каутский же в 1903 г. считал, что дело сводится лишь к организационным расхождениям. Но и он тогда утверждал: «Если бы я должен был на Лондонском с'езде выбирать между Мартовым и Лениным, то, на основании нашего германского опыта, я бы решительно высказался за Мартова». Чтобы ясно представить себе глубину революционной мысли Каутского той эпохи, достаточно сказать, что он считал необходимым максимальную автономию отдельных организаций в эпоху конспиративной борьбы и максимальную централизацию их в период свобод. Прозревший Абрамович поучает Каутского, что в

1905 г., высказавшись за союз пролетариата и крестьянства в революции, он не учел спекуляцию большевиков на крестьянские бунты. Меньшевики тогда, как и теперь, охраняют чистоту и самостоятельность пролетарской позиции (?!). Статья Абрамовича, а тем более письмо Каутского, должно, по нашему мнению, окончательно решить вопрос о месте ленинизма в эпоху II Интернационала: меньшевизм был интернационален еще до войны, большевизм занимал тогда особое место, —то было учение о революции в эпоху мирного развития капитализма и ревизионистско-центристских иллюзий.

Мы уделяем много внимания предательской практике социал-демократии, но мы мало интересуемся теоретическим перерождением и вырождением ее. А ведь уяснение ее теоретических позиций сослужит нам немалую пользу для уразумения сущности соглашательской тактики. Социал-демократы отдают себе ясный отчет о социальной подоплеке своего перерождения. Кунов определил положение дел в своей статье в «Neue Zeit» (январь 1922 г.) так: «если социал-демократы отклонят коалиционную политику, опять подастся направо часть наших приверженцев из буржуазных кругов, которые примкнули к нам во время войны и после катастрофы и ныне по большей части стоят на правом крыле партии: мелкие ремесленники, мелкие крестьяне, чиновники, служащие и лица свободных профессий»... Эти-то слои определяют ныне политику и идеологическую эволюцию с.-д. До войны «попутчики» разлагали изнутри социал-демократию; но военно-революционная фраза скрывала разложение, ныне им принадлежит руководство, и правые и левые социал-демократы одинаково служат выразителями интересов рабочей аристократии и мелкой буржуазии. Юбилей Каутского помог наилучшим образом выявить процесс гниения «марксистской социал-демократии».

Энгельс писал Бернштейну 1 марта 1883 г. о Каутском: «он имеет то несчастье, что сложные вопросы превращаются у него в простые, а, наоборот, простые превращаются в сложные. Притом когда так много пишут, нельзя ничего дать». Если бы Каутский умер накануне войны, мы вспоминали бы о нем, как о революционере. Семидесятилетний юбилей Каутского совпал с десятилетием его предательства и изуродования марксизма, он—живой труп, а социал-демократы своим откровенно-ренегатским бахвальством подчеркивают эту трагичную картину: заживо сгнивающего движения.

* * *

> Die Gegenwart aber will erkannt sein wie sie ist.
>
> E. Bernstein.

Книга Э Бернштейна [1]), ревизионистского папы, одна из попыток дать законченный и полный пересмотр учения Маркса в связи с опытом войны и революционной эпохи. Эта книга—не только лишнее доказательство убожества социал-демократической мысли, она дает нам портрет

---

[1]) E. Bernstein, Der Socialismus einst und jetzt. Streitfragen des Socialismus in Vergangenheit und Gegenwart, Berlin 1923.

теоретического лица социал-демократии, ее «смены вех» не только в области практики, но и в теории.

Не в пример Каутскому, Э. Бернштейн ныне—триумфатор. Его задача доказать, что он был прав в прошлом, что его идеи отныне общеприняты партиями II Интернационала, что ревизионизм торжествует по всей линии. Надо признать: он выполнил свою задачу блестяще. Когда в конце прошлого столетия, в книге «Социальные проблемы», Бернштейн писал: «Социализм может быть назван организаторским либерализмом», он был одинок, но теперь социал-демократия целиком стала либеральной партией, проводником буржуазного влияния на пролетариат. Припомним знаменитый Хемницкий партейтаг германской социал-демократии в 1912 г. накануне чрезвычайного интернационального конгресса в Базеле. Обсуждается вопрос об империализме. Гаазе защищает «центристскую» точку зрения: революционный протест на словах и практический оппортунизм на деле. Надо бороться против «теневых сторон» империализма. Д-р Ленш (Лейпциг) противопоставляет ей неопределенную позицию радикализма. Борьба за социализм включает в себя борьбу против империализма, что фактически означало отказ от массовой, революционной борьбы с империализмом. Но интересно было выступление Quessel'я, который формулировал свою точку зрения так: «Мы при всех условиях должны для нашей индустрии требовать равноправия на мировом рынке. Квессель был одинок, протоколы конгресса отмечают смех в зале при его выступлении. Но ведь точка зрения Квесселя стала ныне официальной в рядах социал-демократии, и Э. Бернштейн в своей книге дает нам теоретическое обоснование этой эволюции: от Гаазе к Квесселю. Он нам доказывает, что «смена вех» социал-демократии имеет под собою весьма серьезное основание: изменение в социальном составе партии и ее попутчиков. Она опирается ныне далеко не на те слои, что до войны, и идеологически она должна была поэтому пересмотреть старые теоретические положения.

Книга Э. Бернштейна должна быть изучена.

Как всегда, ревизионизм защищает научный социализм от утопических извращений. Э. Бернштейн ведет борьбу по двум направлениям: «против утопизма целей и утопизма средств». Автор книги «Der Socialismus einst und jetzt» заинтересован в том, чтобы не сочинялись социальные рецепты, а «открывались социальные необходимости». В 1923 г. Э. Бернштейн формулирует сущность социализма таким образом: «Современный социализм—об'единение идейного содержания политических, экономических и обще-культурных стремлений, осознавших свое классовое положение пролетариев, как и социально смежных с ними слоев в капиталистических странах и борьба за осуществление этих стремлений».

Данную формулировку можно считать идеальным выражением сущности реформизма, «организаторского» либерализма, пришедшего на смену революционному марксизму. Из социализма изгнано его революционное содержание, изгнана конечная цель, которая ликвидирована в самом движении.

В 9-й главе книги Бернштейн пытается реабилитировать свое старое положение: «Конечная цель—ничто, движение—все». Он ссылается на Маркса, чтобы доказать, будто последний, подобно Бернштейну, понимал под социализмом «целый ряд исторических процессов, в которых люди, как и обстановка, будут радикально изменены». Все это, конечно,

не ново. Эти «истины» Бернштейн жевал более тридцати лет. Он теперь, как и раньше, приписывает марксистам механическое, а потому и извращенное понимание революции. По Ленину, как и по Марксу, революция — социально-творческий процесс, подобно локомотиву, ускоряющий и способствующий созреванию нового общественного порядка, а не «прыжок» из царства прошлого в царство будущего. Для Бернштейна социализм «результат цепи мероприятий», которые будут проведены в более или менее продолжительный промежуток времени. Ясно, конечно, что принять подобную точку зрения—это значит вместе с тем отказаться и от марксовой диалектики. «Прыжок из царства необходимости в царство свободы» предполагает п р о ц е с с преобразования старого общества в новое, но это преобразование есть п р ы ж о к из одной общественной формации в другую. Для Бернштейна рост нового строя есть н а к о п л е н и е благоприятных и з м е н е н и й, мирно преодолевающих препятствия. Он тем самым возвращается к вульгарной буржуазной теории прогресса. Для нас победа нового есть беспрерывный р о с т п р о т и в о р е ч и й, противоречий на все более и более расширяющейся базе, и поэтому переход к новому обществу предполагает катастрофу, «прыжок», насилие, как повивальную бабку истории.

Вульгарная теория буржуазного прогресса приводит Бернштейна к вульгарной морали: «В э к о н о м и и ж е л а н и й верный залог достижения ж е л а е м о г о». Эта теория революционного самоограничения нам хорошо известна. Ей противостоит ленинская формулировка: каждая реформа углубляет социальные противоречия, чтобы добиться малого, нужно требовать все.

Продолжая и повторяя свои старые мысли, Э. Бернштейн имеет в виду установить следующее положение, обоснованное им еще в 1913 году в докладе «Das Bleibende im Marxismus»: «С методом, со средствами политики марксизм имеет столько же общего, как физиология с методами и средствами врачебного искусства». Марксизм т о л ь к о имеет дело с законами общественного развития. Мы считаем необходимым подчеркнуть это положение, лейт-мотив книги Бернштейна. Подобное разграничение обусловливает извращение марксизма, как науки об обществе, и, вместе с тем, означает эмансипацию политики от марксизма. Все это—необходимая предпосылка для победы либеральных идей над социально-революционными в рядах рабочего класса. Утверждение Бернштейна должно послужить лишним доказательством того, что правы те, кто говорят о ленинизме, как об о с о б о м продолжении марксизма. Ведь «марксизм» становится также прикрытием для социал-демократических извращений в области теории и практики! Ленинизм является поэтому восстановлением и с т и н н о г о с м ы с л а м а р к с и з м а в эпоху империализма и социальной революции.

Для международного реформизма, чьим идеологом ныне опять выступает Э. Бернштейн, характерно еще и следующее утверждение. Надо исправить Маркса, потому что за 75 лет от года издания «Коммунистического Манифеста» капитализм изменил лицо Европы. Стоит только,— замечает Бернштейн,—сопоставить карты железнодорожной сети половины XIX века и двадцатых годов XX столетия. Н о в о й н а н и к а к и х с у щ е с т в е н н ы х и з м е н е н и й н е в н е с л а. Н и ч е г о н е и з м е н и л а и р е в о л ю ц и я. Вот почему книга Бернштейна поражает перенесением всего довоенного реформистского багажа в послевоенную эпоху. Собственно, произошла лишь реализация реформистских потенций социал-демократии 1889—1914 г.г. В этом смысл ее эволюции, в этом философия нынешних писаний Бернштейна, Кунова и др.

Посмотрим теперь, как Бернштейн восстанавливает научное содержание марксизма, изгоняя из него пережиткн «естествеиио-исторнческого» социализма. Свою работу автор иачинает «чисткой» трудовой теорни стоимости. Э. Бернштейн поет свон старые песии: трудовая теория стоимости себя не оправдала, оиа основательно должна быть переработана. Дело в том, что стоимость, по его словам, величина не простая, а «сложная потенция», это скорее средство об'яснения хозяйственных явлений, чем метод доказательства. Он предлагает сочетать Бем-Баверка и Маркса и, оставляя в стороне теорню трудовой стоимости, выпячивает теорию прибавочной стоимости. Но для чего? Чтобы последнюю превратить лишь в констатироваиный факт, а не стимул н рычаг классовой борьбы. Ссылаясь иа известное положение Маркса о том, что право соответствует экоиомическому развитию общества, Бернштейн требует изгиання из понятия прибавочной стоимостн ее «морального содержания». Социализм связаи с развитием производства. И борьба с прибавочной стонмостью, в первую очередь, подчинена, утверждает он, идее приоритета экономического развития. Вот почему Бернштейн считает необходимым подчеркиуть, что Маркс н Эигельс неоднократно отмечали прогресснвную роль буржуазии в хозяйстве страны. Эта роль ее не прекратилась и поныне. Говоря о несправедливости прибавочной стоимостн, мы каждый раз спрашиваем себя, насколько наше утвержденне о паразитарности капиталистов в каждом данном случае правильно. Отсюда, естествеино, вытекает иеобходимость замены стачек тарифнымн договорами, когда государство, как об'ективный судья, устанавливает справедливую заработную плату (см. Прудон), т.-е. соответствующую в данный исторнческий момент ступени развития производительных сил и степени полезности капиталиста в хозяйстве страны.

Подобная экономическая «теория» прнводит Бернштейна к его пониманию социальной структуры капнталистического общества. Утверждают,—говорит Бернштейн,—что трагедия социал-демократии в том, что она, даже стоя у властн, должиа охранять капнталистнческое общество. Но здесь только видимое протнворечие: «можно сохраиить форму производства, нзменив правовые отношения». Подобная алхимия является результатом «анализа» капиталнстнческого общества. Маркс ошибся в оценке темпа концентрации, особенно в сельском хозяйстве. Эту старую фразу повторяет Бернштейн в 1923 г. в Германии Стиннеса и Ратте-нау! Крепнут н растут средние соцнальиые слои. Политика социал-демократии должна отражать действительиость, ей следует опереться на пролетариат и на эти растущне социальные слон. «Пролетариат сильно вырос количественно, однако так же и среднне слои, как и его верхушка. Богатство общества возросло, и им воспользовалнсь ие только самые богатые, но все слои собственников». Общество напоминает перевернутую гармошку, которая снизу едва растяиулась, а сверху подобна развернутому вееру. Тем самым, по словам Бернштейна, потерпело поражение утверждение о двух классах, а, следовательно, в основном должна измениться и социалнстнческая практнка.

Тенденции капиталнстнческого развития обнаружили, что снла кризисов, их влиянне и значение для соцнальиого развития были Марксом преувеличены. Капнталнзм сам породил силы, прекращающие их. О войне ни слова... И в конце главы со спокойствием «олимпийца» Бернштейн заявляет: «прежде всего я должен кое-что сказать о влиянии войны и революции иа хозяйственное развитие. В целом было бы преждевременно пророчествовать, так как влияние их еще нельзя пред-

видеть, в виду полного беспорядка отношений, которые отныне устанавливаются».. И все...

Должны ли нас удивлять поэтому «открытия» Бернштейна в вопросе о классах? Маркс не прав был в своих утверждениях о том, что история была сплошной цепью кровавой классовой борьбы. Да он этого совсем и не утверждал! Ведь, имеющиеся в истории столкновения социальных групп отнюдь еще не являются классовой борьбой. Что такое «класс»?—спрашивает Бернштейн. «Класс, это—социальный слой, который, без сомнения, образовался благодаря единству жизненных условий, а не является обособленным, путем закона или постановления, или профессиональной принадлежности, социальным слоем, и подчинен общему процессу общественного развития». Линия раздела сословий идет вертикально, а классов—горизонтально, т.-е. по отношению к величине доходов и собственности. Отсюда следует, конечно, что мы имеем не два класса, а гораздо больше (Фурье, исходя из этого положения, допускал существование 16 классов). Между отдельными классами пропасти нет, линия раздела между ними подвижная. «Нет,—заявляет Бернштейн,—средние слои не исчезают, но они меняют свой характер». И это изменение состоит в том, что средние классы приспособляются к победе крупного производства, существуют ныне благодаря ему. Борьба социальных группировок («классов») является тем самым не столько борьбой производителей, сколько потребителей. Население состоит в своем большинстве из потребителей, которые и являются предпринимателями в производстве; рабочие, как производители и, вместе с тем, потребители—члены одного класса, подобно учителям, служащим и т. д. В этой плоскости идет классовая борьба, которая разыгрывается не на улице, а в парламентах и прессе. Но борьба остается борьбой. Борьба сельского хозяина против потребителя, потребителя против производителя, ремесленника против торговца и крупной индустрии—все это классовая борьба». Социал-демократия становится «народной партией». В этом смысл эволюции последних десятилетий. И отметим при этом, что у Бернштейна выявлена одна сторона этой эволюции, а Гильфердинг пытается идеологически обосновать другую сторону ее, анализируя сверх-империализм, как новую фазу капитализма, устанавливающуюся благодаря усиленной концентрации промышленности, росту классовых сил и равновесию классов в переходный период от капитализма к социализму. Эволюция социал-демократии приобретает тем самым определенный характер с о ю з а **мелкой буржуазии и рабочей аристократии в эпоху империализма**. Мы будем иметь в дальнейшем еще ряд доказательств этому.

«Народная партия» потребителей, естественно, отбрасывает идею революции, понимая под этим и идею экономической борьбы. Не стачка, а соглашение, такова следующая истина ревизионистского пророка. Идеалом становятся английские тред-юнионы до 1914 г. Правда, политика соглашателей придает союзам несколько консервативный характер, но зато обеспечивает им победу в создании долгосрочных тарифов. «Можно удачный тариф сильного союза обозначить, как подлинное соучастие в индустрии». И пусть этот путь реальной политики не столь эффектен, он единственная гарантия освобождения пролетариата. В этом же смысле должны быть оценены проекты «социализации» Бернштейна. Организация предпринимателей есть шаг по пути к социализму. Не малое значение в этом смысле должны иметь также артели рабочих, организованные при поддержке государства, а также их соучастие в управлении производством. Шагом к социализму являются также

всякие начинания государственного и муниципального капитализма, если они сопровождаются усилением демократии.

В этих проектах появилась одна, чрезвычайно любопытная, черта международного ревизионизма: возвращение к Луи Блану. Идея экономической самодеятельности масс и помощь государства, идея социальной реформы—все это подтверждает мысль Ильича о меньшевизме эпохи войны и революции, как о луи-блановщине. Это возврат к Луи Блану и в теории государственной власти. Э. Бернштейн снова и снова повторяет высказанную им еще в конце XIX века мысль, которая теперь является достоянием всей социал-демократии: «Демократия в принципе есть уничтожение классового господства, если не фактическое уничтожение классов». Он, прежде всего, отбрасывает крайности: культ государства и ненависть к нему. «Марксист» Бернштейн конструирует понятие государства путем определения составных его элементов: территория, суверенитет и т. д. Государство, это—коллектив на определенной, более или менее протяженной территории, который обладает верховной властью... Речь идет о том, чтобы этой властью овладеть, государство изменить. И Бернштейн в своем анализе принимает утверждение Лассаля: «Государство имеет в виду развитие свободы, хочет поднять человеческий род до свободы».

Вот почему по Бернштейну Маркс подпал под влияние Прудона, когда он говорил о Коммуне 71 года, как о прообразе пролетарского государства. «Развитое им в этом смысле учение мелко-буржуазно,—пишет Бернштейн.—Неправильно утверждение, будто государство—аппарат угнетения и представительство имущих классов: капиталистическому государству противостоит идея народного государства... Из государства выпрыгнуть нельзя. Его можно только изменить».

Соответственно этому, конечно, трактуются вопросы парламентаризма и демократии. Оказывается, что парламент не орган, который должен «vortreten» и «zertreten» трудовые массы, а «совещательное и постановляющее представительное собрание». История парламентаризма должна доказывать постепенную победу идеальной демократии, но только не кризис парламентаризма.

Интерес книги Бернштейна, его рассуждений, однако, не в этих шаблонных положениях, которые в продолжение более четверти века жует международный ревизионизм, а в его анализе корней оппортунизма, падения социал-демократии в целом. Цитируя знаменитое утверждение Либкнехта: «Wer mit Feinden verchandelt—parlamentiert; wer parlamentiert—paktiert», Э. Бернштейн готов в этих словах (и не без основания) видеть скептическое отношение к парламентаризму со стороны революционных социал-демократов. Но он очутился в «пиковом положении», прибегнув при этом к помощи Энгельса. Бернштейн цитирует предисловие к «Классовой борьбе во Франции»,—предисловие, как мы теперь знаем, «подчищенное» не без участия г-на Бернштейна (см. «Архив Института Маркса и Энгельса»),—чтобы доказать неизбежность превращения социал-демократии в партию парламентского кретинизма. Социал-демократия,—пишет Бернштейн,—боролась с ревизионизмом. В 1904 г., на Амстердамском интернациональном конгрессе, ортодоксы праздновали свою победу. Но «история шла своим путем». Усиление социал-демократической фракции в парламентах заставляло ее брать на себя ответственность за управление государством. Нельзя было отклонить кредиты «вообще», логика вещей приводила к необходимым выводам

и неизбежно: «победа идеи превратилась в коррупцию идеи». Развитие демократии предполагало широкое развитие местного самоуправления, а следовательно, и внедрение рабочих организаций в государственный аппарат страны. Социал-демократия отныне заинтересована была не в его разрушении, а в его завоевании. Вот как осуществлялся «научный социализм»!

И опять-таки ни звука о войне... Война 1914—1918 г.г. обнаружила иллюзорность этих «побед» социал-демократии, она показала, как под прикрытием кажущихся побед демократии, социального законодательства и т. д. укреплялась буржуазная диктатура, приведшая к войне. Этого не видит Бернштейн, идеолог социалистического либерализма, защитник буржуазной теории прогресса.

Венцом здания является глава о большевизме. Поистине это целый Монблан пошлости и лжи! Вот один литературный перл: меньшевики это—те, кто были за проведение программы-минимум, а большевики—за осуществление программы-максимум!!??.. Так Бернштейн популярно раз'ясняет слушателям отличие большевиков от меньшевиков. Большевики фетишизируют насилие, не желая знать о связи и зависимости социально-политического развития от экономического общества; большевики—ученики Нечаева; большевики вообще не признают социальной и исторической обусловленности своей тактики; большевики не признают никаких границ воли в истории и т. д. и т. п. Стоит ли критиковать эту чушь? О партии, под чьим руководством пролетариат совершил путь от февраля до октября, переход от военного коммунизма к нэпу, от нэпа в его первых стихийных проявлениях к государственно-регулированному капитализму и делает первые шаги по пути социалистического строительства, утверждают, что она не знает границ воле, верит только в насилие, не признает связи экономики и политики...

Одиннадцатая глава книги воспроизводит доклад Бернштейна об исторически постоянном в марксизме, прочитанный им 15 марта 1913 г. в Будапеште. Автор хочет доказать и доказал, что все, что он писал до войны, осталось для него правильным и в отношении послевоенной эпохи; что все то, за что он боролся 30 лет, общепризнано отныне социал-демократией. Основная мысль доклада: марксизм только теория общественного развития, она не связана с социал-демократической политикой. Теория Маркса и Энгельса потерпела поражение в отдельных частях, но оправдала себя в целом. Но, когда мы следим за ходом рассуждений автора, мы убеждаемся, что марксизм обанкротился. В марксизме есть идеи исторически переходные и постоянные. К первым относится: диалектика, теория трудовой стоимости, концентрация в индустрии и сельском хозяйстве, теория двух классов, теория кризисов, экономической и политической катастрофы, теория обнищания, теория революции... Что же собственно остается? Учение о том, что «бытие определяет сознание», что капитализм создает предпосылки и силы для строительства нового общества и центром этих сил является пролетариат. Бернштейн имел смелость утверждать это еще до войны. Социал-демократия в целом молчала об этом, но, как правильно отмечает Бернштейн, повторяя слова одного либерала: «в парламентах, на больших пленарных заседаниях, они беспокоили буржуазию, но в комиссиях они были верными нашими защитниками». Недаром германское правительство часто еще в старину, в борьбе с консерваторами, говаривало: «Славу богу, что мы еще имеем социал-демократию!» Все это Бернштейн старательно отмечает, чтобы подчеркнуть свою основную мысль:

социал-демократия **по существу была и должна быть партией организованного либерализма.** В этом смысл эволюции партии Шейдемана и Носке, Бернштейна и Каутского. Наша задача поэтому теперь внимательно изучать теоретические «изыскания» идеологов социал-демократии, чтобы успешно бороться с действиями ее практиков.

Так в день семидесятилетнего юбилея К. Каутского и семидесятипятилетнего юбилея Э. Бернштейна, «центр» и ревизионизм подают друг другу руки, чтобы на весь мир подтвердить наше утверждение о социал-демократии, как о «третьей буржуазной партии» в едином реакционном стане имущих классов.

ТРИБУНА.

Ответ на ответ.

В своей статье «Ответ Милонову» («Под Знаменем Марксизма» № 10—11) тов. Варьяш занял позицию Зевса-громовержца, с высоты Олимпа посылающего молнии на грешных жителей земли. Гнев [illegible] жителя возбужден тем, что какая-то «quantité négligeable» «с [illegible]ной решительностью и смелостью», а также с «еще большей [illegible]рожностью и легкомыслием» посмела не совсем почтительно о[illegible] о его, Варьяша, заметке. Гнев усиливается и достигает апогея, [illegible] автор не без проницательности усматривает за невежественным [illegible]новым других «более опытных людей», которые в основном согла[illegible] с последним. Но гнев, как известно, плохой советчик. Нередко бывает, что под влиянием этого аффекта люди выбалтывают свои сокровенные мысли. Те, которые,—будь они сказаны ясно и открыто,—не [illegible] не компрометировать их автора. Именно этот случай мы и имеем с «Ответом» т. Варьяша.

Прежде чем коснуться подобных мыслей, мало удобных для маркси[illegible]ста, полезно слегка расчистить почву от некоторых сугубо-личных [illegible]ментов. Я говорю о моем невежестве по математической части и [illegible] якобы, «страстном желании опровергнуть» т. Варьяша.

По пункту первому автор в числе своих «выводов» поучительно сообщает: «Знание таблицы умножения не дает еще права писать о диалектике в дифференциальном исчислении». А немного выше, дабы окончательно низничтожить мою персону, ядовито спрашивается: «Интересно, в какой области математики специализируется т. Милонов?» Вопрос, как легко видеть, риторический, заранее предполагающий отрицательный на него ответ. Относительно всего этого можно сказать немного. тов. Варьяш, выражаясь юридически, превышает свои полномочия,—[illegible] он не святой отец, а я—не кающийся грешник, чтобы открывать [illegible] «тайны души моей». Кроме того, если мне не изменяет память, зловредный К. Милонов никогда и нигде печатно не выступал с трактатом по математике. Так что утверждение тов. Варьяша относительно таблицы умножения необходимо признать мало обоснованным. Если же автор опирается здесь на какие-нибудь личные воспоминания [1]), то, не говоря уже о том, что нечто аналогичное может оказаться и у меня, достаточно заметить: для ребенка ясно, сколь ненадежна была бы подобная опора. К, наконец, математическая литература также не знает трудов т. Варьяша по математике, если не считать его статьи «Формальная и диалектическая логика» («Под Знаменем Марксизма», № 6—7, 1923 г., стр. 207—227), где математика, как таковая, затронута лишь отчасти. (Я сообщаю это отнюдь не из-за неудержимого скепсиса к математическим познаниям

---

[1]) Он это ясно обнаруживает, когда приводит неопубликованное письмо Струика и не приводит цитат из Маркса.

тов. Варьяша и его привязанности к сей «царице наук»: я говорю это, чтобы характеризовать олимпийское величие автора).

Пункт второй: мое «страстное» желание опровергнуть. Тов. Варьяш считает, очевидно, что все разногласия нарочито выдуманы с целью его дискредитирования. Выдуманы они или нет, для суждения об этом не может быть, само собой разумеется, иного критерия, кроме трезвой оценки возникшего спора. С своей стороны, я хотел бы заметить только то, что каждый марксист, даже не претендующий на роль высшего судилища, обязан откликнуться на то, что, по его глубокому (ну, конечно, суб'ективному) убеждению, является извращением марксизма.

Вопросы сугубо личного характера кончены. Остаются вопросы теории.

Но здесь всякий непредубежденный читатель сочинений Варьяша наталкивается на своеобразное явление, при чем во второй раз: и в статье в Inprekorr'e и в «Ответе» т. Варьяш укрывается за Маркса. Так в «Ответе» он говорит: рецензент «не знает, кого он собственно критикует: меня или Маркса». «Все, что я говорю в своей статье (Marx als Mathematiker. *К. М.*), действительно, есть у Маркса. Поэтому все стрелы, которые он адресует мне, летят не в меня, а именно в Маркса»; и, наконец: «Если тебе хочется критиковать математику Маркса, делай открыто, а не делай вида, что ты критикуешь меня (вся критика т. Милюкова адресована Марксу)» и т. д. Таких голых утверждений слишком много, чтобы не заподозрить за ними сугубой нарочитости. При этом сказать: стрелы летят не в меня (имя рек), а в Маркса, значит—сказать очень мало. Выражаясь по ларински, здесь мы имеем действие по «методу оглушения». Тов. Варьяш предпочитает этот метод доказательству (ох, уж это доказательство!) и цитате, чем и уничтожает меня без остатка. Но автор «Ответа» скажет (примерно, так он и говорит): позвольте, чудной вы человек, ведь русским языком сказано: «Я не имел права опубликовывать рукопись, право издания которой принадлежит не мне», не мог я и цитировать, тем более, что вы мне все равно не поверите. Кроме того, тов. Варьяш сошлется на переписку Маркса—Энгельса.

Разберемся в этом по существу. Рукопись Маркса по математике до сих пор не опубликована. Она хранится в Институте Маркса и Энгельса. Тов. Варьяш с ней ознакомился. Спрашивается: нужно ли торопиться с оповещением мира об этом важном событии (о рукописи, а не об ознакомлении)? Всякий, для кого Маркс—не просто икона, всякий, кто относится к Марксу и марксизму, я бы сказал, с любовью, ответит: можно и надо подождать, именно потому, что рукопись чрезвычайно важна как для характеристики Маркса, так и для марксизма. Обосновывать это дальше вряд ли стоит. Необходимо отметить лишь, что надо поистине считать себя божеством, чтобы без зазрения совести утверждать свою абсолютную об'ективность. Ибо, как известно, никогда еще никто из людей не обладал подобным свойством. Если это верно,—а оно несомненно верно,—то вряд ли можно ошибиться, a priori предполагая, что и т. Варьяш, несмотря на все его величие, может быть, подвержен недостатку своеобразного суб'ективного преломления некоторых мыслей Маркса. Эта априорная конструкция подтверждается a posteriori, когда изумленный читатель вдумается в пылкую тираду т. Варьяша (говорится об арифметизировании математики): «Наше стремление в принципе совпадает с марксовым. Н е з н а я р а н ь ш е о б а н а л о г и ч н ы х с т р е м л е н и я х М а р к с а, м ы у ж е м н о г о л е т п ы т а л и с ь р а с к р ы т ь э т у т а й н у, и д я м е т о д и ч е с к и п о т о м у ж е п у т и, ч т о и М а р к с» («Вестник Комм. Акад.» № 9, 1924 г., стр. 277. Курсив мой).

Не говоря уже о некотором недостатке скромности, здесь легко заметить, что тов. Варьяш не столько хочет об'ективно исследовать Маркса, сколько желает найти подтверждение своих взглядов. Путь опасный. Идя по нему, можно, скажем, уцепиться за пару слов «wald ursprüngliche Einfachheit» и только на этом основании сконструировать отход Маркса от диалектики. Надеюсь, что «выводы», иа которые т. Варьяш не скупится для меня, он сделает здесь сам, без моей помощи...

Но тов. Варьяш ссылается на переписку Маркса—Энгельса, которая, по его мнению, целиком подтверждает величие автора, понявшего Маркса, и ничтожество Милонова, не понявшего автора. Не обсуждая пока принципиальных вопросов, здесь возникающих, надо сказать, «функция сгущения» сыграла тут с т. Варьяшем неприятную шутку. И в статье в Inprekorr'e и в «Ответе» он ссылается на письмо Маркса к Энгельсу от 8/I—1868 г. При этом в Inprekorr'e он делает отсюда такие выводы: «То, чем интересовался больше всего Маркс, была сущность, смысл математики... И он, этот неутомимый и бесстрашный революционный мыслитель, считал своей самой важной задачей изгнание мистицизма из его последнего прибежища—из математики» (курсив автора. *К. М.*). И дальше: «Маркс занимался математикой не l'art pour l'art. Он был твердо убежден, что только обстоятельные занятия высшей математикой могут дать научно-строгий ответ на проблему труда всей его жизни (seines Lebenswerk)». Прибавьте к этому, что т. Варьяш называет изгнанием мистицизма из последнего (?) его прибежища, из математики, «высокой целью», и вы схватитесь за голову под наплывом новых мыслей. Первая и самая важная из них будет та, что Маркс превращается здесь из революционера, борца на общественной арене, во что-то близкое, скажем, Гауссу, Риману, Лобачевскому, может быть, даже «глубокомысленному» профессору Вейлю. Тов. Варьяш, конечно, не говорит этого, отнюдь нет! Это только неизбежно следует из его характеристик. Можно подумать, что основой для последних служит какая-нибудь специальная работа. Увы, нет! Никакой опоры, кроме речи Энгельса на могиле Маркса, его же письма к Ланге[1]) и такого замечания самого Маркса в письме от 8/I—1868 г.: «Мне было полезно то обстоятельство, что в высшей математике часто (öfter) имеются подобные формулы»[2]). Только это. Отсюда нетрудно видеть, что, кроме указанной выше функции, в интерпретации т. Варьяша немалую роль сыграла и функция «сгущения»: автор всех характеристик Маркса вложил в цитату гораздо больше того, что в ней действительно содержится. Примерно таковы же и остальные ссылки, производимые тов. Варьяшем. Вот уж поистине: «всякие цитирования есть одновременно и интерпретация» (Г. Лукач)! Своеобразие последней произошло, конечно, ненамерено (да обезопасит меня Аллах от утверждения этого!), а от «функций», которые владеют, как известно, человеческим созданием. Бедное создание!

Что же следует из всех этих соображений? Только то, что т. Варьяш, несмотря на свое величие, иногда становится чрезмерно скромным, приписывая Марксу те мысли, которые, собственно говоря, принадлежат самому автору «Ответа». Надо полагать, что в данном случае скромность

---

[1]) Гегель настолько знал математику, что ни один из его учеников не был в состоянии издать многочисленные математические рукописи среди его наследства. Единственный, насколько я знаю, человек, который достаточно понимает математику и философию, чтобы это сделать, есть Маркс (29/III—1865. Neue Zeit, 28 Jahrgang, № 6, S. 186).

[2]) Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx. Stuttgart 1921, B. IV, S. 4. Маркс говорит здесь о «заработной плате, как иррациональной форме проявления... скрытых отношений».

вряд ли уместна (конечно, ие потому, что оиа мелко-буржуазная добродетель).

Но здесь интересна и важна не столько эта скромность сама по себе, сколько то, что ею прикрыто. Этим мы сейчас и займемся. При чем я должен заранее предупредить, что в дальнейшем вынужден буду ограничиться только иесколько большим развитием сказанного уже в рецензии, так как 1) моя точка зрения, смею надеяться, была лишь популярным истолкованием соответствующих мест из печатных работ Маркса—Энгельса и так как 2) тов. Варьяш, несмотря на весь свой гнев, не убедил марксистов в его, Варьяша, правоте.

Но тут встает наш автор и весело заявляет: а как же с переводом? Он, ведь, у вас того... подгулял! Победа в этом пункте, действительно, принадлежит тов. Варьяшу. Он может ей радоваться. Перевод сделан небрежно, и вина целиком падает на меня.

Да и не в этом, очевидно, вся соль веселых размышлений тов. Варьяша по этому поводу. Заключается оиа в делаемых из данной цитаты выводах. Тов. Варьяш говорит: «Из перевода тов. Милонова явствует, что я как будто приписываю самостоятельное существование наукам, с одной стороны, и прикладной диалектике, с другой, при чем науки представляют для прикладной диалектики необозримую сложность. Иными словами, ие наука является прикладной диалектикой, применением диалектики, а существует какая-то свалившаяся с неба абстрактная и в то же время прикладная диалектика и независимая от нее наука». Вывод, как легко видеть, действительно смахивающий на сумасшедшую нелепость, от которой только диву даешься». Нелепость потому, что в своей рецензии я черным по белому написал: «здесь неизбежно придешь к выводу: разрабатывать диалектику во «всех других областях, даже в физике, не говоря уже об общественных науках», совершенно незачем, никакой надежды на успех, в виду «необозримой сложности» здесь нет. Зачем же попусту тратить дорогое время?» (стр. 300—301). Имел ли я право сказать так? Смею думать, что был даже обязан: общее стремление тов. Варьяша к отысканию диалектики прежде всего в математике, гипертрофирование им математической проблемы для Маркса, наконец, смысл первой половины цитаты, взятой даже в аутентичном переводе («Все другие области, даже физика, не говоря уже об общественных науках, являются такой необозримой сложностью прикладной диалектики...»),—все это порознь и целиком убеждает, что «умысел иной тут был», что ошибка в переводе—только дымовая завеса для отхода на другие позиции и что Маркс понадобился тов. Варьяшу лишь из-за его, Варьяша, неизреченной скромности [1]).

Все это бросает дополнительный свет на критические маневры автора и на его основную точку зрения (только поэтому, в частности, я так долго и остановился на вопросе о переводе).

То, о чем говорит тов. Варьяш в своем «Ответе», целиком увязывается вокруг двух основных пунктов: вокруг диалектики и математики. Постараемся разобраться во всех возникающих здесь вопросах.

---

[1]) Я обращаю внимание также на то, что автор не отозвался на мой вызов: он ни словом не упомянул Гегеля и его критики математики и ничего не сказал о Ресселе, хотя эти вопросы были мною выставлены. Это подтверждает выводы о скромности т. Варьяша: в статье «Форм. и диал. логика» он печатно проявил свою склонность к калькулятивной (математической тож) логике Ресселя, говорить о чем теперь он не считает, очевидно, возможным Между тем, нетрудно понять, что основное устремление т. Варьяша к полному отождествлению логики (пока безразлично, формальной или диалектической) с математикой идет не столько от Маркса, сколько через Варьяша от Ресселя. Опять ненужная скромность!—Но мы еще будем иметь случай заняться этим.

Первым из них, думается, может быть вопрос о так называемых «имманентных методах» отдельных наук. Исходя из вышеприведенной цитаты, тов. Варьяш считает своим долгом прочесть нотацию по поводу того, что «нет никакой оторванной от естествознания и общественных наук математики (и диалектики)», нет, следовательно, и имманентных каждой науке методов. С этим нельзя не согласиться: отдельные науки (и их методы), конечно, не отграничены друг от друга непроходимой пропастью, а представляют собой качественно-различные звенья одной и той же цепи. Это истины. Но, к сожалению, здесь не вся истина. Абсолютного различия между науками нет, но между ними нет и абсолютного тождества, иными словами,—есть известное относительное различие. При чем это последнее состоит не только в том, что угодно видеть здесь тов. Варьяшу, не только в бóльшей сложности «диалектического переплетения». Говорить так—значило бы грешить против основ диалектики и против... действительности. Ибо это означало бы, с одной стороны, что за чисто количественным накоплением сложности «переплетения», мы не замечали бы качественных различий (не абсолютных!) между отдельными науками. С другой стороны, это заставило бы нас стричь под одну гребенку, скажем, математику и политическую экономию. Конкретно же и то и другое значит лишь одно: так как в математике не найдешь категорий политической экономии и так как некоторые части последней действительно допускают математическую обработку, то надо заняться сведением политэкономии к математике. К этому весьма близок тов. Варьяш, когда он утверждает абсолютное отсутствие «имманентных» методов науки, когда он указывает на «необозримую сложность прикладной диалектики даже в физике, не говоря уж об общественных науках». Между тем, каждый знает, что подобное «сведение» ненаучно и что марксизма в этих утверждениях тов. Варьяша нет ни на грош.

Но в рассуждениях автора есть еще одна сторона, мимо которой никак нельзя пройти. Он зло высмеивает меня за то, что диалектика, якобы, отрывается мною от действительности, чем единый мир разбивается на две части: «а) на диалектику и b) на самый мир». Хотя это говорится по другому поводу (насчет своеобразия и т. д.), однако вытекает из тех же истоков, которые рассматриваются сейчас: полезно поэтому здесь же этим и заняться. Исходя из выражений, допущенных в рецензии («приложение диалектики» к действительности и т. д.), а главным образом, из ошибки в переводе, тов. Варьяш конструирует целый идеалистический уклон. Достаточно вспомнить, что у меня «идеалистический взгляд на математику», когда последняя «является лишь способом рационализации природы»[1]), достаточно прочесть ядовитое замечание автора: «тут «мои» понятия, а там мир, и понятия «применяются» к «нему», чтобы сказать: ах, Милонов, Милоноз, говоришь о марксизме, а на деле-то, ведь, ты идеалист. Об этом стоит сказать два слова, однако вовсе не потому, что тов. Варьяш обругал меня идеалистом. Автор говорит: «Весь мир представляет из себя бесконечный диалектический процесс, и диалектика не применяется к нему, а представляет собой отражение этого процесса. «Применить» диалектику к природе... это значит систематически наблюдать и констатировать реальные свойства...» (курсив автора). Это положение приводится тов. Варьяшем для того, чтобы ниспровергнуть мой, якобы, взгляд на диалектику, как самостоятельную сущность. Надо признать, что автор ломится здесь в открытую дверь: ведь, совершенно

---

[1]) Кстати. Автор утверждает, что «dx, dy — действительные величины», т. е. величины, об'ективно именно как dx и dy существующие. Надо полагать, что т. Варьяш в данном случае просто ошибся.

очевидно, что каждый, кто хоть немного читал Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, не может придерживаться такой, с позволения сказать, теории. Да и не об этом, надо думать, говорит т. Варьяш. Он чрезмерно увлекся борьбой против применения диалектики и, поэтому, вынужден ограничить ее роль (а также и всякой теории) простым «отражением» и констатированием. Благодаря этому, он не заметил действительной диалектики познания и лишил теорию ее революционного значения. Между тем, совершенно ясно: диалектика—не метафизическая «сущность», она есть лишь отражение в головах людей действительных процессов природы и общества; и именно поэтому она может и должна применяться к действительности при анализе последней; ее роль, следовательно, не ограничивается одним лишь констатированием, ее роль, кроме того, заключается в помощи исследователю для отыскания новых результатов. Противоположный этому взгляд грешит тем же, чем грешил созерцательный материализм (см. тезисы Маркса о Фейербахе) и чем грешат и поныне социал-демократы, ограничивающие теорию одним лишь констатированием фактов. Сюда можно было бы прибавить еще и то, что тов. Варьяш, проводя последовательно свою точку зрения, вынужден будет скатиться к чистому описанию, отказавшись от об'яснения. Но, ввиду недостатка места, этим не стоит заниматься. Я предпочту привести одно место из «Анти-Дюринга» Энгельса (отнюдь не для того, чтобы только укрыться под его сень). На стр. 48 русск. перев. Энгельс говорит буквально следующее: «чистая математика прилагается впоследствии к миру, хотя она заимствована из этого самого мира и представляет лишь часть его составных форм— и именно только поэтому может быть вообще прилагаема» (курсив Энгельса). И дальше, специально о диалектике: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет диалектика, которая... содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» (стр. 155, изд. 1924 г.). Надеюсь, тов. Варьяша убедили эти выдержки. Убедили в том, что выражения «применять» и «прилагать» вполне допустимы для марксиста. А то, что возражения автора по этому пункту шиты белыми нитками, свидетельствует, кроме всего прочего, факт гипертрофирования значения математики для Маркса. Действительно, можно ли утверждать: Маркс видел в своих занятиях высшей математикой средство найти «научно-строгий ответ на проблему труда всей его жизни» (см. выше), если не считать математику так или иначе применимой? Думается, что нет. Тов. Варьяш, возражая против меня, не только запутывает уже решенный марксизмом вопрос, но и запутывается сам, в пылу гнева не умея свести концы с концами.

В тесной связи с этим стоит вопрос о математике, как методе познания. Тов. Варьяш утверждает: «математический метод существует лишь в его (Милонова. *К. М.*) голове» Отсюда ясно, что реально, в действительности, подобного метода нет. Так ли это? Нет, не так. Что такое математический метод? Это тот способ анализа, который ограничивается выяснением одних лишь количественных отношений между элементами реального мира. Совершенно отвлекаясь от качественных особенностей предметов, метод этот подставляет на их место определения величины и оперирует с последними, как единственно данными. Он, к тому же, стремится свести все к числам и их отношениям (в скобках замечу, что от этого принципиально ничем не отличается и основное стремление современной калькулятивной логики). Если кое-кто не вполне осознает наличие подобного метода, то этим, конечно,

существованне его отнюдь не уничтожается. Тем более, что известное ограниченное его применение чрезвычайно помогло и помогает науке: стоит вспомнить хотя бы XVII век — время рождения современного естествознания, — который протекал под флагом применения математики к анализу действительности; и в настоящий момент механика, физика и техника совершенно невозможны без этого метода[1]). Вопрос ставится, очевидно, только так: может ли быть математика универсальным методом? Для ответа на него я могу только привести несколько выдержек, с основными мыслями которых нельзя не согласиться. Вот, что говорит по этому поводу Гегель (Энциклопедия, Логика, пер. Чижова): «Философия имеет своей целью свести рассматриваемые предметы на мысли и именно на определенные мысли. Но число есть мысль и при том такая мысль, которая выражает собой главную и даже отличительную черту чувственных предметов. Следовательно, попытка об'яснить мир помощью числа составляет первый шаг метафизики. Справедливо, что вещи содержат в себе многое другое, кроме чисел, но это значит, что мысль числа еще не может выразить собою истинную сущность или понятие. Следовательно, нельзя сказать, будто Пифагор зашел слишком далеко в своей философии чисел: напротив, ему следовало бы пойти дальше, и после него элеаты сделали первый шаг к чистой мысли... в форме бытия» (§ 104, приб. 3). Там же: «...Если еще в настоящее время некоторые общества придают много веса всякого рода числам и фигурам, то, с одной стороны, это составляет невинную забаву, а с другой — служит признаком неразвитости мысли. «Истинный элемент мысли составляют не произвольно выбранные символы, а самое мышление» (§ 104, приб. ?). Так говорит Гегель, так должен сказать марксист (конечно, отбросив весь идеализм). Но Гегель говорит в данном случае об истории мысли. Если его слова приложить к научной действительности, то надо сказать следующее: классификация наук по степени сложности об'екта их изучения, данная Энгельсом в письме к Марксу 30/V 1873 г. и в «Анти-Дюринге» (от механики до общественных наук), указывает на все убывающее значение категории количества, пока, наконец, в общественных науках она не будет играть чисто служебной роли. А это и значит отказ от универсальности математического метода. Ко всему этому необходимо прибавить еще одно замечание. Тов. Варьяш, идентифицирующий метаматику с логикой и скромно именующий общественные науки «и т. д.», чем сводит их на роль ветви логики, желает, очевидно, математизировать марксизм. Вряд ли последний будет ему благодарен за подобную кастрацию.

И именно по двум причинам, которые, как будто бы, вполне осознает и сам тов. Варьяш. Я говорю о том, что можно назвать двойным формализмом математики. Дело в следующем. Давно уже признано, что математические определения и символы, их выражающие, настолько абстрактны (а значит и просты. Это понадобится для дальнейшего), что за ними можно мыслить или они могут представлять буквально все: так, напр., x, y, z — неизвестные вообще люди, лошади, буржуа, пролетарии и т. д., и т. д. Так же обстоит дело и с вновь открытыми «множествами». Это, думаю, дало Ресселю основание сказать, что «математика

---

[1]) Тов. Варьяш почему-то приписывает мне, кроме незнания, также и великую нелюбовь к математике, при чем выводит ее из замечания, имеющего прямо обратный смысл. Надо полагать, что в данном случае, увлеченный импликацией *p* и *q* (см. «Форм. и диалект. логика») он из верного положения выводит неверное. «Диалектическая логика» Ресселя благословляет его на этот шаг. — Если говорить серьезно, я не знаю, как доказать т. Варьяшу мою нежную привязанность к математике.

может быть определена, как доктрина, в которой мы никогда не знаем ни о чем мы говорим, ни то, верно ли то, что мы говорим» («Новые идеи в математике», сборн. 1, Петроград 1917 г., стр. 83). Как бы то ни было, с точки зрения математики, под ее символы можно «подставить» что угодно. Можно считать это весьма высоким достоинством, можно не считать таковым, надо признать, что это е с т ь. В этом и заключается ее—математики—формализм. Если дело обстоит так, то она вынуждена по существу своему ограничиться анализом лишь формальной стороны явлений, почти совсем отбрасывая содержание их, их вещественность. Между тем, известно, что именно последнее существенно для определения того, буржуа данный человек или пролетарий, и т. д. К подобному формализму марксизм не имеет никакого касательства, и это потому, что, как правильно говорил Гегель, «абсолютный свет есть абсолютная тьма» или: то, что означает слишком много, не означает ничего. Но так поступает марксизм. Тов. Варьяш стоит на противоположной точке зрения. Говоря об арифметизировании математики, он приводит известное место из «Введения» к «Zur Kritik», относительно требований научного метода, после чего замечает: «Значит, по Марксу, надо начать с абстрактных, но более простых условий, и так продвигаться к полному, конкретному... Вот как понимает Маркс свой метод, из-за чего он немедленно и получит свой суровый выговор от Минюнова». Этим самым автор хочет оправдать свое личное пристрастие к абстрактности, к простоте, к упрощению. Что ж, люди, специально занимающиеся математизацией логики, действительно могут видеть в этом свое знамя. Но... при условии полного непонимания того, что говорит здесь Маркс. Последний же высказывает, примерно, такую мысль: свой анализ надо начинать с конкретного, непосредственного, данного в восприятии; путем абстракции надо найти простейшие категории и затем воспроизводить конкретное при помощи этих категорий; только «тогда ж и з н ь материала получит свое и д е а л ь н о е отражение» (курсив мой). Здесь, как легко различит каждый, самая доподлинная диалектика. Но она далека от того, что мы имеем в математике с ее формализмом. Математика также, конечно, обрабатывает конкретное, отыскивая абстрактные категории. Но, к сожалению, на этом ее дело и кончается: воспроизводством конкретного, опосредствованного категориями, она не занимается. Вот почему, в частности, Гегель говорил, что математика неспособна выразить «живого беспокойства жизни». Политическая же экономия не только способна, но фактически это постоянно делает. Я привел все это для того, чтобы показать, что математика формалистична по существу. Но здесь есть и другая сторона. Тов. Варьяшу выдержки из Маркса понадобились, дабы опять пристыдить мою недоверчивость и мое непонимание. Он хочет сказать: как в политэкономии надо сводить все к абстрактным (простым) категориям, так и в математике надо сводить все к арифметике. Он забывает лишь одно: простота простоте рознь. Категория стоимости есть, конечно, простейшая в политической экономии. Но вся сила в том, что эта категория таит в себе богатейшее содержание, всю совокупность капиталистических общественных отношений. В арифметике мы имеем категории безжизненные, мертвые, такие, в которых вещественное содержание совершенно выветрилось. Но вопрос стоит еще и не так: если можно и надо в политической экономии среди всех других категорий отыскивать простейшую—стоимость, то, может быть, и в высшей математике можно отыскивать е е простейшие категории, именно категории арифметики? Подобная аналогия была бы никуда не годной. Ведь полит. экономия, «сведенная» к стоимости, не только не теряет своих об'ективных свойств

но, напротив, только тогда-то они и познаются рационально. Тогда как в математике анализ имеет категорию изменения величины, арифметика этой последней не знает. В данном случае мы имели бы упрощение, ликвидирующее самое высшую математику. Тов. Варьяш со своим упрощенством, однако, вряд ли сознает это различие. Его стоит пожалеть.

Выше говорилось об одной стороне математического формализма. Необходимо перейти ко второй. Состоит этот формализм в том, что элементарная математика (арифметика, алгебра и геометрия) покоится на аксиомах, которые, в свою очередь, покоятся на законах формальной логики: закон тождества, противоречия и исключенного третьего. Все это блестяще доказывается не каким-нибудь Милоновым, а самим тов. Варьяшем (что я считаю необходимым подчеркнуть, так как весь сыр-бор с «ответами» загорелся, по сути, из-за моего обвинения в формализации диалектики). Ведь последний сам приводит известное место из «Анти-Дюринга» Энгельса, где тот говорит, что «элементарная математика, математика постоянных величин, по крайней мере, в целом и общем, движется в границах формальной логики» (стр. 155, издание 1924 г.). Казалось бы, этого вполне достаточно, чтобы признать, что попытки арифметизировать математику не соответствуют методу марксизма. Так нет же! Тов. Варьяш, знающий этот взгляд, не делает из него никаких выводов. Очень жаль. Автор, кроме того, не считает нужным критиковать меня в этом пункте по существу, деликатно обходя его и... неделикатно выражаясь. Я же, помня, что все дело в том, можно или нельзя, не совершая греха против марксизма, заниматься сведением анализа к арифметике, иначе—протаскивать в высшую математику, являющуюся прогрессом в сторону диалектики, формальную логику,—помня это, я мог бы процитировать тов. Варьяшу, кроме Энгельса, также и Ресселя, Клиффорда и пару других. Пока же я прошу обратить усиленное внимание на следующие слова Энгельса: среди математиков «есть немало таких, которые, с помощью методов, добытых диалектическим путем, оперируют на старый, ограниченный метафизический лад» (стр. 141). Эти слова, мне кажется, способны положить предел упрощенческим ухищрениям, когда математику сводят к одной арифметике. Если в первой мы имеем, как признает сам тов. Варьяш, «не что иное, как диалектику, примененную к математическим отношениям», то не может не считаться большой ошибкой попытка «упростить» эту диалектику до формальной логики. А именно к этому, повторяю еще раз, ведет арифметизирование высшей математики.

Прежде чем перейти к рассмотрению диалектических моментов высшей математики, полезно заняться выяснением самой диалектики. Правда, марксист скажет, что в этом нет никакой необходимости— достаточно, не говоря уж об Энгельсе, заглянуть в «Энциклопедию» Гегеля, чтобы увидеть эти основные положения. Диалектика, говоря кратко, включает в себя следующие категории: развитие и изменение, количество и качество, мера, борьба противоречий, отрицание отрицания и скачек. В таком виде их знает каждый совпартшколец. Но... тов. Варьяш не слушатель совпартшколы. Поэтому он считает для себя возможным не знать вышеприведенных категорий. В статье в Inprekorr'е и в своем «Ответе» он не дает, конечно, прямого определения диалектики: разве нужно этим заниматься? Однако небольшое замечание выдает, что с диалектикой дело обстоит у него весьма неблагополучно. Как прикажете понять следующую фразу (тов. Варьяш говорит о близости Вейля, этого «неоспоримого авторитета в современной математике», к диалектике)? «Вейль инстинктивно признает с и л л о г и с т и к у высшим орудием математического образования понятий. Э т и м с а м ы м он стано-

вится,—конечно, бессознательно,—на ,почву диалектической логики, которую он—пусть (obwohl) бессознательно—фактически использует, хотя эта диалектика скрывает еще в себе много неясностей... Теперь мы достигли самой сущности (Kernpunkt) вопроса» (Курсив везде мой. *К. М.*). Как бы ни относиться к этим словам т. Варьяша, необходимо признать, что диалектическая логика для него равна силлогистике, при чем последняя в примечаниях (см. Anmerkungen) им самим квалифицируется, как «термин формальной логики». Диалектика=силлогистике?! Это, действительно, крепко сказано. Может быть, я ошибся? Читаю статью тов. Варьяша «Формальная и диалектическая логика» и нахожу там ту же самую мысль. На стр. 215—217 автор говорит о «логике отношений», на точку зрения которой «сознательно стал... Маркс». Надо полагать, поэтому, что логика отношений есть логика диалектическая. И вот какую, в частности и в особенности, характеристику дает ей тов. Варьяш: «...приняв из опыта известные основные положения (напр., арифметические аксиомы), мы можем получить дальше все новые истины исключительно путем умозаключений. Иными словами, выведенные положения будут содержать в своих предикатах больше, чем было заключено в предпосылках, благодаря тому, что это сделалось возможным путем умозаключений из опытных предпосылок. Именно в этой, расширяющей познание, функции и заключается весь смысл и значение умозаключения» (стр. 217). Тут—что ни слово, то перл. Только перлы-то не имеют ничего общего с диалектикой (я не говорю уж о безбрежном идеализме). Но зато здесь много сходного, даже одинакового со словами, приведенными выше. Мы имеем, следовательно, не оговорку, но сознательно проводимую мысль. При чем последняя, замечу кстати, в своих истоках восходит к седой древности философии, к... Аристотелю: «Диалектический вывод есть тот, который происходит из общепринятых положений» (Die erste Topik, I). Тов. Варьяш предпочитает, следовательно, кормить своих читателей весьма залежавшимися и потому несвежими продуктами. Но все это, конечно, в скобках. Вопрос состоит в том, действительно ли диалектическая логика есть силлогистика? Я думаю, что ни один марксист, будучи в здравом уме и твердой памяти, не скажет в данном случае: да. И именно потому, что основные моменты диалектики (см. выше) те, без которых она совершенно невозможна, нельзя найти в силлогистике, как последнюю ни интерпретируй. Диалектика и силлогистика—это, простите за сравнение, столь же одинаковые вещи, как, скажем, Маркс и Рессель. Подобное понимание диалектики дает основание судить, почему тов. Варьяш относится к арифметизированию с столь нежной привязанностью: надо признать, что такая, с позволения сказать, «диалектика» действительно переполняет арифметику. Непонятно лишь одно: зачем арифметизировать, когда силлогистики (сиречь, «диалектики») сколько угодно и в высшей математике?

В тесную связь с этим нужно поставить, конечно, и этот недоуменный вопрос тов. Варьяша относительно различия между аксиомами и принципами, который остался пока без ответа. Не имея возможности тратить на выяснение его времени, я приглашаю тов. Варьяша взглянуть хотя бы в Handwörterbuch der Philosophie von Rudolf Eisler (Berlin 1922, II Auflage, S. 80 ff. и 497 ff), где он найдет необходимую ему справку. Я только опасаюсь, что он (Варьяш, а не Эйслер), придерживаясь своей точки зрения на диалектику, как силлогистику, вряд ли почувствует тонкое различие между аксиомой в установившемся ее понимании и принципом диалектики: марксисту же это различие ясно, оно может быть даже прощупано...

Несомненно, сюда же должны быть отнесены все возражения автора «Ответа» по поводу «своеобразия применения» диалектики. Тов. Варьяш, осиянный светом ресселевского учения, не признает своеобразия применения диалектики к разным[1]) процессам. На деле же мы имеем как раз то, что я утверждал. Ибо понятно буквально для каждого, что на одном голом принципе, скажем, борьбы противоречий далеко не уедешь: надо иметь еще и конкретное содержание противоречивых моментов, надо проанализировать, как именно эти противоречия сталкиваются и куда они ведут. Силлогистике, получающей «все новые истины исключительно путем умозаключений», тут нет места: конечно, если хочешь остаться материалистом, а не витать в сфере «чистых истин». Я вполне сознаю, что для тов. Варьяша все эти соображения мало убедительны, так как чистые истины, боюсь, весьма сильно влекут его в заоблачные высоты и он почти покинул уже сей грешный мир. Но сделать ничего не могу: за пределами земли кончается даже всесильная власть большевиков.

Прежде, чем закончить еще одно небольшое замечание по поводу диалектики в математике. Уже Гегель говорил про бесконечно-малые величины анализа, что они «определяются как такие, которые существуют в своем исчезновении, — не до него, ибо тогда они суть конечные величины, но и н е п о с л е него, ибо тогда они суть ничто. К этому основоположник диалектики прибавляет: «Математика обязана с а м ы м и б л е с т я щ и м и с в о и м и у с п е х а м и принятию того определения, которое противоречит рассудку» (т.-е. бесконечно-малого. См. «Наука логики», I часть, 1 книга, стр. 47 русского перевода.—Первую выдержку цитирует Плеханов в «Очерках по истории материализма», Соч., т. VIII, стр. 127. — Последний курсив мой *К. М.*). Все это нужно считать несомненным, и постольку математика действительно содержит в себе элементы диалектики. Марксизм и обязан заняться детальным ее втесением, отнюдь не ограничиваясь общим утверждением, что «математика переменных величин... есть в сущности не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 155). Не ограничиваясь потому, что, несмотря на всю ценность и правильность приведенных слов Энгельса, они нуждаются, несомненно, в подробном, конкретном рассмотрении. Если бы э т у работу выполнил т. Варьяш, нам оставалось бы лишь кланяться и благодарить. На деле же преподносится как раз обратное...

Если тов. Варьяша взять не только как автора статьи Marx als Mathematiker и «Ответа», но и как автора «Формальной и диалектической логики» и «Истории философии и марксистской философии истории», — а так и должен сделать марксист, то придешь к одному единственному выводу: здесь под флагом марксизма протискивается что угодно - формализм, идеализм, фрейдизм и всякие другие «измы». Марксизма же тут, кроме терминологии, очень мало.

К. Милонов.

---

[1]) А об этом только и может итти речь. Автор, видимо, гордится собою, когда он заявляет: «Милонов не может понять, что с в о е о б р а з и е мира и е с т ь к а к р а з е г о д и а л е к т и к а» (курсив Варьяша). Но, увы, это только комично, если не сказать резче. Ведь «своеобразие» может быть только по сравнению с чем-то другим. А так как мир один, то по сравнению с чем же — с богом или с Разумом с большой буквы? Не поможет ли здесь св. Рессель и логика отношений?

БИБЛИОГРАФИЯ.

Новые книги по истории социализма.

1. В. П. Волгин. «Очерки по истории социализма», Гиз, 2-е изд. 2. Его же. «Сен-Симон и сен-симонизм», «Красная Новь, ГПП, Москва, 1924 г. 3. Его же. «Революц. коммунист XVIII в.» («Жан Мелье и его Завещание»), «Красная Новь», ГПП, Москва 1924 г. 4. А. Вышинский. «Очерки по истории коммунизма». Курс лекций. «Красная Новь» 1924 г. 5. Б. И. Горев. «История социализма», т. I. Социализм на Западе. Изд. 2е, исправленное и дополненное, «Новая Москва», 1924 г. 6. Карл Форлендер. «История социалистических идей», перевод с немецкого Г. П. Федотова. Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Ленинград 1925 г.

Литература по истории социализма растет. Ряд указанных книг выходит уже вторым изданием, признак, что есть массовый читатель, интересующийся вопросами истории социализма. Между тем, подлинно марксистских исследований, за исключением нескольких работ Каутского, наш новый читатель не имел, а изучение основ марксизма без знания всего наследия прошлого не только затруднительно, но и невозможно. Вот почему можно было бы только приветствовать усиленную деятельность наших издательств по выпуску в свет работ по истории социализма, если бы... если бы большинство работ соответствовало важности трактуемой темы и способствовало настоящему углубленному восприятию сложности вопросов, выдвигаемых пред-историей современного коммунизма.

За исключением, однако, работ тов. Волгина, которые являются примером подлинного и глубокого марксистского изучения прошлого социализма, остальные работы не блещут особыми достоинствами: авторы работ иногда добросовестно (но чрезвычайно неполно) полукомпилируют известный уже материал с прибавлением некоторых весьма неярких цитат, случайно выхваченных из источников (как, напр., А. Вышинский), или весьма поверхностно пробегают всю бесчисленную вереницу социалистических идей, начиная с Платона до наших дней, ограничиваясь легким абрисом рассматриваемых систем (как, напр., Горев), или занимаются перечислением всех социалистов и несоциалистов, но имевших какое-либо отношение к социализму, не стремясь даже и дать сколько-нибудь глубокое об'яснение трактуемым проблемам (как, напр., Форлендер).

Разбор указанных работ покажет, что эти замечания вполне справедливы.

Мы уже говорили о том, что работы В. Волгина являются примерными марксистскими работами. Его вышедшие недавно работы—«Сен-Симон и сен-симонизм» и «Жан Мелье» не являются наново написанными:

вторая («Жан Мелье») полностью перепечатана из «Очерков по истории социализма», а первая («Сен-Симон и сен-симонизм») представляет собою только наново обработанные, собранные вместе три статьи тов. Волгина, из которых две служили предисловиями к вышедшим под редакцией того же автора «Избранным сочинениям» Сен-Симона и «Изложению учения Сен-Симона» Базара, а третья статья была напечатана в 1912 г. Ввиду исполняющейся 15 мая 1925 года 100-й годовщины со дня смерти Сен-Симона, брошюру тов. Волгина «Сен-Симон и сен-симонизм» нельзя не признать вполне своевременной. Поэтому мы ею займемся в первую очередь.

Автор прежде всего оспаривает широко распространенное до сих пор мнение о Сен-Симоне, как о социалисте. «Для того, чтобы признать Сен-Симона социалистом,—пишет тов. Волгин,—нет достаточно данных». И автор прослеживает шаг за шагом идеологию Сен-Симона, основы его миросозерцания. Он показывает, как Сен-Симон выдвинул «идею з а к о н о м е р н о с т и общественного развития» (30 стр.), как, несмотря на то, что «характеристики отдельных моментов конкретного исторического процесса» у Сен-Симона действительно «содействовали уяснению реальных движущих сил истории» (стр. 33), все же этот гениальный писатель продолжал оставаться и д е а л и с т о м. Последнюю мысль тов. Волгин иллюстрирует критическим разбором важнейших произведений Сен-Симона, начиная от ранних — 1813 г. («Memoire sur la science de l'homme») и кончая позднейшими—1825 г. («Opinions»). Сен-Симону, например, не чужда мысль «о завоевании, как о причине классового строения общества»; он отмечает «хозяйственный момент в характеристике классов», но он не ищет корней общественных классов в той же хозяйственной деятельности. «Если бы,—справедливо пишет тов. Волгин,—он (Сен-Симон) сделал этот шаг, он неизбежно пришел бы к материалистическому пониманию истории. Но Сен-Симон этого шага не делает, его общая концепция остается идеалистической» (стр. 49). Страницы, посвященные автором выяснению основ философского миросозерцания Сен-Симона,—один из лучших в книге и прекрасно освещают этот спорный вопрос в творчестве Сен-Симона.

Весьма важно и то обстоятельство, что тов. Волгин дает нам миросозерцание Сен-Симона не в статическом виде, а в д и н а м и к е: так, автор отмечает, что Сен-Симон меняет свою оценку пролетариата на протяжении своей литературной деятельности; в первых своих произведениях («Письма женевского обитателя», 1802 г.) Сен-Симон смотрит на пролетариат, как на разрушительную силу, в последних своих произведениях («Новое христианство», 1825 г.) наш философ признает, что пролетарии доказали свою зрелость и не нуждаются в опеке. Этот момент весьма важен для выяснения вопроса о дальнейшем развитии идей Сен-Симона его учениками; жаль только, что тов. Волгин не указал социально-экономических причин этой частичной переоценки Сен-Симоном своих первоначальных взглядов, причин, коренящихся в выросшей к концу реставрации общественной активности французского пролетариата, его первых робких попыток организоваться в самостоятельную силу.

Мы не ставим себе задачей проследить полностью вскрытую тов. Волгиным идеологию Сен-Симона. Достаточно указать еще на то, что тов. Волгин не ограничивается только доказательством, что Сен-Симон не был социалистом, он выясняет также зародыш с о ц и а л и с т и ч е с к и х идей в его учении: общественный план работ, ассоциация, превращение государства в организацию производства, обязательный труд,—вот зародыши социалистических идей, которые впоследствии были развиты учениками Сен-Симона в довольно стройную социалистическую систему. Это

диалектическое понимание учения Сен-Симона отличает работу тов. Волгина от ряда других работ (Экштейна, Мукле), которые выдвигают одну сторону в миросозерцании Сен-Симона, между тем миросозерцание последнего безусловно сложнее и его нельзя просто трактовать или как социалиста или как не-социалиста. Тов. Волгин защищает следующее положение: «Учение Сен-Симона не есть манчестерство, как это утверждал Г. Экштейн, но, конечно, это и не социализм. Оно стремится преодолеть анархию капиталистического строя, не затрогивая его основ» (стр. 73). Автор называет систему Сен-Симона «государственным капитализмом». Нам кажется, что название это не совсем удачное, прежде всего потому, что само понятие «государственный капитализм» может иметь разные толкования: «государственный капитализм» в СССР совсем не то, что «государственный капитализм» в применении к капиталистическому строю. Правильнее было бы назвать систему Сен-Симона идеализированным капитализмом, где частная собственность и деление на классы сохранены, где власть принадлежит индустриалам-промышленникам; но вместе с тем осуществлено «право на труд», преодолена анархия производства, «бедные классы» благоденствуют. Эта идеализация капитализма могла зародиться на заре капиталистического строя, когда кризисы казались случайным, преходящим явлением (вспомним, что первый действительный кризис происходил только в 1825 г., что и Рикардо прошел мимо этого явления, не поняв его), когда капиталист был не только «отрезателем купонов», но и организатором производства. Для организаторской (технической) интеллигенции, представителем который тов. Волгин справедливо считает Сен-Симона, могло казаться, что все преодолимо в капиталистическом мире, что противоречия легко разрешимы, что можно создать реформами счастливый капиталистический строй.

Во второй части своей книжки тов. Волгин дает характеристику учения сен-симонистов, отмечая идеал сен-симонистов, как «всемирной ассоциации трудящихся для целей совместной эксплоатации природных богатств земного шара» (стр. 106). Вместе с тем тов. Волгин останавливается на вопросе о неравенстве в этой ассоциации («каждой способности по ее делам»), отмечая, что это обстоятельство отличает сен-симонистов и во многом от течения коммунистического». Однако автор на наш взгляд недостаточно ярко оттеняет это обстоятельство. Между тем социальная база сен-симонистов—интеллигентские низы (как показывает тов. Волгин),—эта социальная интеллигентская база прекрасно об'ясняет сохранение неравенства в будущем строе: непристроенный на службе у капитализма интеллигент настроен против капитализма, настроен на первых порах социалистически, но по своей интеллигентской сущности—против полного равенства, за сохранение привилегий в будущем строе.

Основная работа тов. Волгина «Очерки по истории социализма» выходит вторым изданием и является в настоящее время лучшей книжкой по истории социализма. Охватывая мыслителей XVIII века от Мелье до Сен-Симона, автор дает четкую, ясную и яркую характеристику каждому из трактуемых писателей,—характеристику, основанную на углубленном изучении источников и знании конкретной социальной действительности. Особого упоминания заслуживает очерк о Мелье (можно только приветствовать издание его отдельной книжкой) и статья «Уравнительные теории XVIII века», где тов. Волгин дает чрезвычайно сжатую и яркую характеристику «эгалитарным» теориям Руссо, Мабли, Бриссо, Госселена, Гойона и Ленге, отмечая те специфические черты, которые отличают этих мелко-буржуазных «народников» от социалистов вообще. Сжатый и точный язык, конденсированность изложения дают возможность автору на протяжении небольшой статьи использовать огромный материал.

не расбрасываясь и не разбавляя крепкого вина подлинников водой излишних рассуждений. Все эти достоинства, на-ряду с доступностью изложения, делают книжки тов. Волгина необходимыми и ценнейшими пособиями для изучения истории социализма. Жаль только, что автор заканчивает свои очерки Сен-Симоном. Необходимость продолжения этих очерков напрашивается сама собою. Мы позволим себе выразить пожелание, чтобы тов. Волгин, который в предисловии к своей книжке «Сен-Симон и сен-симонизм» жалуется на перегруженность ненаучными занятиями, сумел урвать достаточно времени, чтобы довести свои исследования хоть бы до Маркса. Этим будет удовлетворена настоятельнейшая потребность наших дней.

Если главным достоинством работ тов. Волгина является глубокая трактовка вопроса и четкость и ясность формулировок, то этого нельзя сказать про работу А. Вышинского, автора «Очерков по истории коммунизма». Его работа представляет собою курс лекций, прочитанных на эконом. ф-те Ист. Нар. Хоз. имени Плеханова в Москве. «Цель,—пишет А. Вышинский,—дать слушателям учебное пособие применительно к прослушанному курсу». Автор прибавляет, что «этим последним обстоятельством об'ясняется и неизбежная неполнота книги, стремящейся охватить лишь главнейшие моменты (курсив наш. *Г. З.*) в изложении предмета». Мы бы охотно простили автору неполноту книги, если бы он в изложении главнейших моментов был ясен и исчерпывающе точен. К сожалению, этого нельзя сказать ни об одном из очерков в книге тов. Вышинского.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что А. Вышинский использовал большею частью русский материал—имеющиеся на русском языке переводы Мора, Кампанеллы, Морелли, Бабефа, Сен-Симона и др. и им ограничился. Хотя в своей заметке «Вместо предисловия» А. Вышинский и пишет, что он учитывал «чрезвычайную затруднительность для читателя ознакомиться с первоисточниками и стремился дать побольше выдержек из непереведенных на русский язык сочинений утопистов, особенно Фурье и Оуэна, но таковые отрывки можно найти в книге в весьма ограниченном размере, при чем нельзя сказать, чтобы они способствовали уточнению характеристики трактуемых авторов. Поэтому у Вышинского и случаются печальные недоразумения. Мелье и Мабли, напр., уделено несколько строк, в буквальном смысле этого слова, между тем как если относительно Мабли и можно ограничиться беглыми замечаниями, так как он не является социалистом, то Мелье-атеисту, материалисту и коммунисту в «Очерках по истории коммунизма» следовало бы уделить значительно больше места; наоборот, Морелли, перевод коего («Кодекс природы») есть на русском языке, очень повезло: ему уделен чуть ли не печатный лист. Древний же и средневековый коммунизм просто изложен по Каутскому [1]).

За счет недостаточности материалов, которым пользовался А. Вышинский, мы встречаем в книге обилие рассуждений, которые не всегда удачны. Особенно злоупотребляет автор «Очерков» аналогиями с современностью. Так, рассуждая о причине падения Габора, автор говорит

[1]) В книге попадаются иногда досадные небрежности: например, на странице 21 А. Вышинский цитирует письмо якобы Маркса от 23 октября 1846 г. из Парижа, между тем как это письмо принадлежит Энгельсу, а не Марксу, который был выслан из Парижа 11 января 1845 г. (см. Фр. Меринг «Карл Маркс», русск. перев., стр. 170) и уехал в Брюссель, в Париж возвратился лишь в начале марта 1848 года, так что указанного письма из Парижа в 1846 году Маркс писать не мог.

рит, что Табор пал не только потому, что «коммунистический характер его общественной организации стоял в противоречии с состоянием производительных сил в Богемии. Коммунистический характер русской революции и системы рабоче-крестьянских советов, также не оправдывается уровнем развития производительных отношений» (опечатка? сил. Курсив наш. *Г. З.*). Отметим, что А. Вышинский не понял, что Россия—звено в общей цепи империализма, правда, слабое звено (а потому оно и легче прорвалось), но отсюда отнюдь не следует, что наша революция «не оправдывается уровнем развития производительных сил». Ведь это похоже на пошлейшее мещанско-меньшевистское рассуждение. А. Вышинский и находит дальше, «что успехи нашей революции, как и таборитской, лежат в значительной степени в том искусстве маневрирования, которым мы владеем настолько же хорошо в политике (курсив автора. *Г. З.*), насколько хорошо им владели табориты в войне» (стр. 83—84). Позволительно, однако, спросить А. Вышинского: а что, если бы в России не было об'ективных предпосылок для социалистической революции, спасло ли бы нас искусство политики? Вышинскому все это скользкое рассуждение понадобилось для аналогии, о которой сам автор говорит, что ее можно проводить cum grano salis...

На стр. 172 А. Вышинский сравнивает бабувистов с большевиками и, представьте себе, находит полную аналогию. Тут нечто вроде эпохи «военного коммунизма»,—по выражению Вышинского—«примитивно-коммунистические мероприятия»... «Это,—говорит он далее,—должно расчистить почву для нового движения вперед. В зависимости от исторических условий, движение вперед—стремительное и прямолинейное, или, замедленное и осторожное, путем сложных диверсий и комбинаций»... что-то вроде нашего нэпа., Бабувисты даже чуть ли не предвидели нашей политики по отношению к... нэпманам. Что у бабувистов можно найти зародыши мероприятий, которые являются органической частью проводимой нами диктатуры пролетариата, это, конечно, верно, но аналогия с большевиками, которую проводит А. Вышинский, только затемняет вопрос и оставляет впечатление, как будто у бабувистов не было ничего утопического. Ведь по существу диктатура бабувистов была диктатурой бедноты, ясного представления о пролетариате, как о базе диктатуры, бабувисты не имели, и, конечно, той четкости в программе, которую склонен приписывать Вышинский бабувистам, у последних также не было.

Вообще Вышинский редко дает точную характеристику трактуемому автору, при чем делает упущения, которые имеют иногда первенствующее значение. Например, подробно излагая «Утопию» Мора (по русск. пер. Генкеля), тов. Вышинский пишет: «Утопия—страна коммунизма (курсив Вышинского. *Г. З.*). Здесь нет никакой частной собственности ни на землю, ни на дома, ни на орудия труда (курсив наш. *Г. З.*), ни на предметы потребления» (стр. 113). Между тем для Мора именно характерно то обстоятельство, что он заставляет утопийцев менять свое жилище каждые 10 лет, чтобы искоренить у них чувство собственности, но вместе с тем совершенно умалчивает о том, составляли ли орудия труда городских жителей общественную или частную собственность. Между прочим Морелли просто говорит о сохранении частной собственности на орудия труда, и это чрезвычайно характерно, так как и Морелли и Мор, конечно, не могли выскочить из общественных отношений своего времени, с его низким уровнем техники, при которой в большинстве отраслей производства орудия труда непосредственно связаны с личностью трудящегося.

Далее, излагая Бабефа, А. Вышинский совершенно умалчивает о преобладающем *аграрном* характере бабувистского коммунизма,—не с той ли (бессознательной для автора) целью, чтобы провести указанную нами неверную аналогию с программой и тактикой большевиков? При изложении же знаменитого учения Фурье о «гармонии страстей» автор не выясняет связи этого учения с философией XVIII века. Поэтому остается непонятным для читателя, почему Фурье придавал такое большое значение воспитанию? Так же и при изложении системы Оуэна автор и не пытается поставить указанного выше вопроса, неоднократно подчеркнутого Марксом и Энгельсом, а затем и Плехановым,—вопроса о том, что утописты, в том числе и Фурье и Оуэн, являются учениками материалистов-философов XVIII века. Между прочим А. Вышинский усердно цитирует Долеанса, который довольно подробно говорит о влиянии Годвина на учение Оуэна однако автор «Очерков» проходит мимо этого важнейшего вопроса, правильное разрешение которого значительно облегчает понимание и самих утопистов.

Излагая учение Сен-Симона, автор совсем почти не останавливается на выдвинутой Сен-Симоном идее о «праве на труд» и «организации труда» в будущей ассоциации; ни одного слова, вообще, не говорит о социальной сущности учения Сен-Симона: что в нем социалистического, что не социалистического, *почему* Сен-Симон занимает такое видное место в истории социализма? Дальше у Вышинского и получается-по этому следующая невязка: на странице 219 тов. Вышинский приходит к выводу, что слова Маркса (из «Борьбы классов во Франции») о «меленьких фокусах» и «большой сантиментальности» утопистов относятся «к Сен-Симону с меньшим правом, чем к Фурье, побившему рекорд в деле социального «фокусничества». Это совершенно неверно: слова Маркса не относятся ни к Фурье, ни к Сен-Симону, вообще ни к одному из великих утопистов: Маркс имел в виду утопистов 40-х годов, которые действовали в пору обнаженной классовой борьбы пролетариата с буржуазией, когда пролетариат уже вырос в значительную силу и рвался в бой с капиталом, и когда мирная проповедь младших утопистов не*шала* классовой борьбе пролетариата. Слова Маркса относятся к Консидерану, Луи Блану, Прудону и tutti quanti. Тов. Вышинский некритически приложил суждение Маркса о позднейших утопистах к Сен-Симону, и это произошло с нашим автором потому, что он самого главного в Сен-Симоне—его социальной сущности—не выяснил.

Можно было бы показать еще ряд существенных упущений в работе Вышинского, которые чрезвычайно вредны именно для курса, предназначенного к усвоению студентам,—для курса, в котором популярность должна итти рука об руку с *научностью*. Но мы думаем, что и указанных выше замечаний достаточно. Надо, однако, сказать еще несколько слов о введении автора, где он ставит вопрос о том «Что такое социализм?» и о различии между «Социализмом, коммунизмом и анархизмом». Нам думается, что пора отказаться от таких выспренних фраз: «Иудейские пророки, греческие поэты,—разве не коммунистическим настроением веет от их творческой фантазии, вдохновлявшей людей и народы, возвышавшей их мечтой о справедливом, свободном и братском общении не эксплоатирующих друг друга?» (стр. 9). Ведь совершенно очевидно, что ни у иудейских пророков, ни у греческих поэтов (Гезиод, Солон) коммунизм никогда и не ночевал. Или автор в отношении, например, греческих поэтов увлекся построениями реакционного немецкого историка Пельмана, который изображает Гезиода коммунистом, а Гракхов—социал-демократами? Надо сказать, что в других местах изложения Вышинского влияние школы Пельмана чувствуется: автор, например, не

стр. 39 говорит о мебельных фабриках в Афинах V и IV веков; термин, несомненно взят или у Пельмана или у Мейера, которые некритически переносили отношения современности на древность.

При таком некритическом сваливании в одну кучу явлений разного порядка А. Вышинский, вульгаризируя слова Маркса, приходит к следующему выводу: «История социализма есть в таком случае история борьбы классов, история человеческого общества, в котором угнетенные классы борются против своих угнетателей (курсив наш. *Г. З.*). Нет никакого сомнения, что конечной целью этой борьбы угнетенных является стремление перестать быть угнетенными, выйти из того социального состояния, когда над тобою чувствуется власть другого класса, стать классом an und für sich (самим для себя) (стр. 11). Итак, борьба буржуазии против феодалов есть социализм, борьба подмастерий с мастерами, плебеев с патрициями и пр. и пр. есть социализм? Автор чувствует, что определение его неудовлетворительно и тут'же спешит об'яснить, что борьба буржуазии против феодалов отнюдь «не является борьбой во имя социалистических идеалов». Тогда к чему же такое не выдерживающее критики определение? А для того, видите ли, чтобы дальше показать, что «революционный класс даже угнетателей окрашивается в социалистические (курс. наш. *Г. З.*) цвета». Для этого в пример берутся жиронднсты: Рабо Сен-Этьен, Фоше, Бриссо, которые «предлагали ряд поистине социалистических идей». Бриссо даже провозглашал, что «исключительное право собственности есть воровство» (стр. 12). Ясно, что А. Вышинский или попросту не знает цитируемых им авторов, или увлекся своей неверной мыслью и привел несуразные доказательства. И Рабо Сен-Этьен, и Фоше, и Бриссо сохраняли частную собственность и видели в ней краеугольный камень человеческого общества. В частности, Бриссо,—как это великолепно показал В. Волгин в вышерецензированной книге (см. «Очерки», стр. 106—109),—доказывает, что «в естественном порядке собственность преходяща, в общественном—она постоянна и исключительна». Бриссо так же, как и Риссо и другие «народники», является теоретиком мелкобуржуазной собственности и под преходящей понимает крупную собственность. Только и всего, а тов. Вышинский этого не заметил, и получилось, что история социализма, это—история борьбы «угнетенных» классов против «угнетателей». Формулировка явно негодная, и если бы тов. Вышинский из нее не исходил, он бы при изложении своих «Очерков» более осторожно подходил к трактуемым им авторам.

При определении анархизма Вышинский тоже делает грубую ошибку, называя его «безначальным коммунизмом» и считая, что «анархизм, это—такая идеологическая система, которая видит путь движения трудящихся к свободному союзу коммун вне плоскости завоеваний политической власти, без овладения государством и без использования государственной машины в целях окончательной победы своей» (стр. 30). Во-первых, почему автор считает анархизм «безначальным коммунизмом», куда же тогда отнести анархистов-индивидуалистов и их учение? Во-вторых, разве различие между коммунизмом и анархизмом лежит только в области тактики—через политическую власть или без нее—или также в области идеологии? Не понимали ли и Прудон, и Бакунин (несмотря на то, что последний был якобы за коллективизм) и другие анархисты будущее общество, как общество свободных, независимых, никем не эксплоатируемых товаропроизводителей, т.-е. не лежит ли линия разграничения между коммунизмом и анархизмом в классовой плоскости: коммунизм—пролетарское учение (и программа), анархизм—мелкобуржуазное учение (и программа, конечно: вспомните борьбу Прудона

и Бакунина против Маркса, нынешних анархистов против III Интернационала)? Одним словом, и определение анархизма тов. Вышинского неправильное и некритическое.

При всех отмеченных нами недостатках книга А. Вышинского обладает рядом достоинств: популярностью изложения, правильными в большинстве случаев историческими экскурсами, на фоне коих становится яснее та или другая социалистическая система. Если бы автор отнесся внимательнее к своему курсу, просмотрел бы его еще раз и еще раз, продумал бы свои определения, тщательнее проработал бы источники,—книжка могла бы сослужить свою службу на нашем книжном рынке. В том же виде, как она нам сейчас дана, она может внести в головы студентов немало путаницы и сыграть совсем неположительную роль [1]).

Не бо́льшую, а мы думаем, меньшую ясность внесет в головы нашей учащейся молодежи и книга Б. Горева «История социализма». Книга охватывает не только историю собственно социалистических идей, но и рабочего движения, и представляет попытку, как пишет автор, «дать не бесстрастный и бессистемный справочник имен и учреждений, а охватить всю историю единой точкой зрения, точкой зрения революционного марксизма, т.-е. коммунизма» (курсив мой. *Г. З.*). Такую попытку можно только приветствовать, но надо сказать, что автор не справился со своей задачей. Большею частью книга Горева и представляет собой, правда, не «бессистемный»,—этого нельзя сказать,—но все же только «справочник имен и учреждений». В самом деле, в желании охватить все и вся (об'ять необ'ятное, как выразился бы блаженной памяти Козьма Прутков), автор старается втиснуть в свой курс побольше имен: тут и Годвин, и Томпсон, и Годскин, и Брей, и Мориссон, и Диксон, и Гарней, и Видаль, и Пеккер и многие другие, мало исследованные социалисты,—и все эти имена обыкновенно даются не в контексте, а в примечании, при чем автор ограничивается одной или двумя фразами, не стремясь, повидимому, дать им настоящую характеристику, а просто поблескивая спектром мало известных имен.

При таком изложении навряд ли может быть достигнута особенная ясность, да и «справочником» не всегда может служить книга, которой даются такие определения: «Видаль был довольно близок к коммунизму», а Пеккер «занимал позицию между фурьеризмом и коммунизмом» (стр. 132, примеч.); далее следует мало характерная цитата—и все. Думается, что от таких определений в голове мало искушенного читателя вряд ли что-нибудь останется. Вообще надо сказать, что, за исключением Бланки, Бакунина, учения самого Маркса, которые освещены автором достаточно подробно, остальные авторы и события даны в виде легких эскизов, и которых иногда приятно рябит в глазах (стиль у автора, к слову сказать, тоже весьма «эскизный», легкий; книга читается поэтому без затруднений), но в большинстве случаев мало остается в памяти у читателя. Для примера возьмем хотя бы характеристику Лассаля. Мы имеем небольшую биографию Лассаля, указание на то, что Лассаль придерживался «железного закона заработной платы» (об этом важном обстоятельстве почему-то мелким шрифтом и в примечании. Почему в примечании?),

---

[1]) Статья была уже набрана, когда появилось второе издание книги тов. Вышинского; так как автором не внесено в нее никаких существенных поправок, то наши замечания остаются в силе и для нового издания. Жаль, очень жаль, что автор поспешил с переизданием своего курса в прежнем виде.

что он «верил в самостоятельное значение идей» и что в своей борьбе с прогрессистами Лассаль «иногда прибегал к нетактичным приемам» (стр. 283—284). Организационных взглядов Лассаля, его учения о производительных рабочих товариществах (за что Энгельс ругал лассальянцев «бюшетистами». См. его «Критику Готской программы») вы не найдете в характеристике Горева. А между тем, это—важнейшие черты учения Лассаля, раз'ясняющие нам дальнейший спор между лассальянцами и эйзенахцами, так же как и неприязненные отношения Маркса и Энгельса к деятельности Лассаля и его последователей.

Характеристика Прудона блещет полным отсутствием диалектического рассмотрения мировоззрения этого «отца анархизма». Совершенно не отмечен ряд революционных черт в учении Прудона (наряду с его реакционностью), которые, отчасти, об'ясняют живучесть идей Прудона во Франции и преемственность между прудонизмом и синдикализмом. Изложение Оуэна дано в таком виде, что мы узнаем только о биографии Оуэна, но о его учении говорится как бы между прочим: два слова о земледельческих колониях и «меновом банке», об отношении Оуэна к политике, об участии в кооперативном и профессиональном движениях (о последнем буквально так: «в первых попытках рабочей кооперации, в организации профессиональных союзов, в борьбе за законодательную охрану труда, во всем этом было видное влияние и участие Оуэна...» (стр. 106). Автор подчеркивает соответствующие слова и думает, что этим все сказано). Рассказывая о Луи Блане, тов. Горев дает легкое описание идеи «организации труда», подчеркивает мысль, что Луи Блан желал «конкуренцией убить конкуренцию», и полагает, что читателю вполне ясно, что Луи Блан—мелкобуржуазный утопист. Ну, а мы, разве от идеи «конкуренцией убить конкуренцию» отказываемся? Конечно, нет, почему же Луи Блан—мелкобуржуазный утопист? Читатель остается в недоумении, так же как и от фразы Горева, что Луи Блан «об'единил идеи прежних социалистов» (стр. 169). Откуда это видно? Если бы Горев достаточно остановился при изложении Сен-Симона и Фурье на их идеях о «праве на труд» и об «организации труда», читатель понял бы то, что хочет Горев сказать, но так как предшественники Луи Блана также освещены весьма поверхностно, фраза Горева остается только фразой.

При изложении истории Коммуны Б. Горев для характеристики этой истинной предшественницы нашего Октября дает «краткий перечень важнейших социальных и политических мероприятий Коммуны», т.-е. попросту называет декреты (при чем забывает о постановке Коммуной такого вопроса, как 8-часовой рабочий день), не делая даже попытки выяснить социальный смысл этих декретов, как социалистических мероприятий. Говоря о революционном синдикализме, автор ограничивается фразой «об отрицании политики», ничего больше не прибавляя об идеологии синдикализма вообще. Изложение же эпохи II Интернационала и дополненной «новейшими данными»,—как пишет Горев в предисловии ко 2-му изданию,—истории III Интернационала, сделано трафаретно и весьма поверхностно: в деятельности II Интернационала рассмотрены бегло военный и организационный вопросы, из 12 страниц 6 посвящены характеристике вождей; Коммунистическому Интернационалу посвящено всего 6 страниц (413—418). Это—после того, как Б. Горев собрал о нем «новейшие данные». Нельзя сказать также, чтобы существеннейшие вопросы I Интернационала, история которого изложена тов. Горевым сравнительно подробно, были достаточно ясно освещены: пора уже знать нашему учащемуся в ВУЗ'е более глубокий анализ разногласий между прудонистами и марксистами в I Интернационале: фраза о мелкобур-

жуазности ничего не об'ясняет, перечисление же резолюций также не вносит ясности в понимание этого важнейшего явления в истории рабочего движения. Вообще сведения, которые дает Б. Горев в своей «Истории социализма», должны стать пройденным этапом в наших ВУЗ'ах: теперь уже никого не может удовлетворить такая «эскизность» в изложении. Не вряд ли можно будет применить в виде пособия книжку Горева в высшей школе, как надеется автор; даже на рабфаках запросы студентов гораздо глубже и шире. Стремление охватить все, обо всем сказать, не затронуть—основная причина неглубокого характера этой книги. Читаешь ее легко и быстро, но в голове остается весьма немного.

А надо сказать, что в отношении точки зрения, на которой стоит Б. Горев, ничего или почти ничего не приходится возразить. Автор старается,—и в большинстве случаев успешно,—выдержать революционно-марксистскую точку зрения, правильно характеризует деятельность II Интернационала, социальные корни оппортунизма, причины загнивания международной социал-демократии и пр. Одна беда: все это больше похоже на публицистику, чем на произведение научно-популярное. Надо, однако, отметить, что в отношении марксистской трактовки у Б. Горева попадается ряд моментов, которые могут вызвать недоразумения. Так, например, про Бакунина автор пишет: «Будучи, в сущности, учеником Маркса в экономических вопросах и в материалистическом об'яснении истории, Бакунин резко расходился с ним в отношении к государству и государственной власти, а также в методах борьбы с существующим строем» (стр. 31). Оттого, что Бакунин неоднократно повторял, что Марксу принадлежит заслуга в деле материалистического об'яснения исторического процесса, Бакунин еще не стал «учеником Маркса». Бакунин был экономическим материалистом в специфическом значении этого слова: его отрицание государства и политической борьбы тесно связано с эклектическим миросозерцанием—недооценкой взаимодействия экономического и идеологического факторов. Непосредственный ученик Бакунина, Элизе Реклю, смеялся над современными с.-д., которые гонятся за депутатскими местами и членами партии, в то время как их учитель, Карл Маркс, «заявил, что экономическая сила определяет политическую форму общества». Именно это обстоятельство—эклектичность мировоззрения анархистов, из которой и вытекает переоценка или недооценка разных факторов, совокупное взаимодействие которых и составляет диалектику истории,—именно это обстоятельство правильно отмечал в свое время Плеханов (см. статью Плеханова в сборнике «От обороны к нападению», статьи: «25-летие смерти Маркса» и рецензию на книгу Ньювенгейса «С—м в опасности»). У Б. Горева же получается, что можно быть учеником Маркса в области материалистического понимания истории и расходиться с ним в способах достижения коммунизма. Это неверно: все так называемые «ученики» Маркса, становившиеся оппортунистами или анархистами, немедленно ревизовали теорию Маркса.

Неверно также и следующее положение Б. Горева. Рассказывая о теоретиках социализма, выдвинутых эпохой II Интернационала, автор говорит о «Каутском—в Германии, Лафарге—во Франции, Лабриоле—в Италии и особенно Плеханове и Ленине—в России. Но все они,—добавляет Горев,—были учениками Маркса и Энгельса и только развивали и углубляли их учение, делали из него конкретные выводы, популяризировали его в широких кругах пролетариата» (стр. 35). И Горев заключает, что эпоха II Интернационала «не есть эпоха развития социалистических идей, а эпоха развития и роста *социалистических организаций*» (курсив Б. Горева. *Г. З.*). Что эпоха II Интернацио-

нала характеризуется ростом рабочих организаций, это—верно, и в этом одна из исторических заслуг II Интернационала, но что эта эпоха «не есть эпоха развития социалистических идей», это—неверно. Прежде всего, даже довоенного Каутского нельзя брать за одну скобку с Лениным, а основы ленинизма закладывались ведь в эпоху II Интернационала,—не есть ли это блестящее развитие социалистических идей, возрождение на расширенной базе революционных основ марксизма, с привнесением того нового опыта, который не был известен Марксу и Энгельсу и который был подытожен и приведен в систему его гениальным учеником и продолжателем—Лениным?

Но отмеченные нами не совсем точные положения Горева все же не мешают автору, как мы выше указывали, выдерживать в общей оценке рабочего движения и истории социализма правильную, революционно-марксистскую точку зрения. В этом—главное и несомненное достоинство книги. Ибо материал, данный автором, отнюдь не удовлетворителен для учебника по истории социализма, предназначенного для ВУЗ'ов и рабфаков. С одной стороны, слишком много имен, с другой стороны, слишком мало свежего, нетрафаретного, не прожеванного фактического материала об авторах и событиях. Подобного рода руководства по «истории социализма и рабочего движения», повторяем, должны стать,—нам думается уже стали,—пройденным этапом для наших вузовцев и рабфаковцев. «Лучше меньше, да лучше». Поменьше имен, побольше фактов, поменьше «эскизности», побольше глубины, обоснования, исследования, важнейших идей и явлений, которые характеризуют этапы рабочего движения и социалистической мысли.

Нам остается сказать еще несколько слов о переведенной с немецкого языка книжке К. Форлендера «История социалистических идей». В книжке всего 155 небольших по формату страниц, и она охватывает развитие социализма от древности до наших дней. Понятно, что ни о какой ясности и четкости в книжке нет и речи, тем более, что автор к тем бесконечным именам, которые упомянуты у Горева, прибавляет еще столько же: тут и писатели Китая, Вавилонии, древнего Израиля, и отцы церкви, и Кант (?!), и классические поэты века просвещения в Германии: у всех у них Форлендер ищет «социалистической идеи». Однако найти у Канта социализм даже Форлендеру, присяжному «соединителю» Маркса с Кантом, не удается: «при всем том,—пишет Форлендер,—мы и не думаем превращать исторического Канта в социалиста» (стр. 108). Еще бы, так-таки и превратишь! Однако любопытно, что же все-таки находит Форлендер у автора «Критики чистого разума», что дает этому маститому вульгаризатору марксизма право посвятить в книжке о социализме больше чем достаточное место Канту? А видите ли, Кант в 1762 году «вспомнил» о «простых рабочих» и думал о восстановлении их человеческих прав», признавал «ценность идеи организации», даже «с симпатией говорил о платоновской республике и о социалистических утопиях», хотя и заявлял, по словам самого же Форлендера, что коммунистические идеи, это—«сладостная мечта». Так можно у кого угодно найти зародыши «социалистических идей». И Форлендер находит. Виланд, Лессинг, Шиллер, Гете—все они, в той или иной мере, оказываются социалистами...

Надо, однако, отдать справедливость Форлендеру: хотя он, например, и соглашается с Германом Когеном, что даже пророков древнего Израиля можно назвать «античными социалистами», однако в противовес Вышинскому (см. выше) Форлендер не находит в их «положительных построениях» социализма, только критику их он называет «социалистиче-

ской». Мы сомневаемся, однако, в том, справедливо ли называть всякую критику господствующего строя социалистической? Можно критиковать, например, феодальный строй и звать к капиталистическому, можно, наконец, критиковать и капиталистический строй и звать назад—к феодализму, или, по крайней мере, к установлению равенства на основе мелкой собственности (эгалитаризм),—это отнюдь не социалистическая критика.

Считая себя последователем Маркса, Форлендер и в данной книге, как и в других своих произведениях, Маркса переделывает на свой лад. Он (Форлендер) считает, что нет никакой разницы между «социализмом» и «коммунизмом», так как Маркс и Энгельс только в юности называли себя коммунистами, «но впоследствии они вернулись к наименованию «социалисты» или «социал-демократы» (стр. 6). Последнее утверждение не соответствует действительности: Маркс и Энгельс указывали неоднократно, что слово «социал-демократ» отнюдь их не удовлетворяет: Форлендеру выгодно из ренегатских соображений скрыть это обстоятельство; Ленин, обосновывая необходимость переименования нашей партии в коммунистическую исходил именно из взглядов и суждений Маркса и Энгельса (см. Н. Ленин, т. XV). Замечательно, что при изложении взглядов Маркса и Энгельса, правда, весьма схематическом, Форлендер принужден признать, что, «говоря словами Энгельса», пролетариат сам захватит государственную власть на некоторое время даже в форме «диктатуры» (стр. 155). Правда, Форлендер не раз'ясняет, как он понимает это слово «диктатура», но зато он ссылается в примечании (упаси, боже, не на Ленина!) на работы Макса Адлера и Кельзена. Этого вполне достаточно, чтобы знать, каковы «взгляды» Форлендера на государство и диктатуру пролетариата.

Мы считаем, что издательство «Сеятель» напрасно перевело и выпустило в свет эту насквозь ревизионистскую книжку Форлендера. Правда, больших бед она наделать не может, так как не отличается особой популярностью, написана чрезвычайно схематически и навряд ли будет усиленно читаться нашей учащейся молодежью, но кое-кому она может затуманить голову, а это отнюдь не желательно. Вообще, моду на Форлендера, которого у нас почему-то усиленно переводят, надо оставить. Неужели нельзя найти что-нибудь получше и посерьезнее на иностранном книжном рынке? Думается, что можно, была бы только добрая воля и охота.

Г. Зайдель.

Г. В. Плеханов. Сочинения, том XVII. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека научного социализма под редакцией Д. Рязанова. Госиздат. М. 1924. Стр. 346.

Дело издания собрания сочинений Г. В. Плеханова медленно, но все же подвигается вперед. Вышли XIV (Искусство) и XVII тома. Последний содержит в себе ряд крупных и мелких статей, об'единенных редактором, Д. Б. Рязановым, под общим заглавием «Против эмпириомонизма и богоискательства». Значительная часть этих статей была включена автором в сборник «От обороны к нападению» (1910); другие, примыкающие по темам и по времени появления в журналах, присоединены редакцией. В общем составился компактный по характеру и внушительный по содержанию том.

Появление этой теоретической, философской книги тем более своевременно, что у нас обозначился положительный перелом в сторону интереса к теории и подчеркивания, вслед за Лениным, ее огромного

значения. В этом отношении XVII том Плеханова, несомненно, сыграет свою роль. Не безынтересно будет здесь привести мысли Плеханова о необходимости борьбы за марксистскую философию. «Теоретическая буржуазная реакция,—пишет он в третьем письме против А. Богданова,—которая производит теперь настоящее опустошение в рядах нашей передовой интеллигенции, совершается у нас под знамением философского идеализма... вследствие этого особенный вред грозят принести нам такие философские учения, которые, будучи идеалистическими по всему своему существу, в то же время выдают себя за последнее слово естествознания, чуждого всяких метафизических предпосылок. Борьба с такими учениями не только не излишня, но прямо обязательна, как обязателен протест против реакционной «переоценки ценностей», добытых продолжительными усилиями русской передовой мысли» (стр. 99). В этих строках 1910 года чувствуется та же борьба за философскую ортодоксию марксизма, которая проникала собою «Марксизм и эмпириокритицизм» Ленина 1908 года.

Было бы чрезвычайно интересно провести специальное сравнительное изучение книги Ленина и плехановских писем против Богданова, из которых два первых писались приблизительно в одно и то же время. Эти письма Плеханова под заглавием «Materialismus militans» составляют центральный пункт первой, философской, части XVII тома. Они принадлежат к образцам серьезной и в то же время необычайно едкой, преисполненной весьма «сильными» выражениями, марксистской критики. Первое письмо представляет, собственно, вступление. Здесь Плеханов излагает причины отхода буржуазии от материализма после великой французской революции и, «обороняясь» (его называли гольбахианцем XX века), определяет свое отношение к французскому материализму XVIII в. В следующих письмах он переходит «к нападению» и подвергает имманентной критике философию А. Богданова и его учителя Маха. Здесь он дает марксистскую антикритику понятия материи, раз'ясняет материалистическое понимание опыта и познаваемости вещи в себе, дает критику богдановского критерия истины («общезначимость» «высказываний» «сочеловеков»), его концепции социально-организованного опыта и, наконец, его «теории подстановки». Эти статьи нисколько не потеряли своего актуального значения и несомненно принесут пользу и в наши дни; сборник «От обороны к нападению» давно стал библиографической редкостью,—тем более уместно их переиздание.

Из других критических статей и рецензий по философии, помещенных в первой части тома, следует назвать: «Трусливый идеализм»—о книге И. Петцольда: «Проблема мира с точки зрения позитивизма» и «Скептицизм в философии» о первом томе работы того же названия Р. Рихтера. Более мелкие рецензии заканчивают первую часть книги.

Вторая часть сосредоточивает статьи Плеханова о религии. Центральными являются его статьи «О так называемых религиозных исканиях в России». По времени написания они совпадают с годами реакции (1908—1910), когда у нас пышным цветом расцветали богоискательство и богостроительство, притом, нужно сказать, даже в среде социал-демократии.

Первая из статей посвящена выяснению общих вопросов происхождения и сущности религии. Пожалуй, следует сказать, что плехановская концепция, усматривающая истоки религии в анимизме, грешит некоторым психологизмом. Во всяком случае, обсуждение этого вопроса внутри марксизма должно еще продолжаться. Вторая и третья статьи представляют остроумную, талантливую, подчас язвительную критику религиозных и квази-религиозных исканий Л. Толстого, М. Горького, А. Луначарского, Д. Мережковского и других. Направленные в свое время к интеллиген-

ции, статьи эти в наши дни не столь уж актуальны, если иметь в виду нашу сегодняшнюю партийную интеллигенцию. Однако они будут небезынтересны и для нее в качестве образцов марксистской критики писаний, проникнутых «поисками бога».

Любопытен в этой части ответ на анкету французской газеты «Mercure de France» (1907) о будущности религии. Плеханов писал его для буржуазной газеты, поэтому стиль ответа внешне «выдержан», спокоен, без резких выражений и характеристик, но приговор, который он выносит религии и стародавним попыткам связать мораль исключительно с религией, суров и убийствен. «Прогресс человечества,—пишет между прочим Плеханов,—несет с собой смертный приговор и религиозной идее, и религиозному чувству. Только робкие или заинтересованные выражают опасение за судьбу морали». Вторая часть книги заканчивается несколькими мелкими рецензиями на работы буржуазных ученых по вопросам религии.

Внимательный просмотр XVII тома убедит всякого последовательного марксиста, близко принимающего вопросы теории, в том громадном значении, какое будет иметь эта книга в наших условиях и в той положительной роли, какую она сыграет для партийной интеллигенции.

И. Луппол.

Б. И. Горев. Очерки исторического материализма. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП весной 1924 года. Изд. «Пролетарий». 1925 г. Стр 235.

Новые лекции тов. Горева отличаются всеми его обычными достоинствами и недостатками. Бесспорно, что в их лице наша популярная марксистская литература обогатилась книгой, блестяще изложенной, легкой и занимательной. Но так же бесспорно, что это, к сожалению, не делает «собственные взгляды автора», высказываемые им «по ряду вопросов», «не совсем совпадающие с обычными»,—совпадающими с истиной. Мы позволим себе остановиться лишь на важнейшем, опуская отдельные детали и разногласия в формулировках.

* * *

План «Очерков» общепринятый: ранее философское введение, затем—теория общества, собственно исторический материализм, наконец,—антикритика. Начнем с философии.

Тов. Горев идет совершенно правильным путем, пока он занимается выяснением истоков идеализма и находит их в учении об идеях Платона. Идеализм в истории мысли начинается с Платона, это—совершенно верно. Но этого недостаточно для марксиста. Нужно показать не только логические корни идеализма, а и социальные причины его появления. В этой части тов. Горев безмолвствует. Между тем на примере развития греческой философии легче всего совершенно конкретно прощупать ту почву, которая порождала идеализм. Родоначальники идеализма—и пифагорейцы, и Платон—одинаково были представителями реакции, одинаково в мире вечной и неизменной гармонии чисел и идей искали убежища от всеразрушающего дыхания времени, влекшего с собой к власти демократию.

Вечные и неизменные идеи должны были быть прообразом вечных и неизменных древних законов, обеспечивающих господство аристократии.

При этом, излагая различных философов в высшей степени популярно (это большое достоинство)—т. Горев не всегда, к сожалению, соблюдает соответствие этой популярности научности изложения.

Так, по т. Гореву, у Спинозы субстанция имеет две формы, два проявления: дух и материю (стр. 16). Это более чем неточно. Спиноза говорит о мышлении и протяженности, как атрибутах субстанции. Роль материи у него скорее представляет природа, сама субстанция, несмотря на все теологические и рационалистические привески к ней, которые мы имеем в «Этике».

Излагая Канта, т. Горев утверждает, что, по Канту, «главное наше представление—это пространство и время» (стр. 37). Здесь все неточно. Что такое главное представление? И почему представление? У Канта время и пространство—априорные формы нашей чувственности, которых никак нельзя смешивать с представлениями в обычном смысле слова, и которые также «главны», как и категории рассудка, как и трансцендентальные идеи разума.

Некоторое недоумение вызывает трактовка т. Горевым отношения физического и психического. Он, желая быть «более логичным и последовательным», придерживается теории, согласно которой «в зародыше психическая жизнь существует у всякой материи», а не только у находящейся на более высокой ступени организации. При этом свою точку зрения т. Горев называет ни более ни менее, как пампсихизмом (всеобщим одушевлением) (см. стр. 26—7). Нам, однако, кажется, что никакой особой логичности и последовательности эта точка зрения не заключает. Тов. Горев пишет, что она «не опровергается наукой, хотя и не подтверждается»; с его точки зрения это плюс для теории, с нашей—скорее минус. Не зачем привлекать рискованные гипотезы, не подтверждаемые наукой и не имеющие никаких оснований в опыте, так как при всем желании никаких намеков на «одушевленность» в неорганическом мире найти нельзя. Сознание есть продукт особым образом организованной материи, особое качество, возникающее, как результат усложнения ее организации на довольно высокой ступени развития,—это все, чему мы находим подтверждение в опыте. Для диалектика в таком появлении нового качества на определенной ступени прогрессивного развития нет ничего «нелогичного» и «непоследовательного». Важно лишь, что сознание есть результат внутреннего, имманентного развития самой материи. Наоборот, для материалиста «нелогично» и «непоследовательно» привлекать то, основанием чему является чистая, формальная логика. Совершенный сумбур в головы читателей и слушателей должен внести при этом самый термин «пампсихизм», употребляемый т. Горевым.

Трактовка диалектики тов. Горевым не вносит ничего нового в этот предмет. Более или менее полного анализа диалектических категорий мы не получаем. Совершенно же неприемлема точка зрения т. Горева на триаду. Он утверждает, что триада лишь архитектурное украшение, своеобразная мистика чисел у Гегеля, а не диалектический закон. Это не верно. Зерно истины в рассуждении т. Горева в том, что триада не имеет самостоятельного методологического значения. Нельзя, изучая предмет, подойти к нему с чисто-внешней схемой тройственного разделения моментов его развития. Но против подобной «мистики чисел» возражал сам Гегель. Во второй части «Науки логики» он писал: «Отрицательность, как снимающее себя противоречие, есть восстановление первой непосредственности, простой общности. Это второе непосредственное, если вообще желают считать, есть во всем течении мышления третье относительного первого непосредственного и опосредованного. Но оно есть также третье относительно первого или формального отрицательного и абсолютной отрицательности или второго

отрицательного; поскольку же это первое отрицательное есть уже второй термин, то считаемое третьим может считаться также четвертым, и вместо тройственности отвлеченная форма может быть признаваема четверичностью; отрицательное или различение можно таким образом считать двойственностью. Третье или четвертое есть вообще единство первого и второго моментов, непосредственного и опосредованного. Хотя это единство, равно как вся форма метода—троичность—есть лишь совершенно поверхностная внешняя сторона способа познания; но одно указание на нее и притом в определенном приложении, ибо сама отвлеченная числовая форма была известна уже ранее, однако установлена без понятий, а потому и без последствий, должно также считаться бесконечною заслугой кантовой философии. Формализм также усвоил себе тройственность и удержался в ее пустой схеме; но поверхностная беспорядочность и пустота нового, так назыв. философского построения, состоящего единственно в том, чтобы повсюду придерживаться этой формальной схемы, без понятия и имманентного определения, и употреблять ее для установления внешнего порядка, сделали эту форму скучной и приобрели ей дурную славу. Однако пошлость этого употребления не может еще уничтожить его внутренней стоимости, и все же следует высоко ценить то, что тем самым найден хотя бы непонятный еще образ разумного» (Гегель, «Наука логики», ч. I, стр. 207—208).

Как видит читатель, не только «наши противники правильно указывают» (стр. 72), что в ритме диалектического процесса можно найти не три, а четыре момента, но это знал еще и сам Гегель. Гегель же предупреждал против «пошлого» и «формального» употребления тройственной схемы, но это нисколько не умаляет ее роли, как «образа разумного», как такой формы, в которой, действительно, в результате конкретного анализа, может быть изложено противоречивое развитие того или иного содержания.

Тов. Горев в данном случае совершенно напрасно торопится предать Энгельса, с его примерами в «Анти-Дюринге», на с'едение нашим противникам.

* * *

Еще менее приемлемо то новое, что вносит т. Горев в отдел собственно исторического материализма.

Прежде всего нам кажется совершенно неприемлемым развиваемое т. Горевым об'яснение выделения человека из животного мира и перехода к употреблению орудий. Ревизируя в данном случае Энгельса, т. Горев строит примерно следующую схему: одна из ветвей потомства наших человекоподобных предков, от которых произошли и обезьяны, поселилась на безлесной равнине. В борьбе за существование этой группе было необходимо развить какой-нибудь из своих органов. Так как человек не обладал вероятно (?!) хорошим обонянием, каким отличается ряд других животных, ему оставалось лишь развить другой орган, очень важный для ориентировки на равнине,—зрение, «далеко глядящее в горизонт» (стр. 87). Это обусловливало собой необходимость выпрямляться нашим предкам, воспитывало в них соответствующий «инстинкт выпрямленного состояния». А, как известно, хождение на задних конечностях облегчает развитие грудной клетки, увеличивает многообразие звуков, которые может издавать животное, расширяет его «кругозор». «Тот, кто стоит на задних конечностях, тот обнимает легким движением головы весь горизонт, это обогащает его опыт, опыт зрительный, а не обонятельный. У человека оказалось обоняние никуда не годным, он не мог итти в сравнение с животным, которое на

основании запаха может ориентироваться, но зато у человека разработано умение ориентироваться в пространстве, и это есть результат стояния на задних конечностях» (стр. 88). Отсюда же освобожденные передние конечности у человека могли отдать себя новому занятию—труду, окончательно выделившему человека из животного царства. Исходя из всей этой своей теории, т. Горев и видит поэтому глубокий смысл в словах Крылова, обращенных к «Свинье под дубом»: «когда бы вверх могла поднять ты рыло—тебе бы видно было, что эти жолуди на мне растут» (там же).

Тов. Горев, к сожалению, не замечает, что вся его философия опровергается простым фактом существования жираффы. Вся эта теория—весьма остроумная фантазия, которая, мы не сомневаемся, облегчила дальнейшее слушание лекций т. Горева будущим секретарям наших партийных комитетов, но которая, к несчастью, не может быть, как и все фантазии, подкреплена хоть каким-либо фактическим материалом. Науке останется попрежнему не из эволюции зрительных упражнений об'яснять происхождение труда у человека, а из применения орудий, из труда об'яснять, следуя Энгельсу, самое превращение человекоподобного животного в человека. Жаль лишь, что свое фантазирование о животном мире т. Горев продолжает в лекции несколько долее, чем это допустимо для поэтического отступления, и на стр. 89 утверждает, что в отношении разума разница между животными и людьми только «количественная, а не качественная», при чем находит у животных не только зародыши нравственности, но и понятие бога. «Когда мы будем заниматься вопросом о религии, мы увидим, что это понятие возникло и что, может быть (?), оно в зародыше имеется у животных». Мы боимся, как бы т. Горев в будущем не нашел в животном мире и зародышей своей собственной теории.

Нельзя согласиться с т. Горевым, когда он отождествляет на стр. 92—93 производительные силы и технику. Об этом писалось уже достаточно в связи с воззрениями А. Богданова и останавливаться на этом мы не будем.

Хуже, когда к этому он присоединяет новую ошибку, отыскивая причины развития самих производительных сил.

Он пишет: «Несомненно, что одной из причин является рост населения, рост потребностей. Люди увеличиваются в числе, а средств для их пропитания не хватает. Какой отсюда выход можно найти? Выходов может быть три: или вымирание всех неприспособленных, всех лишних—отсюда застой на одном уровне в течение многих тысячелетий. Это значит: дети погибают в раннем возрасте, стариков убивают. Это первый выход. Человек приспособляется к природе. Второй выход: он уходит, он ищет лучших мест. Этот выход необычайно распространенный. Только таким путем можно об'яснить расселение человечества по земному шару»... «И, наконец, когда почему-либо, или по случайным причинам, или вследствие большей талантливости данного племени, данной части человеческого рода, она не вымирает, а улучшает свою технику» (стр. 97).

В данном случае, т. Горев игнорирует совершенно о с н о в н у ю причину роста производительных сил—в н у т р е н н ю ю диалектику их развития в условиях данных производственных отношений. Производственные отношения между людьми, возникающие на основе того или иного способа производства и обмена, сами в свою очередь побуждают все далее и далее развивать производительные силы общества до тех пор, пока не вступают с ними в противоречие и не сменяются новой общественно-экономической формацией. Для каждой такой формации мы

имеем свои движущие экономические причины и только для самой низшей ступени общественного развития можно выдвигать в той или иной степени роль роста населения. Совершенно неправильно при этом представлять дело так, чтобы «расселение человечества по всему земному шару» можно было бы об'яснить только из перенаселения. Как известно, нет абсолютных законов перенаселения и колонизация об'ясняется погоней не только за куском хлеба и за лучшей жизнью, но и погоней за рабами и прибылью.

Весьма поверхностно определяются т. Горевым сами производственные отношения. Следуя Богданову, он их сводит к отношениям сотрудничества, эксплоатации, обмена (стр. 100). Уже в рецензии на книжку Богданова: «Введение в политическую экономию (в вопросах и ответах)» тов. Л. Каменев отмечал несообразности, связанные с Богдановским пониманием производственных отношений [1]). Как известно, Маркс понимал под производственными отношениями нечто иное, а именно отношения непосредственных производителей к владельцам средств производства.

Совсем же не выдерживает критики построение т. Горева в части, касающейся происхождения собственности. Дело, по тов. Гореву, происходит так: на почве борьбы между племенами возникают войны и вместе с ними «соблазн присвоить (чужие продукты) в частную собственность. Поскольку я схватил человека за горло, убил его, отнял у него лук, стрелы, копье, украшения, ясно, что это моя личная добыча, хочется ее взять себе. И тут у человека начинается борьба между инстинктами коллектива, социальными инстинктами рода и племени и между личным эгоизмом»... «Именно война, еще больше, чем охота, вырабатывает необходимость вождя, организатора. Вождь начинает брать себе больше, и по примеру вождей, которые разлагают принцип коммунизма, появляются подобные же тенденции и у отдельных рядовых членов рода, начинается разложение» (стр. 110—111). При этом «украшение есть первое, что человек желает сохранить для себя» (стр. 111). Тут все неверно. Самый конфликт между родовым инстинктом и личным эгоизмом, являющийся у тов. Горева исходным пунктом, невозможен без появления собственности. Совершенно смазана за ролью вождя—роль обмена и разделения труда. Совершенно фантастична теория происхождения собственности из погони за украшениями. Все это—совершенно недопустимая для марксиста психологизация, за которой не скрывается и тени экономического анализа.

Неудачна и критика т. Горевым марксовской теории классов. С его точки зрения известное место в «Коммунистическом манифесте» о том, что вся предшествующая история общества есть история борьбы классов—неясно (?!), так как здесь «смешаны еще классы и сословия». Он не понимает в данном случае, что сословия не что иное, как классы феодального общества. Далее, т. Горев критикует, как тоже неясное, понятие «класса в себе» и «класса для себя» у Маркса. «Класс для себя», обладающий отчетливым классовым сознанием, с его точки зрения совпадает с партией. На деле же, конечно, классом для себя будет класс, пришедший в противоречие с господствующими классами общества и в борьбе осознавший свои исторические цели. Превращение класса в класс для себя и совпадает с выделением из его рядов самостоятельной партии.

Никак нельзя согласиться с т. Горевым, что имеется «целый ряд разногласий среди ближайших же последователей Маркса» по вопросу

[1]) См. Л. Каменев, Между двумя революциями, „Новая Москва", 1923, стр. 283—286.

о производительной или потребительской теории классов. Те, кто стоит на точке зрения потребительской теории классов уже выходят за пределы последователей Маркса. Совершенно несостоятельна собственная теория классов т. Горева. С его точки зрения есть пять (!) классов: буржуазия, пролетариат, землевладельцы, люмпен-пролетариат (?!), мелкая буржуазия. Но это не соответствует даже его собственному определению класса: «Классом называется совокупность лиц каждой данной общественной формации, которая занимает одинаковое положение в процессе производства и имеет одинаковое отношение к средствам производства» (стр. 130). Для данной общественной формации, для капитализма, например, естественно, при этих условиях основных класса будет только два: пролетариат и буржуазия, если мы берем капитализм в чистом виде. Но анализ чистого капиталистического общества выясняет нам лишь тенденции развития всякого капиталистического общества, ее основные классы, постепенно поглощающие все остальные. In concreto же капитализма в чистом виде мы нигде не имеем. Величайшей ошибкой было бы игнорировать роль этой абстрактной теории двух основных классов, так как лишь она помогает нам уяснить основное определяющее направление в классовой борьбе внутри капиталистического общества. Но в действительности до сих пор, так как нигде чистого капитализма мы не имели, мы имели не только эти два класса, но и те, которые переходили в настоящее от прошлой общественной формации: крестьянство, крупных землевладельцев, мелкую городскую буржуазию. К ним мы должны подходить исторически, именно этот исторический подход может обеспечить выяснение нам двойственности их положения в капиталистическом обществе, их переходного характера, динамики их развития. Такую историческую точку зрения на классовое строение общества и выдвигал Ленин, когда в «Великом почине» определял класс, как «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства».

Так как наша рецензия и без того растянулась, главу лекций, касающуюся религии, мы разбирать не будем, тем более, что взгляды т. Горева на этот предмет критике уже подвергались и бесспорно здесь его оригинальность переходит уже из количества в некое новое качество.

Нельзя не отметить лишь в заключение ошибку, связанную с именем Ленина. Тов. Горев пишет, что Ленин в своих речах, упорно втолковывая какой-нибудь один определенный лозунг или эпитет массам, употреблял, так сказать, «особый способ воздействия на массы, особый способ усыплять волю». Это совершенно недопустимое искажение того, как Ленин агитировал в массах. Ленинские речи именно отличались тем, что они никогда не рассчитывали ни на чье усыпление, апеллировали всегда не к чувству, а к разуму, к правильно понятому классовому интересу.

Ник. Карев.

Проф. В. В. Савич, Основы поведения человека. Издательство «Прибой». Ленинград 1924 г. Стр. 145.

Книга проф. Савича обнаруживает, что он не только ученый специалист, но и художественная натура. Подобно Платону Каратаеву, проф. Савич любит уснащать свою крепкую, образную речь различного рода оригинальными словечками, оборотами, пословицами: голодный волк рыщет, сытый—дрыхнет; сытое брюхо к учению глухо; не до жиру,

быть бы живу, и т. д. Вот определение человека: «человек есть горилла, вооруженная пулеметом». Неудивительно поэтому, что проф. Савичу по душе политеизм: ведь, без икон не могла бы развиться ни живопись, ни скульптура. Когда-то В. Джемс удивил мир, заявив, что он политеист; но Джемс имел в виду реальных богов в то время, как у проф. Савича божества—это порождения наших инстинктов: каждый инстинкт может олицетворяться в качестве божества, а отсюда следует, что политеистическое мировоззрение более соответствует физиологической сущности нашего поведения, чем монотеистическое. Все беды от монотеизма. Когда евреи, например, вновь усваивают эллинистическое мировоззрение, то это дает порою блестящие результаты: Спиноза, Гейне, Маркс, наконец, Эйнштейн. Книга проф. Савича перегружена подобного рода «художественной философией»—философией, напоминающей аполлоническое и фаустовское начала Шпенглера в «зоологической форме». Между тем, проф. Савич резко протестует против психологизированья зоологических понятий: когда на с'езде психиатров поднялся вопрос об инстинкте жизни, как о творческом начале, и стали говорить о том, что-де есть еще инстинкт самосохранения, который мыслится, как эгоистическое начало, то проф. Савич возмутился: схоластическая болтовня!

Конечно, под «философию истории» проф. Савича подведен основательный «зоологический» фундамент, но это ее не спасает: философия Савича—чисто художественное произведение, поэзия понятий. В самом деле, можно ли иначе оценить следующее «об'яснение» поражения германской революции:

«Бакунин уже давно сказал о них (немцах), что они-де настолько г л у п ы, что ничего в революциях не понимают. Говоря на языке физиологов, мы находим, что у них очень резко выражены тормозные процессы, а, ведь, р е в о л ю ц и я—д и т я в о з б у ж д е н и я (!!). Отчасти оттого у немцев во время революционных эпох развитие революции останавливается раньше, чем в него вовлекаются низы. Всегда является Лютер, картечный принц или Носке, кои обдают ушатом холодной воды и восстанавливают опять тормоза». Этот отрывок прелестен по своей поэтической невинности! Вот почему издательство, выпуская работу проф. Савича, сочло нужным предупредить читателя об ее особенностях, дабы читатель не спутал науки с искусством. Издательство выражается так: «Некоторые из книжек (серии) на-ряду с большими достоинствами имеют и недостатки. Главным таким недостатком является то, что авторы, оставаясь последовательными и выдержанными материалистами до тех пор, пока они держатся в рамках современного естествознания, становятся сразу самыми типичными идеалистами, как только переходят к трактовке более широких проблем,—например, проблем социологических. В этом их большое сходство с материалистами XVIII века, да и причины одни и те же». Замечание верное. Проф. Савич начинает с Декарта: вот кто дал знаменитую схему работы мозга—рефлекторного автоматизма. Но Савич трансформирует метод Декарта по образцу материалистов XVIII века, т.-е. из диалектического превращает его в метафизический. Анализ Декарта всегда исходит из целого, целое всегда «было необходимой предпосылкой» (Маркс) в уме мыслителя, когда он говорил о частях и от частей шел к целому. Это азбука диалектического метода. Метод же проф. Савича чисто библейский: сначала были пустота и хаос, затем бог сотворил небо и землю, солнце, луну и звезды, наконец, человека и «всякую тварь»; человек, снабженный безусловными врожденными рефлексами, инстинктами, построил на их базе целую систему рефлексов условных вплоть до социальных и моральных.

Таким образом для об'яснения общества проф. Савич исходит не от целого (общества), чтобы, пройдя через части (индивидуумы), снова вернуться к целому, как «богатой и об'ясненной конкретности» (см. «Введение в Критику политич. экономии» Маркса), а наоборот: стремится из познанных им в биологии зоологических свойств построить общественное целое. Этот метод явно обречен на неудачу и способен только породить изречения, вроде: человек есть горилла, вооруженная пулеметом. Это поразительное определение ни на иоту не продвигает нас в познании общественных процессов. Возьмем, например, проблему цены. С точки зрения исторической философии проф. Савича борьба продавцов и покупателей, конкуренция—это проявление различных инстинктивных реакций: защитных, пищевых, даже половых. Никто, конечно, не думает отрицать существования этих инстинктов и их значение. Но весь вопрос в том, ведь, как преобразуются эти инстинкты в общественном целом? И Маркс блестяще доказал, что в обществе борьба частных интересов (инстинктов) ведет к господству общественных. Маркс подробно вскрыл механизм закона стоимости, механизм маятника цены, который колеблется около положения равновесия стоимости. И что необходимо сказать о человеке, который спустя три столетия после наблюдений Галилея над качанием маятников, после механики Ньютона, построенной на базе опытов Галилея, стал бы защищать Аристотелевское определение силы, как произведения скорости на время!? Историческая философия проф. Савича—это нечто вроде перипатетической физики, бесплодной как девы, посвященные богу. Общеизвестно, что «плюрализм» и «политеизм» В. Джемса—ближайшие родственники махизма, т.-е. неоперипатетизма.

«Итак,—пишет проф. Савич,—социальное отношение есть следствие условных отношений», совершенно не подозревая о том коренном перевороте, который произвел диалектический метод в понятиях причины и следствия, условия и обусловленного. Социальные отношения с точки зрения диалектики в такой же мере следствие условных отношений, в какой эти последние—следствие социальных. Диалектика совершенно отбрасывает старый метафизический способ трактовки понятия взаимодействия. Маркс давно покончил с философией робинзонад, показав, что такой подход к вопросам совершенно бесплоден. По Савичу инстинкты—это какие-то Робинзоны, сидящие на необитаемом острове индивидуумы, которые входят в соприкосновение с «внешней природой», приспособляясь к ней. Динамический подход к вопросу, т.-е. диалектика, требует, чтобы мы брали предмет в его конкретном движении и отсюда начинали анализ. С этой точки зрения инстинкт—это не первичное, порождающее некие социальные следствия, а лишь результат анализа, ступень, через которую проходит анализ, идя от целого обратно к целому. Вот почему определение человека, как «гориллы, вооруженной пулеметом», совершенно недостаточно для построения философии истории. «Обезьяной его можно назвать,—пишет проф. Савич,—потому, что в конечном счете им руководят все те же самые инстинкты, как и гориллой. Ведь разница лишь та, что у животных ярко проявляется врожденная реакция, а у человека условная, но она-то в о з н и к а е т все-таки на врожденной» Совершенно верно! Но проф. Савичу следовало бы подробнее остановиться на вопросе о том, каким образом возникают условные связи. Не возникают ли они в процессе употребления гориллой пулемета и других орудий производства, в процессе общественно-трудовой деятельности? Метод проф. Савича отклоняет его от такой постановки вопроса. Разбирая, например, вопрос о причинах еврейского монотеизма, проф. Савич ссылается на химизм крови: производственные отношения у мно-

гих кочевников очень сходственны, а тем не менее реакция получается вполне разная. Конечно, химизм крови имеет значение, но ведь малые причины могут привести к большим следствиям, «очень сходственные производственные отношения» могут в конце концов привести к весьма различным идеологиям. Но главное тут то, что рассуждения об еврейском монотеизме по методу проф. Савича весьма мало могут дать для решения вопроса: чем дальше в лес истории, тем больше дров неясностей, недоумений и неизвестного. Вот почему Маркс и диалектический метод учат: для понимания более простого отдаленного необходимо сделать анализ более сложного и близкого. Вот почему анализ современного общества выясняет нам общество прошедшего гораздо лучше, нежели самые тщательные метафизические исследования этого общества an und für sich. Исследование прошлого имеет большое значение, но оно должно быть поставлено диалектически. И как это ни покажется парадоксальным проф. Савичу, но правильное понимание фактов биологии человека возможно лишь тогда, когда анализ этих фактов производится на основе социологической предпосылки. Очень важно изучать рефлексы индивидуумов, но их исчерпывающее понимание возможно лишь в том случае, если начинать изучение, имея в виду сложнейшую общественную среду—среду человеческую. Такова азбука диалектического метода. Отсюда легко сообразить, в чем значение работ, подобных работам проф. Савича.

Отметая его своеобразную «философию истории», мы спокойно можем пользоваться тем строго научным материалом, который имеется в книге. Освещенный методом диалектики, этот материал приобретает совершенно иное значение и значение крупное. Маркс, послав «Капитал» Ч. Дарвину, выразил этим, что социология и биология—две стороны единого познания единого мира.

Научное познание, во всяком случае «монотеистично», и никакие усилия махизма не смогут этот «монотеизм» или монизм превратить в политеистический плюрализм «ощущений».

З. Цейтлин.

Я. А. Пилецкий. Две теории империализма. (Марксистская легенда и возврат к Марксу). Кооп. изд. «Пролетарий». Харьков. 1924 г. Стр. 200.

«...Постепенно обваливаются отдельные части постройки, возведенной Гильфердингом. Нужно, как говорят немцы, дать einen Gnadenstoss, чтобы убрать разрушающуюся марксистскую легенду, расчистить поле для возведения нового прочного здания вместо временной постройки. «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти» (стр. 24). Этому благородному делу разрушения легенды и отдался автор рецензируемой книги. Однако свои задачи он не ограничивает только «расчисткой поля», и пытается «возвести новое прочное здание» теории империализма в виде подправленной теории Р. Люксембург. «Марксистской легенде» (теория Гильфердинга) противопоставляется «возврат к Марксу» (теория Р. Люксембург).

Критерием верности той или иной теории империализма автор считает марксистскую методологическую выдержанность, а не отдельные места или промахи: «Частные ошибки и того и другого автора не имеют существенного значения и должны в критике играть второстепенную роль. Зато на первый план должно выступить рассмотрение принципиальных, отправных точек зрения» (стр. 10). Правильность или неверность «точки зрения» в свою очередь определяется выдержанностью автора в вопросе о «примате производства». Противопоставление про-

водственной точки зрения распределительскому подходу к вопросу служит решающим и единственным аргументом в пользу того или иного приговора Я. Пилецкого.

Автор «ушиблен» производством и поэтому разобраться—«что к чему»—что должна означать производственная точка зрения в марксистском освещении—свыше его сил. Марксизм будет, по его мнению, только тот, кто все явления экономической жизни будет выводить и об'яснять из анализа процесса производства непосредственно; все остальное—ревизионизм, чепуха, марксистская легенда. Только этим «производственным ушибом» и можно об'яснить чудовищное непонимание и извращение автором мыслей Ленина, Гильфердинга и даже самой фаворизируемой Люксембург.

С Я. Пилецким приключился довольно распространенный конфуз: усвоив одну из идей марксизма,—непреоборимо мощную, когда она применяется, как одна из частей системы марксистского мышления,—он возводит ее в сан универсально действующего механизма, тем самым превращая марксистскую идею в идейку марксистского недоумка. Этот «конфуз» дает себя знать на всем протяжении книги.

Гильфердинг в «Финансовом капитале» пытается анализировать «новейшую фазу в развитии капитализма», исходя из изучения тех новых явлений капиталистической экономики, которые создают особый этап в развитии капитализма со своими особыми закономерностями. Империализм, как безудержное стремление к капиталистической экспансии, находит свое экономическое об'яснение в тенденции развивающегося капитализма к монополизации внутреннего и внешнего рынка, в росте производственных монополистических об'единений, связанных с расширением рынка до пределов всего мира и с исчерпанием мирового рынка. Система кредита, акционирование предприятий и соответствующая экономическая политика буржуазных государств представляют из себя те мощные рычаги, при помощи которых осуществляются монополистические вожделения капиталистических групп. Все эти новые явления и тенденции капиталистического развития могут и должны быть об'яснены, только исходя из анализа капиталистического общества в целом, который оставил нам Маркс. Плохо ли, хорошо ли (без отдельных промахов не обошлось), но именно так пытается разрешить вопрос Гильфердинг.

Я. Пилецкий берется доказать, что все построения Гильфердинга—плод праздной фантазии, абстрактного мудрствования. Неверны сами отправные пункты, неверна точка зрения. Уже в самом оглавлении «Финансового капитала» сквозит распределительская точка зрения, анализ производственных отношений отсутствует, или загнан из задворки. Отдельные детали анализа только подтверждают это предварительное умозаключение. И дальше наш автор на протяжении 100 страниц в главах: 3. Цена и ценность. 4. Банки и финансовый капитал. 5. Капиталистические организации. 6. Кризисы. 7. Империализм, разбирает отдельные частные ошибки Гильфердинга, увязывая их все в единый пук немарксистских бредней, проистекающих из общего источника—неправильной «точки зрения». При этом Я. Пилецкий довольно в большом количестве употребляет однообразные, скучные ругательства и презабавно пытается пустить «научной пыли» в глаза доверчивому читателю. Следить шаг за шагом за «упражнениями» уважаемого автора было бы, может быть, и целесообразно педагогически, но слишком утомительно и скучно (а, в свою очередь, всякая скука непедагогична). Мы поэтому остановимся на одном—двух пунктах кри-

тических изощрений, чтобы перейти к разбору оригинальной теории империализма самого Пилецкого.

Одним из важнейших определений последней стадии капитализма является рост капиталистических об'единений,—рост картелирования промышленности. Ограничение свободной конкуренции с точки зрения капиталистического процесса производства возможно и желательно только тогда, если оно гарантирует повышение нормы прибыли занятого капитала, если оно обеспечивает более интенсивное накопление капитала. Картельная сверх-прибыль требует своего экономического об'яснения, где ее источник?

Автор «Финансового капитала» источником картельных прибылей считает прибавочную ценность, недополучаемую другими, некартелированными отраслями, так как единственным источником всякой прибыли является общественная прибавочная ценность. Всякое повышение прибыли сверх обычного уровня может проистекать или из исключительно благоприятных производственных условий, или от присвоения части прибавочной ценности, произведенной в других предприятиях, в силу особо-выгодных условий реализации прибавочной ценности, в силу исключительно благоприятных рыночных условий. Никакого третьего источника (поскольку речь идет о чисто-капиталистическом обществе вне связи его с докапиталистическими колониальными странами) быть не может. Исходя из подобных предпосылок, Гильфердинг и строит свое об'яснение картельных прибылей.

Я. Пилецкий по поводу такого мудрствования мечет громы и молнии: «В плохих юмористических рассказах иногда изображают маниака ученого, который несет невероятную чепуху, облеченную в высоконаучную форму. Такой скверный анекдот рассказывает и Гильфердинг» (стр. 27). Здесь все не по-марксистски, Гильфердинг не видит производства и, позабыв о действительности, утопает в общих абстрактно теоретических формулах. «При ближайшем прикосновении ее (действительности) все построение разлетается в прах» (стр. 28).

Беда Гильфердинга, по Пилецкому, состоит в том, что он не понимает соотношения цены и ценности, что он схоластически настаивает на равенстве их, когда это уже становится невозможным: «Все законы товарно-капиталистического хозяйства в чистом виде есть результат борьбы, свободной конкуренции, постоянного выравнивания различных отклонений в ту или иную сторону. Ценность, цена, равная норма прибыли и т. д.,—все эти категории есть общее проявление общественных отношений людей в производстве и обмене при свободной конкуренции. В какой мере исчезает она, в такой эти законы теряют свою силу и значение» (стр. 30). При картелировании промышленности отношения свободной конкуренции сменяются отношениями монополии, следовательно, рассуждает наш «теоретик», нет никакой необходимости связывать получение картельных прибылей с законом ценности. «Раз так (раз существуют капиталистические условия производства, *И. К.*), тогда ценностные отношения в производстве остаются неизменными, и ценность, как и раньше, измеряется количеством общественно-необходимого труда. Но на рынке, при превращении ценности в цену, теперь отношения изменились. Свободная конкуренция сменяется монополией. Если раньше конкуренция в конечном итоге уравнивала цену и ценность, то теперь она бессильна это сделать, там, где достигнута монополия. Монополисты поднимают цену до такого уровня, до какого им будет выгодно, чтобы получить наибольшую прибыль. Связь между ценой и ценностью разрушается» (стр. 30—31).

Оставим в стороне нелепости формулировок («общественные отношения людей в производстве и обмене», сохранение действия закона ценности в производстве и уничтожение его в обмене и пр.) и постараемся понять суть теории Пилецкого. Монопольная цена не определяется ценностью,—хорошо, можно даже утверждать большее,—вообще непосредственно ценностью не определяется никакая цена капиталистически-производимого товара. Картельная прибыль, как явление, порожденное монополией, не подчиняется закону средней нормы прибыли,—правильно, но каков источник дополнительной части картельной прибыли, где картельная сверх-прибыль создается? «В процессе производства некартелированных отраслей капиталистического общества»,—отвечает нам автор «Финансового капитала». «Гильфердингу,—замечает по этому поводу Пилецкий,—конечно, представляется совершенно излишним итти не от распределения к производственным отношениям, а обратно, как шел Маркс. Тогда бы вместо недопустимой фантастики получилась реальная картина» (стр. 28).

Считая себя верным продолжателем анализа Маркса и сугубо памятуя о производственных отношениях, наш автор следующим образом разрешает трудную проблему картельных прибылей: «Монополист-нефтяник или металлург достаточно силен, чтобы навязать остальным потребителям цены, которые дают ему картельную ренту. Но совершенно непонятно, при помощи каких средств он может заставить текстильщика или мукомола сократить свою норму прибыли, и без того стоящую на среднем уровне» (стр. 29).

Вот высшая премудрость «производственной точки зрения». В производстве остаются неизменными отношения ценности, а при реализации товара «монополист-нефтяник» нажимает и выручает дополнительную сверх-прибыль.

С кого? Где эта сверх-прибыль производится?

Не с собственных рабочих, так как «ценностные отношения в производстве остаются неизменными», а они никакого источника сверх-прибыли не открывают; прибавочная ценность других предприятий и отраслей также не может стать этим источником, как только что поведал наш «теоретик»,—картельная прибыль («картельная рента»—по Пилецкому) получается с покупателей.

Бедный Маркс! Жалкие марксисты! Столько десятилетий потратить на анализ различных классов и групп капиталистического общества и не заметить такого основного класса, способного быть источником сверх-прибылей, прибылей и прочих благ, как покупатели! Картелирование все поставило вверх ногами. Если раньше прибыль создавалась в процессе производства, то теперь она порождается актом обмена; если прежде капиталистическая прибыль выколачивалась из наемных рабочих, то теперь равное участие в ее производстве имеют все «покупатели».

Стоит ли разжевывать многоумному Пилецкому, что «покупатели» состоят из представителей различных классов капиталистического общества, что если в производстве остается неизменным закон ценности, то источником всякой прибыли (и сверх-прибыли в том числе) может служить только прибавочная ценность, что благодаря этому картельная прибыль есть несомненный вычет из прибылей некартелированных отраслей? Гораздо занятнее проследить, как неистовство «производственной точки зрения» привело Пилецкого к утверждению, что прибыль создается в процессе обмена. Не поняв «этой» точки зрения, наш автор категорию прибыли отнес исключительно к сфере

распределительных отношений и тем самым открыл широко двери не только для обвинений Гильфердинга в распределительском уклоне, но и для собственных немарксистских, грубо-вульгарных благоглупостей.

Из подобного же рода «научных» изощрений состоят и остальные критические попытки Я. Пилецкого. В результате он приходит к самым неутешительным выводам: «(по-Гильфердингу) должно притти к следующему заключению: или никакого империализма нет, или он есть, но наш автор не в состоянии был показать, что это такое, дав такое определение, которое обще для всех этапов капитализма» (стр. 117).

Как мы уже указывали выше, Гильфердингу не удалось обойтись без отдельных промахов. В теории денег в одном из определений финансового капитала, в словах о сверх'империализме и кое-где в теории кризисов есть места, которые в устах Гильфердинга звучат не-марксистски. Все эти промахи уже отмечены в русской марксистской литературе, и было бы лишним еще и еще раз «твердить зады», хотя бы и об ошибках «злокозненного» Гильфердинга. Однако эти отдельные промахи не разрушают всей системы экономического об'яснения империализма,—системы, которая в общем принята лучшими из марксистов, напр., Лениным.

Что же противопоставляет Пилецкий теории Гильфердинга?

В «Накоплении капитала» Р. Люксембург он видит основы марксистского освещения вопроса об империализме: «Люксембург поставила своей задачей изучение именно условий накопления в капиталистическом хозяйстве, т.-е. наиболее трудный, но зато и наиболее важный вопрос в отделе (?) производства» (стр. 129).

«Уже одна постановка вопроса в такой, единственно правильной, плоскости должна быть вменена в большую заслугу автору «Накопления капитала». А при выполнении своей задачи она сделала также очень многое. Исследование снова повернуло нас на путь, положенный Марксом, после того, как мы бродили вместе с Гильфердингом по банкам, биржам, воспевали свободную торговлю, находили пропорциональность в капиталистическом производстве и т. д.» (стр. 135).

Однако и теорию Розы Я. Пилецкий понимает довольно «оригинально». Он видит только ее одну сторону: об'яснение империализма из общих условий капиталистического накопления; но «что к чему» и здесь автору понять не удалось.

«Полемика против «Накопления капитала»,—говорит он,—сосредоточилась, главным образом, вокруг одного, достаточно второстепенного, пункта: может ли быть «чистое» капиталистическое производство, т.-е. строй, в котором существуют только капиталисты и рабочие? Маркс такого вопроса никогда не ставил и не исследовал... Люксембург решила его отрицательно. Большинство критиков наоборот—положительно» (стр. 135). Пилецкий прав: «Маркс такого вопроса... не исследовал», «чистый капитализм», наоборот, очень часто—в анализе подавляющего большинства проблем—служит упрощающей предпосылкой, предположением, чем-то наперед данным. И спор с Розой ведется вовсе не в плоскости: «может ли быть чистый капитализм», а о возможности или невозможности об'яснения капиталистического накопления внутренними законами капитализма. Р. Люксембург доказывает, что для об'яснения нормального хода накопления капитала необходима некапиталистическая, докапиталистическая «питательная среда», что с прогрессом накопления потребность в докапиталистических рынках все расширяется, а они в свою очередь относительно сокращаются,—отсюда империализм, загнивание и гибель капитализма.

Поэтому, когда Пилецкий говорит, что «полемика... сосредоточилась... вокруг одного, д о с т а т о ч н о в т о р о с т е п е н н о г о (для те-

рии империализма, очевидно), пункта», то он этим только демонстрирует «глубину» собственного теоретического проникновения.

Все же в этом «второстепенном пункте» он спешит солидаризироваться с Р. Л., пытаясь отразить удары критиков, направленные против нее. Это, впрочем, не мешает ему разразиться следующим контр-аргументом:

«Тут присоединяется еще один момент. Несомненно, большинство критиков «Накопления капитала» стоят на той же точке зрения, что с ростом капитализма, несмотря на картели и тресты, конкуренция не сокращается (?), а (!), может быть, даже и обостряется. Раз, так, тогда не только реальное, но даже теоретическое существование «чистого» капитализма подвергается очень большому сомнению» (стр. 133. Курсив наш. *И. К.*). Из этого «шедевра мысли» мы видим, как понимает автор «чистый капитализм». Это—какое-то сплошное «благорастворение воздухов с мирным и безболезненным ростом капиталистического организма. Отсюда же видно, что доказательства теоретической невозможности «чистого» капитализма автор и не тщится искать,—только зарвавшиеся критики навязали ему эту мысль. Его же задача значительно скромнее: доказать невозможность реального существования «чистого» капитализма. Что, собственно, означает это противопоставление реальной возможности теоретической и как понимать «реальное» существование «чистого» капитализма, вряд ли кто сможет понять,—нам важно только доказать, что Пилецкий ни грана не понимает в теории Р. Люксембург, которую берется защищать.

Почему же, однако, условия обострившейся конкуренции делают невозможным существование капиталистической системы? Предположив на минутку существование «чистых» капиталистических отношений, Я. Пилецкий следующим образом характеризует условия накопления:

«Чтобы удержаться, капиталистам в условиях жесточайшей конкуренции, вызванной менее быстрым темпом развития рынка, пришлось бы в целях сокращения издержек производства прибегать непрерывно к повышению органического состава капитала, т.-е. к падению нормы прибыли. Но это падение нормы прибыли теперь не меньше компенсировалось бы быстрым ростом производства, т.-е. увеличением массы прибыли, и очень скоро привело бы и к падению этой последней. Тогда пропал бы всякий импульс к дальнейшему развитию производства, к накоплению, т.-е. капитализм превратился бы во что-то, о чем мы не можем иметь никакого представления, настолько создавшиеся условия являются фантастическими» (стр. 133—134). Здесь учение Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению искажено до вульгарно-буржуазной болтовни об уничтожении стимула капиталистического накопления, но при чем тут Роза Люксембург? Правда, теория Р. Л. есть извращение марксизма, но ведь не всякое его извращение есть теория Р. Люксембург

Я. Пилецкий, сам того не подозревая, развивает теорию осмеянного им Гильфердинга. Капиталистическое накопление возможно, но оно таит в себе целую цепь внутренних противоречий, одним из которых является понижение нормы прибыли. В борьбе с этой гибельной тенденцией капитализм постоянно стремится к расширению сферы своей эксплоатации и завоеванию новых рынков, к монополизации этих рынков. Такова схематически представленная концепция Гильфердинга; «такова теория Пилецкого, если от него отнять все «индивидуальное», т.-е. способность путать без конца, употреблять немарксистские термины и писать не то, что он думает. Что такова именно теория Пилецкого, что это не

обмолвка, об этом свидетельствует ряд аналогичных утверждений в других местах книги. Напр., в главе: «Накопление и рынок» он говорит:

«Главнейшим методом (развития капитализма вглубь, в противоположность развитию вширь) должно быть удешевление производства, сокращение издержек на него, ибо иначе для капитализма поле для расширения найти невозможно. Но этот метод обходится капиталисту слишком дорого и ведет к быстрому падению нормы прибыли... Поэтому капитализм всегда предпочитает второй метод первому» (стр. 149—150). Еще раз, при чем тут Роза?..

Если, таким образом, наш автор не смог понять сути теории и Гильфердинга, ни Р. Люксембург, вполне естественно, что, кроме жалкого лепета, мы ничего не услышим от него и при попытке дать определение империализму. В основном, конечно, он присоединяется к Р. Люксембург.

«В основной работе дано определение еще более яркое: „империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые еще никто не наложил своей руки». Приведя эту цитату из «Накопления капитала», Я. Пилецкий возглашает: «В этом определении продумано каждое слово, и только пристрастием критики можно об'яснить ряд возражений, которые ему делаются» (стр. 169).

Приводя дальше определение Ленина, Пилецкий замечает:

«В определении Ленина отсутствует указание на накопление капитала и его значение. Усиленное подчеркивание этого вопроса составляет одну из самых сильных, если не самую сильную сторону в работе Люксембург. Именно благодаря выяснению роли и значения накопления удалось отчетливо и ясно понять роль и значение колоний» (стр. 177).

Видя в теории Р. Люксембург всего-на-всего простое указание на значение накопления, а не особую теорию накопления и основанную на ней особую теорию империализма (всего этого наш автор, как мы видели, не мог «осмыслить»), Я. Пилецкий пускается в рискованную авантюру: он замыслил соединить теории Ленина и Люксембург:

«В. И. Ленин определяет империализм, как капитализм на определенной стадии развития, а не как политику, или, по выражению Люксембург, политическое выражение процесса накопления. Несомненно, определение Ленина шире и глубже, чем определение Люксембург» (стр. 178). Однако, как мы уже видели, Ленин страдает «основным» недостатком: у него накопление капитала «не лежит в основе», в этом решающем пункте права Роза.

«Но империализм имеет целый ряд вторичных признаков, характерных и имеющих большое значение для выяснения его экономической природы. Ленин в этом отношении дал гораздо больше, чем Люксембург» (стр. 178). Таким образом плохой теоретик Ленин должен, по Пилецкому, дополнить гениальный по методологической выдержанности набросок Розы конкретным содержанием «вторичных признаков».

Великий «соединитель» и не подозревает, что соединяемые им теории покоятся на совершенно различном построении общей теории капитализма, в частности, теории накопления капитала. В своем благородном порыве изничтожить оппортуниста Гильфердинга, Пилецкий зачисляет В. И. Ленина по ревизионистскому ведомству Розы Люксембург.

Ошибки Розы вовсе не там, где их выискивает многоумный сторонник ее, и не там, где он будто бы излагает положительные воззрения автора «Накопления капитала»,—ее ошибка коренится в неправильной теории накопления и вытекающем отсюда неверном об'яснении империализма. Блестящую критику обще-теоретической постановки вопроса

Розы Люксембург дал Н. И. Бухарин в статьях: «Империализм и накопление капитала», помещенных в журнале «Под Знаменем Марксизма». Пилецкий же в ошибках Люксембург не повинен. Он просто не понял ее теории, схватил верхушки, обрывочки и стал их соединять с обрывками сведений от других теорий, которые (обрывки) задержались в его голове.

Результатом такого, надо полагать, весьма невеселого занятия явилось следующее «новейшее» определение империализма. В нем сконцентрировал научный опыт последних десятилетий, личный опыт Пилецкого за последние архи-империалистические годы и тоже несколько суб'ективное свойство автора—перепутать все до такой степени, что не только Пилецкий, а и менее образованный человек «что к чему» понять не сможет.

«Итак, империализм есть современный капитализм, в котором процессы накопления в конечном итоге (?) достигают такой силы, что дальнейшее капиталистическое развитие в общемировом масштабе становится невозможным (!) и совершается в одних странах за счет других стран. В это (?) время развился финансовый капитал, создавший (вот те на!) мощные капиталистические организации, приобрел выдающееся значение вывоз капитала и идет борьба за остатки (а как же быть с «за счет других»?) некапиталистической мировой среды, на которые каждое из борющихся государств хочет наложить свои руки. Результатом (?) империализма может быть или уничтожение капиталистического строя и замена его социалистическим, или мировое разрушение производительных сил и отбрасывание человечества на многие десятилетия назад» (стр. 181).

Здесь все, что угодно,

> У дядюшки Якова
> Товара про всякого...

и процессы накопления, достигающие такой силы, и создающий мощные организации финансовый капитал, и «остатки» мировой некапиталистической среды, и наложившие свои руки государства, и шпенглерианский апофеоз. Нет только теории империализма. Соединение Люксембург с Лениным изуродовало до неузнаваемости определения того и другого. Получилось определение Пилецкого, которое по «глубине мысли» напоминает «философские теории» замшевшего заштатного чиновника, припоминающего «от дней юности» две-три прочитанные им книжки.

На «вышеозначенном» теоретическом фундаменте наш автор конструирует самостоятельную теорию крушения капитализма, для характеристики которой достаточно, пожалуй, указать, что она—плод творчества Пилецкого.

Вся книга стоит под знаком теоретической поверхностности, скрывающейся под видом требования наибольшей проникнозенности глубинными истинами марксизма. Но хотя наш харьковский профессор и склонен весьма настойчиво повторять вслед за Прутковым многомудрое: «Смотри в корень», однако широта его научно-теоретического кругозора все же не перестает напоминать жизненный кругозор тех девиц, в «ухаживании» за которыми тот же Кузьма Прутков советовал:

> Проводя в деревне лето,
> Их своди на скотный двор,—
> Помогает много это
> Расширять их кругозор.

И. Капитанов.

Н. Суханов. Земельная рента и принципы земельного обложения. ГИЗ, 1922. Второе издание. Стр. 127.

В предисловии ко второму изданию автор выражает свое удивление по поводу того, что его книжка, написанная почти 15 лет тому назад, «встретила тогда некоторое признание не только в близких мне подпольно-революционных кругах, но и в самых почтенных академических сферах... Некоторые профессора, в эпоху столыпинской реакции решались даже рекомендовать эту книжку для руководства студентам, несмотря на ее резко выраженный партийно-социалистический характер» (стр. 3).

Марксист Бебель в свое время говорил, что если меня хвалят мои враги, значит, я совершил какую-нибудь ошибку. «Марксист» Н. Суханов, наоборот, с гордостью заявляет:

«Видимо, считалась не бесполезной моя трактовка теоретической проблемы земельной ренты и мой подход к некоторым пунктам теории местных финансов» (стр. 3).

* * *

Постараемся же разобраться в «сущности» книжки, которая, по заявлению автора, в новом издании осталась той же, чем была 15 лет тому назад, изменив только «фирму, марку».

Н. Суханов ставит вопрос «об условиях пользования для индивидуального хозяина всенародной, национализированной землей,— вопрос, который интересен и с точки зрения последовательной реализации основ нового земельного строя, и с точки зрения финансовой политики» (стр. 6). Другими словами, он ставит вопрос о принципах и формах земельного обложения в условиях хозяйства переходного периода.

Как ученый, Н. Суханов старается озарить светом теории серую ежедневную практику как в области осуществления нового аграрного строя, так и в области финансов. Он ставит вопрос: «Возможно ли установить рентный налог на землю после уничтожения частной собственности на землю? Т.-е. не есть ли ликвидация частной собственности на землю вместе с тем уничтожение и самого понятия земельной ренты?» (стр. 8). Чтобы дать теоретически правильный и исчерпывающий ответ на этот вопрос, необходимо, прежде всего, точно уяснить себе условия и причины образования земельной ренты, источник ее, роль собственности и проч. в условиях капиталистического хозяйства. Только после этого, с уже проверенным и заостренным теоретическим оружием, можно подойти к условиям хозяйства переходного периода и успешно решить вопрос о судьбах земельной ренты. Поэтому автор находит необходимым «посмотреть, каково происхождение и какова природа этой категории дохода в товарно-капиталистическом строе» (стр. 23).

Природу и источник земельной ренты, по утверждению автора, раскрыл один единственный человек, это—Давид Рикардо. «Теория ренты Рикардо,—говорит он,—правда, не созданная им вполне самостоятельно, нуждается, быть может, в некоторых дополнениях и комментариях, но не в поправках... Поэтому, не отступая ни на шаг от основ теории ренты Рикардо» (стр. 37), автор берется ее кратко обосновать.

Существуют три общественно-необходимых фактора,—пишет Н. Суханов,—способных породить разницу в производительности равных прилагаемых к земле частей капитала, а через это способных породить и

земельную ренту: 1) естественные свойства того участка земли, на котором расположено хозяйство, 2) месторасположение земельного участка..., 3) невозможность получения равного количества продукта при последовательном приложении к одному и тому же участку земли равных частей капитала» (стр. 38).

Но первый из данных факторов—различие в естественных свойствах различных участков земли—существует вечно; второй из них—месторасположение—дает чувствовать себя в более поздний период экономического развития, по мере того, как земледельческое производство стало выходить за пределы домашнего хозяйства; а третий фактор—убывающее плодородие при последовательных затратах на одном и том же участке—обнаруживается в еще более поздний период. Спрашивается, всегда ли имела место земельная рента в том смысле, как ее понимал Рикардо, т.-е. как излишек над ценой производства хлеба на лучшем участке земли? Автор отвечает на этот вопрос отрицательно. На стр. 75 он пишет следующее: «рента, как особый вид дохода, вообще неразрывно связана с индивидуально-хозяйственным строем.

При этом, в условиях чисто капиталистических отношений на образование и уровень ренты влияют непременно все три фактора. В более общих условиях товарного, менового хозяйства на образование и уровень ренты влияют непременно уже только два фактора: естественные качества и место расположения участка».

Но, если земельная рента существовала не всегда, если все эти факторы действовали неодновременно на протяжении существования земельной ренты, то вывод отсюда тот, что все выше перечисленные факторы не могут сами по себе породить земельную ренту, что они не причины последней.

Стало быть, все эти факторы суть только условия возникновения земельной ренты, они вместе образуют лишь тот естественный базис, на котором разница в производительности одинаковых капитальных затрат, под действием определенной причины, реализуется в виде земельной ренты. Следовательно, должна иметь место определенная причина, вынуждающая переход от более производительных затрат к менее производительным, или, наоборот, чем бы последние ни обусловливались: или естественным плодородием, или понижающейся производительностью последовательных затрат капитала в отдельности, или совместно всеми тремя факторами.

Что является этой причиной возникновения земельной ренты? Подлинные марксисты причину возникновения дифференциальной земельной ренты усматривают в ограниченности земли, в естественной монополии на землю, как об'ект хозяйства. «Марксист» Н. Суханов причину возникновения ренты усматривает в «законе» убывающего плодородия почвы. «Из этих трех факторов,—пишет он,—самым универсальным и основным является, конечно, третий. Он является вообще основным условием образования земельной ренты. Ибо он только порождает необходимость в эксплоатации земельных участков различного достоинства. Если бы затраты капитала возмещались пропорциональными выручками на одном и том же (конечно, наилучшем) участке, то никто бы не стал эксплоатировать других, худших» (стр. 39). Таким образом, следуя за Масловым, Н. Суханов перед исследованием законов ренты предполагает уже факт падения производительности последовательных затрат капитала, предполагает «закон» убывающего плодородия почвы.

Еще определеннее он выражает свой взгляд на сей вопрос на стр. 54, где он говорит следующее:

«Успехи агрономической науки и техники в недалеком будущем могут позволить производить последовательные затраты равных частей капитала на один и тот же участок земли без какого бы то ни было уменьшения продукта от каждой затраты, и тогда «убывающее плодородие почвы» действительно станет, если не «бессодержательнейшей абстракцией», то анахронизмом. Но до поры, до времени, пока теория и—что гораздо важнее—практика с. х. еще не достигли известного уровня,—до тех пор применительно, если не к отдельным хозяйствам, то к национальному земледелию каждой страны, приходится признавать существующим факт убывающего плодородия земли при последовательных затратах в нее труда и капитала». Но, как только теория и практика с. х. достигает известного уровня, так что при всех одинаково производительных затратах, исчезли бы монопольные цены, исчезла бы и земельная рента» (стр. 46).

Но отсюда само собой напрашивается следующий вывод: если «закон» убывающего плодородия земли будет преодолен в рамках капиталистического общества, то, стало быть, еще в рамках капиталистического строя произойдет исчезновение дифф. земельной ренты. Сам автор чувствует шаткость своего положения и начинает бить отбой.

«На самом деле,—пишет он дальше,—для образования ренты вообще факт «убывающего плодородия земли» такого универсального значения не имеет; земельная рента в одних случаях может появиться при отсутствии падения производительности затрат на ту же землю,—в других случаях она не появится при наличности одного этого фактора. Маслов, рассуждая применительно к условиям капиталистического хозяйства, вдается в абстракцию. Земельной ренты, конечно, не существовало бы, если бы приложение капитала к наилучшему участку земли могло бы удовлетворять потребность всего населения, независимо от расстояния между местами производства и местами потребления продукта...

Все это так. Но для того, чтобы каждый рынок действительно вполне насыщался продуктами только одного участка земли, необходимы два условия: во-первых, такая организация транспорта, при которой колоссальное передвижение продуктов земли не встречало бы ни малейших затруднений и задержек; и, во-вторых, возможность для крайне ограниченного числа предпринимателей распоряжаться неограниченным количеством капитала» (стр. 56 и 57).

Но, так как в рамках капиталистического строя практически эти два условия не мыслимы, такое положение дел может быть представлено только в абстракции, то отсюда автор делает вывод, что «на одном и том же рынке будут обращаться продукты различных участков земли»... и «возникновение ренты неизбежно даже и при неуменьшающейся производительности последующих затрат на ту же землю» (стр. 58).

Но что же в этих последних случаях будет причиной возникновения ренты? Не тот ли самый «закон» убывающего плодородия почвы, от которого так старался отделаться автор, когда логика собственного изложения привела его в тупик? Для Суханова другой причины не существует.

По нашему, принципиальное различие между промышленностью и земледелием составляет естествен-

ная монополия на землю, как об'ект хозяйства, по Суханову—«закон» убывающего плодородия почвы.

* * *

Спрашивается: к чему эти попытки Н. Суханова отрицать «закон» убывающего плодородия почвы в теории ренты Рикардо? «Если бы Ленин уделил капельку внимания Рикардо,—пишет Н. Суханов,—то он увидел бы, что и Рикардо не связывал своей теории ренты с «законом» убывающего плодородия почвы». Рикардо рассматривал это падение только как возможный случай и как один из возможных факторов образования ренты» (стр. 53). Подобное заявление автора после всего вышесказанного можно об'яснить только одним из двух: или он излагал нам теорию ренты Рикардо, сам не понимая ее, или же он излагал свою собственную теорию.

По Рикардо причиной появления земельной ренты является несоответствие между ростом народонаселения и ростом производительных сил земледелия. Иначе говоря, в основе теории ренты Рикардо лежит «закон» убывающего плодородия почвы. Но на практике этот «закон» может иметь двоякое выражение. У Маслова, а за ним и у Н. Суханова «закон» уб. пл. почвы выражается по существу в том, что если определенное количество труда, затраченное на данный участок земли, доставляет в год определенный продукт, то при затрате в следующем году такого же количества труда, на том же участке,—продукт добавочной затраты будет меньше продукта первоначальной затраты и т. д. Как видим, это выражение «закона» соответствует условиям интенсивного сельского хозяйства. Рикардо дал другое выражение «закона». Он строил свою теорию земельной ренты, исходя из условий экстенсивного с. хоз., почему он о дополнительных затратах капитала и возникающей отсюда второй форме дифференциальной земельной ренты говорит лишь вскользь, мимоходом. «В своей теории земельной ренты,—говорит Кулишер,—Рикардо более, чем где-либо, пользуется фактами действительности. Его выводы являются результатом наблюдения над английской жизнью конца XVIII и первых двух десятилетий XIX века (Русск. Бог. 1904 г., № 7). И стоит только прочесть письма Рикардо к Тауэру, Мальтусу и Мак-Куллоху, чтобы в этом не осталось никаких сомнений. Но вся беда в том, что, по меткому выражению Маркса, «он вместе со своим носом не видел ничего дальше истории хлебных цен в Англии, за период приблизительно с 1780 до 1815 г.г.» (Письмо к Энгельсу от 26/XI—1869). На основании фактов этой действительности он еще в «Опыте влияния низкой цены хлеба на прибыль с капитала» писал: «я не пытаюсь отрицать, что в нашем земледелии были произведены большие улучшения и что в почву затрачено было много капитала; но при всех этих улучшениях мы не превзошли естественных затруднений, порождаемых возрастанием наших богатств и благосостояния, которое принуждало нас обрабатывать в убыток себе наши бедные участки почвы, когда ввоз хлеба стесняется или воспрещается». Рикардо придает улучшениям малое значение, считает их временными и случайными явлениями, не верит, недооценивает технический прогресс в земледелии. Поэтому с возрастанием населения неизбежно совершается переход к обработке худших участков земли. Отсюда «закон» убывающего плодородия почвы у Рикардо имеет другое выражение, а именно: сначала обрабатывается самая лучшая земля, а потом, с возрастанием населения, совершается постепенный переход к обработке все более худших участков земли.

«Закон» убывающего плодородия почвы в теории Рикардо не опадает даже в том случае, если согласиться с Н. Сухановым, что Рикардо «не утверждал никогда, что сначала всегда обрабатываются лучшие земли, а потом худшие» (стр. 62).

«Если бы можно было в течение определенного времени употреблять капитал без уменьшения выручки на старых землях, то рента вовсе не могла бы возрастать» (Рикардо, «Начала...»). Рикардо, как видим, не сумел теоретически об'яснить повышение земельной ренты без того, чтобы не опираться на «закон» убывающего плодородия земли. Он не сумел согласовать теорию ренты с ростом производительных сил земледелия. Но земельная рента в своей массе, по Рикардо, имеет историческую тенденцию к возрастанию. Так, например, в «Началах» он пишет: «Я старался показать в этом сочинении, что падение заработной платы имело бы своим последствием только повышение прибыли. А всякое повышение прибыли способствует накоплению капитала и дальнейшему возрастанию населения, и, следовательно, по всей вероятности, в конце концов, ведет к возрастанию ренты» (стр. 283).

На исторической тенденции ренты к повышению Рикардо построил всю динамику распределения общественного дохода между различными классами общества. Поэтому отрицать «закон» убывающего плодородия почвы в теории ренты Рикардо значит не знать или не понимать всей теоретической концепции Рикардо.

Рикардо, хотя и дал механизм образования земельной ренты, понимая под ней дополнительную прибыль, т.-е. неоплатный труд, однако т е о р е т и ч е с к и об'яснить природу земельной ренты, как дополнительной прибыли, как неоплаченного труда, не сумел.

Вывод же, что всякий земледельческий капитал, безотносительно к различиям в естественных производительных силах земли, с которой он соединен, может дать дополнительную прибыль только в том случае, когда продукты с. х. будут продаваться по монопольной цене, т.-е. выше стоимости, означал бы, что область земледелия исключается из-под действия закона стоимости, из которого как раз выходит в своем исследовании законов земельной ренты. Поэтому Рикардо отвергает возможность существования ренты на худших участках земли, т.-е. возможность существования абсолютной земельной ренты, и рассматривает дифференциальную ренту, как единственный вид земельной ренты.

* * *

Но если у Рикардо отрицание абсолютной земельной ренты само собой логически вытекало из неправильных, им принятых, предпосылок, то нападение Н. Суханова на теорию абсолютной ренты Маркса не об'яснимо никакими логическими соображениями. Разве только тем об'яснить, что у Рикардо не было такой теории, последователем которой об'явил себя автор?

На самом деле, что стоят те два довода, которые он выдвигает против абсолютной ренты Маркса? Первый из этих доводов сводится к тому, что частная собственность на землю ни в какой степени не препятствует передвижению капиталов в земледелие, чтобы свести на нет дополнительную прибыль на капитал, применяемый на худшие сорте земли.

Как бы предвидя обильное количество дешевых критиков, Маркс писал: «Как относительная граница, она (т.-е. земельная собственность. *Я. Б.*) продолжает еще действовать и после этого в том смысле, что переход к земельному собственнику того капитала, который вложен

в землю, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы» (Капитал, III т., II ч., стр. 300).

Подобные же препятствия дополнительным затратам капитала на старых арендах земельная собственность ставит еще и потому, что дополнительно затраченный капитал, по своей производительности ничем не отличающийся от первоначального капитала на худшем сорте земли, не дает никакой добавочной прибыли, т.-е. дифференциальной ренты II. До этой предельной затраты дополнительные вложения капитала возможны; если же затраты будут производиться и дальше, то это будет означать, что начинается процесс превращения дифференциальной ренты в среднюю прибыль. Но такой процесс натыкается на определенные границы частной собственности, зафиксированные в арендном договоре в виде размера арендной платы.

Следовательно, если возрастающая общественная потребность требует все дальнейших и дальнейших затрат капитала, то они могут производиться только при возрастающих ценах на хлеб. Но это означает, что создаются условия для вступления в обработку более худших сортов земли и образования абсолютной земельной ренты.

А что общественная потребность не удовлетворяется продолжительными затратами капитала на прежних арендах, доказывает тот простой эмпирический факт, что в каждый данный момент вы имеете под обработкой наряду с лучшими землями также и худшие. Утверждение автора, что «аренда такой земли, приложения к которой отдельных частей капитала будут одинаковы и наименее производительны, здесь невозможна» (стр. 49), настолько фантастично, что не нуждается в опровержениях. Подумать только, раз где-либо отсутствует аренда, там быть самой худшей земле! Подумать только, что цены на хлеб определяют земли, обрабатываемые исключительно самими собственниками!

Ну, а раз худшие земли не доступны аренде, раз исключена «возможность существования арендных отношений везде и всегда при капиталистическом частном землевладении», то, естественно, не зачем иметь теорию абсолютной земельной ренты, и напрасно Маркс трудился над этой проблемой. Поэтому Н. Суханов в заключение советует нам «самый термин этот упразднить, и это понятие из'ять из обращения».

Второй довод Н. Суханова против абсолютной ренты Маркса сводится к утверждению, что органическое строение земледельческого капитала не ниже среднего строения общественного капитала. «Этого уже достаточно для того, чтобы «исчезла соответствующая форма ренты» как плод совершенно нереальных предположений Маркса (стр. 26).

Отпадает ли, однако, принимая даже это утверждение Н. Суханова, теория абсолютной ренты Маркса?

Нет. По Марксу, с повышением строения земледельческого капитала выше среднего общественного абсолютная рента не исчезает вообще, а лишь меняет форму. Рента в этом случае,—говорит Маркс,—может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта». Абсолютная рента из одной формы воплощается в другую и начинает тогда питаться уже не только прибавочной стоимостью, созданной в земледелии, а во всем народном хозяйстве. «Абсолютная рента,—определяет Маркс,—или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта».

Таким образом второй довод Н. Суханова бьет мимо цели. Абсолютная рента Маркса остается целой и невредимой в результате артил-

лерийской бомбардировки ее со стороны Н. Суханова. Но кто пострадал, так это сам автор и его собственный труд. «Отрицание абсолютной ренты,—говорит Ленин,—есть отрицание экономического значения частной поземельной собственности при капитализме. Кто признает только существование дифференциальной ренты, тот неизбежно приходит к выводу, что условия капиталистического развития совершенно не изменяются в зависимости от того, будет ли земля собственностью государства или собственностью частных лиц... Понятно, что подобная теория должна вести к отрицанию всякого значения национализации, как меры, влияющей на развитие капитализма в смысле его ускорения... Ошибочное отрицание абсолютной ренты,—пишет дальше Ленин,—этой формы реализации частной поземельной собственности в капиталистических доходах, привело к одному важному недостатку с.-д. литературы и всей с.-д. позиции по аграрному вопросу в русской революции. Вместо того, чтобы взять в свои руки критику частной собственности на землю, вместо того, чтобы поставить эту критику за основу экономического анализа, анализа определенной экономической эволюции — наши с.-д., идя за Масловым, отдали эту критику в руки народников. Получилось сугубое теоретическое опошление марксизма и извращение его пропагандистских задач в революции. Критика частной собственности на землю в думских речах, в пропагандистской литературе и т. д. велась только с народнической, т.-е. мещанской, quasi-социалистической, точки зрения. Выделить реальное ядро из этой мелко-буржуазной идеологии марксисты не умели, не поняв своей задачи внести исторический элемент в рассмотрение вопроса и точку зрения мелкого буржуа (отвлеченная идея уравнительности, справедливости и т. п.) заменить точкой зрения пролетариата на истинные корни борьбы против частной собственности на землю в развивающемся капиталистическом обществе» (Собр. соч., т. IX, стр. 520 и 522).

Все сказанное Лениным в этой цитате, с начала до конца, должно быть отнесено по адресу Н. Суханова. Отрицая абсолютную ренту, как плод «нереальных» предположений Маркса, Н. Суханов окончательно становится на теоретическую почву народничества. «Марксист» Н. Суханов точку зрения пролетариата заменяет мелко-буржуазной, мещанской точкой зрения. «Марксист» Н. Суханов—идеолог мелкой буржуазии.

* * *

Приняв теорию земельной ренты Рикардо, с его пресловутым «законом» убывающего плодородия почвы, Н. Суханов пытается решить проблему земельной ренты в условиях хозяйства переходного периода, чтобы из этого решения вывести принципы земельного обложения.

Чем является новый земельный строй в понимании Н. Суханова? «Октябрьская революция создала,—отвечает он,—в нашей деревне мелко-буржуазный строй—не больше». Такое понимание перемен в деревне характерно и вполне законно для мелкого буржуа, характерно для захудалого крестьянина, который, обычно, не поднимается выше своей деревенской среды, но не для марксиста.

Всякие перемены в деревне должны оцениваться под углом зрения **совокупности** перемен, произведенных революцией во всей политической и экономической структуре страны: и в деревне, и в городе. Всякая попытка решить ту или иную проблему деревни изолированно от тех новых особых условий, в которые она поставлена революцией, будет в основе своей ненаучна и, как таковая, наперед обречена на неудачу.

Н. Суханов не сумел или, вернее, не хотел учесть того факта, что новые условия, в которые поставлена мелко-буржуазная деревня Октябрьской революцией, уже теперь способствуют постепенному «превращению мелкого самостоятельного хозяйчика в государственного работника на всенародной земле».

Исходя в своем исследовании принципов земельного обложения из мелко-буржуазного строя, как основной предпосылки и конечной цели, он говорит: «речь именно и идет о политике по-революционного, нового государства по отношению к мелко-буржуазному строю». Его политика должна «логически завершить новый аграрный строй» (стр. 127). А так как «прежде всего в основе и в духе нового законодательства о земле лежит признание равного права на землю каждого гражданина и работника» (стр. 76), то логическое завершение этой «основы» не может означать что-либо другое, кроме как создание на грешной сей земле идеального мелко-буржуазного строя. Здесь дана, таким образом, формулировка программы-максимум экономической политики мелкого буржуа вообще и мелкого крестьянина в частности. «Марксист» Н. Суханов выступает перед нами в качестве теоретика экономической политики мелкой буржуазии.

Неправильная основная предпосылка приводит Н. Суханова к неправильному пониманию принципов земельного обложения в условиях хозяйства переходного периода.

«Взимание налога сверх ренты,—пишет Н. Суханов,—есть обложение прибавочного труда, т.-е. эксплоатация государством работника, как такового. Современные отношения очень далеки от социализма, но социализм и устранение эксплоатации труда есть цель современного государства трудящихся. Вполне естественно и необходимо стремиться реализовать тот максимум принципов социализма, который совместим с наличными об'ективными условиями. Соответственно этому, уже современное государство должно преследовать создание таких норм, чтобы при функционировании частно-предпринимательского капитала и при наличности эксплоатации с его стороны,—по крайней мере со стороны государства, в лице центральной власти или местных органов, не было покушений на прибавочный труд работника. Пусть прибавочный продукт отбирается у крестьян по независящим от рабочего государства обстоятельствам, а не в силу установленных им законов. Поэтому земельное обложение не должно касаться прибавочного труда, оно должно быть рентным и только рентным» (стр. 87). А прибавочный продукт улавливается прогрессивно-подоходным налогом. Следовательно, Н. Суханов в принципе против прогрессивно-подоходного налога по отношению к крестьянству.

Таким образом, Н. Суханов выступает перед нами, как приверженец мелко-буржуазного социализма, как защитник лозунга: «право работника на полный продукт своего труда», лозунга консервативного и утопического по своему существу.

Как мелкий буржуа, насквозь дуалистичный, Н. Суханов раздираем противоречием между теорией и практикой, между идеалом и действительностью, между словом и делом. С точки зрения «теории земельного обложения»—кроме ренты или независимо от размера ренты, налога с земли взиматься не должно» (стр. 85). Но «с точки зрения практической финансовой политики тут нет ничего страшного... в виде налога—по закону—может быть конфискован в той или иной

части и нормальный (по отделении ренты) прибавочный продукт. Нужды государства могут требовать от земледельца и гражданина и не таких жертв» (стр. 87).

Коммунистический строй отделен от капиталистического целой эпохой общественных сдвигов и хозяйственных преобразований. В этой эпохе заложены в потенции две возможности: возможность перехода к коммунизму и возможность обратного перехода к капитализму при неудачном хозяйственном и политическом маневрировании.

И если мы последуем советам Н. Суханова и не будем вмешиваться в процессы капиталистического накопления, олицетворяемые представителями торгового и ростовщического капитала, то в этом случае мы будем вести чисто капиталистическую политику и передвигаться не к коммунизму, а обратно к капитализму. Такая политика должна быть решительно отвергнута, как контр-революционная по своему существу.

С другой стороны, подготовка и создание технической базы коммунизма немыслимы без социалистического накопления, и поэтому мы решительно отвергаем консервативный мелко-буржуазный лозунг—«право работника на полный продукт своего труда». Общество не может существовать без производства и воспроизводства, а прогрессирующее общество не может существовать без производства и расширенного воспроизводства. Поэтому не только в переходную эпоху, но и в коммунистическом обществе накопление жизненно необходимо; это азбучная истина для всякого марксиста.

Отсюда сами по себе логически вырисовываются наши расхождения с Н. Сухановым по вопросу о назначении и распределении собранного рентного налога. Для Н. Суханова, «с точки зрения принципиальной, обложение земельной ренты должно, во-первых, уравнять самих земледельцев между собой, т.-е. уравнять их в правах на общественное благо в виде земли. Обложение земельной ренты есть вполне реальный способ борьбы с незаслуженными привилегиями отдельных групп земледельцев в интересах всего класса. А, во-вторых, обложение земельной ренты, с принципиальной точки зрения, должно уравнять фактических пользователей земли со всем остальным населением... В сущности, ведь только в этом и может проявиться факт отмены частной собственности и землю» (стр. 77 и 78). Вывод вполне логически выведен из основной предпосылки, и поэтому грешит теми же непростительными недостатками, чем сама предпосылка.

Мы, исходя из выше установленной предпосылки, приходим к совершенно другому выводу. Для нас земельная рента не является средством осуществления мещанской справедливости и равенства на земле. Наша основная цель—строительство коммунизма, постепенное вовлечение мелкого крестьянина в крупное общественно-организованное производство; одно из средств для достижения этой цели—это взимаемый с крестьян единый с.-хоз. налог. Неустанное усиление государственно-организованного крупного хозяйства за счет частного, социалистического за счет капиталистического—вот единственный критерий для назначения и распределения сельхозналога.

И, конечно, задача распределения налога по назначению, чрезвычайно сложная и ответственная, может быть поручена, и по силам, единственно центральной власти.

Н. Суханов горячо оспаривает и это право. И здесь он допускает чудовищную ошибку, противопоставляя местные органы власти центральным. «Весь земельный налог должен целиком распределяться между местными органами государства, а не итти на питание его централь-

ного аппарата. Местные же органы по существу своему призваны служить именно ближайшим экономическим и культурным потребностям населения и в настоящее время» (стр. 119).

Отсюда вытекает определенная система распределения рентного налога, которую автор описывает следующим образом:

«Равное право всех граждан на земельную ренту осуществляется в хозяйственной деятельности поставленных ими органов местного управления, для чего органы эти получают рентный доход в равном размере по расчету на каждого жителя обслуживаемой данным органом территории; равномерность же в распределении ренты между гражданами практически достигается взаимоотношениями между различными ступенями органов самоуправления, из которых более крупные отбирают у непосредственно более мелких органов излишки в их рентных доходах сверх установленной нормы на жителя и возмещают недостатки в их доходах до указанной нормы» (125 стр.).

Нельзя найти более яркого примера, чем данная схема распределения, для иллюстрации тех утопических выводов, к которым приходят теоретики мелко-буржуазного социализма. «Полная академичность и нереальность их совершенно» очевидна.

* * *

Подводя итоги, надо отметить следующее: проблему «об условиях пользования для индивидуальных хозяев национализированной землей» автор разрешает введением рентного обложения и обращением целиком всей ренты «на общественные потребности». Этим путем, по мнению автора, достигается «реализация новых основ нового земельного строя», которые сводятся к избитому мелко-буржуазному лозунгу уравнительности, лежащему в основе всех аграрных теорий народников. В условиях хозяйства переходного периода, когда правильность теоретических лозунгов стала проверяться на практике, на конкретном строительстве,—лозунг Н. Суханова по мере своего развертывания в конкретном плане хоз. политики все больше и больше стал обнаруживать свою истинную природу, утопичность и абстрактность его стала выпирать наружу через все поры теоретической концепции автора, вступая в неразрешимые конфликты с конкретной экономической и политической действительностью.

Сам автор пессимистично смотрит на будущее своего труда и не претендует на многое. «Все вышеизложенное,—заканчивает он книжку,—имело целью наметить теоретические основы» рентного обложения. «Пусть в том виде, в каком они изложены, они не имеют шансов когда бы то ни было воплотиться в жизнь. Совсем не в этом дело. Если они дадут правильный теоретический базис для суждений о земельной ренте, то этого будет за глаза достаточно». Но, к сожалению, мы даже с такой скромной оценкой своего труда автором не можем согласиться. Автору не удалось ни установить правильных принципов земельного обложения, ни дать нам теоретического базиса для «суждений о земельной ренте». Как теория ренты, так и принципы земельного обложения являются живым воплощением всего ненаучного, немарксистского и утопического.

Надо ли еще удивляться тому, что «некоторые профессора, в эпоху столыпинской реакции, решились даже рекомендовать эту книжку для руководства студентам»?

Я. Берзтыс.

Редактор: **Редакционная Коллегия.**

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 3

МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА — 1925